

XIV 199
1

1960

~ 91

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ СССР
91

Д. А. КРАЙНОВ

ПЕЩЕРНАЯ СТОЯНКА ТАШ-АИР I
КАК ОСНОВА ДЛЯ ПЕРИОДИЗАЦИИ
ПОСЛЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ
КУЛЬТУР КРЫМА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 91

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1960

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР, № 91

XIV 199
I

Д. А. КРАЙНОВ

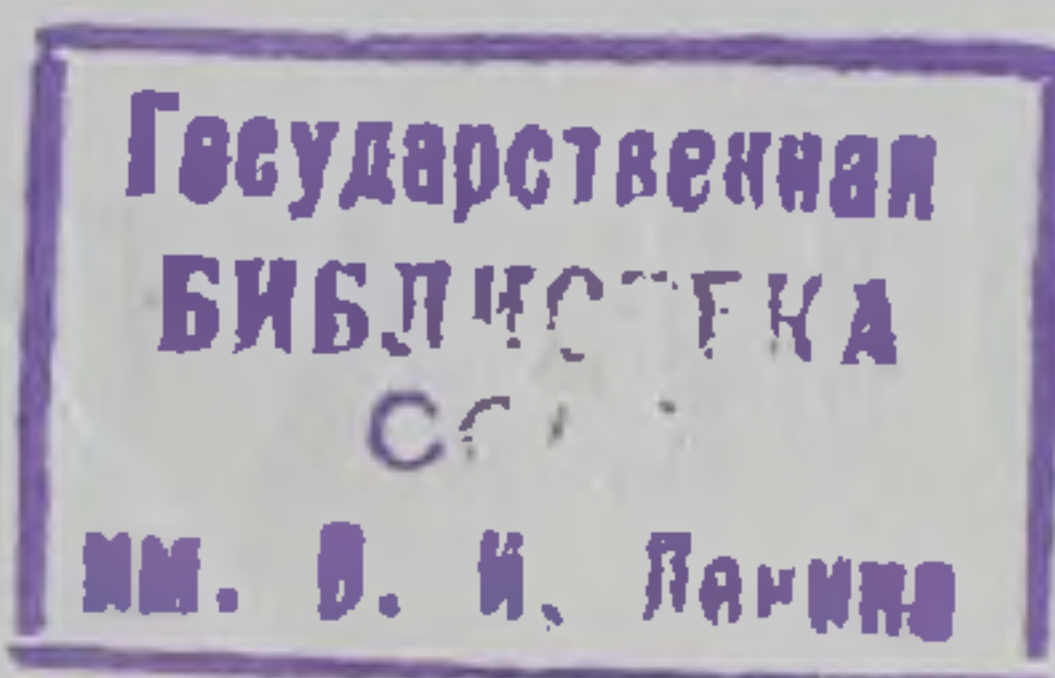
**ПЕЩЕРНАЯ СТОЯНКА
ТАШ-АИР I
КАК ОСНОВА ПЕРИОДИЗАЦИИ
ПОСЛЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ
КУЛЬТУР КРЫМА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1960

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

О. Н. БАДЕР

И-60-13332

ОТ АВТОРА

Горный Крым чрезвычайно богат памятниками различных исторических эпох. Природные и климатические условия благоприятствовали поселению здесь человека с глубокой древности. Наличие большого количества пещер, навесов, гротов и убежищ под скалами давало людям возможность использовать их для жилья и укрытия от холода и непогоды. Во многих пещерах и навесах имеется по несколько культурных наслоений — свидетелей различных эпох древнейшей истории Крыма. Поэтому Горный Крым является одним из наиболее благоприятных районов для изучения истории первобытного общества в СССР. Исследование археологических памятников Крыма, начавшееся в конце прошлого столетия и особенно сильно развившееся за годы Советской власти, дало к настоящему времени прекрасные результаты. Изучено и обследовано свыше 100 памятников, относящихся к эпохам палеолита, мезолита, неолита и бронзы.

Благодаря работам таких исследователей, как Г. А. Бонч-Осмоловский, Б. С. Жуков, Н. Л. Эрнст, С. Н. Бибииков, О. Н. Бадер, М. В. Воеводский, Е. А. Векилова, А. А. Формозов, а также других ученых, накоплен большой материал и выяснены многие сложные вопросы в развитии палеолитических и послепалеолитических культур. Но наряду с этим остаются нерешенными многие проблемы, к числу которых относятся проблемы мезолита и неолита Крыма.

В 1935 г. Государственный Исторический музей начал систематическое изучение стоянок первобытного человека в Бахчисарайском и Куйбышевском районах Крыма. За годы исследований, продолжавшихся с 1935 по 1940 г., было открыто и раскопано несколько пещерных стоянок. Наиболее интересными оказались многослойные памятники Таш-Аир I и Замиль-Коба II. Благодаря многослойности и одинаковой последовательности в расположении и смене культурных остатков они могут служить основой для периодизации послепалеолитических культур Крыма.

Монографическому описанию пещерной стоянки Таш-Аир и вопросам периодизации послепалеолитических культур Крыма и посвящена предлагаемая книга.

Описание культурных наслоений Таш-Аир I заканчивается характеристикой слоя V в; более поздние слои получили лишь самую краткую характеристику.

Для более полного освещения поставленных вопросов нами привлечен материал и из других крымских стоянок, а также памятников Украины, Дона, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа, относящихся к этому же времени.

Наряду с основными задачами в работе делается попытка выяснить некоторые вопросы, связанные с происхождением и развитием животноводства в Крыму. Выводы по этой проблеме делаются на основе определений костных остатков Таш-Аир I, произведенных Е. Л. Дмитриевой — научным сотрудником Института палеонтологии АН СССР при консультации доктора биологических наук В. И. Громовой. Результаты определений и соответствующие таблицы, которые помещены в конце этой книги, составляют содержание статьи Е. Л. Дмитриевой.

В заключение, быть может, не лишне упомянуть, что все основные выводы по периодизации послепалеолитических культур Крыма, выделению неолита Крыма, равно как и по вопросу о происхождении животноводства в Крыму, сложились у автора этой книги еще в конце тридцатых годов, но, к сожалению, не получили в свое время достаточного оформления в печати.

Глава I

НАВЕС ТАШ-АИР I И ЕГО ИЗУЧЕНИЕ

Стоянка Таш-Аир I находится на правом берегу р. Качи, на середине дороги между деревнями Предущельное и Баштановка, приблизительно в 6 км на юго-восток от Бахчисарая, в западной части Горного Крыма.

Как известно, Горный Крым составляет около пятой части площади всего полуострова, т. е. несколько более 5 тыс. кв. м. Его три горные гряды высотой 1545, 723 и 300 м, имеющие протяженность немногим более 150 км и ширину около 50 км, сравнительно хорошо обеспечены водой. Если не считать горных пастбищ на плоскогорьях первой гряды, все три гряды покрыты широколиственными лесами.

Река Кача, протекая по юго-западной части Крыма, прорезает все три гряды Крымских гор. За время своего существования она образовала одну из лучших долин Крыма, представляющую значительный интерес для геологов и археологов. Скалистые и холмистые берега реки несут следы различных геологических эпох. Отложения четвертичного периода в виде выходов глин, суглинков, галечников и пр. встречаются здесь на террасовых уступах, в скалистых расселинах и пещерах. Относительно хорошая изученность рельефа речных долин Крыма значительно облегчает поиски и исследование древнейших стоянок человека.

Археологическое обследование долины Качи (рис. 1), было начато в конце 70-х годов прошлого столетия К. С. Мережковским. В его работах имеется упоминание о памятнике палеолитической древности — Качин-

ском навесе¹ (рис. 2). В 1928 г. Т. Ф. Гелах² производил разведки по всей долине, но древних памятников не обнаружил. Поздние археологические памятники, которыми долина насыщена³, неоднократно обследовались и изучались археологами⁴.

В 1935 г. Государственный Исторический музей предпринял систематическое изучение долины с целью выявления памятников времени палеолита, неолита и эпохи бронзы. За шесть лет работы этой экспедиции были открыты и обследованы такие памятники, как мастерская кремневых орудий на холме Узонлар, могильник у дер. Баштановка, стоянки Таш-Аир I, Таш-Аир II, Таш-Аир III и др.⁵

Наиболее интересным местом в археологическом отношении оказалось урочище Таш-Аир («Камень — отделился — упал»), расположенное на правом берегу Качи, на территории совхоза «Коминтерн». Урочище характеризуется большим нагромождением обломков скал и камней, отделившихся от общего массива, по-видимому, во время

¹ К. С. Мережковский. Отчет об антропологической поездке в Крым. «Изв. импер. Русск. геогр. об-ва», т. XVII, вып. II, 1881.

² Т. Ф. Гелах. Археологические разведки в Крыму летом 1926 г. «Тр. Секции археологии РАНИОН», вып. IV, 1929, стр. 120.

³ Пещерные города Качи-Кальён и Тепе-Кермен, средневековые, греческие и татарские кладбища и т. д.

⁴ Н. И. Репников, Е. В. Веймарн, П. П. и В. П. Бабенчиковы и др.

⁵ Отчеты Д. А. Крайнова за 1935—1940 гг. Архив ЛОИИМК.

одного из древних землетрясений (рис. 3). Здесь, вдоль дороги, в небольшой узкой балке, в скалистых обнажениях известняков

ных. Раскопки обнаруженной здесь стоянки начаты были только в 1938 г. и продолжались в 1939 и 1940 гг. За эти годы в исследо-

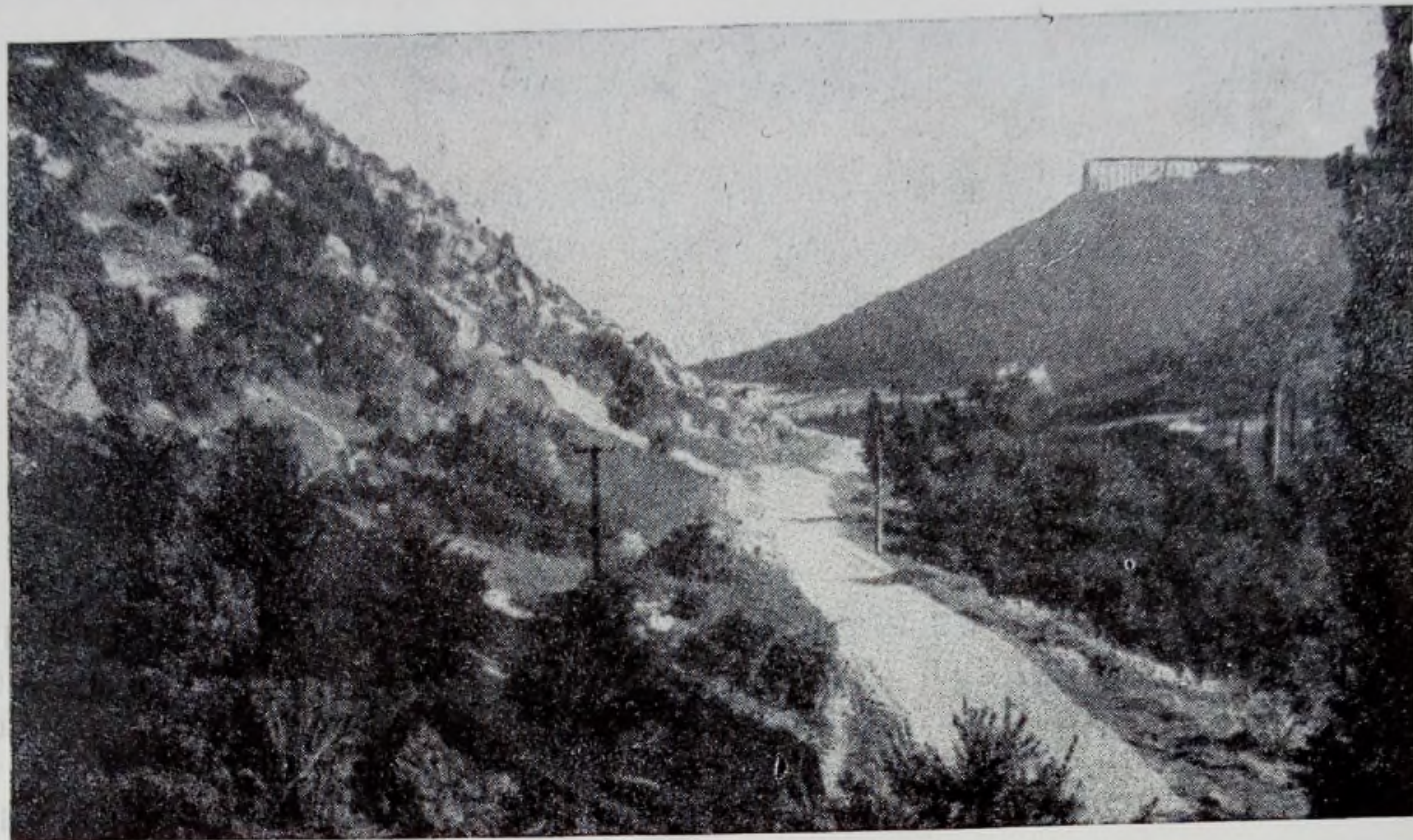

Рис. 1. Вид долины р. Качи — около урочища Таш-Аир.

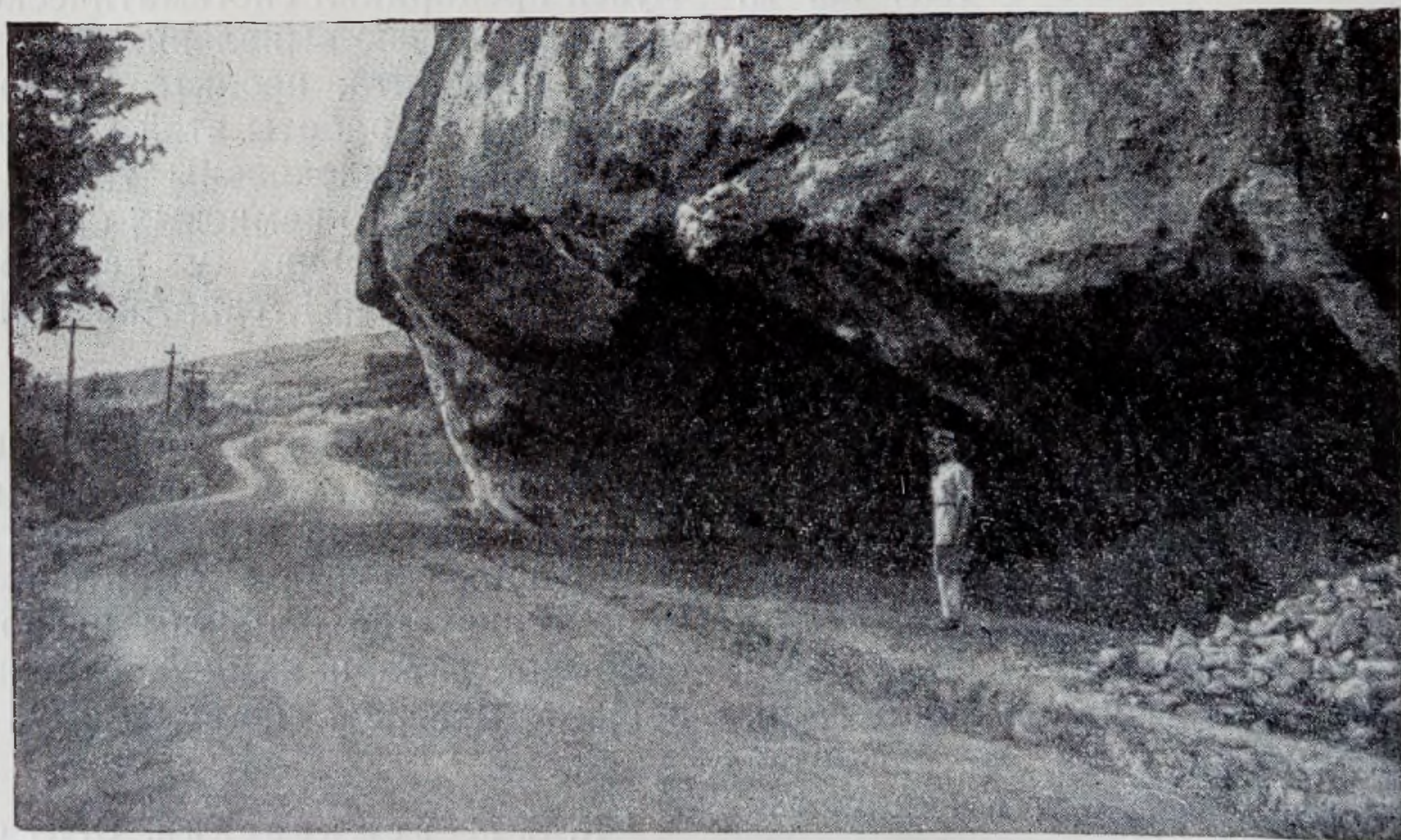

Рис. 2. Качинский навес.

имеется несколько естественных убежищ — навесов и гротов (рис. 5).

В 1935 г. на стене навеса Таш-Аир I нами были открыты рисунки выполненные красной краской, и в срезе у дороги найдены кремневые орудия, керамика и кости живот-

вании стоянки принимали участие в качестве консультантов, научных сотрудников и лаборантов следующие лица: С. Н. Замятин, Г. Ф. Вебер, П. П. Бабенчиков, А. А. Крайнов, Н. Д. Воскресенский, П. А. Крайнова, Г. В. Ильин и др.

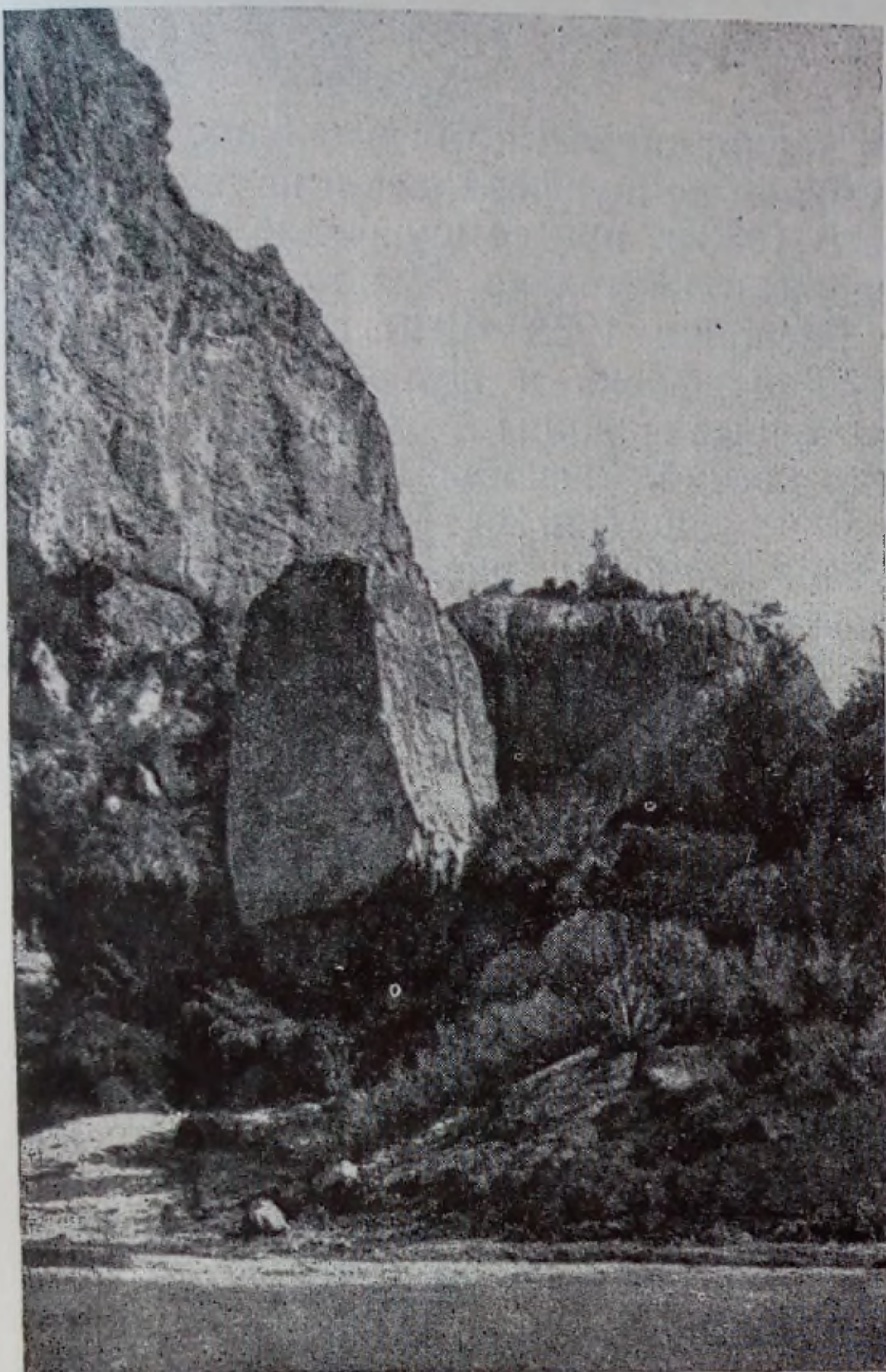

Рис. 3. Нагромождение камней в урочище Таш-Аир.

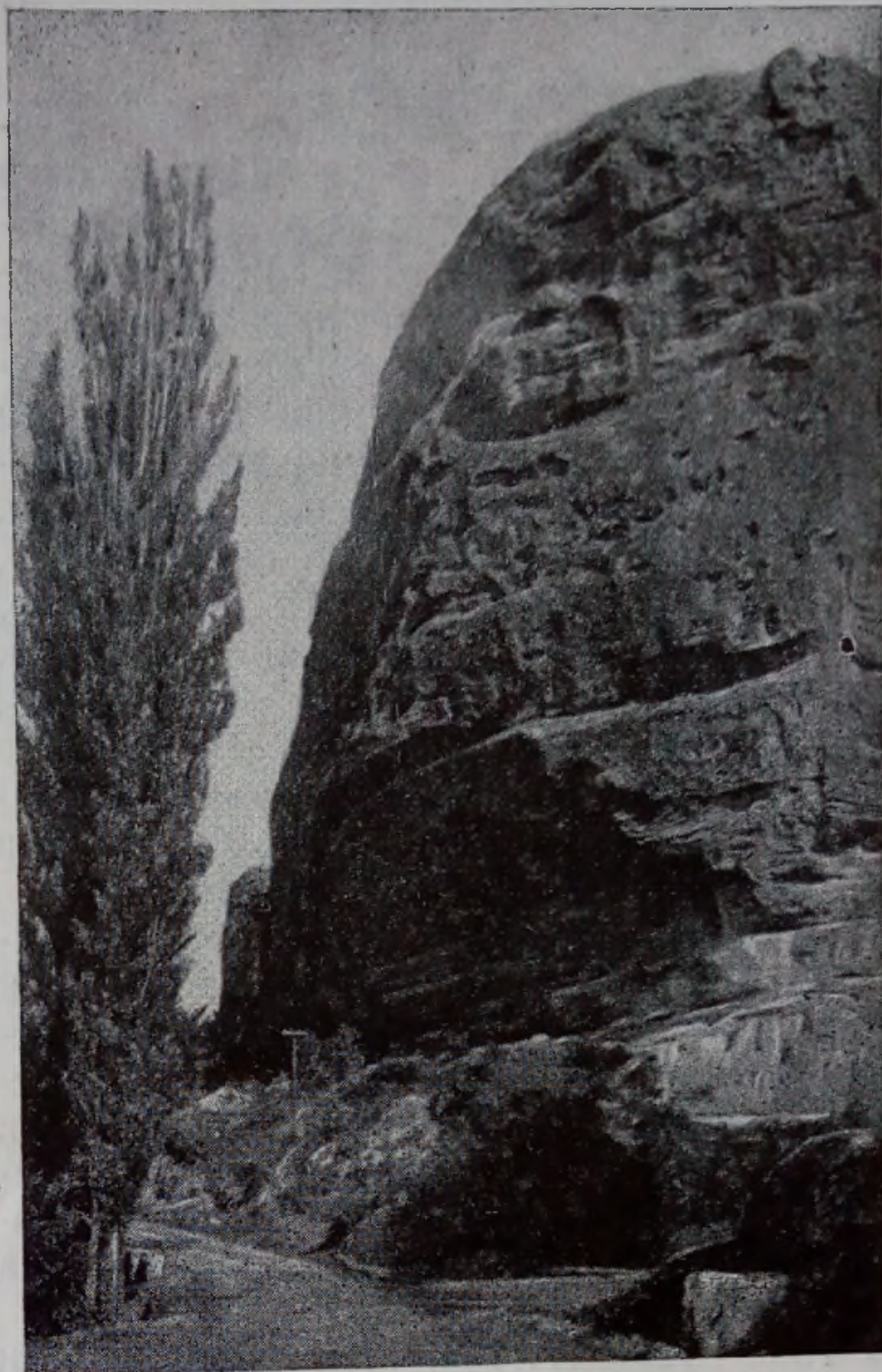

Рис. 4. Навес Таш-Аир I.

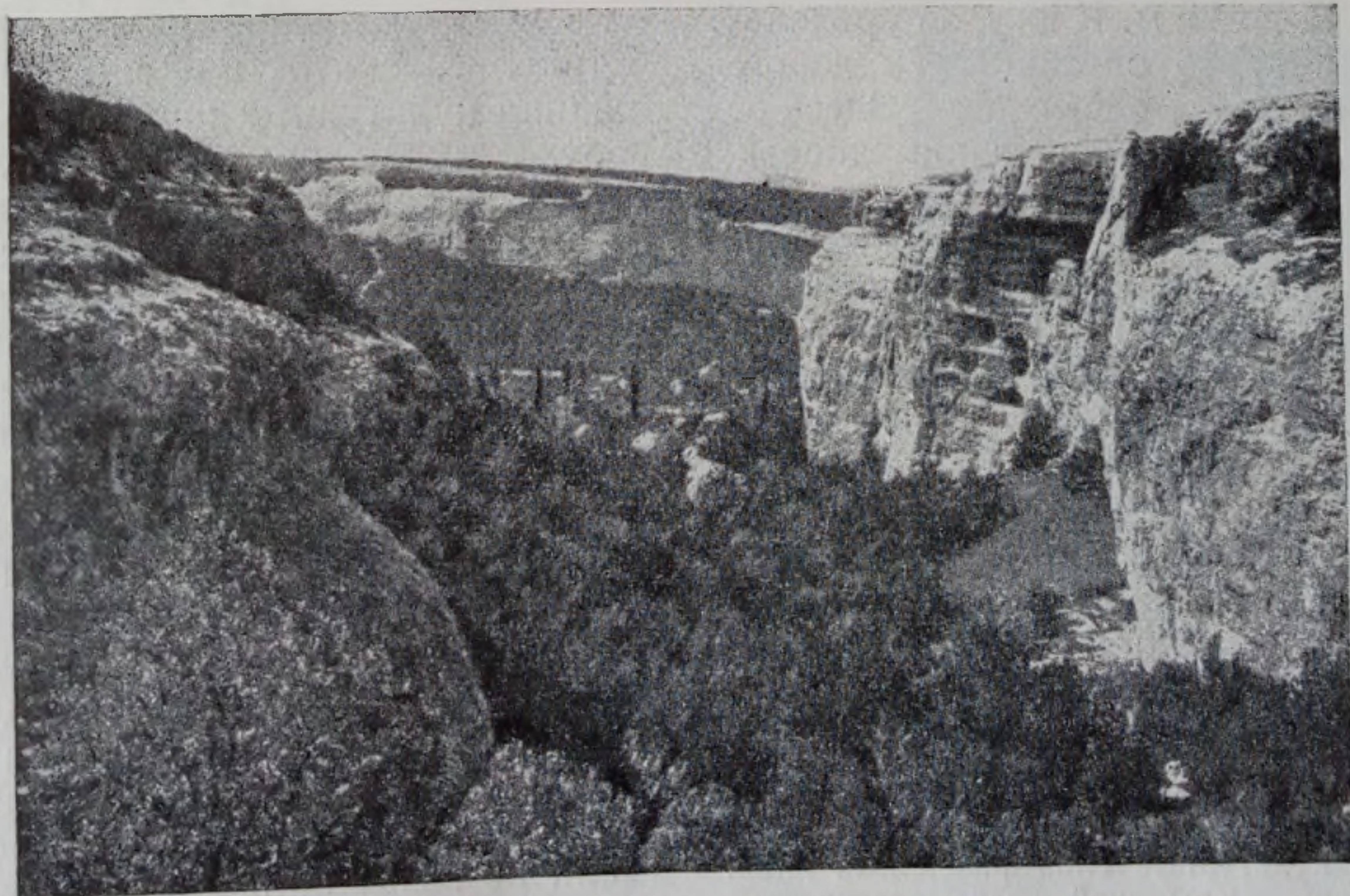

Рис. 5. Вид на балку Таш-Аир.

Навес Таш-Аир I расположен в скалистом склоне правого берега Качи, почти около дороги из Бахчисарая в дер. Шелковичное (б. Коуш) (рис. 4 и 6)⁶. Он представляет собой большое естественное убежище, длина которого достигает 65 м, глубина от 2 до 10 м, высота навеса в средней части очень велика. Внутри навеса, в западной стороне, имеются два небольших грота. Длина грота № 2 около 9 м, глубина 3 м, высота от 1,6 до 3,1 м. Грот № 2, очевидно, в средневековье был расширен человеком. Внутри его — выбитые каменные сиденья, перед гротом — остатки ограждавшей его стены, сложенной из крупного тесаного камня (рис. 7). Внутри гротов почвы и наносов не оказалось. Устье навеса открыто на юг.

Судя по толще отложений и другим признакам, образование навеса относится к глубокой древности. За время своего существования он подвергся значительным изменениям под влиянием сил природы и рук человека. Еще в древности вследствие землетрясения произошел большой обвал потолка навеса⁷. Гряда упавших скал видна в его восточной части (рис. 8).

В 1934—1935 гг. при проведении дороги была уничтожена путем взрыва часть восточной стены навеса. По-видимому, в древнее время он был более удобен для жилья.

Перед навесом и внутри его расположена довольно большая площадка длиной 65 м и шириной от 15 до 25 м. К югу, за пределами навеса, она круто опускается к дороге (рис. 4) и у последней обрывается. Здесь ее край был срезан при проведении дороги. Высота срезов на всем протяжении площадки различна — от 1 до 3 м. По обнаженному срезу видны только верхние культурные наслоения. К востоку площадка круто спускается в небольшую ложину (устье балки), прорытую ручейком, вытекающим из источника Таш-Аир, находящегося в 15 м от навеса. К западу площадка, постепенно возвышаясь, уходит далеко, образуя склон от скал к дороге. Восточная и юго-восточная части площадки сильно испорчены ямами для добывания камня.

⁶ Постройка дороги начата в 1934 г. Благодаря ее проведению была обнажена значительная часть склонов от дер. Предущельное до с. Кудрино. В срезах видны культурные слои различных эпох.

⁷ По сведениям Крымской сейсмологической станции, очень крупное землетрясение приурочивается приблизительно к V—IV тысячелетию до н. э.

До предпринятых нами исследований стоянка никем не шурфовалась и не раскапывалась. В 1938 г. при ее шурфовке нами было прослежено несколько культурных наслоений. Раскопки 1938—1940 гг. подтвердили данные шурфовки и позволили установить более точные границы и количество культурных наслоений. Раскопки велись в центральной части площадки. За три года было вскрыто свыше 300 кв. м (рис. 9).

Раскопки пещерных стоянок представляют огромные трудности по сравнению с раскопками стоянок открытого типа. Наличие большого количества камней, смывы и смещения почвы, покатость площадок, многослойность, неодинаковая мощность культурных наслоений внутри навеса и на площадке и т. д. — все это крайне усложняет понимание стратиграфии памятников, затрудняет изучение чередования культурных наслоений. Поэтому вскрытие наслоений большими площадями невозможно в условиях пещерных стоянок Крыма. Приходилось применять совершенно иную методику — вести работы сравнительно небольшими квадратами послойно, оставляя между ними контрольные узкие перемычки. Такая методика раскопок имеет свои преимущества перед первой, т. е. вскрытием больших площадей. Наличие перемычек дает возможность установить точные профили для небольших участков, а также контролировать правильность выемки материала по горизонтали и вертикали. Покатость площадки, небольшая толщина культурных наслоений, ямы и т. д. требуют кропотливой работы на небольшом участке, тогда как при раскопке большой площадью все слои могли оказаться перепутанными. Раскопки затруднялись и наличием значительного количества каменных глыб и мелких камней, упавших с потолка навеса. Но благодаря нашей методике раскопок удалось не только проследить последовательность в смене культурных наслоений, но и исследовать поверхности жилых площадок и расположение на них различных бытовых памятников, скоплений костей и предметов домашнего обихода.

Большая площадь раскопа позволила почти полностью проследить напластования стоянки от стены навеса до дороги, которые имели не везде одинаковую мощность: толщина наносов колеблется от 20 см до 4,5 м и чем ближе к дороге, тем она значительнее.

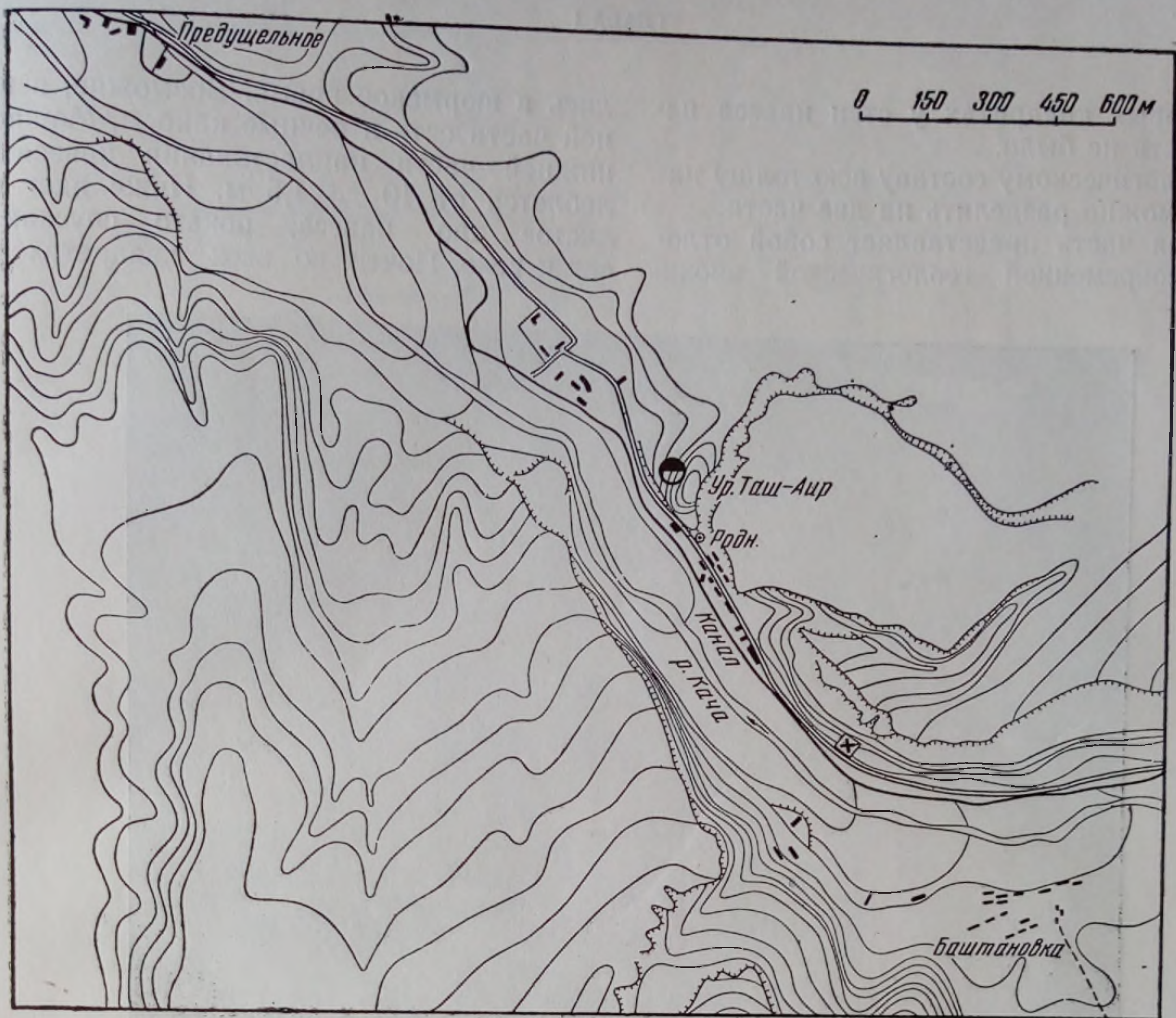

Рис. 6. Место расположения стоянки Таш-Аир I.

На плане оно обозначено знаком ●, а знак ◆ обозначает место пещерного города.

Рис. 7. Остатки каменной стены у грота № 2 в навесе Таш-Аир I.

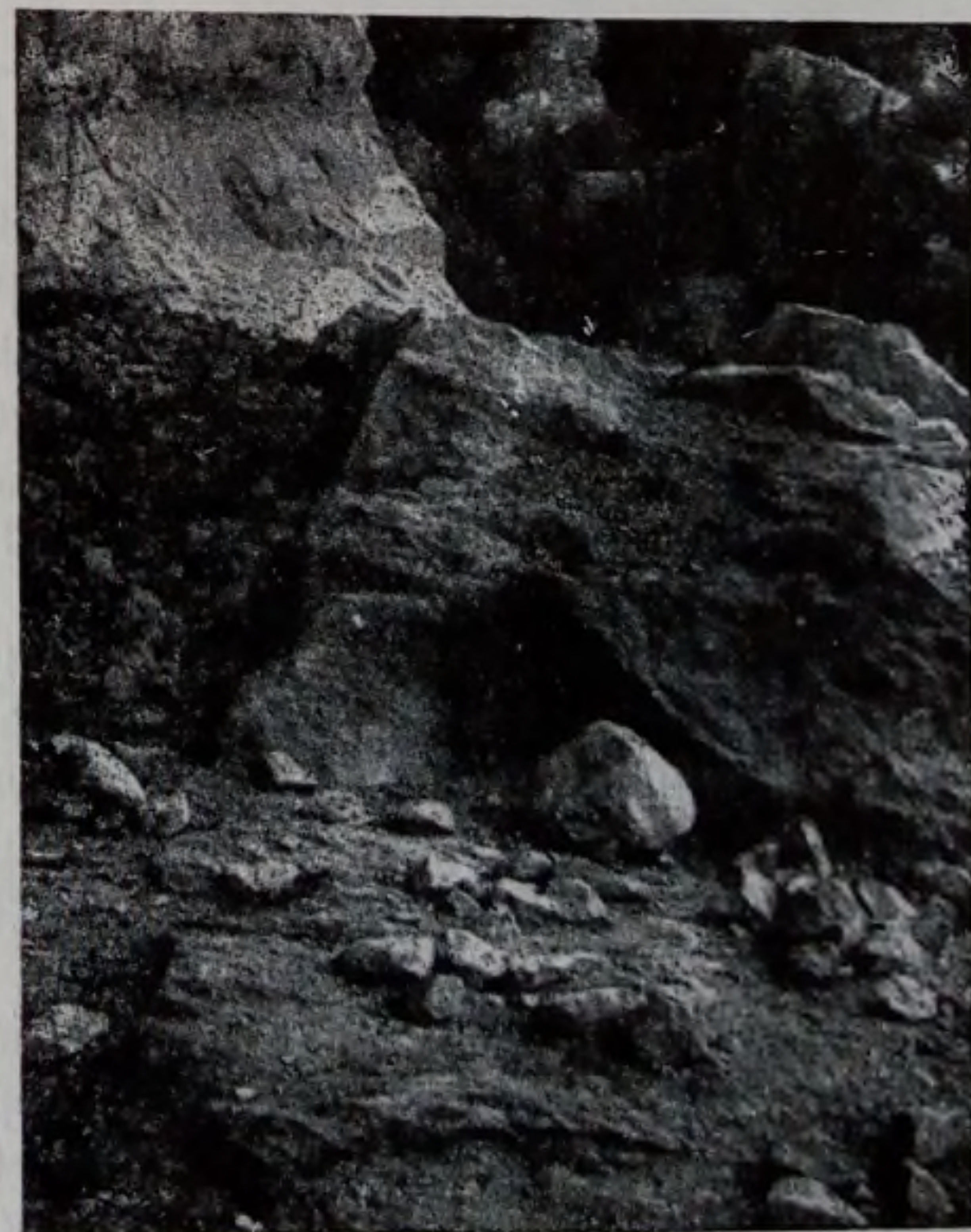

Рис. 8. Гряда камней, упавших с потолка в восточном углу навеса Таш-Аир I.

В некоторых квадратах у стен навеса наносов почти не было.

По геологическому составу всю толщу наслоений можно разделить на две части.

Верхняя часть представляет собой отложения современной геологической эпохи.

лись в вюрмское время. Возможно, в нижней части есть и речные наносы. Мощность нижней части напластования навеса колеблется от 10 до 1,5 м. Ниже идет скалистое дно навеса, покато спускающееся к реке. Почти во всех квадратах рас-

Рис. 9. Вид на раскопки стоянки в навесе Таш-Аир I.

Мощность ее от 20 см до 3 м. По составу и расцветке отложения верхней части наносов однородны. В основном они состоят из желтовато-серого суглинка, образовавшегося от действий ветра, заносившего пыль от разложения известковых пород, падавших с потолка навеса, и, наконец, из почвы, стекавшей вместе с дождевой и снеговой водами с плато над навесом.

Вверху окраска суглинка темнее, внизу светлее. В верхних слоях встречается большое количество известковых глыб, плит, камней, древних раковин, конкреций, щебенки и пр. Чем ниже, тем этих включений меньше.

Нижняя часть слагается из более однородных наносов, состоящих из серо-желтого суглинка почти без щебенки и камней. О времени образования этих отложений судить трудно, но, по-видимому, они отложи-

копа наслоения были сняты до скалистого дна.

В некоторых местах глубина раскопа достигала 4—4,5 м. В этой толще прослежено девять культурных наслоений. Проверочные раскопки 1940 г. еще раз подтвердили правильность установленной нами стратиграфии, но внесли и некоторые коррективы в расшифровку V культурного слоя. В 1940 г. благодаря тщательной разборке слоя удалось разделить его на два самостоятельных горизонта по расцветке и культурным остаткам.

I слой, верхний, состоит из темно-серой почвы и помета животных. Толщина его от 5 до 10 см (рис. 11). В квадратах рядом со стеной навеса его почти не было. Чем ближе к концу площадки (к дороге), тем он толще. Содержит культурные остатки, датирующиеся XVI—XX вв. н. э.

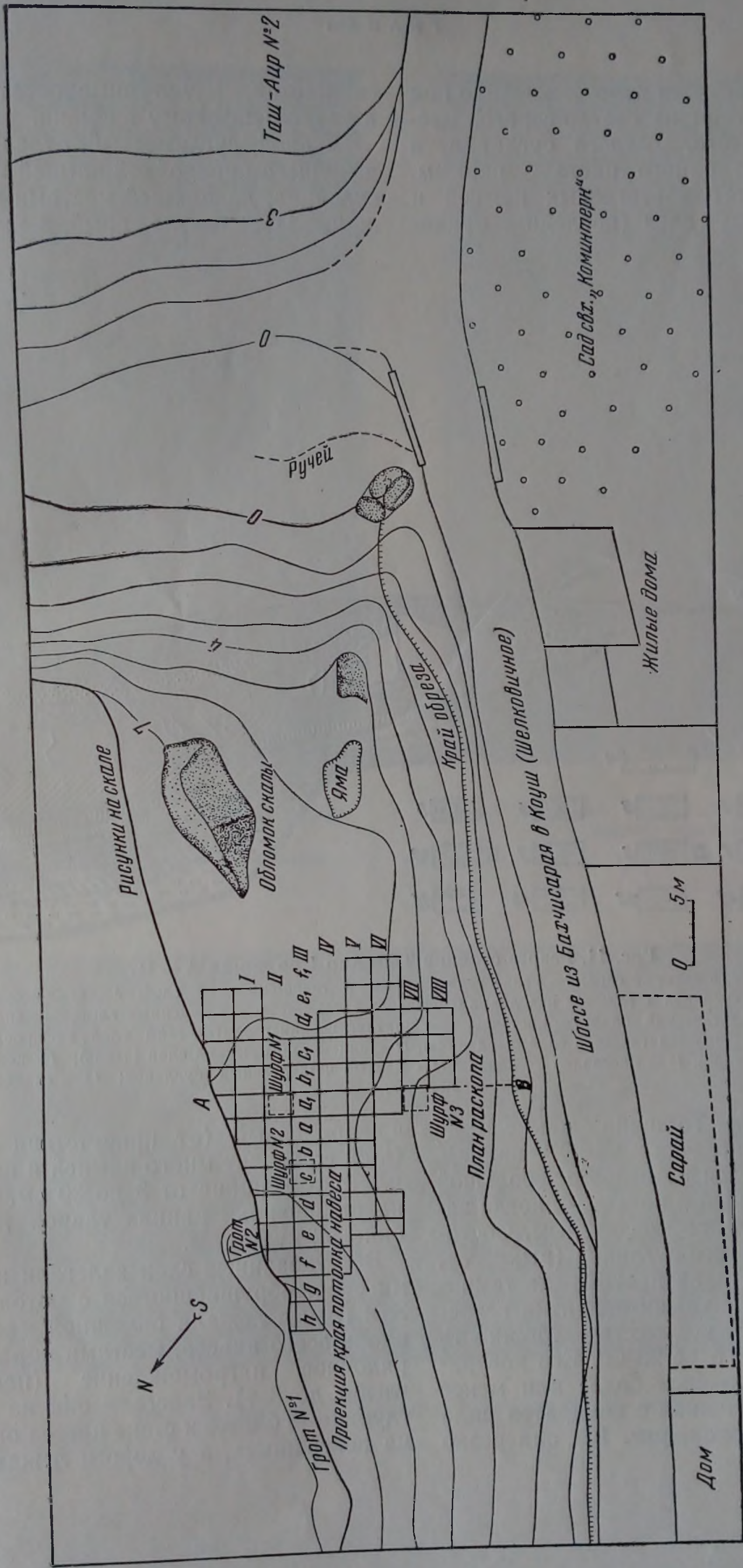

Рис. 10. План раскопов стоянки Таш-Аир I.

II слой располагается непосредственно под первым. Состоит он из светло-серого, местами коричневатого, рыхлого суглинка, а ближе к дороге одного цвета с первым. Встречается много известковых камней и речных окатанных галек (последние прине-

снижается. Культурные остатки относятся к тавро-скифскому времени.

IV слой, суглинистый, отделяется от предыдущего прослойкой камней и стерильного суглинка, доходящей местами до 10 см толщины. Цвет светло-серый, а иногда желтый

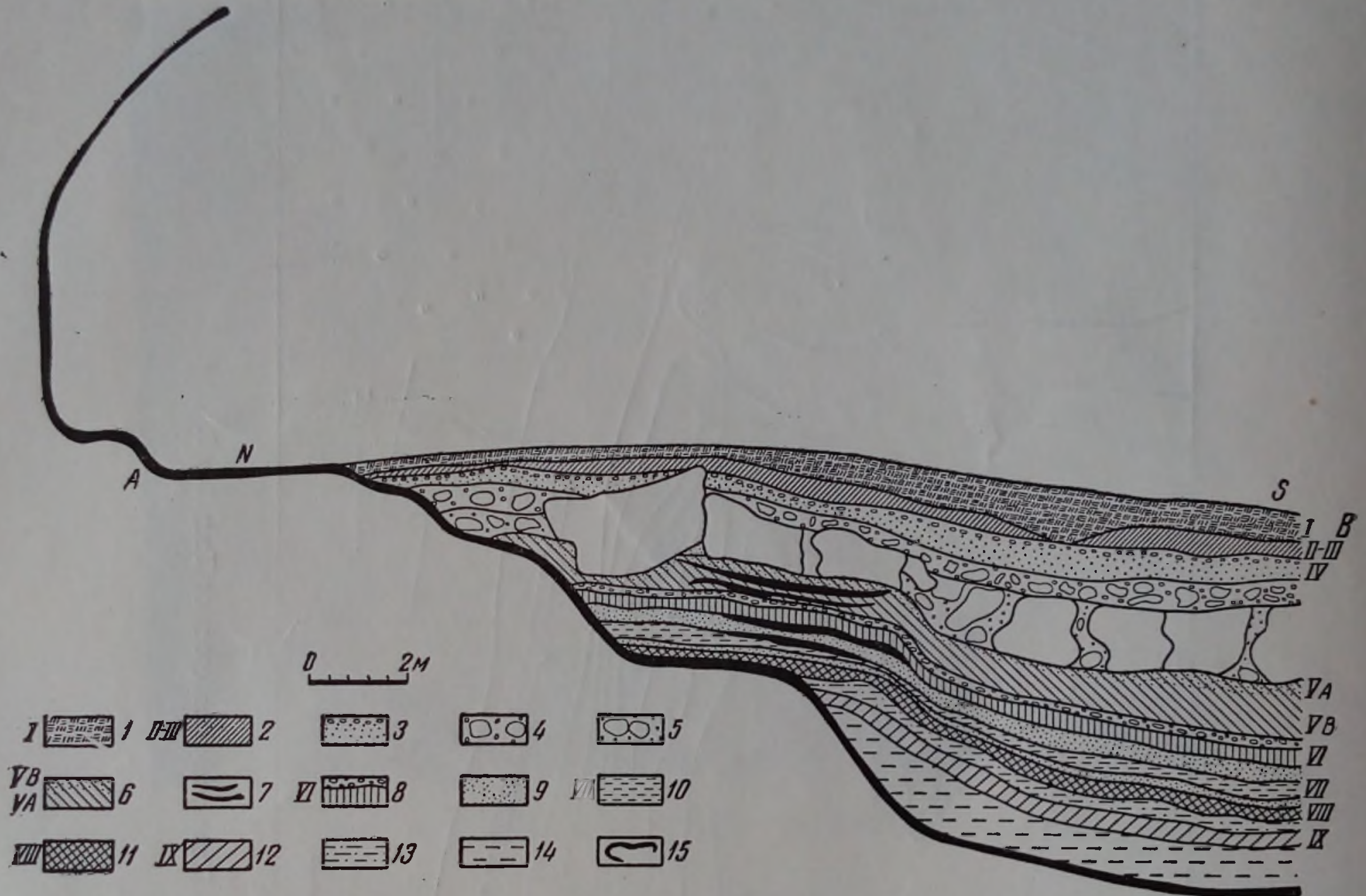

Рис. 11. Разрез стоянки Тап-Аир I по линии А — В.

1—современный и средневековый слой; 2—раннесредневековый и тавро-скифский слой; 3—кизил-кобинский слой; 4—камни и желтый суглинок с редкими находками бронзового века; 5—обломки каменных глыб; 6—энеолит и ранняя бронза; 7—кострица; 8—плитняк и раннеэнеолитический слой; 9—прослойки желтого суглинка; 10—позднеэнеолитический слой (тарденуаз); 11—раннеэнеолитический слой (азиль); 12—конец палеолита (позднемадленский слой); 13—прослойка суглинка; 14—желтый четвертичный суглинок; 15—скалистая основа пещеры.

сены сюда людьми). Толщина слоя от 10 до 20 см. Находки относятся к VI—XV вв. н. э.

III слой отделяется от второго небольшой прослойкой из камней и почвы, а иногда залегает непосредственно под вторым. Состоит из желтовато-серого суглинка (рыхлого), а за пределами потолка навеса — из темно-серого. Известковые камни и плитки встречаются в меньшем количестве. Мощность слоя колеблется от 5 до 25 см. Его поверхность в пределах навеса более или менее горизонтальна, а начиная с квадратов ряда IV (см. план раскопок, рис. 10) она резко

и коричневый (от присутствия кострищ). Слой содержит много камней и известковых плиток. Толщина от 3 до 30 см. Встречены находки эпохи ранних тавров и кизил-кобинской культуры.

Все указанные слои залегают над глыбами скал, обрушившимися с потолка навеса. Эти глыбы лежали сплошной массой почти вдоль всего навеса, местами образуя беспорядочное нагромождение (наблюдались глыбы до 8 т). Залежали они на различной глубине — ближе к стене навеса они выходят на поверхность, а у дороги лежат довольно

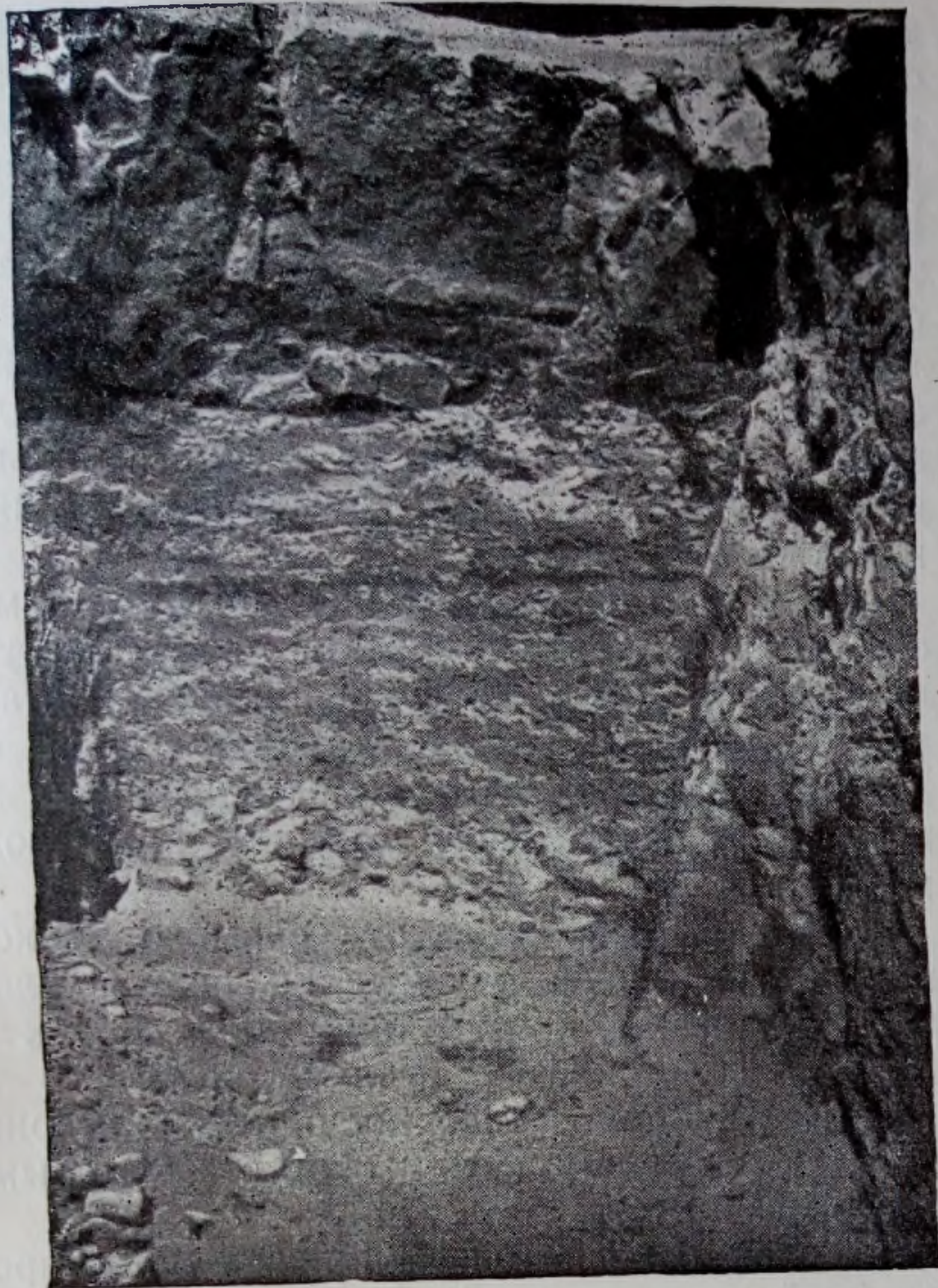

Рис. 12. Таш-Аир I. Разрез северной стенки квадрата IV.
Под глыбами камней лежат древние наслоения.

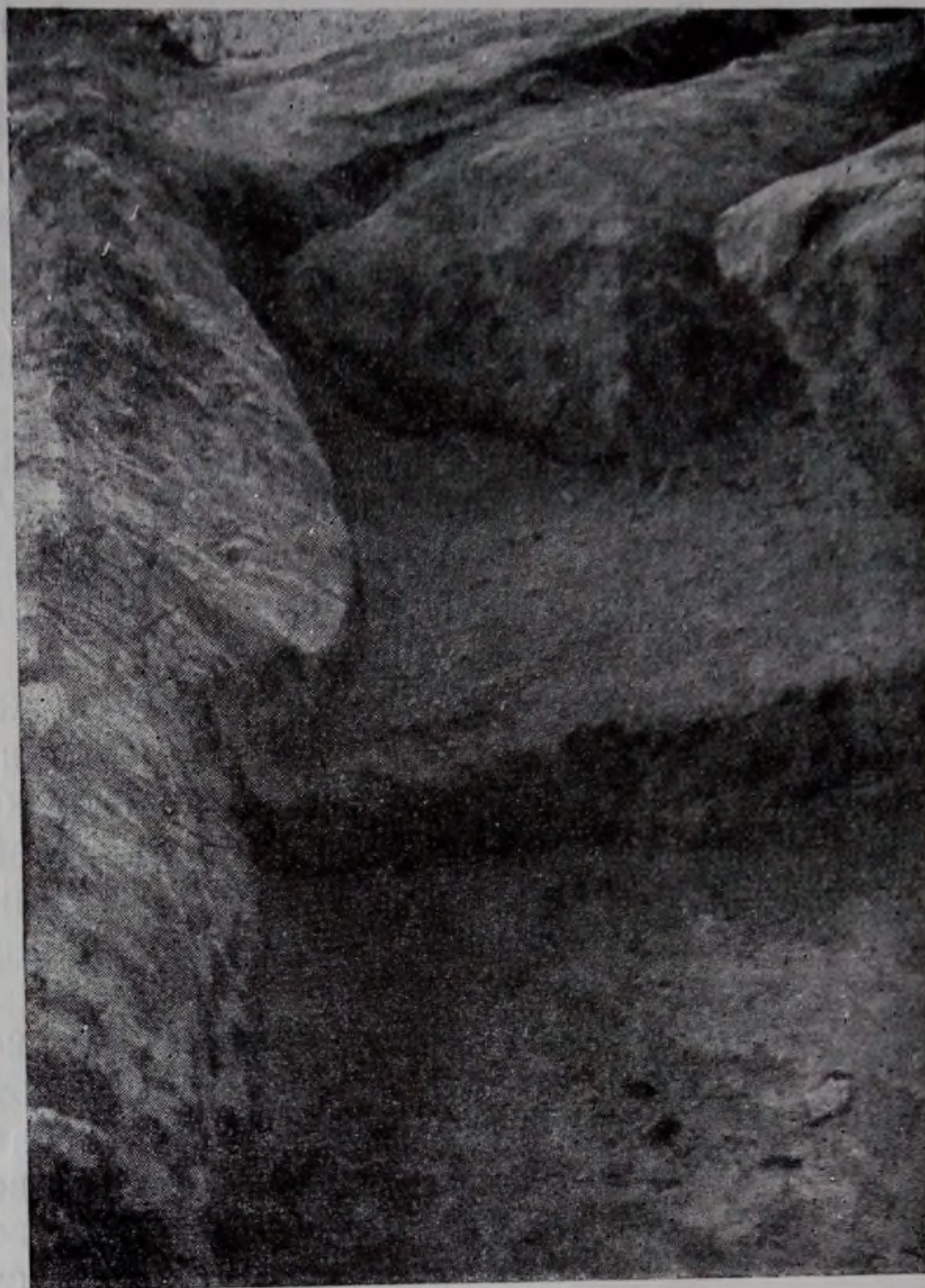

Рис. 13. Расчистка V—VI слоев между обвалившимися камнями.

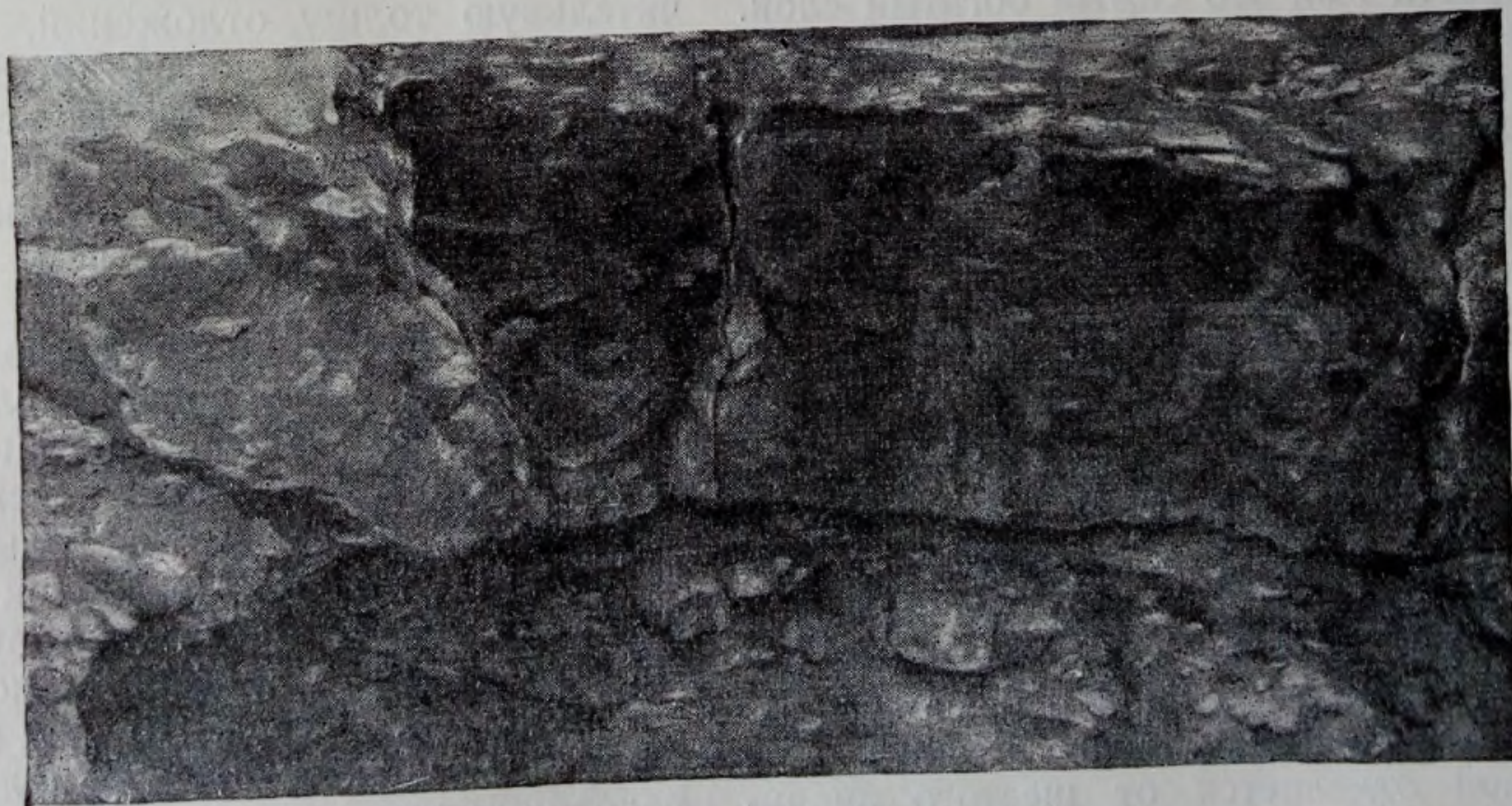

Рис. 14. Таш-Аир I. Каменная гряда над V—VI слоями.

глубоко. Толщина этих нагромождений от 1 до 1,5 м. Такая же картина наблюдалась и в пещерной стоянке Замиль-Коба II⁸. Повторение одинаковых явлений в двух разных местах и в одном и том же слое позволяет заключить, что в это время в Крыму было сильнейшее землетрясение, в результате которого и произошли обвалы потолков навесов.

Все древние наслоения Таш-Аир I залежали под грядой камней (рис. 12 и 14). Уже V слой по цвету и составу резко отличается от первых. Он неоднороден; в 1940 г. его удалось разбить на два горизонта.

Слой V b лежит непосредственно под камнями и представляет собой рыхлый суглинок, темно-серый около кострищ и серовато-желтый вдали от них. Содержит много камней и известковых плит. Его поверхность сильно испорчена упавшими глыбами. Толщина 10—15 см.

Находки относятся, по-видимому, к энеолиту и эпохе ранней бронзы. Встречаются изредка раковины моллюска *Helix vulgaris*.

Слой Va располагался ниже, в более твердом суглинке, окрашенном преимущественно в темно-серый цвет благодаря присутствию нескольких кострищных прослоек, лежащих одна над другой (рис. 11). Камни и плитки встречаются реже. Увеличивается число раковин *Helix vulgaris*. Мощность его колеблется от 10 до 50 см. Культурные остатки встречены в большом количестве. По насыщенности ими это самый богатый слой. Находки относятся к развитому, или позднему, неолиту (рис. 13).

Возможно, при дальнейших раскопках слой V удастся разделить на более мелкие наслоения и выделить еще один горизонт.

VI слой отделяется от пятого тонкой прослойкой известковых плиток, отслоившихся от потолка навеса. Состоит из плотного светло-желтого суглинка, а около кострищ — из темно-серого и темно-коричневого. Камни и известковые плитки встречаются редко. Много раковин *Helix vulgaris*. Толщина слоя от 5 до 40 см. Находки состоят главным образом из кремневых орудий и осколков, относящихся ко времени раннего неолита.

VII слой отделяется от шестого значи-

тельной прослойкой чистого светло-желтого суглинка без культурных остатков. Толщина прослойки от 5 до 25 см. В этой прослойке, как и в других, не встречаются раковины *Helix vulgaris*. Данный факт указывает на то, что их присутствие в стоянках зависело от человека. Чем ближе к скату площадки (к дороге), тем прослойки между нижними слоями толще. Кроме того, чем ниже залегание слоев, тем наклон их к дороге меньше и не замечается такого резкого опускания, как в V и VI слоях.

Ниже прослойки идет чистый, без примесей камней, желтый суглинок VII культурного слоя. Около кострищ он приобретает темно-лиловый оттенок. Мощность слоя от 5 до 25 см. Находки типичны для так называемой тарденуазской стадии крымского мезолита.

VIII слой отделяется от седьмого тонкой прослойкой желтого суглинка, состав слоя почти такой же, но суглинок более вязок и плотен. Толщина его незначительна — 5—20 см. Находок мало, но они характерны для так называемой азильской стадии крымского мезолита.

IX слой отделяется от предыдущего прослойкой суглинка от 5 до 30 см. толщиной. Находки IX слоя располагаются уже в желтом четвертичном суглинке. Встречаются они в толще от 5 до 25 см. Непосредственно под навесом этот слой лежит на скалистом дне, а ближе к дороге имеет под собой значительную толщу отложений, представляющих, по мнению геолога Г. Ф. Вебер, позднечетвертичные аллювиальные суглинки. Раковины *Helix vulgaris* найдены в очень небольшом количестве. Величина самих раковин также меньше, чем, например, в VI слое⁹.

В ряде квадратов не наблюдалось такой правильности в чередовании слоев. В некоторых местах, особенно в западной части раскопа, слои были тонки и испорчены ямами, кладкой камней и т. д. Только благодаря поквдратной системе раскопок нам удалось избежать трудностей в разграничении слоев. Публикуемый профиль (рис. 11) сделан по линии А — В (рис. 10), так как здесь наблюдалась наибольшая правильность в чередовании слоев.

При изучении наслоений навеса Таш-Аир I обращалось большое внимание на промежуточные наслоения, так называемые

⁹ Раковины остались не определенными.

⁸ Д. А. Крайнов. Новые позднепалеолитические и раннеолитические стоянки Крыма. Доклад на II конференции по изучению ископаемого человека четвертичного периода в г. Киеве в 1939 г.

прослойки, не содержащие никаких культурных остатков. Представляется, что их изучение в ряде пещер позволит решить вопрос не только об их продолжительности во времени, что даст более точную датировку культурных наслоений, но и об особенностях климатических условий, не позволявших человеку жить в это время в пещере.

Кроме того, детально изучены стены навеса и жилые площадки того или иного слоя¹⁰ с целью выяснения устройства пещерных жилищ.

По своим наслоениям и остаткам памятников материальной культуры Таш-Аир I представляет исключительный интерес для изучения последовательности в смене послепалеолитических культур Крыма. Ни в какой другой крымской стоянке такого коли-

¹⁰ К сожалению, чертежи жилых площадок разных слоев с нанесением расположения кострищ были утрачены во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

чества последовательных культурных наслоений не найдено. Исключение составляет только Замиль-Коба II¹¹. Много наслоений прослежено и в стоянке Шан-Коба, но в ней нет четко выделенных слоев неолита, бронзы и поздних культур¹².

По количеству культурных слоев с Таш-Аир I и Замиль-Коба II можно сравнить только стоянку у Красного озера близ Каменной Могилы на р. Молочной, где картина наслоений весьма внушительна¹³. Многослойные памятники времени позднего палеолита и неолита имеются также на территории Приднепровья.

¹¹ Пещерная стоянка Замиль-Коба II, близ с. Залесного (б. Черкиз-Кермен), раскапывалась мной в 1937—1938 гг. Коллекции хранятся в Государственном Историческом музее.

¹² Пещерная стоянка Шан-Коба раскапывалась Г. А. Бонч-Осмоловским в 1927—1928 гг. и С. Н. Бибиковым в 1934—1935 гг.

¹³ О. Н. Бадер. Очерк работ Азово-Черноморской экспедиции. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 177—180.

Глава II

КУЛЬТУРНЫЕ ОСТАТКИ¹

СЛОЙ IX. КОНЕЦ ПАЛЕОЛИТА (ПОЗДНЕМАДЛЕНСКОЕ ИЛИ РАННЕАЗИЛЬСКОЕ ВРЕМЯ)

Культурные остатки этого слоя немногочисленны. Они состоят из небольших кострищ, кремневых орудий и осколков, костей животных и раковин *Helix vulgaris*. Жилая площадка этого слоя незначительна и за пределы навеса не выходит. Толщина культурного слоя небольшая.

На жилой площадке встречено только три небольших кострища, располагавшихся в центральной части навеса. Толщина этих кострищ незначительна — от 5 до 10 см, форма овальная, расплывчатая. Каждое кострище состоит из нескольких тонких углесто-золистых прослоек (без интенсивной прокалики почвы), указывающих на кратковременность и неоднократность пребывания человека.

Около кострищ концентрируются все находки. Кремневый инвентарь незначителен и беден законченными формами (см. сводную таблицу находок, IX слой). Всего найдено 201 кремневых орудия и осколка. Основную массу составляют осколки и отщепы разных размеров. По ним можно заключить о палеолитическом характере отщепления пластин от нуклеусов. Анализ осколков показывает, что значительный их процент употреблялся для различных работ. На некоторых осколках видны выколы, выщербины, затертость от работы, а часть осколков имеет вторичную обработку (ретушь).

¹ Описание культурных остатков приводится в хронологическом порядке.

Ассортимент кремневых орудий невелик. Найдены удлиненные пластинчатые отщепы, ножевидные пластинки, пластинки-вкладыши, резцы, резчики, скребки и скобели. Удлиненные отщепы по количеству являются довольно значительной группой. Обычно это палеолитического облика пластинки, часто неправильной формы, отщепленные, а не отжатые от нуклеусов. Некоторые из них достигают значительных размеров. Они не имеют таких правильных граней, как мезолитические и неолитические пластинки (табл. I, рис. 1—4). Часть удлиненных пластинчатых отщепов имеет ретушь по краям (табл. I, рис. 4). Наряду с этими старыми палеолитическими формами встречены и правильно огранные ножевидные пластинки, но в очень небольшом количестве (табл. I, рис. 5, 6, 7). Среди них есть единичные экземпляры вкладышей из разрубленных пластинок и микропластинки, которые также следует отнести к новым типам кремневой индустрии (табл. I, рис. 8—18). Небольшое их количество все же указывает на новое явление в области техники выделки кремневых орудий. В дальнейшем подобные пластинки и прямоугольники-вкладыши² будут господствовать вплоть до эпохи бронзы. Что касается микропластинок, то они появляются в крымских палеолитических сто-

² Мы вводим название «прямоугольники» длинные и короткие для сечений пластинок с целью подчеркнуть их стабилизовавшуюся форму, характерную для развития вкладышевой техники крымских стоянок с микролитическим инвентарем.

янках очень рано, по-видимому, еще в ориньякское время.

Второй по количеству группой являются резцы, сделанные на продолговатых отщепках, широких осколках и крупных нуклеидных осколках. Большинство их крайне невыразительно, и только единичные экземпляры имеют определенную форму.

Все найденные резцы можно разбить на группы: 1) боковые однофасеточные резцы без подправки концов и сторон; сделаны они на углах осколков и продолговатых отщепов (табл. II, рис. 5—7); 2) боковой однофасеточный резец с поперечной притупляющей ретушью по вогнутому верхнему концу и частичной ретушью на противоположном скеле боковой стороны (табл. II, рис. 2). К особой группе следует отнести боковой дублированный резец на концах продолговатого отщепа. Форма его типично мадленская (табл. II, рис. 3).

Кроме указанных типов, встречены два резца с прекрасными отжимными резцовыми сколами. Один представляет собой тонкий однофасеточный боковой резец на углу длинного пластинчатого отщепа (табл. II, рис. 4). Резцовый скол миниатюрный, сделан путем отжима. По концу идет тонкая поперечная ретушь с брюшка. Второй, также однофасеточный, срединный резец на остром конце массивного нуклеидного отщепа. По его ребристому, изогнутому полудугой, узкому концу нанесен тонкий резцовый скол путем отжима. Противоположный, широкий конец имеет форму и обработку высокого скребка ориньякского облика (табл. II, рис. 1).

Близкими к перечисленным орудиям являются так называемые резчики³. Форма их различна, на первой стадии развития чисто случайна. Сделаны они на отработанных нуклеусах, осколках, продолговатых отщепках и пр. Рабочая часть оформляется не резцовым сколом, а при помощи ретуши, нанесенной вместо него на конце и на краю пластинки или отщепа. Ретушь наносится или с брюшка, или со спинки. Особый интерес представляет резчик, сделанный на

³ Возможно, что термин, применяемый мною к этому виду, и не совсем правилен, но, как мы увидим в дальнейшем, эти орудия вытесняют резцы и, стабилизируясь, приходят к определенной форме режущих орудий, характерной для стоянок с микролитическим инвентарем Крыма.

конце продолговатого пластинчатого отщепа. Его широкий конец и прилегающий скошенный край имеют крупную притупляющую ретушь и микроскопический резцовый скол. Второй, боковой край обработан тонкой заостряющей ретушью с брюшка (табл. III, рис. 1). Это орудие на первый взгляд кажется скребком, но при внимательном изучении видно, что его острый конец служил резчиком, а одна боковая сторона — ножом. По одному острому краю с брюшка видны царапины от работы по твердому материалу. Вторым резчик имеет топоровидную форму. Один конец его толстый, другой — в виде лезвия топора. Округлое и тонкое лезвие частично ретушировано. Боковые стороны затуплены сколами и ретушью. На остром крае толстого конца идет тонкая поперечная ретушь, образующая, с подретушированным боковым краем, резчик на углу отщепа. Острый широкий конец мог служить округлым ножом (табл. III, рис. 4). На выделение подобных орудий необходимо обратить серьезное внимание. Появление их не случайно. В дальнейшем всевозможные резчики вытесняют «классические» формы резцов.

Скребки и скобели найдены в единичных экземплярах. Особенно характерных форм нет. Следует отметить небольшой концевой скребок на осколке (табл. III, рис. 5) и скобель одновыемчатый, сделанный на конце осколка при помощи ретуши (табл. III, рис. 6). Некоторые осколки со следами вторичной обработки также, по-видимому, следует отнести к скобелям. Форма большинства нуклеусов, найденных в IX слое, благодаря плохому материалу крайне невыразительна. Большая часть их употреблялась для выработки крупных отщепов и осколков. Все они, как правило, имеют одну скошенную плоскость удара и обработку с одной стороны, а другая или покрыта коркой, или подтесана легкими ударами (табл. IV, рис. 1, 2). Эти особенности указывают на их архаичность. Встречен один поддисквидный нуклеус. Только два нуклеуса служили для выработки узких пластинок. По форме они близки к коническим нуклеусам (табл. IV, рис. 3, 4). Вторичная подправка на концах некоторых нуклеусов (табл. IV, рис. 1, 3, 4) указывает, что после отработки они были использованы в качестве нуклеидных орудий. Нахождение

подобных нуклевидных орудий характерно для палеолита Крыма.

Указанными вещами исчерпывается весь кремневый инвентарь слоя. Из других предметов следует отметить небольшой отбойник-ретушер из окатанной продолговатой гальки (на концах его видны следы многочисленных ударов) и каменные плитки-наковаленки. Имеется небольшой обломок плитки, по-видимому, со следами красной краски. Раковины *Helix vulgaris* найдены в очень незначительном количестве и по величине отличаются от тех же раковин, найденных в последующих слоях. Кости животных также обнаружены в небольшом количестве. Е. Л. Дмитриевой выделены здесь следующие виды: косуля, кабан и одомашненная свинья. Н. А. Сугробовым был выделен и благородный олень, так как среди костных остатков имеются крупные обломки, близкие к костям оленя. Большинство костей не определены, так как очень мелко раздроблены. Некоторые исследователи объясняют такие явления древностью слоя и химическими действиями подпочвенных вод. Нам представляется, что в данном случае кости измельчены хищниками, пришедшими на стоянку после ухода человека. Вместе с костями найден копролит собаки, и на некоторых костях видны следы зубов хищника.

По небольшому количеству кремневого материала затруднительно установить точную датировку слоя, но, учитывая и другие данные, можно определить его приблизительное время. В этом отношении большую помощь оказывают геология и палеонтология.

Геоморфология речных долин Крыма разработана достаточно хорошо. Схема, предложенная Н. И. Николаевым⁴, дает правильное определение возраста отложений, и мы будем придерживаться этой схемы. Что касается палеонтологии Крыма, то и здесь для каждой стадии палеолита мы имеем четкую классификацию развития определенных видов животных, разработанную В. И. Громовой и В. И. Громовым⁵.

⁴ Н. И. Николаев. Материалы к геологии палеолита Крыма и связанные с ним некоторые общие вопросы четвертичной геологии. «Бюлл. Моск. об-ва испытателей природы. Отдел геологии», т. XVIII (2), 1940.

⁵ Вера Громова и В. И. Громов. Материалы по изучению палеолитической фауны Крыма в

По схеме соотношения палеолитических стоянок Крыма с уровнями террас⁶ образование таш-аирского навеса приурочивается ко времени формирования первой надпойменной террасы, соответствующей вюрмскому оледенению. Высота нижнего культурного слоя над современным дном реки 13—14 м, а располагается он в верхней части аллювиальных наносов, отложившихся, по-видимому, в вюрмское время. Следовательно, заселение навеса человеком надо отнести к концу вюрмского времени, которому соответствует поздний этап развития мадленской стадии палеолита. Отнесение навеса Таш-Аир I к первой надпойменной террасе подтверждается составом аллювиальных наносов нижнего слоя. В полукилометре от урочища Таш-Аир, на той же высоте над уровнем р. Качи, залегают мощные выходы вюрмских глин⁷, однотипные по составу с нижними отложениями Таш-Аира. Наличие раковин моллюска *Helix vulgaris* не противоречит нашему заключению, а наоборот, позволяет еще более уточнить время. Появление *Helix vulgaris* указывает на конец вюрма, характеризующийся отступлением ледника и потеплением климата. Фауна, обнаруженная в IX слое, также подтверждает нашу дату. Распространение новых видов животных — кабана, косули и благородного оленя — определяется новыми природными условиями. С указанным геологическим возрастом слоя увязывается и весь комплекс находок. Кремневые орудия и осколки имеют двойственный характер конца палеолитического времени.

Как в природе, так и в человеческом обществе происходят в это время коренные изменения. Основная масса кремневых орудий и осколков пока еще имеет палеолитический облик. Пластины-отщепы, резцы и нуклеусы по своим формам и технике работы напоминают подобный же инвен-

связи с некоторыми вопросами четвертичной стратиграфии. «Тр. Советской секции АИЧПЕ», вып. I. Л., 1937; В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. «Тр. Ин-та геол. наук АН СССР», вып. 64. М., 1948.

⁶ Н. И. Николаев. Материалы к геологии палеолита Крыма...

⁷ Определены геологом Г. В. Вебер, принимавшей участие в экспедиции Государственного Исторического музея в 1937 г.

тарь таких позднемадленских стоянок Русской равнины, как Гонцы, Боршево II (верхний горизонт), Кирилловская (верхний слой) и др.⁸

Но, наряду с палеолитическими формами и палеолитической техникой раскалывания и вторичной обработки кремня, начинают развиваться новые формы и техника. Появляются правильно ограненные пластинки, отделенные от призматических нуклеусов, микропластинки, прямоугольные вкладыши из разрубленных пластинок, нуклеусы, близкие к коническим, резчики; применяются отжимные резцовые сколы, и часто резцовые сколы заменяются тонкой ретушью⁹. Однако новые типы орудий и техника только еще появились, и весь инвентарь сохраняет палеолитический характер. Этот характер большей части инвентаря не позволяет нам отнести IX слой к ранней стадии мезолита (азильскому времени). Его следует, по-видимому, датировать концом палеолита. Здесь еще нет сегментов, характерных для последующей стадии. Цвет и состав кремня довольно резко отличаются от последующего комплекса. В IX слое 70% орудий и осколков сделаны из голубовато-белого патинированного туронского кремня, а остальные 30% из местного черного кремня. Залежи и россыпи туронского кремня имеются в значительном количестве в долине Качи, например на горах Стопа, Белая

(вверх по течению, против навеса Таш-Аир, на другой стороне реки), на холме Узонлар у дер. Баштановки (б. Пычки) и в других местах¹⁰. Патинизация кремневых изделий IX слоя свидетельствует о его древности. Черный кремень добывали здесь же на месте. В стенах навеса Таш-Аир I и окружающих его известковых скалах вкраплено большое количество мелких и крупных кремневых конкреций, которыми и пользовались обитатели пещеры. В слое они найдены целыми и разбитыми.

Немногочисленность находок и тонкие кострища заставляют признать временность стоянки обитателей нижнего слоя Таш-Аир I. Судя по небольшим кострищам, Таш-Аир посещали маленькие группы охотников-собирателей. Они неоднократно останавливались здесь по пути в верховья Качи и обратно. Очень возможно, что целью их экспедиций в горы была охота и добыча кремня. Постоянным местом обитания этих групп мог быть Качинский навес или навес Таш-Аир III (см. рис. 2 и 4).

До сих пор в Крыму не были известны стоянки мадленского времени, хотя предположения о возможности их обнаружения высказывались исследователями¹¹. Во всяком случае нижний слой Таш-Аир I относится к более древнему времени, чем так называемые азильские слои стоянок Шан-Коба, Замиль-Коба I и др.

СЛОЙ VIII. МЕЗОЛИТ — РАННИЙ ЭТАП (АЗИЛЬСКОЕ ВРЕМЯ)

По количеству находок и кострищ, а также по мощности VIII культурный слой превосходит предыдущий. Костры располагались в разных местах площадки, отчего слой и получил светло-коричневую окраску. Кострища, как правило, не заходят за пределы линий потолка навеса. Всего обнаружено пять кострищ. Форма их овальная, в разрезе они имеют вид линзы, толщина в центре от 10 до 20 см. Так же как и в предыдущем слое, они состоят из тонких углистых про-

слоек, без сильных прокалинов, что указывает на их кратковременность. Около кострищ сосредоточены все культурные остатки.

Находки состоят из кремневых орудий и осколков, окатанных галек, камней, каменных плиток, кусочков красной краски, углей, костей животных и раковин *Helix vulgaris*.

⁸ П. П. Ефименко. Первобытное общество. Изд. 3. Киев, 1953.

⁹ Подобная картина наблюдается в орудиях Тимоновской палеолитической стоянки, датируемой мадленской стадией верхнего палеолита.

¹⁰ На холме Узонлар залегает значительное количество туронского кремня. В 1935—1936 гг. на этом холме нами были собраны орудия разного времени. Возможно, что таш-аирский первобытный человек добывал кремень именно на этом холме, расположенном в полукилометре от грота Таш-Аир I.

¹¹ Г. А. Бонч-Осмоловский, К. С. Мережковский и др. Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита. «Тр. II Международной конференции АИЧПЕ», вып. V, 1934.

Кремневый инвентарь почти так же беден, как и в нижнем слое, но отличается от него по форме и составу. Всего найдено более 650 кремневых орудий и осколков (см. сводную таблицу находок, VIII слой). Туронский кремь редок. Преобладает кремь серых тонов и чернь из местных конкреций. Как видно из таблицы, здесь, как и в нижнем слое, много отбросов производства, среди которых имеются осколки и отщепы разных форм и размеров, указывающие на большое разнообразие кремневой индустрии. Находки нескольких массивных отщепов позволяют заключить о существовании крупных орудий из кремня. В других крымских стоянках этого же времени были сделаны подобные же находки¹².

Из обработанных кремней найдены: 1) всевозможные пластинки и их обломки; 2) вкладыши из разрубленных пластинок (длинные и короткие прямоугольники); 3) геометрические формы микролитов (сегменты и трапеции); 4) резцы; 5) резчики; 6) скребки; 7) скребла; 8) скобели; 9) нуклеусы; 10) осколки и отщепы со следами вторичной обработки. Среди кремневых вещей первое по количеству место занимают всевозможные ножевидные пластинки, поделки из них и обломки пластинок. По форме и технике обработки они не однородны. Преобладают пластинки и обломки их, продолжающие традиции верхнего палеолита (табл. V, рис. 1—3). Они не имеют правильных граней и формы, но все же по сравнению с более широкими пластинками предыдущего слоя становятся уже и изящнее. Ретушь на них почти отсутствует. По-видимому, их использовали в качестве режущих орудий и для этой цели специально изготовляли. На краях многих из них видны выколы, нарезки и выщербины, возможно от работы по твердому материалу. Далее следует группа призматических пластинок и их обломков. По сравнению с предыдущим слоем они встречены уже в большом количестве и, по-видимому, в это время получают значительное развитие. От палеолитических

¹² Г. А. Бонч-Осмоловский. Указ. соч. К сожалению, мы обычно не обращаем должного внимания на эти так называемые отбросы производства, а изучение их может дать очень ценные выводы не только относительно техники производства орудий, но и о самих орудиях труда, сделанных здесь, но не найденных в раскопках.

пластинок они отличаются меньшей шириной и более правильными очертаниями (табл. V, рис. 4—12). Небольшая часть их имеет ретушь и выемки по краям и концам (табл. V, рис. 4, 5, 7, 9, 11, 12). Ретушь разная — то затупляющая, то заостряющая, наносившаяся, по-видимому, в зависимости от назначения каждого орудия. Ретушь крутая и отлогая нанесена или с брюшка или со спинки, иногда частично, а иногда по всему краю.

Пластинки с краевой заостряющей ретушью могли служить ножами, а пластинки с выемками и частичной ретушью по краям принято считать скобелями, но более внимательное их изучение при помощи лупы не всегда подтверждает это мнение¹³. Большинство же правильно ограненных пластинок не служило самостоятельными орудиями, а шло на изготовление всевозможных вкладышевых форм, резцов, скребков и иных орудий.

Увеличение количества разрубленных пластинок в VIII слое свидетельствует о развитии вкладышевой техники. Вкладышевые формы к тому же становятся разнообразнее, чем в предыдущем слое из них преобладают разной величины сечения пластинок преимущественно прямоугольной формы. Многие из них имеют выемки, ретушь, микрорезцовые сколы, выщербины и следы от работы на углах и лезвиях в виде царапин, залощенности и пр. (табл. VI, рис. 8—13). По-видимому, они служили для оснащения сложных вкладышевых орудий в костяных или деревянных основах, а некоторые могли употребляться как самостоятельные орудия; вложенные в рукоятки, они служили скобелями, резцами, резчиками и т. д.¹⁴

Впервые в VIII слое появляются геометрические формы микролитов, это сегменты и трапеции. Первые представлены тремя экземплярами — небольшие сегменты с притупляющей ретушью по дуге. Рабочими краями двух сегментов служили острые концы, на которых видна сработанность, а у

¹³ Тщательное изучение пластинок всех наслоений показало, что многие пластинки образуют целые группы повторяющихся форм, что указывает на их определенное назначение.

¹⁴ Находки подобных орудий с костяными рукоятками, сделанные в 1956 г. М. М. Герасимовым на Мальтинской стоянке, позволяют по-иному взглянуть на многие орудия, непонятные нам ранее.

третьего лезвие — хорда (табл. VI, рис. 1—3).

Трапеций найдено четыре. Одна удлиненная имеет ретушь по верхнему основанию и боковым сторонам. Она могла употребляться как вкладыш для лезвия (табл. VI, рис. 4). Другая трапеция несколько иной формы: боковые стороны ее затуплены крутой ретушью. По верхнему основанию нанесен резцовый скол, по-видимому для того, чтобы притупить его, — здесь скол заменяет ретушь. Нижнее основание неровное. Около угла есть выемка, сделанная при помощи тонкой заостряющей ретуши. Угол заполирован от работы. Другая часть основания имеет широкий продольный резцовый скол и перпендикулярно ему — тонкий резцовый скол с брюшка по боковой стороне (табл. VI, рис. 5). Эта трапеция является дублированным микрорезцом. Третья трапеция, также удлиненная, имеет притупляющую ретушь по боковым сторонам, на лезвии четыре выемки (выкола) и по верхнему краю также выколы. Она могла употребляться как скобель (табл. VI, рис. 6), а возможно, и для оснащения основы вкладышевого орудия с длинным зубчатым лезвием. Все эти трапеции сделаны из правильно огранных разрубленных пластинок. Есть даже несколько заготовок трапеций, по которым можно судить о технике их производства (табл. VI, рис. 7).

Мы остановились более подробно на геометрических формах микролитов потому, что они являются характерными формами для раннемезолитических стоянок Крыма. Резцы встречены в количестве семи экземпляров. Три из них имеют палеолитический облик (табл. VII, рис. 1—3). Сделаны они на отщепах и осколках, у одного из них резцовый скол идет по поперечному концу. Остальные четыре являются новыми формами, сделанными на углах обрубленных пластинок. Из них следует отметить угловой резец, у которого скол идет не вдоль бокового края, а по верхнему, поперечному концу, по боковому же краю нанесена ретушь, составляющая с резцовым сколом рабочий край резца (табл. VII, рис. 4)¹⁵.

¹⁵ Это явление новое в технике выработки орудий. В предыдущей стадии оно почти не наблюдается, а позднее становится частым, и чем ближе к неолиту, тем таких форм резцов становится больше. Необходимо учесть, что резцовые сколы и рез-

Встречен один экземпляр микрорезца на углу обрубленной пластинки (табл. VII, рис. 5). Эта форма резцов появляется только с этого времени и в дальнейшем развивается, приобретая важное значение. Вообще, начиная с ранней стадии мезолита (азильское время), рабочие края резцов становятся более тонкими, что приводит к развитию особого вида резцов, названных нами резчиками. Их рабочий край, очень тонкий и острый, сделан не резцовым сколом, а тонкой ретушью, наносимой или по концу края или по поперечному концу обрубленной пластинки под углом друг к другу (табл. VII, рис. 6—9). Приготавливались они из отщепов и обрубленных пластинок. Их появление, по-видимому, было связано с более тонкой работой по кости и дереву, обусловившейся развитием вкладышевой техники.

Из других орудий встречены единичные экземпляры скобелей, скребковидных орудий и скребло. Скобели, как и в предыдущем слое, выражены неярко. Сделаны они на крупных отщепах, осколках и пластинках (табл. VIII, рис. 4). По-видимому, пластинки с удобными выемками также можно считать скобелями. Из скребков следует отметить низкий небольшой скребок на округлом осколке (табл. VIII, рис. 2), низкий скребок на конце пластинчатого отщепа (табл. VIII, рис. 3). Довольно массивное скребло встречено в единственном экземпляре. Оно приготовлено на округлой боковой стороне массивного отщепа. Ретушь отлогая, нанесена широкими фасетками (табл. VIII, рис. 1)¹⁶.

Нуклеусы имеют двоякий характер. Есть призматические нуклеусы палеолитического облика. Обработка их односторонняя, ударная площадка скошена (табл. IX, рис. 1). Наряду с ними есть нуклеусы подконической формы для выработки правильно огранных пластинок путем отжима (табл. IX, рис. 2). Найдены также и кремневые заготовки нуклеусов, куски кремня, нуклевидные осколки и отбойник из продолговатой гальки (табл. IX, рис. 3). На концах отбойника видны выбоины от работы. Все эти находки, а также значительное количество всевозможных осколков и обломков пласти-

цовые отжимные сколы не всегда являются признаком резца. Они могли употребляться и употреблялись взамен притупляющей ретуши.

¹⁶ Подобные скребла встречаются в крымских стоянках вплоть до эпохи бронзы.

нок свидетельствуют о производстве орудий здесь, на месте. Особый интерес представляют находки плиты-терки. Размеры ее 20 × 15 см и толщина 5 см. Она песчаниковая и могла быть принесена с низовьев Качи, где есть выходы аналогичного серо-желтого песчаника. Эта плита служила для растирания, так как на обеих сторонах ее есть следы стертости. Подобная же плита была найдена в азильском слое стоянки Замиль-Коба I¹⁷. Этот факт приобретает большой интерес в связи с развитием в эту эпоху усложненного собирательства.

Кусочки краски встречались часто. Эта охристо-железистая краска, по-видимому, добывалась здесь же, на месте. Раковины *Helix vulgaris* и кости животных встречены в значительно большем количестве, чем в предыдущем слое. Неопределимых костей больше, чем определимых. Они сильно раздроблены. Из определимых преобладают кости кабана, затем идут кости благородного оленя и косули. Кроме того, найдены кости зайца и птиц. Обнаружены также и костные остатки домашней свиньи. Среди неопределимых костей есть кости от крупных животных, определить которые в настоящее время не представляется возможным.

Кремневый инвентарь, фауна и условия залегания VIII слоя дают основание датировать его ранним этапом мезолита — азильским временем. Основными формами кремневых орудий этого слоя являются геометрические вкладыши: сегменты и большие продолговатые трапеции (табл. VI, рис. 1—5). Подобные формы впервые появляются в крымских стоянках только в азильское время, и поэтому они могут служить основой для датировки, так как не встречаются раньше, а позднее имеют несколько иной вид. Встреченный в VIII слое небольшой округлый скребок также характерен для раннего мезолита. Он уже встречается в поздних мадленских стоянках и широко распространяется в стоянках азильского времени¹⁸. Скребло не может служить руководя-

¹⁷ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Замиль-Коба I. «Сборник статей по археологии СССР. Труды ГИМ», вып. VIII, М., 1938, стр. 21. (Коллекции хранятся в Государственном Историческом музее).

¹⁸ П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 626, рис. 316, 317.

щей формой потому, что подобные ему орудия встречаются и в палеолитических и в мезолитических стоянках¹⁹. Эта форма скорее указывает на характерную особенность стоянок Крыма. О правильности нашей датировки могут свидетельствовать и следующие аргументы: 1. Первое появление конических нуклеусов с негативами отжатых от них правильно оговоренных пластинок; подобные нуклеусы, появляясь в это время, получают свое развитие в последующие эпохи. 2. Значительное развитие новой формы правильно оговоренных пластинок; малое количество среди них пластинок с выемками и краевой ретушью также указывает на раннее время, так как в позднем мезолите и неолите их количество резко возрастает. 3. Наличие наряду с правильно оговоренными пластинками значительного количества пластинчатых отщепов и пластин палеолитического облика. 4. Появление микрорезцов и увеличение количества вкладышевых форм (длинных и коротких прямоугольников). Состав кремня VIII слоя уже иной, чем в девятом. Основная масса орудий сделана из цветного кремня (серого, темно-серого, черного, дымчатого, желтого и др.). Туронский голубой кремень встречается, но уже в небольшом количестве. Кроме того, при сравнении кремневого инвентаря VIII слоя Таш-Аир I с инвентарем подобных же слоев других стоянок Крыма, как, например, Замиль-Коба I (нижний слой), Шан-Коба (VI слой), Буран-Кая и др., мы наблюдаем те же формы орудий, что лишнее раз подтверждает нашу датировку. По сравнению с Шан-Коба и Замиль-Коба I VIII слой Таш-Аир I надо датировать несколько более поздним временем, а именно развитой стадией раннего мезолита, чему не противоречат и условия залегания слоя.

Преобладание среди фауны лесных видов животных, как благородный олень, кабан и косуля, свидетельствует об изменениях в климате и природных условиях (распространение лесов), что также не противоречит нашему утверждению.

Таким образом, характер кремневого материала, однотипный подобным же комплексам указанных выше стоянок, геологические и палеонтологические данные позволя-

¹⁹ Г. А. Бонч-Осмоловский. Указ. соч.

ют отнести VIII слой к ранней стадии мезолита (азильскому времени). Тонкость кострищных прослоек и бедность инвентаря также не противоречат данному утверждению. По-видимому, стоянка является вре-

менным стойбищем мезолитических охотников-собирателей. Рядом с навесом имеется прекрасный источник питьевой воды, а в примыкающей узкой балке несколько навесов и гротов.

СЛОЙ VII. МЕЗОЛИТ — ПОЗДНИЙ ЭТАП (ТАРДЕНУАЗСКОЕ ВРЕМЯ)

Слой VII располагался над предыдущим слоем через тонкую прослойку чистого желтого суглинка. Окраска слоя неоднородна. В центральной части она темная благодаря наличию здесь кострищ, а по краям светлее. Жилая площадка слоя имеет покатость от стены навеса к выходу. За пределы навеса она не выходит. Найденные в центре навеса два кострища по своей величине и мощности значительно превосходят кострища предыдущих слоев. Форма их овальная, длина около 2 м, ширина около 1 м 30 см и толщина 15 см. Каждое кострище состоит из тонких кострищных прослоек, указывающих на неоднократность разжигания костров на одном месте. Находки, как правило, располагались вокруг этих кострищ, тогда как в более поздних слоях они разбросаны по всей площади. По количеству кремневых орудий и качеству их изготовления этот слой гораздо богаче двух предыдущих.

Вещественные остатки слоя представлены кремневыми осколками и орудиями, каменными плитками, отбойниками, гальками и т. д.; изделиями из кости, костями животных, кусочками красной краски, раковинами *Helix vulgaris*, углями и пр. Всего в слое найдено около 600 кремневых орудий и осколков (см. сводную таблицу, слой VII). Подавляющее количество кремневых орудий составляют пластинки и орудия, сделанные из пластинок. Это накладывает совершенно иной отпечаток на кремневый инвентарь VII слоя²⁰. Поэтому мы первоначально остановимся на характеристике пластинок и орудий

из них, а затем и на остальном инвентаре. Тщательный осмотр пластинок при помощи лупы позволил нам выделить следующие формы: 1) резцы на пластинках; 2) резчики; 3) ножи; 4) скобели; 5) скребки; 6) проколки; 7) остря; 8) заготовки указанных орудий; 9) отбросы пластинок; 10) вкладыши — короткие и длинные прямоугольники, треугольники и пр.; 11) геометрические формы ретушированных микролитов; 12) пластинки с обработкой и без обработки.

Рассмотрим теперь каждый тип орудий по указанным группам. Резцы почти все сделаны на углах сломанных пластинок. По своей обработке они разнообразны. Среди них есть единичные однофасеточные и многофасеточные резцы. Наиболее характерны для данного слоя резцы с тонким миниатюрным сколом на углу бокового края (табл. X, рис. 1, 2, 6, 11). Эти резцы несут частичную притупляющую ретушь на концах и краях пластинки. Новой развивающейся формой являются боковые (угловые) резцы с поперечными отжимными сколами на концах обрубленных пластинок. Эти тонкие отжимные сколы наносятся по прямому или скошенному верхнему концу пластинки²¹ (табл. X, рис. 3, 5, 7, 8). Следует отметить, что резцов нуклевидных и на осколках не встречено в этом слое. Имеется только один дублированный резец

стинок без выяснения их функциональной значимости и их прежнего деления на указанные выше категории мешают правильному пониманию вопроса развития микроиндустрии. Без детального и тщательного анализа краев и углов пластинок с целью выяснения их функционального значения нельзя понять, почему, начиная с тарденуазского времени и кончая энеолитом, совершенствуется и прогрессирует выработка всевозможных пластинок. Осмотр пластинок только при помощи лупы уже позволил нам выделить из них большой ассортимент разнообразных орудий, выполняющих скобящую, режущую, скребущую и другие функции. Формы новых орудий повторяются — значит, они не случайны.

²¹ Эти орудия появились в азильское время, здесь они уже встречены в большом количестве.

²⁰ До сих пор большинство таких пластинок рассматривается и классифицируется исследователями по чисто формальным признакам, например: пластинки ножевидные с ретушью по краям и без нее, пластинки с выемками, с концевой ретушью, с острями на концах и т. д. Такое деление приводило к неверным заключениям о бедности кремневого инвентаря после палеолита, об однообразии и упадке кремневой индустрии. Формальное рассмотрение пла-

на углах пластинчатого отщепя (табл. X, рис. 10).

Из микрорезцов встречен один экземпляр (табл. X, рис. 9); необходимо отметить, что большинство резцов и резчиков этого слоя имеют миниатюрные формы. Это характерная черта орудий позднего мезолита.

К группе резцов следует отнести так называемые резчики, появляющиеся в азильское время и продолжающие развитие резцов. Сделаны они не при помощи резцового скола, а тонкой ретушью по углам концов пластинок. Иногда на рабочем углу эта ретушь заостряющая — со спинки, а на противоположном углу притупляющая — с брюшка, или наоборот, заостряющая с брюшка, а притупляющая со спинки (табл. XI, рис. 1—7). Иногда затупляющая ретушь идет по всему противоположному краю и по обрубленному концу²². Встречается и другая форма резчиков — без скола и ретуши, его заменяющей. У пластинок, обрубленных с двух концов, иногда два, а иногда и все четыре угла употреблялись для резбы; на это указывают выколы и залощенность на этих углах, получившиеся от работы по твердому материалу (кости). Боковые края у этих резчиков, как правило, имеют выемки и частичную ретушь, наносившиеся только с целью затупления острых краев²³. Позднее, в неолите, всевозможные резчики преобладают над резцами.

Третью группу составляют пластинки, употреблявшиеся в качестве ножей, вернее — ножичков. Это большей частью прекрасной выработки правильно огранные пластинки (табл. XII, рис. 1—10). Большинство их без вторичной подработки, и только по выколам, заполировке, насечкам и выщербинами на лезвиях (рабочих краях) нам удалось определить их назначение. Меньшая часть их имеет полную или частичную краевую ретушь, нанесенную то с брюшка, то

²² Заостряющая ретушь делается очень тонкой и большей частью мелкофасеточной. Притупляющая ретушь наносится с целью удобства при работе резчиком, чтобы острый край не резал руку. При осмотре пластинок следует очень внимательно отличать заостряющую и притупляющую ретушь, так как такой анализ позволяет легче определить функциональную значимость орудия.

²³ Поэтому при характеристике пластинок следует обращать внимание не только на ретушь и выемки, но и главным образом на следы от работы; такие следы вернее всего укажут на назначение орудия.

со спинки по двум или по одному краю. Ретушь двойного характера — затупляющая и заостряющая (табл. XII, рис. 6—8). Небольшую группу составляют пластинки с выемками (табл. XI, рис. 9; табл. XII, рис. 9—10), служившие, по-видимому, скобелями. Следует отметить, что для этой группы орудий редко употреблялись правильно огранные пластинки, обычно более изогнутые или отщепы. Выемки, от одной до пяти, располагаются чаще на одной стороне.

Некоторые пластинки с выемками одновременно служили и резчиками, о чем говорит заполированность углов. Найдены и небольшие микропластинки (табл. XI, рис. 11, 12).

Скребки на концах пластинок встречены только в двух экземплярах. Один из них низкий, прямой, на конце узкой пластинки отщепя, а другой низкий, полудуговой, на конце широкой пластинки.

Проколки и острия встречены в небольшом количестве. Характерно острие-проколка на конце узкой микропластинки. Частичная крутая ретушь идет с половины одного края до конца острия. Эта форма типична для крымского мезолита и неолита (табл. XI, рис. 8, 10). Остальные острия не имеют ретуши.

Самую большую группу представляют всевозможные пластинки, обрубленные и целые, приготовленные для выделки орудий. На них нет вторичной обработки (ретуши) и следов от работы.

Найдено значительное количество обломков концов пластинок; это отбросы производства орудий из пластинок. В большей своей части пластинки шли на выработку всевозможных вкладышевых форм и микролитов. По своему внешнему облику вкладыши имеют геометрические формы прямоугольников, трапеций, сегментов, треугольников и форм, приближающихся к ним.

Самую большую группу вкладышей представляют короткие и удлиненные прямоугольники²⁴, сделанные из разрубленных пластинок. Размеры их различны. Есть миниатюрные — около 0,5 см длиной и больше — до 2 см. Значительная часть их не имеет вторичной обработки (табл. XIII, рис. 1—3). Небольшое количество коротких прямоугольников имеет мелкую ретушь на

²⁴ Короткие прямоугольники выделяются нами из прямоугольников по своим меньшим размерам и приближению к квадратной форме.

боковых сторонах и по одному из краев (лезвий), а иногда выемки и выколы на лезвии (табл. XIII, рис. 4, 5). Удлиненные прямоугольники-вкладыши также различны по величине (2—4 см длиной и 0,8—1,5 см шириной). Они имеют разную обработку: некоторые с ретушью и выемками по одному краю или двум краям; другие — с заостряющей ретушью на одной стороне и притупляющей на другой; третьи — с ретушью с брюшка или со спинки; четвертые — с ретушью и выемками в виде зубчиков по одному или двум краям (табл. XIII, рис. 6—16). Есть также прямоугольники-вкладыши и без ретуши и т. д.

Все вкладыши-прямоугольники сделаны из правильно ограненных пластинок, обрубленных с двух концов. Следует отметить, что обрубленные концы не всегда прямые; встречаются и скошенные под различным углом, по-видимому для лучшего соединения с другими при выделке длинных лезвий. Большая часть указанных вкладышей имеет разную сработанность лезвий и углов, указывающую на их применение. Изучение лезвий прямоугольников показывает, что большинство их служило вкладышами для длинных лезвий в костяных и деревянных основах, подобных миньевской²⁵. По рабочим краям таких вкладышей замечаются выколы, заполировка, выщербины, насечки и т. п. в зависимости от вида работы. Некоторые вкладыши имеют по несколько узких выемок, следующих одна за другой и создающих впечатление зубчатости²⁶ (табл. XIII, рис. 13, 14).

Характерными формами геометрических микролитов VII слоя являются миниатюрные, более или менее равнобокие трапеции с притупляющей ретушью по боковым сторонам, а иногда и по верхнему основанию (табл. XIV, рис. 1—4). Сделаны они из обрубленных пластинок с трехгранной или двугранной спинкой. Длина трапеций по нижнему основанию от 1,5 до 1,8 см, по верхнему — от 0,9 до 1,3 см. Тщательный осмотр этих трапеций показал, что большинство их

²⁵ Костяная основа с пазами из Миньевской стоянки хранится в Киевском Историческом музее (из материалов Н. В. Сибилева).

²⁶ Возможно, что выемки на лезвиях прямоугольников служили для иной цели, чем скобление. Составленное из таких вкладышей длинное лезвие могло служить серпом для срезания дикорастущих злаков.

имеет на углах нижнего основания (лезвия) миниатюрные резцовые отжимные сколы, тонкую, еле заметную подретушировку, выемки или зашлифованность. По-видимому, эти углы и были рабочей частью. Вряд ли резцовые сколы на них могут указывать на принадлежность их к миниатюрным резцам или резчикам, но возможна и такая трактовка этих трапеций²⁷. Вопрос о назначении подобных орудий до сих пор не решен.

Наряду с этими миниатюрными трапециями найдены равнобедренные трапеции больших размеров с узким и широким верхним основанием (табл. XIV, рис. 5—8, 10). Длина первых по нижнему основанию 2,2—2,3 см, по верхнему 0,6—0,7 см. Длина вторых по нижнему основанию 2,5—2,5 см, по верхнему 1,5—1,7 см. Трапеции с узким верхним основанием имеют ретушь по боковым сторонам и выколы от работы на лезвиях по верхнему основанию. Трапеции с широким верхним основанием ретушированы по двум боковым сторонам. Они развиваются непосредственно из крупных трапеций, появившихся в предыдущую эпоху. Встречен один экземпляр миниатюрной высокой трапеции (табл. XIV, рис. 9), а также заготовки таких трапеций (табл. XIV, рис. 11, 12). Из сегментов, найденных в количестве четырех экземпляров, только один имеет раннюю форму, но он меньше других по размерам: длина его по хорде 2,2 см, по дуге идет ретушь (табл. XIV, рис. 13). Остальные приближаются к треугольной форме (табл. XIV, рис. 14—16). Длина их по хорде 1,8—2 см, высота по центру 1—1,5 см. По дуге идет сплошная притупляющая ретушь. На лезвиях нет выщербин и ретуши.

Если сегменты и трапеции VIII слоя были сделаны из отщепов и широких пластинок, то микролиты геометрических форм VII слоя изготовлены из разрубленных пластинок с двугранной или трехгранной спинкой. Кроме того, размеры сегментов и трапеций VIII слоя значительно больше, чем подобных же орудий VII слоя. Увеличение количества сегментов и трапеций по сравнению с предыдущим слоем (16 штук) может указывать

²⁷ Встречающиеся на трапециях, сегментах, четырехугольниках, треугольниках и прямоугольниках отжимные резцовые микросколы, возможно, могли служить для какой-то иной технической цели, выяснить которую можно только путем тщательного изучения большого количества подобных экземпляров.

на увеличение производства геометрических форм и совершенствование вкладышевой техники.

Для полной характеристики кремневого инвентаря VII слоя нам остается дать описание немногочисленной группы орудий из отщепов, нуклеусов и осколков. Найден довольно большой скребок на полуовальном длинном массивном отщепе. Он скорее напоминает скребло. Ретушь нанесена по округлому краю отлогими широкими фасетками (табл. XV, рис. 3). Возможно, что это не скребло, а округлый нож. Кроме того, найдены низкий скребок на отщепе (табл. XV, рис. 4), обломок скребковидного орудия и заготовка скребка. Обнаружено несколько осколков и отщепов с частичной ретушью или выемками. Они могли служить скобелями (табл. XV, рис. 1, 2).

Нуклеусы обнаружены в нескольких экземплярах (табл. XVI, рис. 1—4). Три из них имеют коническую форму и правильные грани (табл. XVI, рис. 2—4). Негативы отжатых узких пластинок указывают на хорошую технику расщепления кремня. Необходимо отметить, что все нуклеусы этого слоя имеют негативы отщепленных пластинок только с одной стороны, а с другой — наблюдается простая оббивка сколами в разных направлениях. Один из конических нуклеусов (табл. XVI, рис. 4) имеет сработанность на остром конце и следы ударов на боку. Вероятно, он употреблялся в качестве отжимника или ретушера. Кроме того, имеются и еще два нуклевидных орудия (табл. XVI, рис. 5, 6). Остальные нуклеусы и нуклевидные осколки служили для выработки отщепов, а не пластинок.

Кремневых осколков разной величины и чешуек найдено свыше 300 экземпляров. Их присутствие в слое свидетельствует о производстве орудий под навесом. Для раскалывания кремня, а возможно, и костей, употреблялись окатанные речные гальки разных размеров, имеющие на концах следы выбоин, указывающие на употребление их в качестве отбойников. Один такой отбойник из продолговатой окатанной гальки сохранил на концах глубокие выбоины и сколы от ударов (табл. XV, рис. 5).

Весь характер кремневого инвентаря указывает на некоторое измельчение — микролитизацию орудий, что свидетельствует о развитии вкладышевой техники.

Вокруг кострищ было найдено большое количество костей животных в сильно раздробленном состоянии. Они располагались гнездами, перемежаясь с кремневыми осколками. Большинство этих костей представляет собой кухонные отбросы. Сильную раздробленность костей нельзя объяснить только добыванием мозга, так как обнаружено много раздробленных костей не трубчатых и не содержащих в себе мозга. Такие кости расщеплены на продолговатые пластинки и обломки, на некоторых видны следы ударов и надрезов. По-видимому, кость в большом количестве шла на поделки, хотя последние почти не встречены в слое. Исключением служит обломок одного орудия с пазами для вкладышей.

Среди большого количества раздробленных костей определимых очень мало. Е. Л. Дмитриевой выделены следующие виды животных: кабан, благородный олень, косуля, заяц, кошка, лисица, осел и домашняя свинья. По сравнению с VIII слоем состав фауны в VII слое несколько изменяется и качественно и количественно. Ведущими видами (по количеству костей и особей) являются кабан, благородный олень и косуля. Найдено много раковин моллюска *Helix vulgatis*. Количество их почти вдвое больше, чем в предыдущем слое. Располагались они большими кучками. Этими исчерпываются находки VII слоя.

Датировка этого слоя устанавливается по геологическим, археологическим и палеонтологическим данным.

VII слой залегает в желтом суглинке и отделяется от предыдущего, VIII слоя, датированного нами азильским временем, тонкой прослойкой. Уже одно это указывает на существенно более позднее время VII слоя. В целом инвентарь этого слоя является дальнейшим развитием инвентаря раннемезолитической стадии. Позднемезолитические слои стоянок Шан-Коба и Фатьма-Коба также залегают над раннемезолитическими слоями, и по инвентарю они сходны с VII слоем Таш-Аир I.

Из всей массы кремневого инвентаря можно выделить ряд руководящих форм, которые могут быть использованы для датировки слоя. Нельзя согласиться с Г. А. Бонч-Осмоловским²⁸, что такой руководящей фор-

²⁸ Г. А. Бонч-Осмоловский. Указ. соч.

мой будет правильно ограненная пластинка, иначе все последующие культуры Горного Крыма, кончая ранней бронзой, могут быть датированы этим же временем; так неправильно были отнесены к тарденуазскому времени многие яйлинские стоянки. Безусловно, правильно ограненные пластинки характерны для этого времени — из них сделана большая часть орудий, — но эти пластинки начинают встречаться еще в Сюреньской палеолитической стоянке и продолжают развиваться в неолите и ранней бронзе. Поэтому пластинка не может быть датирующим материалом.

Основной руководящей и датирующей формой для этого слоя должна, на наш взгляд, служить небольшая равнобокая трапеция (табл. XIV, рис. 1—5) с ретушью по бокам. Она найдена во всех крымских стоянках, относящихся к так называемому тарденуазскому времени²⁹. В предыдущих слоях раннемезолитического времени она не встречается, а в последующее время, в раннем неолите, если и встречается, то в сочетании с новыми геометрическими формами, не наблюдавшимися в слоях позднемеолитического времени.

Датирующими формами этой поры мезолита можно считать также и мелкие сегменты, переходящие в треугольники (табл. XIV,

рис. 14—16). В предыдущем слое они не обнаружены, а в последующих мелкая ретушь по их дуге заменяется широкой плоской ретушью, заходящей на спинку.

В сочетании с этими орудиями руководящими формами для датировки могут служить и конические нуклеусы с негативами узких пластинок, отжатых с одной стороны. Весь кремневый инвентарь характерен для позднего этапа крымского мезолита. Он тождествен инвентарю соответствующих слоев других стоянок Крыма, датированных их исследователями тарденуазским временем³⁰.

Близки к этим стоянкам не только инвентарь и условия залегания VII слоя Таш-Аир I, но также и фауна. Она дает типичных представителей леса (кабан, благородный олень, косуля). Стабилизация и распространение этих животных говорят о благоприятных условиях, создавшихся в Крыму после окончательного отступления ледника. Найденные в VII слое Таш-Аир I и в других стоянках этого времени в большом количестве раковины *Helix vulgaris* и появление камышевого кота свидетельствуют о значительном потеплении. Эти данные подтверждают нашу датировку VII слоя поздним этапом мезолита (тарденуазским временем). Что касается абсолютной хронологии, то сейчас трудно ее установить.

СЛОЙ VI. НЕОЛИТ — РАННИЙ ЭТАП (НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ)

Слой VI залегает над седьмым через довольно большую прослойку светло-желтого чистого лёссовидного суглинка. По своей мощности этот слой значительно превосходит все предыдущие. Камни и известковые плитки встречаются редко. Жилая площадка слоя резко снижается к дороге. Все основные кострища располагались главным образом в центральной части навеса. Средняя длина 1,5—2 м, ширина 1,5 м, толщина 15—30 см. Форма кострищ овальная. Наибольшей величины и толщины они достигали в квадратах II, III d; II, III e; II a¹ и II, III e¹. Прокалка почвы под кострищами значительна. В квадрате IVc¹ кострище расслаивалось на три горизонта по 10 см каждый, между ними залегал желтый суглинок. Мощность слоя, кострища, расположенные одно

над другим, большая прокалка почвы под ними, интенсивная окраска слоя в темный цвет, значительное количество разнообразных находок и другие признаки свидетельствуют о продолжительном пребывании людей под навесом.

Ввиду происшедшего позднее обвала потолка навеса невозможно установить какие-либо бытовые сооружения по устройству жилья. Не исключена возможность существования загородок у входа в пещеру на период зимних холодов. Основная масса находок группировалась вокруг кострищ в центральной части навеса. Кости, кремни и раковины *Helix vulgaris* встречались скоплениями (гнездами). Найдено большое количество культурных остатков и за пределами навеса, на покато́й площадке перед ним, что

²⁹ Фатьма-Коба, Мурзак-Коба, Шан-Коба, II слой Замиль-Коба I, Замиль-Коба II и др.

³⁰ Мурзак-Коба, Фатьма-Коба, Черкез-Кермен, Замиль-Коба II и др.

так же, как и мощность слоя, свидетельствует о большой степени оседлости.

По количеству культурных остатков VI слой превосходит все предыдущие слои вместе взятые, а по составу эти остатки отличаются большим разнообразием. Найдено около 1400 изделий из кремня и камня, несколько костяных поделок и украшений, большое количество раздробленных костей животных и много раковин *Helix vulgaris*.

Кремневый инвентарь на первый взгляд почти такой же, как в предыдущем слое, но при внимательном изучении выявляется значительная разница. Расширяется ассортимент орудий, появляются новые формы и новые приемы в технике раскалывания и обработки кремня (см. сводную таблицу находок, VI слой). В слое найдены разнообразные ножевидные пластинки, всевозможные вкладыши из пластинок, микролиты геометрических форм, резцы, микрорезцы, резчики, остря, проколки, скребки, скобели, нуклеусы, отбойники, ретушеры, отжимники, отщепы, кремневые осколки, каменные плиты и т. д. Около 90% орудий и вкладышевых форм сделано из правильно ограненных пластинок. Рассмотрим кремневый инвентарь по указанным группам.

1. Всевозможные пластинки составляют основную массу всех поделок из кремня. По выделке и очертаниям они достигают большего совершенства, сравнительно с пластинками, найденными в предыдущих слоях, становятся тоньше, уже и правильней. По форме и вторичной обработке их можно разделить на следующие группы:

а) целые пластинки разной величины без ретуши и выемок (табл. XVII, рис. 2, 3);

б) целые пластинки с полной или частичной ретушью по краям или выемками (табл. XVII, рис. 1, 4, 5). Длина и ширина их различны (длина от 5 до 10 см, ширина от 1 до 1,8 см). Ограненность также различна — от 2 до 4 граней на спинке. Преобладают двугранные;

в) пластинки, обломанные с одного конца, без ретуши (табл. XVII, рис. 6);

г) пластинки, обломанные с одного конца, с краевой (частичной или полной) ретушью или выемками (табл. XVII, рис. 7—9);

д) пластинки с концевой поперечной ретушью по скошенному краю (табл. XVIII, рис. 1—3);

е) пластинки со скошенным ретуширован-

ным концом, ретушью и выемками по краям (табл. XVIII, рис. 4, 14, 15);

ж) концы пластинок (отбросы).

По-видимому, пластинки с ретушью служили ножичками, с выемками — скобелями, а пластинки без краевой ретуши и выемок являлись заготовками всевозможных орудий и главным образом разнообразных вкладышевых форм. Значительное увеличение количества концов пластинок указывает на возросшую выработку вкладышевых форм. Кроме этих пластинок найдены микропластинки с притупляющей ретушью по одному краю, также без ретуши (табл. XVIII, рис. 5, 11, 13). Длина этих пластинок 3—4 см, ширина 0,6—0,8 см.

2. Пластинки-вкладыши (удлиненные прямоугольники) встречены в значительно большем количестве, чем в предыдущем слое (см. сводную таблицу находок). Все они сделаны из правильно ограненных пластинок, обрубленных с двух концов. Имеются пластинки с прямо обрубленными концами и косо обрубленными³¹. Длина и ширина этих пластинок разная. Длина колеблется от 2 до 6 см и ширина от 0,7 до 2,7 см. Пластинки-вкладыши можно разделить на группы по форме и вторичной обработке:

а) удлиненные пластинки-вкладыши, называемые нами прямоугольниками, без вторичной обработки, обрубленные с двух концов (табл. XVIII, рис. 12);

б) удлиненные пластинки-вкладыши с частичной и полной краевой заостряющей ретушью (по одному или двум краям) (табл. XIX, рис. 1, 2);

в) удлиненные пластинки-вкладыши с выемками и зубчиками по краям (табл. XIX, рис. 3, 4, 5).

Все указанные вкладыши сделаны из прямых и правильно ограненных пластинок. Следует отметить тщательность работы при обламывании концов. На лезвиях большинства пластинок-вкладышей имеются следы от работы в виде косых зазубрин с брющка, черточек в разных направлениях, выколов, зашлифованности и т. д. Эти следы указывают на то, что рабочей частью были лезвия. Следует обратить внимание на увеличение в этом слое сравнительно с предыдущим количества пластинок-вкладышей с выемками и выколами по лезвию.

³¹ По-видимому, это делалось со специальной целью получить искривленные лезвия.

При соединении их получалось длинное лезвие с зубчиками³².

3. Прямоугольники-вкладыши короткие из разрубленных пластинок найдены в большем количестве, чем в предыдущем слое (см. сводную таблицу находок). Сделаны они из правильно огранных пластинок, узких и широких. Размеры их также различны. Длина колеблется от 0,6 до 2 см, а ширина от 0,9 до 2 см. По своей форме и вторичной обработке они делятся на группы:

а) прямоугольники-вкладыши короткие без ретуши (табл. XIX, рис. 6—9);

б) прямоугольники короткие с тонкими резцовыми сколами на одном или двух углах (табл. XIX, рис. 10—12);

в) прямоугольники короткие с выемками по лезвию (табл. XIX, рис. 17);

г) прямоугольники короткие с ретушью, частичной или полной, по лезвиям (табл. XIX, рис. 13—16, 18, 19).

Тщательный осмотр этих вкладышей показывает, что почти все они употреблялись для работы, но имели, по-видимому, разное назначение, на что указывают неодинаковая вторичная обработка (ретушь, выемки, резцовые сколы и пр.) и сработанность лезвия или углов (выколы, залощенность, зарубки, выщербины и т. д.); но большая часть их служила для оснащения костяных или деревянных основ с длинными лезвиями. Необходимо отметить их совершенствование на протяжении от раннего мезолита и кончая энеолитом.

4. Геометрические формы микролитов представлены всевозможными трапециями, сегментами и треугольниками (табл. XX, рис. 1—17).

Трапеции обнаружены разных типов. Есть длинные и короткие равнобокие трапеции, встречающиеся в предыдущем слое (табл. XX, рис. 1—4), но наряду с этими старыми формами обнаружены и новые формы — высокая равнобокая трапеция, являющаяся прообразом трапеции со струганой спинкой (табл. XX, рис. 5, 6). Появившись в VI слое, они в слое Va переходят в форму трапеции со струганой спинкой. Разные по размерам, некоторые высокие, равнобокие трапеции имеют на боковых сторонах отжимную отло-

гую ретушь, частично заходящую на спинку. Рабочими краями их служили лезвия (основания), на них есть выемки и выколы. Длина такой трапеции по лезвию 2 см, а высота (ширина) 2,1 см.

Также новой формой являются трапеции с одной удлиненной боковой стороной в виде шипа, а другой — косо срезанной (асимметричные трапеции). Ретушь на боковых сторонах отжимная, плоская, заходящая частично на спинку (табл. XX, рис. 7, 8, 9). На углах этих орудий есть выколы, а на лезвии одной трапеции — выемки и отжимной резцовый скол с брышка. Эта новая форма в дальнейшем развивается в геометрическую форму ромба со струганой спинкой. Длина таких трапеций по лезвию 2,3—2,5 см, ширина 1,5 см. Сделаны они из тонких трехгранных пластинок. Найдены и заготовки трапеций или трапеции без ретуши (табл. XX, рис. 14—17).

Сегменты и треугольники, встреченные в VI слое в количестве четырех экземпляров, имеют азило-тарденуазские формы, но отличаются более мелкими размерами и тонкой ретушью (табл. XX, рис. 10—13).

Все перечисленные геометрические формы микролитов служили, по-видимому, для разных целей. Некоторые имеют сработанность, зашлифовку от работы и ретушь на углах; другие — выемки и выколы на лезвиях (основаниях), а иные — тонкие резцовые отжимные сколы на части лезвия. Эти признаки могут указывать на способ их употребления. Сегменты и ромбовидные трапеции служили, вероятно, для оснащения метательных орудий (стрел, дротиков, гарпунов и пр.), так как у них особо тщательно обработаны углы (у ромбов — острая часть, шипы).

5. Довольно значительную группу орудий представляют всевозможные резцы. Они встречены в большем количестве, чем в предыдущих слоях. Возможно, это объясняется большей мощностью VI слоя, а может быть, и развитием вкладышевой техники, потребовавшей значительного количества орудий для резьбы.

Преобладающей формой являются резцы на углах обрубленных пластинок. Все они, за редкими исключениями, однофасеточные (табл. XXI, рис. 1—4). Резцовые сколы отличаются тонкостью и миниатюрностью. Нанесены они путем отжима по концу длинного

³² Такие вкладышевые формы могли служить для изготовления серпов в костяных или деревянных основах

края пластинки или перпендикулярно к нему по прямому или скошенному концу пластинки. Найдено несколько дублированных резцов на концах обрубленных пластинок.

Микрорезцы, сделанные на углах обрубленных пластинок и на микропластинках, найдены в большем количестве, чем в предыдущем слое (табл. XXI, рис. 5—11). Их распространение связано, по-видимому, с более тонкими работами по кости и дереву. Резцы палеолитического облика на осколках (сколах) и отщепах встречены в единичных экземплярах и имеют деградирующую форму (табл. XXII, рис. 1—3). Для удобства держания в руках острые края их имеют затупляющую ретушь.

Обнаружено много резчиков, которые начинают вытеснять резцы. Неся резцовую функцию, они становятся руководящей формой. Сделаны они в основном на углах обрубленных пластинок и частично на концах целых пластинок (табл. XXII, рис. 4—10). Формы этих резчиков не случайны, а повторяются и развиваются. Кроме явных орудий этого типа, в слое найдено значительное количество подобных же орудий, но без ретуши по углам и сечениям. На углах их наблюдаются зашлифованность и царапины от работы ими по твердому материалу в качестве резчиков. Нередко острые края этих резчиков имеют частичную притупляющую ретушь.

Пластинки с поперечной ретушью по прямому или скошенному концу, описанные выше, также могли служить резчиками, так как их углы имеют сильную зашлифованность от работы.

6. Острия найдены в небольшом количестве; из них интересны обломок острия со скошенным концом (табл. XXII, рис. 11), а также острие на конце пластинки или обломок орудия (наконечника стрелы) с ретушью по одному краю со спинки, а по другому с брюшка; острый конец имеет двустороннюю обработку — и со спинки и с брюшка; ретушь отжимная, повторяющая традиции солотрейской ретуши (табл. XXII, рис. 12). Есть еще несколько обломков острий.

Проколки встречены в единичных экземплярах. Один обломок проколки обработан по одному краю легкой ретушью, а по другому резцовым сколом (табл. XXII, рис. 13).

7. Скребки и скребковидные орудия найдены в значительном количестве. По своей

форме и обработке они могут быть разделены на несколько групп:

а. Скребки на концах пластинок — найдены в количестве 11 экземпляров (табл. XXIII, рис. 6, 9, 14). Форма рабочего края различная — прямая, округлая и скошенная. Есть низкие и средние скребки. Ретушь также разная — отлогая или крутая. Нанесена она широкими или узкими фасетками. Боковые края пластинок часто имеют ретушь с брюшка или спинки. Такие скребки, вероятно, служили и ножами, так как на их краях имеются выколы и царапины.

б. Скребки на коротких пластинчатых отщепах встречены в том же количестве. По форме рабочего края они разделяются на дуговые, полудуговые, прямые и скошенные, а по толщине отщепа — на низкие, средние и высокие, а также узкие и широкие, по ретуши — на крутые и отлогие (табл. XXIII, рис. 2, 3, 5, 7, 11, 13).

в. Скребки на округлых осколах найдены в меньшем количестве. Есть скошенные, полудуговые и дуговые, крутые и отлогие (табл. XXIII, рис. 1, 4, 8, 10, 12).

Обнаружен один большой скребок на массивном осколке, напоминающий мустьерское скребло, но ретушь на нем отличается тонкостью. Она отлогая и нанесена отжимом по части острого края осколка с брюшка (табл. XXIV, рис. 1). Возможно, что этот скребок служил округлым ножом. Необходимо отметить и еще один экземпляр скребковидного орудия. Рабочий конец его сделан при помощи крупных крутых фасеток (табл. XXIV, рис. 2). Он мог служить ножом или резчиком.

8. Скобели встречены в незначительном количестве. Сделаны на пластинках или осколках.

Скобели на краях пластинок (так называемые пластинки с выемками) одновыемчатые, двувыемчатые и многовыемчатые. Выемки узкие и широкие. Найдено несколько экземпляров концевых скобелей на концах пластинок. Часть скобелей сделана на осколках (табл. XXIV, рис. 3—6). Они не имеют отчетливой, повторяющейся формы и, по-видимому, не имели большой ценности. Любой осколок можно было быстро сделать скобелем.

9. Осколки и отщепы составляют больше половины всех кремневых находок. Они имеют разные размеры — крупные, средние и

малые. Кроме того, найдено много мельчайших кремневых чешуек. Многие осколки и отщепы употреблялись как режущие и скобящие орудия, так как на них имеются выколы, зашлифованность и частичная ретушь.

10. Кремневые заготовки также обнаружены в VI слое. Они представляют собой куски кремней с оббитой коркой и кремневые гальки с частично оббитой коркой.

11. Нуклеусов и нуклевидных крупных осколков найдено около 30 штук. По своей форме они различны. Использовались для выделки пластинок, отщепов и осколков.

Особое внимание обращают на себя конические нуклеусы с негативами отжатых узких пластинок со всех сторон (табл. XXV, рис. 3). В предыдущем слое они не встречались, а при дальнейшем развитии (в эпоху энеолита и ранней бронзы) переходят в карандашевидную форму. Появляются нуклеусы подцилиндрической формы с двумя ударными площадками (табл. XXV, рис. 2). Одна плоскость сделана оббивкой вершины одним ударом, а вторая поперечными сколами, нанесенными с одного бока. Подцилиндрический нуклеус обработан со всех сторон (сечение — многоугольник). Появление таких нуклеусов указывает на дальнейшее развитие вкладышевой техники. По-видимому, от такого нуклеуса легче было отжимать длинные, прямые, одинаковой величины пластинки. Найдены также уплощенные нуклеусы с негативами пластинок и отщепов с одной стороны, а с другой стороны обработанных сколами. Такие уплощенные нуклеусы развиваются в позднем неолите и энеолите. Обнаружено несколько нуклеусов овальной, поддисквидной формы (табл. XXV, рис. 4). Наряду с новыми формами существуют в VI слое и старые формы, описанные в предыдущих слоях.

В значительном количестве имеются здесь крупные нуклевидные отщепы. Среди них — резцы (табл. XXV, рис. 1), скребковидные орудия, ножи и резчики (табл. XXVI, рис. 1—4). Они подработаны ретушью, резцовыми сколами и т. п.

12. Ретушерами служили кремневые желваки, гальки, заготовки нуклеусов, нуклеусы и пр. Чаще всего ретушерами были сработанные нуклеусы. На их концах видны раздробленность, выбоины и другие следы употребления. Найдены и отжимники из отрабо-

танных нуклеусов, концы которых затуплены от работы.

13. Отбойники по форме и материалу не отличаются от подобных же орудий предыдущих слоев. Это продолговатые гальки и окатанные камни. Выбоины и другие следы указывают на их употребление в качестве отбойников.

14. По сравнению с другими слоями в VI слое найдено значительно большее количество всевозможных каменных плиток, часть которых служила наковаленками при обработке орудий, а часть — плитками для растирания. Обнаружены два обломка крупных каменных плит и обломок округлого камня, которые могли служить в качестве зернотерок. Данные предметы представляют большой интерес в связи с выяснением вопроса о существовании в это время зачатков земледелия. Некоторый интерес представляет и находка обломка продолговатого массивного каменного песта. Около кострищ встречено много мелких окатанных галек, лежавших отдельными кучками. Они, вероятно, служили для нагревания воды или варки пищи в глиняных или деревянных сосудах.

Чрезвычайный интерес представляет находка в этом слое 11 обломков примитивного толстостенного сосуда из глины. Толщина его стенок около 2,3 см. В разрезе видна двуслойность (табл. XXV, рис. 5). Наружная поверхность желтовато-серая, внутренняя — черная. Обжиг средний. Тесто приготовлено из глины с примесью песка и слюды. По верху сосуда видны линии от заглаживания, по-видимому травой; они особенно заметны внутри сосуда, где имеют вид бороздок, идущих путаными концентрическими кругами³³.

Находки обломков глиняной посуды указывают на появление первых керамических изделий. По-видимому, сосуд был остродонным. Толщина его, обжиг, техника изготовления и форма свидетельствуют о примитивности процесса изготовления глиняной посуды.

Значение находок в Крыму первой глиняной посуды трудно переоценить. Они дали нам возможность впервые поставить вопрос

³³ Необходимо отметить, что такие линии-бороздки продолжают встречаться в глиняной посуде и в более позднее время (неолит, энеолит и бронза), что свидетельствует о преемственности и связи культур раннего неолита, развитого неолита и бронзы Крыма.

о выделении раннего неолита Крыма из среды тарденуазских микролитических стоянок.

В этом же слое найдены и костяные поделки, но в незначительном количестве. Среди них проколка из трубчатой кости животного с острым зашлифованным от работы концом (табл. XXVII, рис. 2). Длина проколки 7,1 см, наибольшая ширина 1,2 см. Имеется обломок костяного предмета; его широкий конец обрезан и отесан острым кремневым орудием, рабочий конец обломан, на оставшейся части видны следы обработки (табл. XXVII, рис. 1). Длина его 14,2 см, наибольшая ширина 2,6 см. Найдено и еще несколько костей со следами обработки, среди них следует отметить обломки рога с обработкой.

Огромное количество костей животных найдено в раздробленном, а иногда в измельченном состоянии. Эти кости представляют собой не только кухонные отбросы, но и материал, служивший для изготовления костяных поделок.

Среди необработанных костей очень мало определенных. Е. Л. Дмитриевой выделены следующие виды животных: дикий бык, благородный олень, косуля, кабан, заяц, домашняя свинья и крупный рогатый скот. По количеству костей и особей преобладают свинья, благородный олень и крупный рогатый скот.

В слое были обнаружены в большом количестве также раковины *Helix vulgaris*. Располагались они гнездами, кучками. Следует отметить сравнительно хорошую сохранность раковин. Большая часть их не имеет никаких повреждений и закопченности. Найдены и остатки речных раковин и древних ископаемых раковин, а также несколько белемнитов.

Этими находками исчерпываются культурные остатки VI слоя. Они, как видно из их характеристики, несут в себе много новых черт, не известных в предыдущих слоях. Изменяется ассортимент кремневых орудий и техника их выделки, появляются первые керамические изделия, меняется состав фауны и т. д. Будучи непосредственным продолжением предыдущей, тарденуазской стадии, VI слой по своим новым чертам относится уже к новому историческому этапу — к раннему неолиту.

Поскольку нами впервые выделяется этот этап, необходимо несколько подробнее остановиться на датировке VI слоя. Основным

датирующим фактором служит стратиграфическое расположение слоя. Он залегает над VII слоем, относящимся к тарденуазскому времени, через прослойку светло-желтого суглинка. Учитывая это, а также особенно близкое сходство кремневого инвентаря VI и VII слоев, мы можем отнести VI слой к послетарденуазскому времени, или, по нашей классификации, к раннему неолиту.

Основным датирующим материалом этого слоя может служить появление первой примитивной глиняной посуды. Подобные же обломки посуды были найдены нами в VI слое стоянки Замиль-Коба II, где из нескольких обломков удалось восстановить часть днища сосуда, имевшего остродонную форму типа ранней керамики, как, например, в датских Кьёккенмеддингах³⁴ или в стоянках культуры Эртебёлле и др.³⁵ Все указанные памятники датируются концом мезолита или ранним неолитом.

Руководящей и датирующей формой геометрических микролитов VI слоя будет высокая равнобокая трапеция — прообраз трапеции со струганой спинкой (табл. XX, рис. 6)³⁶. В предыдущем слое она не встречается, а в последующем переходит в трапецию со струганой спинкой, которая составляет руководящую и датирующую форму развитого неолита Крыма. Руководящими формами для этого слоя являются также особые «муфты» из рога благородного оленя. В VI слое Таш-Аир I найдены невыразительные обломки их, а в том же слое пещерной стоянки Замиль-Коба II они обнаружены целыми и в значительном количестве (табл. XXVIII, рис. 1 и табл. XXIX, рис. 1, 2). Подобные муфты из рога благородного оленя начинают встречаться в культурах Маглемозе и Эртебёлле на западе, а на востоке — в пределах распространения трипольской и ямной культур. По-видимому, появившись в конце мезолита, они продолжают бытовать

³⁴ П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 632.

³⁵ I. G. D. Clark. The mesolithic settlement of Northern Europe. Cambridge University press, 1936, табл. 53, стр. 147.

³⁶ Струганая ретушь встречается на этих трапециях, но она еще не смыкается и не занимает всей спинки. Подобные трапеции найдены в пещерной стоянке Замиль-Коба I (верхний слой), в Замиль-Коба II (слой VI) и других местах, как, например, в могильниках Надпорожья или в стоянке у г. Черкесска на Кубани.

всю эпоху неолита и энеолита и встречаются в более позднее время.

Резкое увеличение в VI слое по сравнению с предыдущим количества правильно ограниченных пластинок и орудий, сделанных на пластинках, является свидетельством развития нового этапа в истории первобытного Крыма. Об этом же говорит и совершенствование техники отжима пластинок от нуклеусов и улучшение отжимной ретуши. Чаше, чем в предыдущих слоях, вместо затупляющей ретуши в VI слое применяются отжимные сколы. Появление конических и цилиндрических нуклеусов с ровной ударной пло-

щадкой и негативами пластинок, отжатых со всех сторон нуклеуса, также подтверждает наш вывод о неолитической датировке VI слоя. Большая мощность культурного слоя, наличие в нем костных остатков крупного рогатого скота и других домашних животных свидетельствуют об изменениях в хозяйстве и появлении оседлости.

Если принять при этом во внимание и отдельные факты, позволяющие до некоторой степени приурочить ко времени этого слоя и зачаточные формы земледелия, то все это в совокупности помогает уточнить время VI слоя, как время наступающего неолита.

СЛОЙ V

При раскопках навеса Таш-Аир I в 1938 и 1939 гг. нам не удалось разделить мощный V слой на горизонты, так как в эти годы исследование производилось на площадке внутри навеса, где наслоения были тонкими и частично перепутанными каменными глыбами, упавшими с потолка. В 1940 г. раскопки велись на площадке, выходящей за пределы навеса. Здесь, под сплошной грядкой каменных глыб, упавших с потолка навеса, все древние наслоения сохранились в неприкосновенности до нашего времени и их правильное чередование ничем не нарушено. Кроме того, следует отметить, что наслоения площадки имели большую мощность, чем наслоения внутри навеса, и по своей окраске довольно резко различались между собой. Накопленный нами опыт по раскопкам многослойных пещерных стоянок Горного Крыма позволил в 1940 г. улучшить методику раскопок. Для проверки и выяснения правильности установленного нами чередования культурных наслоений Таш-Аир I, в 1940 г. был выделен контрольный раскоп III—IV $b^1c^1d^1$. Перед началом его исследования мы еще раз тщательно изучили отложения и наслоения навеса по специально оставленным перемычкам.

После исключительно трудной работы по снятию каменных сплошных глыб метровой толщины мы начали исследование лежавших под ними древних слоев (V, VI, VII, VIII, IX); расчистка их велась с фиксацией находок через каждые 10 см (внутри слоев). Под камнями контрольного раскопа шли вниз кострища, расположенные одно

под другим. Можно думать, что эти кострища разновременные, так как между ними имелись тонкие прослойки без углей и золы. В V слое располагались одно над другим четыре кострища. Мы разбили этот слой на пять горизонтов: 5₀, 5₁, 5₂, 5₃, 5₄. По характеру находок и частично по расцветке эти горизонты различались между собой.

Горизонт 5₀ — непосредственно под камнями — представлял коричневатую прослойку, в которой найдены кострище и грубые кремни, крупные пластинки, орудия с двусторонней обработкой, темная тонкая керамика с орнаментом и толстая лощеная керамика с плоским дном, кости животных и раковины.

Горизонт 5₁ имел те же находки, но с большим количеством правильно ограниченных пластинок.

Горизонт 5₂ располагался через тонкую светлую прослойку; находки в нем сходны с находками предыдущего горизонта, но встречалось больше пластинок правильной формы, геометрических форм микролитов и керамики особого типа.

Горизонт 5₃ состоял из серо-беловатого суглинка без кострищ. В нем уже резко увеличиваются находки кремней и костей животных; керамика в этом горизонте остродонная, с бороздчатым и зубчатым орнаментом.

Горизонт 5₄ (низ V слоя) — находки такие же, как и в предыдущем горизонте, но керамика особая, с зубчатым орнаментом. Эта керамика найдена на границе V и VI слоев.

Подобному же исследованию были подвергнуты и нижние слои. Столь тщательное изучение контрольного раскопа с разделением его на горизонты подтвердило правильность ранее установленной нами стратиграфии и позволило разделить V слой на два горизонта: *Va* и *Vb*. Соответственно этому были распределены и находки из этих горизонтов (5_0 и 5_1 относятся к горизонту *Vb*, а 5_2 , 5_3 , 5_4 — к горизонту *Va*).

Жилая площадка V слоя начиналась не у стенок навеса, а отступя от него на 1,5—

2 м. Поверхность ее отличалась неровностью и шла уступами, снижаясь к дороге. Низ V слоя отделялся от VI слоя прослойкой камней³⁷, плиток и почвы, а верх его был прикрыт огромными глыбами камней, упавших с потолка пещеры. V слой состоял из темно-серого суглинка около кострищ и серовато-желтого вдали от них. На дне слоя наблюдалась тонкая прослойка мелких сухопутных раковин. В стоянке Таш-Аир I слой V является самым мощным.

ГОРИЗОНТ *Va*. НЕОЛИТ — ПОЗДНИЙ ЭТАП

Горизонт *Va*, как указано выше, выделен нами в слой *Va*. Если предыдущие слои почти не заходили за линию края потолка навеса, то этот слой распространяется по всей площадке. Кострища обнаружены как в пределах навеса, так и на площадке перед ним. По толщине и размерам они превосходят кострища нижних слоев. Форма их расплывчатая (близкая к овальной). Толщина в центре 10—15 см. Прослежено несколько кострищ; особенно большими размерами отличалось кострище, расположенное в квадратах II—III—IV *a, b, c, d*. Оно состояло из ряда отдельных кострищных прослоек, что, как можно полагать, указывает на длительность проживания на этом месте одной и той же группы людей.

В слое найдены всевозможные кремневые орудия и осколки, каменные плитки, гальки и отбойники, окрашенные плитки и кусочки красной краски, костяные орудия и поделки, обломки глиняных сосудов, кости животных в очень большом количестве, раковины сухопутных и речных моллюсков, угли и пр. По количеству находок этот слой превосходит все остальные. Всего найдено свыше 3 тыс. вещей, не считая костей животных и раковин (см. сводную таблицу находок, V слой).

Кремневый инвентарь по своему составу и обработке значительно отличается от предыдущих наслоений. Кремень по преимуществу серых тонов (светло-серый, темно-серый, дымчатый); другие цвета редки, но встречаются красный, розовый, желтый, белый, черный и пр. По-видимому, кремень не добывали на месте, а приносили.

Кремневый инвентарь состоит из всевоз-

можных пластинок, пластинок-вкладышей, геометрических микролитов, микроорудий, резцов, резчиков, скребков, скребел, острий, проколов, ножей, нуклеусов, нуклевидных орудий, отщепов и различных осколков.

Рассмотрим кремневый инвентарь по группам в указанном порядке.

1. Подавляющее большинство кремневых поделок составляют пластинки. В выработке их люди достигли известной степени совершенства. Преобладают длинные узкие пластинки правильных форм с 2—3—4 гранями на спинке. Наряду с узкими пластинками есть и широкие, отжатые от призматических нуклеусов. Появление огромного количества правильно ограненных пластинок указывает на прогресс техники их отщепления от нуклеусов. Ретушь на пластинках также доведена до большой тонкости. Особенного расцвета достигает отжимная техника.

В предыдущем слое таких правильных пластинок было меньше, в слое *Va* их уже много. Увеличивается и количество узких микропластинок. Большая часть пластинок шла на изготовление всевозможных вкладышей, а затем на выделку других орудий, которые почти на 100% сделаны из пластинок. Значительное количество пластинок служило самостоятельными орудиями, которые можно разделить на следующие группы:

а) узкие и широкие, правильно ограненные пластинки с ретушью и выемками на

³⁷ По-видимому, периоды интенсивного разрушения потолка и стен навеса свидетельствуют о резких колебаниях температуры или климатических изменениях.

двух краях — с брюшка и со спинки. Длина их колеблется от 6 до 9 см, ширина от 0,8 до 2,2 см (табл. XXX, рис. 1, 2, 8);

б) пластинки с ретушью и выемками на двух краях со спинки. Величина такая же. Ретушь заостряющая и притупляющая. Выемки небольшие, образующие зубчики (табл. XXX, рис. 3—5);

в) пластинки с частичной ретушью и выемками с брюшка по двум краям, размеры такие же (табл. XXX, рис. 9);

г) пластинки с частичной ретушью и выемками по одному краю — с брюшка или со спинки (табл. XXX, рис. 6, 7);

д) пластинки узкие и широкие без вторичной обработки (табл. XXX, рис. 10);

е) пластинки с поперечной концевой ретушью на скошенном конце (табл. XXXI, рис. 1, 2);

ж) пластинки с концевой поперечной ретушью и ретушью по боковому краю (табл. XXXI, рис. 3—6);

з) широкие пластинки с тонкой ретушью по краям (ножи). Длина их от 6,5 до 8,2 см, ширина от 1,8 до 2,5 см;

и) микропластинки с краевой ретушью. Длина их от 2,5 до 5,5 см, ширина от 0,5 до 0,8 см (табл. XXXI, рис. 7);

к) микропластинки без ретуши (табл. XXXI, рис. 8—12);

л) концы пластинок (отбросы производства).

Изучение всех этих категорий пластинок показывает, что они представляют собой разнообразные орудия (ножи, скобели, резчики и пр.). Многие формы повторяются почти с точностью, как будто их делал один мастер. Повторение одной и той же ретуши в одних и тех же местах пластинок указывает на определенную, выработавшуюся форму орудий с определенной функцией. Необходимо обратить особое внимание на увеличение по сравнению с предыдущим слоем количества пластинок с выемками. Они могли служить вкладышами для серпов. Ретушь, частичная или полная, на большинстве пластинок почти не отличается от ретуши предыдущего слоя, но наметилась и новая тенденция: все чаще ретушь наносится не только по краю лезвия, но заходит и на часть брюшка (смотря по тому, откуда она наносится); чаще начинают встречаться орудия с двусторонней ретушью по краю (с брюшка и со спинки). Развивается новая

техника нанесения ретуши — плоская отжимная, так называемая струганая.

Наличие большого количества концов пластинок и пластинок без ретуши (заготовок) свидетельствует о дальнейшем развитии вкладышевой техники.

2. Пластинки-вкладыши представляют собой значительную часть кремневого инвентаря слоя Va (табл. XXXII, рис. 1—19). По сравнению с предыдущим слоем их становится почти вдвое больше. Они производятся из пластинок различной длины и ширины, но обязательно правильно ограниченных, обрубленных с двух концов. Мы называем эти пластинки вкладышами-прямоугольниками удлиненной и короткой формы. Длина их колеблется от 0,7 до 12 см, а ширина от 0,8 до 2,2 см. По вторичной обработке они подразделяются на те же категории, что и в VI слое. Некоторые удлиненные и короткие прямоугольники-вкладыши имеют на лезвиях или углах частичную ретушь, выемки, резцовые сколы и т. п., а также обнаруживают на лезвиях следы от работы (выколы, залощенность, выщербины, нарезки и т. д.). Все эти орудия служили вкладышами, возможно для создания длинных кривых лезвий, так как концы их обрублены и прямо и косо.

3. Наряду с пластинками-вкладышами найдены и разнообразные микролиты геометрических форм в виде трапеций, сегментов и треугольников. Сделаны они, так же как и прямоугольники, из разрубленных тонких пластинок разной величины. Наиболее характерны так называемые трапеции со струганой спинкой. Встречены они в нескольких экземплярах. Есть высокие равнобедренные трапеции и низкие. Ретушь струганая (отжимная, плоская) идет по бокам и спинке (табл. XXXIII, рис. 1—6). Высокие равнобокие трапеции со струганой спинкой развились из высоких равнобоких трапеций предыдущей стадии. Большим изяществом отличается равнобокая трапеция с широким нижним и узким верхним основаниями. Боковые стороны ее ретушированы плоской отжимной ретушью, заходящей на спинку (табл. XXXIII, рис. 7). Найдены и трапеции более ранних форм (табл. XXXIII, рис. 8—11). Новой формой является небольшой сегмент с плоской ретушью по дуге на спинке (табл. XXXIII, рис. 12). Наряду с ним встречены сегменты,

близкие к треугольникам, с ретушью по дуге (табл. XXXIII, рис. 13 и 14). Найдены в значительном количестве и заготовки разных геометрических форм микролитов, позволяющие судить о технике их изготовления из разрубленных пластинок (табл. XXXIII, рис. 15—18). О назначении микролитов геометрических форм можно судить по следам от работы на их лезвиях и углах.

Трапеции, особенно равнобокие со струганой спинкой, имеют выколы, тонкую ретушь, заполированность и выемки только на лезвиях — нижних основаниях. На продолговатых трапециях и некоторых сегментах сработаны углы, часть их имеет тонкие резцовые сколы от острого конца к середине основания. Можно думать, что трапеции служили для составления длинных лезвий, также возможно, что они были наконечниками стрел. Сегменты же могли использоваться для оснащения метательных орудий.

4. В отдельную группу следует выделить разнообразные микроорудия, обнаруженные в слое *Va* в большем количестве, чем в предыдущих слоях. Среди них имеются микро-резцы, микроскребки, микроострия, микропластинки, микровкладыши и пр. Микрорезцы, как правило, боковые, однофасеточные на углах миниатюрных обрубленных пластинок, иногда с подретушевкой противоположного края (табл. XXXIV, рис. 8, 9, 10). Найдены и микрорезцы боковые, односторонние на небольших осколках и отщепках (табл. XXXIV, рис. 7).

Микроскребки полудуговые, прямые и скошенные сделаны на концах микропластинок и микроотщепов (табл. XXXVI, рис. 16—21). Ретушь на них отжимная и тонкая. Эти миниатюрные скребочки, длиной 1—2 см и шириной 1,3—1,6 см, впервые появляющиеся в слое *Va*, характерны для поздних неолитических стоянок юга и могут служить датировочным материалом. Наряду с ними встречены микроострия на концах миниатюрных заостренных пластинок (табл. XXXVIII, рис. 7—9). По скошенному краю одного идет тонкая ретушь, у другого конец заострен ретушью с двух краев, а у третьего тонкая ретушь по вогнутому краю. Подобные острия, вероятно, были вкладышами сложных орудий.

Необходимо отметить, что миниатюрные орудия в Крыму делаются многочисленными

только со времени позднего, развитого неолита и встречаются в энеолите и ранней бронзе. Микролитизация орудий достигает известной степени совершенства только в это время.

5. Среди орудий слоя *Va* значительную группу составляют всевозможные резцы. Сделаны они на концах правильно ограниченных пластинок, на продолговатых отщепках и всевозможных осколках. Преобладают угловые резцы на концах сломанных пластинок. Они подразделяются на боковые однофасеточные, боковые многофасеточные и срединные. Иногда по краю, противоположному сколу, имеется затупляющая ретушь (табл. XXXIV, рис. 1—6). Величина этих резцов различна. Резцовые сколы на них отличаются особой тонкостью, сделаны они путем отжима. Иногда резцовые сколы идут по поперечному обрубленному концу пластинки с брюшка или со спинки, а на углу бокового края — тонкая частичная ретушь перпендикулярно к резцовому сколу. Встречено много резцов на отщепках и осколках. Они также разделяются на боковые и срединные, на однофасеточные и многофасеточные (табл. XXXV, рис. 1, 2, 4). Кроме резцовых сколов, некоторые из них имеют притупляющую ретушь по краям, противоположным сколу, или поперечную притупляющую ретушь по скошенному или прямому концу. Из них следует особо выделить резец на углу большого пластинчатого отщепка; по своей форме он напоминает классические палеолитические резцы (табл. XXXV, рис. 1). Имеется также около десяти многофасеточных срединных и боковых резцов, рабочая часть которых приготовлена путем нанесения резцовых сколов под острым или прямым углом друг к другу, по углу края и по поперечному (скошенному или прямому) концу (табл. XXXV, рис. 4). Кроме того, найдено два атипичных нуклевидных резца-резчика (табл. XXXV, рис. 5). Разнообразие и большое количество резцов свидетельствуют о развитии резных работ по кости и дереву, что и подтверждается увеличением числа костяных поделок.

Наряду с резцами найдено много резчиков. Сделаны они главным образом на углах обрубленных пластинок, но встречаются и на осколках и отщепках (табл. XXXV, рис. 6—9). Рабочая часть этих орудий оформляется не резцовыми сколами, а тонкой ретушью у уг-

ла бокового края с брюшка или со спинки. Обнаружены и дублированные резчики на концах пластинок. Один из них представляет классический экземпляр (табл. XXXV, рис. 8). По скошенным концам пластинки идет притупляющая ретушь, а по боковым краям у углов нанесена тонкая ретушь. Кроме того, многие пластинки с обрубленными концами служили резчиками, так как на их углах имеются зашлифовка, выколы и царапины от работы.

7. Скребки разнообразных размеров и форм встречаются значительно чаще, чем в предыдущем слое. По форме их можно разбить на несколько типов:

а) скребки на концах пластинок. Ретушь нанесена широкими и узкими фасетками, большей частью путем отжима. В основном она отлогая, и скребки на пластинках низкие. По количеству они превосходят все другие группы (табл. XXXVI, рис. 1—6). Среди этой группы встречены и дублированные скребки;

б) скребки на сравнительно коротких и массивных пластинчатых отщепках (длина 2—3, 5 см, ширина рабочего края 1—2 см). Они бывают прямые, скошенные, полудуговые и дуговые. По характеру ретуши, нанесенной по рабочему краю, они делятся на низкие и высокие, отлогие и крутые. Ретушь нанесена широкими или узкими фасетками (табл. XXXVI, рис. 7—15). Эти скребки и примыкающие к ним микроскребки, описанные выше, являются наиболее характерной формой скребков для слоя Va;

в) скребки на округлых отщепках — дуговые, низкие и высокие — найдены в небольшом количестве (табл. XXXVII, рис. 1—3);

г) скребоквидные орудия на крупных отщепках, напоминающие скребки, также встречены в единичных экземплярах.

8. Скобели, обнаруженные в слое Va, также отличаются разнообразием форм. Сделаны они на пластинках, отщепках и осколках. Скобели на пластинках, или, иначе, пластинки с выемками, являются здесь распространенными орудиями. Они бывают одновыемчатые, двувыемчатые и многовыемчатые (табл. XXX, рис. 3, 5, 6, 7). Выемки идут по краям пластинок. Чаще всего выемки мелкие и узкие. Размеры пластинок с выемками разные, длина от 4 до 7 см и ширина от 1 до 1,5 см.

Скобели одновыемчатые на концах пластинок и отщепов встречены в единичных экземплярах.

Самой значительной группой являются одновыемчатые и многовыемчатые скобели на острых краях крупных и мелких осколков. Выемки на них сделаны при помощи отлогой заостряющей ретуши. Эти орудия не имеют единой установившейся формы. По-видимому, для них использовались отбросы производства (острые отщепы и осколки). Подобные скобели встречаются во всех слоях, но в разных количествах.

9. Острия и проколки найдены в небольшом количестве. Острия изготовлены из небольших пластинок и отщепов со скошенным краем. Обычно по одному из краев (скошенному) нанесена ретушь (табл. XXXVIII, рис. 5).

Проколки сделаны из пластинок при помощи крупной притупляющей ретуши с двух краев, сведенных на острие (табл. XXXVIII, рис. 1—4, 6). Одна проколка имеет на остром конце ретушь и с брюшка и со спинки (табл. XXXVIII, рис. 1). Такие проколки встречаются во всех стоянках Крыма с микролитическим инвентарем. Не исключено, что некоторые из них использовались в качестве наконечников стрел.

10. Кроме ножевидных пластинок, найдены ножи, изготовленные из крупных пластинчатых отщепов и осколков. Встречаются ножи с округлыми и прямыми лезвиями, заостренными при помощи отлогой ретуши по одному краю и крутой притупляющей — по другому (табл. XXXVII, рис. 4, 5).

11. Нуклевидные орудия представлены единичными экземплярами. Из них следует упомянуть отмеченные выше нуклевидные резцы (табл. XXXV, рис. 5), а также нуклеусы крупных размеров, острые концы которых имеют выколы от работы (табл. XXXIX, рис. 1, 2).

12. В большом количестве найдены разнообразные по форме и размерам нуклеусы, их обломки и кремневые заготовки. Основную массу составляют призматические нуклеусы палеолитического облика с негативами отделенных пластинок с одной стороны, вторая же сторона или покрыта коркой, или обита сколами. Второй по количеству группой являются конические и подконические нуклеусы со скошенной ударной площадкой. Негативы узких отжатых пластинок идут с одной стороны. Другая сторона остается без обработки или имеет несколько сколов (табл. XXXIXa, рис. 1—5 и табл. XL, рис. 1, 2).

Большая часть таких нуклеусов сработана, что придает им уплощенную форму. Размеры этих нуклеусов колеблются по длине от 11,5 до 6 см, а по ширине ударной площадки от 5 до 2,5 см. В единичных экземплярах встречаются конические нуклеусы с прямой ударной площадкой и с негативами пластинок, отжатых со всех сторон. Они являются прообразами карадшевидных нуклеусов (табл. XXXIXa, рис. 3). Найдены в небольших количествах и другие формы нуклеусов: прямоугольные, уплощенные, овальные и поддисковидные для выработки сколов (отщепов) (табл. XL, рис. 5); подцилиндрической формы с двумя ударными площадками для выработки длинных, узких пластинок (табл. XL, рис. 3, 4).

Значительное количество кремневых ядер и заготовок нуклеусов позволяет судить о технике первичной обработки кремня.

13. Отжимниками, по-видимому, служили некоторые отработанные нуклеусы, особенно конические, так как на их острых концах заметны следы от работы в виде заполированности и выщербленности (табл. XL, рис. 6, 7, 8). Примером отжимника может служить узкий сработанный уплощенный нуклеус с явными следами употребления на остром конце (табл. XL, рис. 8).

14. Отработанные нуклеусы, особенно овальные, служили ретушерами. На их поверхности видны ямки и выщербины от работы. Такие ретушеры найдены в слое.

15. К кремневому инвентарю следует отнести и большое количество всевозможных осколков, чешуек, отщепов и кусков кремня, найденных в слое. Некоторые осколки и отщепы имеют следы от работы (выщербины, зашлифованность острых краев и т. п.) и частичную ретушь, указывающие на употребление их в работе по дереву и кости.

Этим исчерпывается характеристика кремневого инвентаря, обнаруженного в слое Va. Наличие в слое в большом количестве всевозможных кремневых поделок, заготовок орудий, нуклеусов, осколков, чешуек и т. д. может служить указанием, что мы имеем дело с мастерской по выработке кремневых изделий, существовавшей длительное время. Это подтверждается и находками каменных отбойников, ретушеров, плиток-наковаленок, камней, галек окатанных и пр.

16. Найдено около десяти отбойников. Большинство их представляет собой удли-

ненные речные гальки с выбоинами и сколами на концах от длительного употребления (табл. XLI, рис. 3). Встречаются и отбойники из удлинённых камней, имеющих в поперечном разрезе овал, четырехугольник и лицевую. На концах этих отбойников также есть следы от работы и затертость от долгого держания в руках. Длина таких отбойников около 30 см и ширина около 5 см (табл. XLI, рис. 1).

Кроме кремневых ретушеров, найдены и каменные, из речных галек, округлой, овальной и яйцевидной форм. На них есть мелкие сплошные выбоины (ямки) от ударов.

Для производства кремневых орудий служили также небольшие каменные плитки-наковаленки, найденные в целом и расколотом виде. На поверхности этих плиток заметны выбоины от ударов.

17. Из других каменных предметов большой интерес представляют находки терок, плиток, терочников (курантов) и обломков зернотерок. Рассмотрим их.

а) Плитки для растирания красок найдены в двух экземплярах; одна овальной формы, а другая четырехугольной. На стертой (рабочей) стороне этих плиток заметны следы красной краски;

б) плитки небольшие разной формы (овальные, прямоугольные, округлые, продолговатые и т. д.), со следами стертости на одной или двух сторонах. Эти плиты-терки могли служить для растирания корней, желудей, а возможно, и зерен злаков;

в) куранты, или терочники, также найдены в этом слое. Часть их имеет округлую форму, сделаны они из речных галек (табл. XLI, рис. 2), а часть, изготовленная из песчаника, имеет продолговатую форму. На них имеется стертость с двух сторон (табл. XLI, рис. 4);

г) интересна находка обломка крупной терки (зернотерки) из песчаника. На одной стороне следы затертости;

д) найдено много всевозможных окатанных речных галек. Крупные имеют следы от работы, а мелкие служили, вероятно, для нагревания воды в сосудах или же для изготовления жидкой пищи.

В слое встречены древние раковины — в виде обломков и целые, — добывавшиеся в окружающих известковых скалах, в которые эти раковины вкраплены. Найдены белемниты и их обломки.

Можно думать, что белемниты и древние

раковины служили для каких-то производственных целей, так как были обнаружены вместе с кремневыми изделиями и без помощи человека не могли попасть на территорию пещеры.

Наряду с перечисленными остатками в слое найдены и костяные поделки. Их количество по сравнению с предыдущими слоями значительно увеличивается. Ввиду редкости костяных изделий в древних слоях стоянок Крыма мы несколько подробнее остановимся на их характеристике.

1. Костяные шилья разнообразны и по величине и по форме. Среди них есть экземпляры хорошей выработки, как, например: шило из продолговатой тонкой кости, хорошо залощенное, длина его 7 см, а ширина основания 1,2 см (табл. XLII, рис. 3); шило из кости свиньи, длина его 7 см, ширина основания 2 см, и два шильца из небольших костей длиной 3,8 см и шириной 1,2 см (табл. XLII, рис. 11, 12). Кроме них, найдены три обломка шильев из костей мелких животных (табл. XLII, рис. 10, 13, 14).

2. Два обломка костяных игл толщиной от 2 до 3 мм с круглым сечением (табл. XLII, рис. 15—16).

3. Орудия из рогов косули обнаружены в количестве четырех экземпляров. Два из них имеют на острых концах следы от работы, а на основаниях надрезы. Длина их 6,7 и 7,2 см, ширина у основания 1,9 см (табл. XLII, рис. 1, 2, 17), а два других представляют собой обломки острых концов рогов.

4. Обломок костяного долотца с зашлифованным от работы концом. Длина его 3,7 см, ширина лезвия 1,2 см, а основания 1,7 см (табл. XLII, рис. 9).

5. Пластинка тонкая из клыка кабана-секача представляет интерес как сравнительный материал. Ее концы обрублены двойными срезами под углом друг к другу (табл. XLII, рис. 4). Длина ее 6,5, ширина 1,9 см. По-видимому, клыки кабанов шли на различные поделки, так как найдены еще несколько обломков клыков крупного кабана (секача) со следами срезов и заостренные орудия из клыка кабана с долотообразным рабочим концом (табл. XLII, рис. 5—7). Резцы кабана также шли в дело. Некоторые из них служили проколками. На концах есть следы от работы.

6. Значительный интерес представляет находка длинной костяной основы для кремне-

вых вкладышей. Сделана она, вероятно, из ребра животного. Один край острый, а другой имеет продольный паз во всю длину кости — для вставки пластинок-вкладышей. Возможно, этот предмет с вкладышами служил кинжалом или ножом. Длина его 18,6, ширина (к рукоятке) 2,7 см, а в середине 2. Конец заострен и по форме напоминает нож (табл. XLII, рис. 8).

7. Кроме перечисленных вещей, найдены: обломок орудия из рога, обломки костей с надрезами и зарубками, куски костей со следами обработки и кости со следами отпечатков зубов.

Судя по всем этим находкам, у обитателей навеса Таш-Аир I времени неолита была широко развита обработка кости, о чем свидетельствует и наличие многочисленных обломков костей, расколотых человеком не ради добывания мозга, а с производственной целью. По-видимому, найденные в слое скопления расколотых костей надо рассматривать не только как кухонные отбросы, но и как отбросы производства. Кремневый инвентарь (пластинки, резцы и пр.) также подтверждает этот вывод. На многих пластинках имеются следы от работы по кости в виде косых царапин на лезвиях с бруска.

По сравнению с предыдущим слоем значительно выросло в это время и производство глиняной посуды.

Керамика слоя Va разнообразна и, возможно, разновременна. Всего в слое Va найдено свыше 300 обломков глиняных сосудов. Целых сосудов не обнаружено, а по имеющимся обломкам трудно восстановить форму и величину сосудов, но по сходству с подобными находками того же времени в стоянке Замиль-Коба II³⁸ их форма была остродонной. По составу теста, обжигу, толщине сосудов и орнаментике найденные в слое Va обломки сосудов можно разделить на две группы:

- 1) толстостенная посуда с бороздчатым, нарезным и зубчатым орнаментом;
- 2) тонкостенная посуда с зубчатым орнаментом.

Нам придется остановиться на характеристике каждой группы отдельно.

По количеству обломков (свыше 200) первая группа превосходит остальные. Обломки

³⁸ Д. А. Крайнов. Отчет о раскопках Замиль-Коба II в 1937—1938 гг. Архив ЛОИИМК

сосудов этой группы отличаются значительной толщиной, они темно-коричневого и шоколадного цвета и объединяются сходной орнаментикой. Вот некоторые варианты этого типа по орнаменту:

а. Обломки верхней части широкогорлого сосуда, по-видимому остродонного. Шейка слабо выражена. Толщина стенок от 0,8 до 1 см. Цвет красноватый и коричневый. Тесто без примесей, обжиг средний. Орнамент идет с верха сосуда в виде вертикальных, широких прочерченных бороздок длиной от 0,6 до 1,5 см, шириной 0,2—0,4 см (табл. XLIII, рис. 1, 2).

б. Аналогичный облик имеют обломки, по-видимому, средней части сосуда со сквозными отверстиями и с орнаментом в виде широких бороздок, идущих в разных направлениях (табл. XLIII, рис. 3); обломки с бороздчатым орнаментом в сочетании с зубчатым, нанесенным штампом (табл. XLIII, рис. 4—6); обломки с зубчатым орнаментом, нанесенным прямоугольным штампом с тремя зубчиками (табл. XLVI, рис. 1); обломки с бороздчатым и зубчатым орнаментом. Бороздки идут параллельными рядами — вертикально и горизонтально (табл. XLIV, рис. 1, 5, 6, 7).

в. К этой группе следует отнести обломки со сквозными отверстиями и обломки без орнамента (табл. XLIV, рис. 2—4).

Перечисленные обломки должны быть отнесены к разным сосудам, так как состав глины и обжиг их разные. Встречаются обломки с примесью толченых раковин и обломки без всяких примесей. В разрезе некоторых обломков видна трехслойность, в других двухслойность, что, вероятно, объясняется способом обжига. Неравномерность обжига свидетельствует о том, что мы имеем здесь дело с костровым обжигом. Почти все сосуды закопчены.

г. Несколько отличаются от описанных обломки шейки одного сосуда. Обжиг плохой. Толщина стенок от 0,9 до 1,2 см. Тесто имеет примеси. Орнамент нанесен зубчатым штампом по краю сосуда снаружи и внутри (табл. XLV, рис. 1).

д. Обломки шеек сосудов. Верх шейки слегка отогнут. Цвет темный. Тесто без примесей. Толщина у края шейки 0,2 см и ниже утолщается до 0,8 см. Орнамент идет несколько ниже края шейки в виде ряда вертикальных оттисков зубчатого штампа из четы-

рех зубчиков (табл. XLV, рис. 2, 3). Эти обломки несколько отличаются от основной группы, и они, по-видимому, могут относиться к более позднему времени³⁹.

е. Обломки шейки толстостенного сосуда шоколадного цвета. Шейка оканчивается расширенным венчиком, чего в других сосудах не наблюдается. Толщина венчика 1 см, шейки 0,8 см. По верху венчика идет орнамент в виде косых нарезок, ниже по шейке — ряд неглубоких ямок (диаметр ямок 0,5 см), еще ниже два ряда маленьких ямок, еще ниже идут вертикальные нарезные линии; на том же уровне сквозное отверстие (табл. XLVI, рис. 2, 3). Впоследствии, у тавров, подобная композиция становится излюбленным узором.

В общем эта группа характеризуется неявно выраженными шейками, толстостенностью, разным обжигом, наличием примесей толченых раковин и дресвы в глине, глиной без примесей и, вероятно, острым дном. Орнамент на сосудах располагается около верха шейки и ниже, по-видимому, до середины сосуда. Он не заполняет всего пространства сосуда, а прерывается и идет в определенном порядке в виде фестонов, что характерно и для сосудов позднейших крымских культур. Закопченность сосудов снаружи указывает на то, что они ставились в костер и служили для изготовления пищи.

Обломки сосудов второй группы по толщине, цвету, орнаментике и составу теста резко отличаются от первых двух групп. Найдено их немного — всего около 40 обломков.

а. Обломки глиняных сосудов имеют желтый цвет снаружи, а внутри черный. Толщина стенок от 0,5 до 0,6 см. Тесто с примесью дресвы. Орнамент зубчатый. Зубчики — квадратные и прямоугольные — расположены горизонтальными и вертикальными рядами, а также наклонно. Орнамент покрывает не весь сосуд, но только часть его и с перерывами. Целых сосудов не найдено, но они, по-видимому, также были остродонными (табл. XLVI, рис. 4—6).

Вместе с орнаментированными обломками имеются фрагменты тех же сосудов без орнамента.

³⁹ Возможно, что они относятся уже к слою энеолита и ранней бронзы. Как указывалось выше, внутри навеса трудно было разделить V слой, поэтому указанные обломки могли попасть в горизонт Va после падения каменных глыб.

б. Представляют интерес обломки шейки и других частей сосуда желтого цвета и подобные же обломки других сосудов. Толщина сосуда у верха 0,5, ко дну 1,2 см. Обжиг плохой, глина с примесью дресвы. Сосуды эти, по-видимому, также остродонные. Шейки их слабо выражены, прямые; у одного обломка венчик шейки острый, орнамента нет.

в. Обломок сосуда сероватого цвета. Обжиг плохой, толщина 0,5 см. Глина с примесью дресвы. Орнамент зубчатый, нанесен штампом в виде прямоугольников, поставленных вертикально рядами. Каждый штамп состоит из трех зубчиков (табл. XLVI, рис. 7).

Необходимо отметить, что все обломки второй группы найдены в кострище в самых низах V слоя, так что эта керамика древнее, чем керамика первой группы, с которой ее сближает зубчатый орнамент, нанесенный параллельными рядами, вертикальными или же рядами оттисков — штампа под углом друг к другу. Среди обломков первой группы также есть элементы зубчатого орнамента.

С подобной керамикой мы встречаемся и на других неолитических стоянках Крыма. Везде она найдена в небольшом количестве, хотя распространялась по всей юго-западной части Крыма, что свидетельствует о некоторой общности неолита Крыма.

Для полной характеристики находок слоя Va нам остается упомянуть костные остатки и раковины моллюска *Helix vulgaris*.

Костные остатки слоя Va по своей численности превосходят находки костей всех слоев вместе взятых. Кости найдены большими скоплениями около кострищ и около мест производства кремневых орудий. Как и в предыдущем слое, костные остатки следует рассматривать как кухонные отбросы и как отбросы производства. Кости обнаружены в сильно раздробленном состоянии. Определенных костей мало. Е. Л. Дмитриевой выделены следующие виды животных: кабан, олень, косуля, дикий бык, заяц, кошка, птицы; домашние — свинья, крупный и мелкий рогатый скот, лошадь и осел (возможно, дикие). Наибольшее количество среди костных остатков составляют кости свиньи. Затем по количеству костей идут благородный олень и крупный рогатый скот.

Наряду с костными остатками в слое обнаружены в огромном количестве раковины наземного моллюска *Helix vulgaris*. Находки их в этом слое превосходят соответственные

находки во всех слоях вместе взятых. Раковины в этом слое располагались скоплениями и даже кучками и сосредоточены в основном в одном месте; большинство их хорошей сохранности, не расколото. Следует отметить пропорциональное увеличение от слоя к слою наряду с костями и количества раковин.

Всеми указанными находками исчерпываются культурные остатки слоя Va. Датировка этого слоя представляет большую трудность, чем датировка предыдущих слоев, так как в Крыму до сих пор по существу не были изучены стоянки этого времени. Однако мы имеем веские основания для отнесения этого слоя ко времени развитого, или позднего, неолита.

Стратиграфическое расположение слоя Va над слоем VI через тонкую прослойку известнякового плитняка, а также сходство кремневого инвентаря, костяных изделий, костных остатков и раковин слоя Va и VI и VII слоев свидетельствуют об их взаимосвязи и непосредственном развитии одного из другого. Но наряду со сходством имеются и новые черты в материальных остатках слоя Va. Эти новые черты говорят о дальнейшем развитии неолитической культуры, а значительная толщина слоя и мощные кострища указывают на длительность пребывания здесь людей.

Указанные факты дают нам общую ориентировку для отнесения слоя к поздне-неолитическому времени, а на основании сравнительного вещественного материала можно уточнить эту датировку. Датировочными вещами могут служить:

- 1) трапеции со струганой спинкой. Струганые фасетки занимают в трапециях слоя Va всю их среднюю часть, а в VI слое они идут только с боков, не достигая середины;
- 2) сегменты с плоской ретушью по дуге;
- 3) микроскребки (в сериях);
- 4) плоские нуклеусы;
- 5) конические нуклеусы с обработкой всех сторон;
- 6) наличие значительного количества орудий с плоской отжимной ретушью;
- 7) остродонная керамика предьямного или раннеямного типа.

Трапеция со струганой спинкой впервые появляется только в слое Va (табл. XXXIII, рис. 1—6). С. Н. Бибиковым совершенно правильно было установлено, что она

является характерной и руководящей формой для неолита Крыма. Однако, установив ее принадлежность к неолиту, С. Н. Бибииков не уточнил стадию неолита, но упомянул, что трапеция эта встречается непосредственно после так называемой тарденуазской стадии крымского мезолита⁴⁰. По нашей классификации трапеция со струганой спинкой характерна не для ранней стадии неолита, а для поздней. Она может служить датирующим материалом, так как в более ранних и более поздних слоях она не встречается ни в наслоениях Таш-Аир I, ни в наслоениях Замиль-Коба II. Она была обнаружена и в других крымских стоянках и в стоянках Юго-Восточной Украины, Нижнего Поволжья, Прикаспия и Северного Кавказа.

В Крыму она была найдена в следующих местах: в слое Ia Шан-Коба⁴¹, в верхнем слое Фатьма-Коба⁴², в V слое Замиль-Коба II⁴³, в стоянке Балин-Кош на Ай-Петринской Яйле⁴⁴, на стоянках Ат-Баш, Джейлау-Баш и на других яйлинских стоянках⁴⁵, на стоянке Кая-Арасы⁴⁶ и в других местах. В настоящее время все указанные стоянки датируются авторами раскопок временем неолита.

Подобные же трапеции со струганой спинкой распространяются и вне Крыма, но в определенных границах, дальше которых они не заходят. В Абхазии, на Черноморском побережье Кавказа трапеции со струганой спинкой найдены в открытой стоянке около Гудаут; вместе с ними были встречены шлифованные клиновидные топоры⁴⁷. На Северном Кавказе они обнаружены в Прикубанье⁴⁸. Встречались трапеции со струганой спинкой и в Кавказском Прикаспии на пес-

чаных дюнах⁴⁹. В значительном количестве их находили на дюнных стоянках в окрестностях Джангала, в междуречье Большого и Малого Узеней⁵⁰, в дюнных стоянках на Черных Землях, в урочище Ястан-Худут Ставропольского края, в стоянках под Астраханью, по побережью низовьев р. Кумы и др.⁵¹ Эти находки относятся авторами исследований к неолиту и энеолиту, что подтверждает нашу точку зрения. Те же трапеции встречены были в различных стоянках и могильниках Подонья и Приазовья, как, например: в стоянках около Ямполья и Хайловки⁵², в стоянке у подножья Каменной Могилы на берегу пересохшего Красного озера⁵³, в Мариупольском могильнике⁵⁴ и многих других местах. В более значительном количестве трапеции со струганой спинкой были найдены в стоянках Надпорожья — Собачки, Вовчек, 8-я Игреньская, Сурской остров и др.⁵⁵ и в могильниках Надпорожья, относимых ко времени развитого неолита⁵⁶. Трапеция со струганой спинкой была обнаружена и под Полтавой⁵⁷.

Почти все указанные места находок трапеций со струганой спинкой датируются временем развитого неолита или энеолита. Характерно, что трапеции со струганой спинкой встречаются в определенных местах и на определенной территории, где недолгое время

⁴⁹ Е. И. Крупнов. К археологическому изучению Северо-Восточного Кавказа и Северо-Западного Прикаспия. Доклад на Пленуме Института истории материальной культуры в 1955 г.

⁵⁰ И. В. Синицын. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 97, 98.

⁵¹ Т. М. Минаева. Кремневая индустрия Нижнего Поволжья. «Тр. Нижневолжского об-ва краеведения», вып. 36, ч. I, Саратов, 1929; ее же. Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных землях. КСИИМК, 59, 1955, стр. 46—53.

⁵² Коллекции Института археологии Академии наук УССР. Стоянки были обследованы Н. В. Сибилевым.

⁵³ О. Н. Бадер. Очерк работы Азово-Черноморской экспедиции. КСИИМК, вып. 31, 1950, стр. 177—180.

⁵⁴ М. Макаренко. Мариупольський могильник. Київ, 1933, стр. 112, табл. IV, рис. 94 и 96.

⁵⁵ Коллекции Института археологии Академии наук УССР.

⁵⁶ Д. Я. Телегин. Неолитические могильники Украины. Доклад на секции палеолита Пленума Института истории материальной культуры 29.IV 1957 г.

⁵⁷ Михайло Рудинський. До вивчення неолітичної доби сточища р. Ворскла. Стація в ур. Біла Гора під Полтавою. «Изв. Укр. Ак. Наук, Каб. антропології та етнології им. Хв. Вовка». Київ, 1926.

⁴⁰ С. Н. Бибииков. К вопросу о неолите в Крыму. КСИИМК, вып. IV, 1940, стр. 26—31.

⁴¹ Там же.

⁴² С. Н. Бибииков. Доклад на секции палеолита Пленума Института истории материальной культуры в 1957 г. Стоянка Фатьма-Коба.

⁴³ Коллекции Государственного Исторического музея. Стоянка Замиль-Коба II.

⁴⁴ Коллекции в Ялтинском музее (сборы Е. И. Висниовской) и коллекции Государственного Исторического музея.

⁴⁵ О. Н. Бадер. Изучение эпилеолита крымской Яйлы. СА, вып. V, 1940.

⁴⁶ Коллекция из Кая-Арасы в Бахчисарайском историко-культурном музее. Раскопки А. А. Формозова и А. А. Щепинского.

⁴⁷ Л. Н. Соловьев. Доклад на Киевской археологической конференции в 1940 г.

⁴⁸ В. П. Любин. Доклад на секции неолита Пленума Института истории материальной культуры 29 марта 1957 г.

спустя развивается ямная культура. Этот факт может говорить о культурной общности или об этническом родстве, но его никак нельзя объяснить только связями. Интересно, что на правом берегу Днепра пока такие трапеции не найдены.

Итак, трапеции со струганой спинкой являются прочной основой для датировки слоя *Va* временем позднего неолита, что совпадает с датировкой надпорожских могильников 2-го периода, предложенной Д. А. Телегиным; в абсолютных цифрах это выразится промежутком от половины IV до половины III тысячелетия до н. э.

Второй датирующей формой для слоя *Va* служит сегмент с плоской ретушью по дуге (табл. XXXIII, рис. 12). Подобные сегменты появляются только в развитом неолите Крыма. Они найдены в Крыму в первом комплексе Шан-Коба и на яйлинских стоянках. На Украине встречаются в надпорожских стоянках⁵⁸.

Третьей не менее важной датирующей формой развитого неолита являются микроскребки с плоской ретушью, которые (табл. XXXVI, рис. 16—21) обнаружены только в слое *Va*.

Любопытно отметить, что подобные микроскребки всегда находятся вместе с трапециями со струганой спинкой. Вместе они найдены в слое *Va* Таш-Аир I и в V слое Земиль-Коба II, на яйлинских стоянках, как, например, на Балин-Кош, Ай-Петринской и др. В надпорожских стоянках и могильниках неолитического времени, а также в дюнных стоянках Нижнего Поволжья⁵⁹ микроскребки сосуществуют с трапециями со струганой спинкой⁶⁰.

О неолитическом времени говорят также и появившиеся в это время уплощенные нуклеусы и конические, с негативами отжатых пластинок со всех сторон. В предыдущих слоях они не встречались. Развитие их начинается с позднего неолита и достигает высокой степени совершенства (карандашевид-

ные нуклеусы) в эпоху энеолита и ранней бронзы.

Плоская отжимная ретушь, а также увеличение сравнительно с предыдущими слоями количества вкладышевых орудий из рубленых, правильно ограненных пластинок создают определенный технический облик всего комплекса и помогают уточнить датировку слоя *Va*.

Наконец, основой для датировки этого слоя может служить и керамика. Если в предыдущем слое ее было немного, то в слое *Va* она обнаружена в большом количестве. Техника выделки ее, состав теста, обжиг, остродонная форма и орнаментика указывают на развитую стадию неолита. С подобной керамикой мы встречаемся и в других крымских стоянках (Кая-Арасы⁶¹, вторая стоянка у Симферопольского водохранилища⁶², Балин-Кош⁶³, Замиль-Коба II, слой V⁶⁴, Нижне-Ягмурчинская и Верхне-Ягмурчинская стоянки Крыма⁶⁵). Некоторые обломки сосудов из 1-го комплекса пещеры Шан-Коба также сходны с керамикой I-й группы из слоя *Va*. Все указанные места находок датируются временем неолита. Близкая слою *Va* керамика была найдена в стоянках Надпорожья⁶⁶. Эта керамика позволяет связать слой *Va* с соответствующими слоями стоянок Надпорожья, датируемых в литературе эпохой развитого неолита и энеолита. Почти всюду в стоянках Надпорожья, Приазовья и Дона характерной керамикой для этого времени является остродонная форма глиняной посуды. Остродонные сосуды найдены в стоянках Украины — Збранка, Миньевская, Хайловка, Собачки, Вовчек, 5-я и 8-я Игринские, Сурской остров, Виноградный остров, Красное озеро и др. Особенно близкой по форме и орнаментике к обнаруженной в слое *Va* является керамика из второго неолитического слоя стоянки у Красного озера и с ост-

⁶¹ Коллекции А. А. Щепинского. Крымский филиал АН УССР.

⁶² А. А. Щепинский. Раскопки многослойной стоянки в долине р. Салгир. КСИА АН УССР, вып. 7, Киев, 1957, стр. 18.

⁶³ Коллекции Ялтинского музея.

⁶⁴ Коллекции Государственного Исторического музея.

⁶⁵ А. А. Щепинский. Памятники неолита, бронзы и раннего железа в окрестностях Симферополя. СА, XXVII, 1957, рис. 5, фигуры 2, 7, 9, стр. 183.

⁶⁶ А. Добровольский. Указ. соч., стр. 250, рис. 1—5.

⁵⁸ О. Бодянский. Неолітична стоянка на острові Шулаевому. «Археологічні пам'ятки», т. II. Київ, Изд-во АН УССР, 1949, стр. 259, табл. 1, рис. 23.

⁵⁹ Т. М. Минаева. Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных землях, стр. 46—53.

⁶⁰ А. Добровольский. Восьма Ігрінська неолітична стоянка. «Археологічні пам'ятки», т. II, 1949. Микроскребки имеются во всех надпорожских стоянках и могильниках, датируемых неолитическим временем.

рова Виноградного. Подобная же керамика найдена не только в стоянках, но и в могильниках Надпорожья, относимых к развитому неолиту.

Таким образом, керамика слоя *Va* занимает среднее место между раннеолитической и остродонной ямной керамикой и, по всей видимости, относится к IV — половине III тысячелетия до н. э. эта датировка подтверждается, как уже указывалось, и условиями

залегания слоя. В вышележащем горизонте *Vb* найдены шнуровая керамика и наконечники стрел ямно-катакомбного времени, датированные концом III и серединой II тысячелетия до н. э. Поэтому слой *Va* надлежит отнести к предьямному времени. Подобное же расположение слоев в стоянках Замиль-Коба II⁶⁷, Кая-Арасы⁶⁸ и у Красного озера⁶⁹ еще раз свидетельствует о правильности нашего вывода.

ГОРИЗОНТ *Vb*. ЭНЕОЛИТ И РАННЯЯ БРОНЗА

На площадке перед навесом, где *V* слой достигал большой мощности, горизонт *Vb* отделялся от горизонта *Va* очень тонкой беловатой стерильной прослойкой, что наблюдалось главным образом под грядой камней, а внутри навеса оба горизонта сливались по цвету. От верхних наслоений навеса горизонт *Vb* отделялся мощным слоем камней, который залегал на различной глубине и в разных местах площадки под навесом Таш-Аир I. Особенно большое скопление каменных глыб наблюдалось в квадратах II, III, IV рядов. Здесь эти камни были нагромождены сплошной грядкой, идущей из юго-восточного угла навеса. Начиная с IV ряда эти камни резко снижались по склону площадки к дороге. В некоторых местах толщина гряды каменных глыб достигала 2 м (рис. 8, 13). В квадратах VII, VIII *b'c'* жилая площадка горизонта *Vb* снижалась почти на 1 м, что отразилось и на снижении современной поверхности площадки почти на 1,5 м к концу названных квадратов.

В квадратах II, III, IV *a'b'c'd'e'f'* была обнаружена первая гряда. Камни здесь лежали на одной высоте. В квадратах V, VI *a'b'c'd'e'f'* залегала вторая гряда камней; камни лежали отдельными глыбами несколько ниже. Начиная с квадрата V *b'c'd'e'f'* вторая гряда лежала ниже, а с VII и VIII квадратов еще ниже. Резкое снижение всего *V* слоя на 1 м было прослежено ближе к юго-восточной стенке квадрата *Vd*.

Под этими глыбами камней и залегал горизонт «*b*» *V* слоя. Он состоял из суглинка, окрашенного в желтый цвет, а около кострищ — в темновато-коричневатый. Мощность его различна — от 5 до 20 см. Поверхность площадки этого слоя сильно испорчена упавшими камнями, а там, где камни упа-

ли сплошной грядой, отмечается уплотненность слоя и раздробленность вещественных остатков. При падении камней часть земли горизонта *Vb* и вещественных остатков попала в щели между упавшими камнями, что создавало в начале раскопок трудности в расшифровке этих находок. Под грядами камней почти всюду наблюдались кострища; особенно большим было кострище в квадратах II, III, IV *b'c'd'*; толщина его в центре достигала 15 см. В квадратах I, II *b'c'* также наблюдалось небольшое кострище, очень тонкое, и такое же кострище в квадратах V—VI *e'* и II *e'f'*.

В квадратах II, III, IV *gh*, к западной стороне, было найдено кострище диаметром 0,5 м и толщиной около 3 см. Определение точных размеров кострищ затруднялось деформацией их. В квадрате *Vb'c'd'e'* с северо-запада на юго-восток шла канава, здесь весь *V* слой достигал толщины 30—70 см. Возможно, что эта западина была сделана искусственно в центре жилой площадки. Кроме того, в *V* слое замечены в некоторых местах ямы, но они, вероятно, образовались в результате падения камней.

Слой горизонта *Vb* не такой мощный, как *Va*. По-видимому, после падения камней из-за страха перед новым землетрясением люди здесь долгое время не селились, а жили рядом на открытом месте (Таш-Аир II), где нами найден был слой около 1 м толщины,

⁶⁷ Стоянка Замиль-Коба II — раскопки 1937—1938 гг. Отчет Д. А. Крайнова. Архив Института истории материальной культуры АН СССР.

⁶⁸ Стоянка Кая-Арасы раскапывалась А. А. Формозовым и А. А. Щепинским. Ими прослежено в стоянке два слоя — неолитический и эпохи бронзы.

⁶⁹ О. Н. Бадер. Очерк работ Азово-Черноморской экспедиции, стр. 174—180.

относящийся к этому времени. Судя по вещественному материалу и условиям залегания, культурные остатки стоянки Таш-Аир II относятся к горизонту Vb стоянки Таш-Аир I.

Находки из горизонта Vb несколько отличаются от находок из горизонта Va как составом кремневого инвентаря, так и керамикой. Всего кремневых орудий и осколков в этом горизонте было обнаружено 1130 экземпляров (см. сводную таблицу находок, слой Vb).

Кремневых орудий в горизонте значительно меньше, чем в предыдущем. Характер кремневого инвентаря несколько изменяется. Выделка правильных узких пластинок сокращается, но техника их совершенствуется, на что указывают карандашевидные нуклеусы, найденные в стоянке Таш-Аир II (табл. LII, -рис. 1). Появляются крупные пластинки и осколки, орудия на отщепках и больших осколках и орудия с двусторонней обработкой. Из кремневых поделок продолжают встречаться всевозможные ножевидные пластинки, вкладыши-прямоугольники, резцы, резчики, скребки, скобели, орудия с двусторонней обработкой, нуклеусы, плитки, отбойники, гальки и пр. Кремень представлен в разных сортах — темного, черного, серого, красного, белого и других цветов; однако преобладающим является темный.

Не будем подробно останавливаться на характеристике повторяющихся форм орудий. Они такие же, как и в предыдущем горизонте. Узких правильно оговоренных пластинок становится значительно меньше, чем в предыдущем слое, но зато имеются широкие и длинные пластинки с ретушью по одному из краев и без ретуши (табл. XLVII, рис. 1—4). Встречаются и узкие длинные пластинки без ретуши (табл. XLVII, рис. 5—8). Широкие пластинки и отщепы характерны для этого горизонта. Так же как и в предыдущем горизонте, обнаружены правильно оговоренные пластинки с ретушью с брюшка и спинки и с выемками. Продолжают встречаться и пластинки-вкладыши, обрубленные с двух концов, но они уже, по-видимому, теряют свое значение. Возможно, уже с этого времени их начинают заменять вкладыши с двусторонней обработкой, так как они есть в близких по времени курганах. Среди вкладышей найдены и так называемые короткие прямоугольники из обрубленных пластинок. Размеры их различны — от 1,1 до 2 см. На

лезвиях некоторых из них имеются выколы, выемки, ретушь и следы от работы в виде зазубрин (табл. XLVII, рис. 9—14). Геометрических форм с ретушью не обнаружено, но есть вкладыши в виде трапеций. Среди находок этого горизонта — резцы и резчики.

Следует отметить меньшее распространение угловых резцов на концах пластинок. Большинство резцов этого горизонта сделано на углах пластинчатых отщепов и осколков, но они невыразительны. Редко встречаются хорошие резцы. В основном они повторяют формы горизонта Va. Есть резцы двухгранные и трехгранные. На некоторых резцовые сколы миниатюрны и нанесены не только по краю, но и по поперечному концу при помощи отжимной техники. Обнаружены в небольшом количестве и резцы угловые на концах обрубленных пластинок. Из этих резцов выделяется особой формой резец на углу узкой пластинки, обрубленной с двух концов. По одному концу идут два поперечных миниатюрных резцовых отжимных скола (табл. XLVIII, рис. 1).

Кроме резцов, встречены резчики на осколках и концах пластинок. По своей обработке и форме они не отличаются от резчиков предыдущего горизонта (табл. XLVIII, рис. 2, 4).

Скребки, найденные в небольшом количестве, также почти не отличаются от скребков предыдущего горизонта Va. Имеются те же формы на концах небольших продолговатых отщепов. Рабочие края их или округлы или скошены. Ретушь то крутая, то отлогая (табл. XLVIII, рис. 5—7). Есть и дублированные — округлые, низкие, отлогие — скребки на таких же отщепках и скребковидные орудия, напоминающие скребла. Сделаны они на массивных осколках с отлогой ретушью по одному острому краю. Форма их та же, что и в предыдущем горизонте. Обнаружены скобели на отщепках и осколках, но они не имеют стандартной, откristаллизованной формы; бывают одновыемчатые и двувыемчатые (табл. XLIX, рис. 1). Встречены ножи на осколках и пластинках. Крупные ножевидные пластинки с ретушью и без ретуши по краям, описанные выше, могли служить ножами. Есть округлые ножи на массивных осколках.

Были найдены и нуклеидные орудия, но в небольшом количестве, а именно нуклеидные резцы и маленькое нуклеидное

орудыще — топорообразное из сработанного уплощенного нуклеуса.

Кроме всех названных орудий, которые почти не отличаются от орудий предыдущего слоя, в слое горизонта *Vb* найдены новые формы, свидетельствующие о больших изменениях в технике выработки кремневых орудий. К этим новым формам относятся обломки наконечников стрел с двусторонней обработкой, как, например: обломок наконечника стрелы с вогнутым основанием, обработанный с двух сторон плоской отжимной ретушью (табл. XLVIII, рис. 10)⁷⁰ и еще один обломок такого же наконечника стрелы (табл. XLVIII, рис. 11). Их сходство и однотипность говорят о повторяемости этой формы. Найден и несколько иной обломок наконечника стрелы, сделанный из тонкой пластинки. Острый конец имеет тонкую ретушь на одном краю с брюшка, а на другом со спинки (табл. XLVIII, рис. 8).

Есть и еще орудия с двусторонней обработкой, как, например, массивное орудие на крупном осколке, напоминающее небольшое рубильце. Обработка его двусторонняя, широкими фасетками (табл. XLVIII, рис. 9). Следует особо отметить находку небольшого топоровидного отщепка со следами заполировки. Выколы на его спинке и брюшке объясняются тем, что он был в костре (табл. XLIX, рис. 3). Найдены и другие кремневые орудия со скребковидной функцией.

Обнаружено много всевозможных осколков, крупных и мелких, на некоторых есть следы обработки. Они могли служить скобелями, резчиками, ножами и т. п.

Нуклеусы этого горизонта мало чем отличаются от нуклеусов предыдущего. Встречено несколько конических нуклеусов для отжима тонких пластинок. Они уплощены, их ударная площадка скошена. Одна сторона нуклеуса имеет негативы отжатых узких пластинок, а другая обработана сколами. Иной формой является подцилиндрический уплощенный нуклеус, найденный в этом горизонте. Он имеет удлиненную форму и две ударные площадки, негативы пластинок идут с одной стороны. Длина его 8, ширина 3 см

⁷⁰ Подобные наконечники с двусторонней обработкой, с прямым или вогнутым основанием начинают встречаться в Крыму только со времени энеолита.

(табл. XLIX, рис. 2). Наряду с названными формами оказались нуклеусы для выработки отщепов и сколов, заготовки нуклеусов, куски кремня и обломки нуклеусов. Часть заготовок нуклеусов и сработанные нуклеусы служили в качестве ретушеров. На них имеются следы от работы в виде ямочек, выбоин и выколов. Ретушерами служили и окатанные каменные гальки. Вместе с осколками, орудиями и нуклеусами обнаружены и отбойники из продолговатых окатанных галек и камней такой же формы, как и в предыдущем горизонте.

Встречены и обломки каменных терок (?) и терочки из песчаника. На некоторых видны следы стертости и выбоины.

Кроме того, найдена тонкая плитчатая, окатанная галька, окрашенная в красный цвет. Попадались в значительном количестве и кусочки красной краски, иногда большими скоплениями. Этот факт имеет важное значение для датировки горизонта *Vb*.

Кроме перечисленных находок, обнаружена и керамика, но в значительно меньшем количестве, чем в предыдущем горизонте. По орнаментике и составу теста она различна. Найдены обломки глиняных сосудов, близкие к керамике 1-й группы горизонта *Va*. Они отличаются лишь меньшей толщиной стенок и несколько иным орнаментом.

Рассмотрим наиболее характерные для этой группы фрагменты глиняных сосудов.

А. Прежде всего это обломки шеек сравнительно тонкостенных сосудов. Шейки прямые и слабо выражены. Вверху они тоньше, а к низу утолщаются. Цвет красноватый и шоколадный, а внутри черный. Толщина от 0,4 до 0,8 см.

Орнамент на этих обломках нанесен тонкими косыми насечками по венчику; на некоторых обломках, кроме того, имеются тонкие нарезные (прочерченные) вертикальные линии и сквозные отверстия того же типа, что и на сосудах первой группы. На внутренней черной стороне замечены линии от заглаживания (табл. L, рис. 1).

Б. Обломки сосудов без орнамента, по тесту и обжигу близкие к перечисленным выше.

В. Обломки толстостенных сосудов шоколадного цвета снаружи и черные внутри. Глина черная с примесью дресвы, обжиг плохой. Эти обломки характерны тем, что имеют внутри параллельные бороздки, воз-

можно, от заглаживания. По тесту они близки к обломкам сосудов первой группы горизонта *Va* (табл. LI, рис. 2, 3). Наряду с керамикой, близкой к керамике горизонта *Va*, найдены и несколько иные обломки сосудов, как, например:

1) обломки глиняных сосудов с веревочным орнаментом и с бороздками внутри от заглаживания. Толщина стенок от 0,6 до 0,8 см. Глина с примесями толченой раковины и без примесей. Этот вид посуды характерен для данного времени (табл. LI, рис. 1);

2) обломки тонкостенных темного цвета сосудов с елочным орнаментом в виде нарезок в разных расположениях (табл. L, рис. 4, 5). Шейки этих сосудов имеют уже ярко выраженный характер. Они отогнуты. Толщина стенок от 0,3 до 0,5 см;

3) обломок шейки тонкостенного сосуда с нарезным орнаментом в виде зигзагообразных линий и с зубчиками внутри (табл. L, рис. 3);

4) обломок шейки сосуда, в котором шейка слегка отогнута и сходит к венчику на острие. Цвет его серо-желтоватый. Примесей нет. Толщина стенок от 0,5 до 0,6 см. Орнамент на шейке нанесен в виде прямоугольных зубчиков в горизонтальном направлении (друг за другом), а ниже — в том же виде, только в вертикальном направлении. С внутренней стороны по краю шейки идут в два ряда те же зубчики вертикально. Этот орнамент повторяет традиции орнаментики нижнего горизонта *V* слоя (табл. L, рис. 7);

5) в сравнительно большем количестве обломки тонкостенных и толстостенных лощеных и нелощеных сосудов желтоватого и кофейного цвета, без орнамента. Часть этих обломков без примесей, а часть имеет примеси дресвы и толченой раковины. Среди них — шейки от лощеных сосудов (табл. L, рис. 2, 8, 9). Эти шейки выражены слабо, они почти прямые, но имеется переход к расширенному тулову. Среди них встречены обломки плоских днищ сосудов и обломки сосуда желтоватого цвета со штриховым орнаментом в виде короткого зигзага (табл. L, рис. 10). Толщина стенок лощеных сосудов различна, есть сосуды толщиной от 0,5 до 0,6 см и от 0,8 до 0,9 см. Нелощеные обломки толстостенных сосудов напоминают сосуды предыдущего горизонта, но они без орнамента. В разрезе они так же не однородны, как и сосуды горизонта *Va*. Обнару-

жены обломки лощеной посуды со сквозными дырочками и обломок шейки тонкостенного сосуда с мелким зубчатым орнаментом. Шейка его слегка отогнута. Орнамент — зубчатый штамп, идущий рядами; возможно, что эти ряды образуют в целом сосуде треугольники (табл. L, рис. 6).

Таким образом, в горизонте *Vb* имеются обломки сосудов, свидетельствующих о дальнейшем развитии керамики, появившейся в слое *Va*. Но отысканы также и обломки сосудов, отличающиеся новой формой и орнаментикой, следовательно, не связанные с предыдущими формами и орнаментикой сосудов. К ним относятся обломки сосудов с елочным и шнуровым орнаментом. Возможно, что появление таких сосудов явилось результатом проникновения в Крымское предгорье новых этнических групп.

В горизонте *Vb* обнаружены были в небольшом количестве раковины *Helix vulgatis*. Они, как и в предыдущих слоях, лежали отдельными кучками, скоплениями. Найдено и значительное количество костей, принадлежащих следующим видам домашних животных: собаке, свинье, крупному и мелкому рогатому скоту, лошади и ослу. Из костей диких животных найдены кости дикого быка-тура, благородного оленя, косули, кабана, зайца, кошки и лисицы. В количественном соотношении (по костям и особям) из домашних животных на первом месте стоят свинья и крупный рогатый скот, из диких же — кабан и благородный олень. Костяных орудий в слое горизонта *Vb* не оказалось.

Из находок этого слоя особого внимания заслуживают находки костей человека, обнаруженных в квадрате *IIa*. Здесь под двумя каменными глыбами, упавшими с потолка навеса, в темной кострищной прослойке, были найдены обломки черепа человека и несколько человеческих же костей. Рядом с этой находкой лежали кости животных и кремни. От черепа сохранилось 29 фрагментов, но реставрации он не поддается. Следует отметить, что черепные кости имеют сильную закопченность. Здесь было большое кострище. Вряд ли в этом случае имело место сознательное захоронение человека. Эту находку можно объяснить тем, что человек сидел у костра и был задавлен глыбами, упавшими с потолка навеса от землетрясения, если только не встречаемся здесь со следами людоедства.

Приблизительно с такой же картиной мы сталкиваемся и в пещере Замиль-Коба II, где также, по-видимому, человек был задавлен упавшими камнями (время то же).

Этим исчерпывается вещественный материал из слоя горизонта *Vb*. Нелишне отметить, что часть находок из этого горизонта могла попасть в горизонт *Va*, особенно в центре навеса, где оба горизонта были значительно деформированы упавшими глыбами камней.

Теперь перед нами встает очень сложный вопрос о датировке горизонта *Vb* и об определении его места в историческом развитии Горного Крыма. Датировка может быть обоснована стратиграфическими условиями залегания этого горизонта и характером найденного в нем вещественного материала.

Низ горизонта *Vb* покоится на горизонте слоя *Va* и в некоторых местах отделяется от него тонкой стерильной прослойкой. Кострища всех горизонтов *V* слоя расположены друг над другом, что указывает на преемственность и связь нижних горизонтов с верхними. Оба горизонта *V* слоя связываются общностью геологических условий залегания (залегание под каменными глыбами) и общностью культурных остатков. Сама мощность *V* слоя (от 10 до 70 см) указывает на длительность отложений. Наряду с вещами, повторяющими формы горизонта *Va*, в горизонте *Vb* отысканы новые формы кремневых орудий и керамики, позволяющие отнести горизонт *Vb* к более поздней стадии развития племен Горного Крыма, но стадии, непосредственным образом связанной с предыдущей и, по-видимому, вытекающей из нее.

Характер орудий и осколков кремня указывает еще на господство вкладышевой техники, но ей на смену приходит уже и новая техника, выразившаяся в орудиях с двусторонней обработкой (наконечники стрел, дротики, вкладыши для серпов, кривые ножи, кинжалы и т. д.). Такие орудия впервые появляются только в это время и потому могут служить важным аргументом для датировки горизонта *Vb*. Обнаруженные здесь обломки треугольных наконечников стрел с прямым и вогнутым основаниями являются основной руководящей формой орудий для этой стадии. Подобные наконечники стрел и дротиков встречаются в различных пунктах Крыма

(табл. LII, рис. 2—4)⁷¹, Подонья, Приднепровья, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. В крымских стоянках они найдены в следующих пунктах: Замиль-Коба II — в том же слое, что и горизонт *Vb* в Таш-Аир I, под глыбами упавших камней⁷², в I-ом комплексе пещерной стоянки Шан-Коба, где отыскано несколько кремневых наконечников стрел с прямым и вогнутым основаниями вместе с керамикой, сходной по форме и орнаментике с керамикой горизонта *Vb*⁷³. Подобные же наконечники найдены в значительном количестве на стоянке Балин-Кош⁷⁴, в стоянках бронзового века под Бахчисараем⁷⁵, в стоянках у Симферопольского водохранилища⁷⁶ и в ряде других стоянок Горного Крыма.

Эти наконечники стрел треугольной формы с прямым или слегка вогнутым основанием встречаются почти во всех стоянках Горного Крыма совместно с поздним микролитическим инвентарем. На ранней стадии они еще не так изящны, зато на более поздней сделаны прекрасной отжимной техникой, а еще позднее — зубчатой техникой. Найдены такие наконечники и в стоянке Таш-Аир II, расположенной рядом с Таш-Аир I, причем с тем же инвентарем, что и в горизонте

⁷¹ На таблице LII, рис. 4, изображен наконечник копья, сделанный из длинного кремневого отщепа. По своей форме, величине и технике обработки этот наконечник является уникальным экземпляром. Длина его 21, наибольшая ширина 5 см. Он очень тонкий, в сечении линзовидный. Обработка двусторонняя прекрасной плоской, отжимной, струйчатой ретушью. Найден недалеко от стоянки Таш-Аир I. Хранится в коллекциях Государственного Исторического музея.

⁷² Раскопки Д. А. Крайнова. Коллекция Государственного Исторического музея.

⁷³ С. Н. Бибииков. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г. СА, вып. 1, 1936, стр. 200—203. Эти наконечники стрел отнесены С. Н. Бибииковым к неолитическому слою, но они, по-видимому, более позднего происхождения, особенно если учесть, что в I-м комплексе Шан-Коба встречаются памятники кизил-кобинской культуры. Этот I-й комплекс относится к различному времени — от неолита до современности.

⁷⁴ Сборы Е. И. Висниовской и др. Коллекция Ялтинского краеведческого музея; сборы Д. А. Крайнова. Коллекции Государственного Исторического музея.

⁷⁵ Коллекции наконечников стрел в экспозиции Бахчисарайского музея.

⁷⁶ Е. В. Веймарн. Отчет об эпизодических археологических работах Бахчисарайской археологической станции КФАН за 1953 г. Альбом 1. Архив КФАН; А. А. Щепинский. Памятники неолита, бронзы и раннего железа в окрестностях Симферополя.

Vb⁷⁷. Треугольные наконечники стрел могут служить опорой для датировки, так как им здесь сопутствует керамика с веревочным орнаментом ямно-катакомбного типа (табл. LI, рис. 1).

Треугольные наконечники стрел обнаружены во многих поселениях энеолитического времени Северо-Восточного Кавказа, как например, в Великентском⁷⁸. Такие же наконечники стрел встречены во многих поселениях и погребениях катакомбной культуры в бассейне Северного Донца⁷⁹, где они точно датируются катакомбным временем. Треугольные наконечники стрел катакомбного же и более раннего времени были обнаружены и на других стоянках бассейна Донца, как, например, в 14-й Веревкинской стоянке, и в стоянках Надпорожья (Собачки, Волчек, Перун и др.), а также в стоянках, относящихся к трипольской культуре (Збранка, Городск, Кадиевцы, Кирилловские высоты и др.)⁸⁰. Подобные же наконечники встречены в Мариупольском могильнике⁸¹, на дюнных стоянках Нижнего Поволжья⁸², в стоянке у Красного озера близ Каменной Могилы⁸³ и других местах Причерноморья и Приазовья.

Все названные находки относятся либо ко времени энеолита, либо же ко времени катакомбной культуры, т. е. в абсолютных цифрах — от рубежа III и II тысячелетий и до половины II тысячелетия до н. э. Таким образом, сравнительный материал дает нам возможность датировать горизонт Vb ямно-катакомбным временем.

⁷⁷ Коллекция из стоянки Таш-Аир II хранится в Государственном Историческом музее и еще не опубликована. Мощный культурный слой, обнаруженный здесь, дал прекрасные находки времени позднейямной и раннекатакомбной культуры.

⁷⁸ Р. М. Мунчаев. К изучению энеолита Северо-Восточного Кавказа. Тезисы доклада на заседании Сектора неолита и бронзы Института истории материальной культуры АН СССР 26 января 1957 г.

⁷⁹ Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. «Труды ГИМ», М., 1956, стр. 163, рис. 31, фигуры 1, 2 и 5.

⁸⁰ Коллекции Киевского Исторического музея и коллекции, хранящиеся в Институте археологии АН УССР. Многие из указанных стоянок и поселений имеют по несколько культурных наслоений.

⁸¹ М. Макаренко. Мариупольский могильник. Київ, 1933, стр. 111, рис. 91, табл. X.

⁸² Т. М. Минаева. Стоянки с микролитическим инвентарем на Черных землях, стр. 46—53.

⁸³ Коллекции Института археологии АН УССР. Из раскопок В. Н. Даниленко.

Эту же дату подтверждает и керамический материал. Обломки сосудов с насечками по венчику указывают на время бронзового века. В крымских курганах ямно-катакомбного времени часто встречаются сосуды с подобными насечками⁸⁴. Эти курганы датируются ямно-катакомбным временем⁸⁵. Например, в кургане у совхоза «Комитерн», раскопанном Е. В. Веймарном⁸⁶, найдены сосуды с насечками по венчику и шнуровым орнаментом. Этот курган расположен в 1 км от стоянки Таш-Аир I. Обломки керамики с елочным орнаментом также имеют аналогии в поселениях и погребениях раннего этапа катакомбной культуры. Нарезка в виде елочки встречается и в ранней и в поздней стадии эпохи бронзы, но впервые появляется она в ранней стадии, как, например, в стоянке Стрильча Скеля на Днепре⁸⁷. Такой же орнамент имеется на сосудах из крымских курганных погребений ямно-катакомбного времени⁸⁸, на сосудах эпохи бронзы из могильников Дагестана⁸⁹ и в других культурах эпохи бронзы. Подобные же обломки сосудов с елочным орнаментом обнаружены и в стоянке Таш-Аир III⁹⁰.

Если же взять фрагменты со шнуровым или веревочным орнаментом, найденные в Таш-Аир I, то подобная керамика была обнаружена в курганах Крыма катакомбного времени⁹¹. Эта керамика датируется с найденными совместно с ней медным ножом (копьем) и медным шильцем ямно-катакомбным временем. Кроме того, во многих крымских курганах, раскопанных И. И. Веселов-

⁸⁴ Е. В. Веймарн. Об эпизодических охранных археологических работах, проведенных Бахчисарайской историко-археологической станцией Крымского филиала АН СССР в 1952 г. Архив Бахчисарайской археологической станции АН СССР.

⁸⁵ П. Н. Шульц и А. Д. Столяр. Курганы эпохи бронзы в долине Салгира. КСИИМК, вып. 71, 1958, стр. 53—54.

⁸⁶ Х. И. Крис и Е. В. Веймарн. Курган эпохи бронзы близ Бахчисарая. КСИИМК, вып. 71, 1958, стр. 65—71.

⁸⁷ Т. Б. Попова. Указ. соч., стр. 59, рис. 9, фигуры 4, 6 и стр. 66, рис. 14.

⁸⁸ П. Н. Шульц и А. Д. Столяр. Указ. соч.

⁸⁹ Р. М. Мунчаев. Памятники бронзы Нагорного Дагестана. Доклад на заседании Сектора неолита и бронзы Института истории материальной культуры АН СССР 27 июня 1957 г.

⁹⁰ Коллекции из раскопок пещеры Таш-Аир III хранятся в Государственном Историческом музее.

⁹¹ Е. В. Веймарн. Об эпизодических охранных археологических работах...

ским, Ю. Кулаковским и другими (под Симферополем), вместе со скорченными костяками, ножами и медными шильцами были найдены наконечники дротиков с двусторонней обработкой, вкладыши с отжимной двусторонней ретушью и другие кремневые орудия ямно-катакомбного времени.

Таким образом, керамический материал и кремневый инвентарь слоя *Vb* уточняют на-

шу датировку — от конца III тысячелетия и до половины II тысячелетия до н. э. Условия залегания слоя *Vb* также свидетельствуют об этом времени: внизу слой *Vb* подстилается неолитическим слоем, а сверху граничит со слоем кизил-кобинского времени. Можно полагать, что ко времени этого слоя надо отнести и наскальные изображения на стене навеса Таш-Аир I.

СЛОЙ IV. КИЗИЛ-КОБИНСКОЕ ВРЕМЯ

IV слой залегает в сероватом суглинке над грядой камней, лежащих на слое *Vb*. Мощность слоя не одинакова, под навесом он тоньше и не везде встречается, а на площадке перед навесом достигает в ряде мест толщины до 30 см. В слое встречено много мелких известковых камней и плит. Под навесом культурные остатки располагаются непосредственно на камнях и в трещинах между ними, а на площадке — в темно-сером суглинке. По-видимому, люди того времени не селились в черте навеса постоянно, а жили рядом (Таш-Аир II). В отличие от предыдущих слоев кострища четвертого слоя не имеют четких очертаний и прокалки почвы под ними. Прослежены небольшие кострища в квадратах VII—VIII *b'e'*, Ia, IVa, IIa, IVe и небольшие остатки кострищ в других местах.

Все кострища имеют овальную форму, их диаметр колеблется от 50 см до 1 м 10 см. Толщина 5—10 см. Вероятно, многие кострища этого слоя были развеяны ветром после их оставления человеком, что подтверждается остатками углей и золы в отдельных местах между камнями в слое. Кроме кострищ, на площадке наблюдались канавки и ямы. Канавки или вмятины образовались благодаря падению камней, и в таких углублениях концентрировались основные находки слоя.

Находки немногочисленны: состоят из кремневых орудий и осколков, костяных поделок, керамики, костей животных и пр.

Кремневый инвентарь незначителен — и по ассортименту орудий, и по количеству. Всего в слое найдено 202 кремневых поделок, среди которых 149 осколков разной величины без следов вторичной обработки. Остальную часть (53) составляют следующие категории: двадцать четыре ножевидных пластинки и обломков пластинок без вторичной

подработки краев (табл. LIII, рис. 2—6), две пластинки с ретушью по одному краю, в одном случае с брюшка, а в другом — со спинки; одна пластинка с концевой поперечной ретушью, служившая, как можно думать, резчиком; резчик на углу обломанной пластинки (табл. LIII, рис. 1) и три вкладыша, приближающиеся к прямоугольной форме из разрубленных пластинок (табл. LIII, рис. 7—9). Кроме того, найдены: два скребковидных орудия на отщепках (табл. LIII, рис. 10 и табл. LIV, рис. 3), обломок кремневого отщепа с заполировкой одного края, двенадцать осколков и отщепов со следами вторичной подработки (табл. LIII, рис. 11 и табл. LIV, рис. 4), один отщеп с резцовым сколом, пять нуклеусов разной формы (табл. LIV, рис. 1, 2), один кремневый ретушер и восемь кремневых осколков, служивших огнивами.

Наряду с кремневыми изделиями встречены каменные плитки, отбойники и речные гальки.

Костяных поделок найдено мало. Из них следует отметить костяное шильце, клык кабана со следами обработки и несколько костей с нарезками и следами употребления.

В сравнительно большем количестве отысканы обломки разнообразных лепных круглодонных и плоскодонных глиняных сосудов. Среди них основную массу составляют обломки лощеной толстостенной и тонкостенной глиняной посуды коричневого и желтоватого цветов с нарезным орнаментом и без орнамента. Встречены обломки сосудов красновато-желтоватого цвета с примесью толченых раковин и дресвы. Как датирующий материал интересны обломки сосудов киммерийского облика с ребристыми налпами. Среди других обломков глиняных со-

судов необходимо отметить шейки черных толстостенных сосудов с орнаментом по венчику шейки в виде глубоких зашипов (табл. LV, рис. 1, 2), а также желтые и черные обломки лощеных сосудов (табл. LV, рис. 3, 5). Кроме того, найдены обломки плоских днищ от сосудов и обломки сосудов с нарезным орнаментом (табл. LV, рис. 4, 6).

Главным образом около кострищ имелись в значительном количестве раздробленные обломки костей разных животных (свиньи, осла, лошади, крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота, оленя, косули, лисицы, собаки, зайца, кошки и др.). Среди кухонных остатков было небольшое количество раковин *Helix vulgaris*. Этим исчерпываются находки четвертого слоя.

Кремневый инвентарь, по-видимому, еще играл основную роль в индустрии человека того времени. Вероятно, что главными были орудия с двусторонней обработкой и каменные топоры-молотки. Они обнаружены в курганах этого времени и на кизил-кобинских селищах⁹². О производстве металла трудно говорить. Металлические изделия, несомненно, были, но они нами не найдены, так как навес Таш-Аир I в это время не был постоянным местом обитания, а служил лишь временной стоянкой для пастухов. Об этом одинаково свидетельствуют небольшое количество кострищ, малая толщина их и незначительная прокаленность почвы под ними, немногочисленные культурные остатки, а также отсутствие значительного слоя внутри навеса, где из-за каменных глыб, нагроможденных и не прикрытых еще почвой, вряд ли была возможной постоянная жизнь человека.

Датировку этого слоя можно в основном строить на керамике и условиях залегания.

Лощеная керамика коричневатого цвета начинает встречаться в Крыму еще в конце предыдущей эпохи (время развитой бронзы) и продолжает бытовать почти все I тысячелетие до н. э. В основной своей массе она датируется временем так называемой кизил-кобинской культуры, примерно XII—VI вв. до н. э. Подобная керамика встречена во всех известных кизил-кобинских и ранне-

таврских поселениях: Кизил-Коба, Нейзац, Саблы, Ягмурча⁹³, Ашлама-Дере⁹⁴ и других поселениях Горного Крыма от Евлатории до Феодосии.

Керамика подобного же типа имеется в ряде доскифских поселений Поднепровья⁹⁵, Буга, Днестра, Приазовья⁹⁶ и Северного Кавказа⁹⁷. Она датируется концом эпохи бронзы и началом железного века. Связь крымской кизил-кобинской керамики с Причерноморскими степями, Днепром, Северным Кавказом и пр. явление не случайное. Она может быть объяснена общностью исторического развития Крыма и указанных областей еще в предыдущее, так называемое киммерийское время. Датировочным материалом может быть и керамика с ребристыми налестками. Эта керамика встречена на многих поселениях конца эпохи бронзы и начала железа не только в Крыму, но также и на указанной выше территории, очерчивая ареал распространения киммерийской культуры⁹⁸. В частности, она найдена в III слое Симферопольской стоянки⁹⁹.

Таким образом, условия залегания и находки дают нам полную возможность датировать IV слой временем кизил-кобинской культуры.

⁹³ Коллекции Государственного Эрмитажа в Ленинграде и Симферопольского областного музея.

⁹⁴ Х. И. Крис. Разведки на поселении эпохи поздней бронзы и раннего железа в балке Ашлама близ Бахчисарая. СА, вып. XXIV, 1955.

⁹⁵ А. И. Тереножкин. Скифская Днепровская правобережная экспедиция. КСИИМК, вып. XXXVII, 1952; его же. Археологические исследования близ Смелы в 1952 г. КСИА, вып. 3, 1954, стр. 71; И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951.

⁹⁶ Т. И. Книпович. Опыт характеристики городища станицы Елизаветовской. ИГАИМК, вып. 104, 1934.

⁹⁷ Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. «Труды ГИМ», вып. XII, 1941; его же. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института», т. V. Нальчик, 1950, стр. 248—253; его же. Северокавказская археологическая экспедиция. КСИИМК, вып. XVII, 1947, стр. 104.

⁹⁸ Е. И. Крупнов. Киммерийцы на Северном Кавказе. МИА, 68.

⁹⁹ А. А. Щепинский. Раскопки многослойной стоянки в долине р. Салгир. КСИА АН УССР, вып. 7, 1957, стр. 18, рис. 1, фигура 17; его же. Памятники неолита, бронзы и раннего железа в окрестностях Симферополя, СА, вып. XXVI, 1957, стр. 187, рис. 6.

⁹² Находки из этих поселений хранятся в Государственном Эрмитаже в Ленинграде и в Симферопольском областном музее.

СЛОЙ III. ТАВРСКОЕ ВРЕМЯ

III слой залегает над IV слоем через тонкую прослойку известковых камней, а на площадке перед навесом — через прослойку желтоватого суглинка мощностью до 10 см. Мощность слоя от 5 до 25 см. На жилой площадке прослежено несколько небольших кострищ, размещавшихся в квадратах Ib, I, II_d, IV, Va, IIe и шурфе 1. Кострища, как и в предыдущем слое, не отличаются мощностью. Форма их овальная, толщина 5—10 см. Культурные остатки концентрируются около кострищ. Внутри навеса они располагались на глубине 30—40 см от современной поверхности, а за пределами навеса — на глубине 55—70 см. В квадратах VII—VIII_{b'c'} шли поздние ямы, перерезавшие третий слой.

Культурные остатки этого слоя по количеству значительно превосходят находки предыдущего слоя, но они крайне однообразны и в основном состоят из обломков глиняных сосудов; еще продолжают изредка встречаться и кремневые изделия. Всего найдено 159 орудий и осколков. Из них 5 пластинок и обломков пластинок, 1 скребок на отщепе, 2 скребковидных орудия, 4 осколка со следами вторичной обработки и 147 отщепов и осколков без обработки, кроме того, 37 кремневых огнив. Кремневые изделия, по всей вероятности, следует отнести к нижним горизонтам слоя. Нахождение их в этом позднем слое указывает на продолжительность бытования кремневых орудий у населения Юго-Западного Крыма. В каменных ящиках Горного Крыма, которые связывают с таврами, встречаются кремневые поделки, хотя и редко. По-видимому, отсутствие в Горном Крыму местного производства металлических орудий и трудность получения готовых металлических изделий надолго задержали бытование у местного населения кремневых орудий.

Встречено также значительное количество каменных изделий: отбойник продолговатый, плитки и камни со следами использования и обработки, плитки со следами красной и желтой красок, точильные камни, окатанные гальки и пр.

Особо следует отметить находку трех круглых метательных каменных шаров диаметром около 8 см. Эти шары типичные для таврской культуры Горного Крыма. В слое

отысканы куски кварцита и древние раковины, которые, вероятно, человек употреблял, откалывая их от камней и плит, упавших с потолка навеса.

Поделок из железа и бронзы очень мало. Всего несколько обломков железных вещей, но из-за сильной проржавленности трудно определить их форму и назначение. Бронзовых вещей обнаружено две. Одна из них представляет собой массивную бляху, возможно от украшений конской сбруи, или часть пряжки от пояса, а другая состоит из нескольких тонких пластинок, соединенных между собой; о назначении ее судить трудно. Из костяных поделок можно отметить только обломок рукоятки от ножа и два обломка костей с надрезами.

Основную массу находок этого слоя составляют обломки глиняной посуды, разнообразной по форме, тесту и орнаментике. Прежде всего, найдено довольно значительное количество обломков тонкостенной лощеной круглодонной и плоскодонной посуды черного и коричневого цветов, относящийся к раннетаврскому времени. Среди них есть обломки сосудов с орнаментом в виде углубленных коротких нарезных линий, идущих под углом друг к другу, горизонтальных или простых нарезных горизонтальных параллельных линий, обломки с волнистым нарезным орнаментом, с ямочным-точечным орнаментом таврского времени и др. Но наряду с этой раннетаврской керамикой найдены более поздние обломки эллинистической керамики III в. до н. э., римской краснолаковой посуды первых веков до нашей эры и первых веков нашей эры. Кроме того, многочисленны обломки пифосов, амфор, чашечек и другой посуды, а также обломки грубой черной посуды, лепленной от руки. Необходимо отметить находку глиняного кружка со сверлиной в центре, сделанного из обломка сосуда. Подобные находки часты в таврских и кизил-кобинских поселениях Крыма. Представляет исключительный интерес находка обломка стены навеса Таш-Аир I с остатками наскальных изображений.

Около кострищ обнаружены остатки костей домашних и диких животных (свинья, осел, козуля и др.).

Этим исчерпываются находки из III слоя. Нижний горизонт слоя можно датировать

тавро-скифским временем по черной и коричневой лощеной посуде с точечным и ямочным орнаментом. Подобная посуда встречается во многих таврских поселениях и каменных ящиках¹⁰⁰, в частности в большом количестве в таврском убежище Казы-Кулак около бывшей дер. Каралез. Исследователями Таврики эта керамика датируется VII—IV вв. до н. э. Обломки черной посуды с линейно-бороздчатым нарезным орнаментом найдены также и в каменных ящиках¹⁰¹.

В III слое имеется и керамика, близкая к скифо-сарматской, датируемая VI в. до н. э. и II—III вв. н. э.

Бронзовая бляха, или пряжка, близка к пряжке, найденной в раскопках первого ящика у 2-го Кордона¹⁰², и также может слу-

жить датирующим материалом. Характерным фактом для нижнего горизонта III слоя является и нахождение кремневых поделок. В каменных ящиках 2-го Кордона кремневые изделия встречаются наряду с бронзовыми украшениями и орудиями.

Наконец, верхнюю дату третьего слоя — II—I вв. до н. э. и III в. н. э. — дают обломки греческих и римских краснолаковых чашечек и сосудов, а на самом верху слоя встречены обломки посуды раннего этапа культуры пещерных городов. Таким образом, III слой можно датировать тавро-скифским временем (VII в. до н. э.—V в. н. э.). По-видимому, люди, оставившие III слой, постоянно жили где-то рядом, а в Таш-Аире появлялись время от времени.

СЛОЙ II. СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

II слой располагается над III слоем через небольшую прослойку камней и суглинка, а под навесом лежит непосредственно на III слое. Состоит из светло-серого суглинка мощностью от 10 до 20 см. Жилая площадка под навесом была горизонтальной, а за пределами навеса резко снижалась к дороге. На ней прослежено несколько кострищ в квадратах Ia, IVa, Ib, Va. В других квадратах были находки углей и золы, по-видимому, от развеванных кострищ. В квадратах III, IV e, f и в квадратах IV e и IV d были обнаружены «мусорные» ямы, относящиеся к этому слою. Диаметр их около 1,5 м. Форма частью коническая, частью неправильная. Ямы прослеживались до глубины 120 см. В этих ямах найдено много обломков глиняной посуды, обломков камней и раздробленных костей животных. Наличие этих «му-

сорных» ям указывает, что в это время люди жили здесь постоянно.

Выше, при описании навеса Таш-Аир I, мы упоминали о двух гротах, один из которых (№ 2) имеет следы искусственного расширения и благоустройства. При раскопках перед гротом нами были обнаружены остатки каменной стены (рис. 7). После ее зачистки выяснилось, что своим основанием стена покоилась на гряде крупных камней, упавших с потолка навеса, и что она тянулась с запада на восток на 5 м 20 см. Высота сохранившейся части стены 40—80 см, ширина 50—75 см. Сложена она была из слегка подтепанных камней. По-видимому, стена закрывала весь грот № 2 и в длину и в высоту. Вверху грота видны округлые углубления, служившие, вероятно, для укрепления крыши и стен жилища.

Вещи в этом слое встречались на разной глубине (до 55 см). В верхней части слоя они были смешаны с более поздними вещами, так как верхний слой не отделялся прослойкой от второго.

Вещественные остатки состоят главным образом из керамических изделий, костей животных и немногих предметов домашнего обихода.

Возможно, что к этому слою следует отнести железный предмет — зубило (топор) для обработки камня. К сожалению, он сильно проржавел. Вверху заметны остатки втул-

¹⁰⁰ Х. И. Крис. Раскопки раннетаврского поселения в Инкермане. КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 43, рис. 11; П. Н. Шульц. Исследования Неаполя Скифского (1945—1950 гг.). «История и археология Древнего Крыма», Киев, 1957, стр. 66, рис. 3.

¹⁰¹ Н. И. Репников. Каменные ящики Байдарской долины. ИАК, вып. 30, 1909; С. А. Семенов-Зуссер. Раскопки Крымских дольменов. «Сообщ. ГАИМК», 1937, вып. 7; его же. Таврские мегалиты. «Наукові записки Харківського Державного Педагогічного інституту», 1940, т. 5.

¹⁰² Коллекции Государственного Эрмитажа. Из раскопок С. А. Семенова-Зуссера каменных таврских ящиков у 2-го Кордона в Крыму.

ки для рукоятки. Лезвие затуплено от работы. Длина его 9, ширина 2,8 см. Найдены также пять обломков железных предметов, три кованных железных гвоздя с большими шляпками, крупная железная бляха, кресало железное прямоугольное, огнива кремневые и четырехгранный продолговатый предмет из свинца. Особый интерес представляет часть поясной бронзовой пряжки с крючком с одной стороны; на пряжках простой нарезной орнамент. Датируется она X в. н. э. по аналогии с пряжками из поселений крымского средневековья.

Кроме того, встречены костяное шило, четыре плоских продолговатых точильных камня, много окатанных галек, обломки речных раковин, кусочки мозаики, костяная круглая плоская пуговица с отверстием в середине и предметы украшений в виде двух круглых стеклянных бусин темно-синего и голубого цветов.

Основную массу находок составляют обломки разнообразной глиняной посуды, ручек от амфор, водопроводных труб, пифосов, черепицы и пр. Эти обломки исчисляются сотнями, особенно много их было в «мусорных» ямах, куда, по-видимому, они выбрасывались жителями грота № 2. Из этих изделий следует выделить наиболее интересные находки, а именно: поливную темно-зеленую керамику, аналогичную керамике, найденной при раскопках древней татарской столицы Солхат (Старый Крым); поливную разноцветную керамику, характерную для времени византийского Херсонеса; многочисленные обломки сосудов, чаш, чашек, тарелок, мисок и пр. желтоватого цвета с расписным орнаментом в виде коричневатых и белых параллельных линий (узких или широких). Наряду с указанной керамикой имеется и более древняя. К ней относятся многочисленные обломки сосудов черного цвета с так называемым гофрированным орнаментом; обломки сосудов с нарезным орнаментом в виде широких и узких параллельных бороздок; обломки тонкостенной посуды красного цвета, подражающей поздним римским краснолаковым сосудам; несколько обломков сосудов желтого цвета с мелкоямочным орнаментом. Особенно много толстостенной посуды красноватого и темного цветов.

Встречены также обломки круглодонных и плоскодонных сосудов разной формы и величины (чашечки, кувшины, корчаги, миски, горшки, чаши, тарелки, пифосы, амфоры).

Обнаружено и значительное количество разноцветной стеклянной посуды. Многочисленные обломки черепицы второго слоя по форме близки раннетатарской черепице и черепице из Эски-Кермен. Особенно много было найдено обломков водопроводных труб. На территории стоянки Таш-Аир I и сейчас сохранились остатки древнего водопровода.

Вместе с вещами найдены и кухонные остатки в виде костей животных — свиньи, крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота, лошади, осла, косули и др.

Расположение II слоя вслед за тавроскифским слоем, верх которого датируется IV—V вв. н. э., и находки средневековой керамики заставляют нас отнести его ко времени раннего и позднего Средневековья Крыма, т. е. к VI—XV вв. н. э. Для раннего предела даты служит позднетаврская черная керамика с нарезным и желтовато-красноватым расписным орнаментом и керамика, однотипная с керамикой ранних пещерных городов Горного Крыма (Качи-Кальён, Тепе-Кермен, Мангуп-Кале, Эски-Кермен и др.). Поздняя стадия Средневековья датируется бронзовой пряжкой X в. и раннетатарской и другой керамикой.

Остатки каменной стены, обработка приступков и стен грота № 2, «мусорные» ямы, найденные во II слое, указывают, что в Средневековье навес Таш-Аир служил постоянным местом обитания для небольшой группы людей. Вероятно, что Таш-Аир I в это время входил в состав пещерного города Качи-Кальён, расположенного рядом, в скалистых стенах правого берега реки Качи (рис. 6).

Можно полагать, что вся правая сторона Качи от Таш-Аир I и до дер. Баштановки (б. Пычки) была густо заселена не только во времена раннего и позднего Средневековья, но и значительно раньше. Об этом говорят находки культурных наслоений и погребений, прекрасно видимых в срезе дороги. Густоту населения можно объяснить плодородностью наносов Качинской долины и дорогой, проходившей по Каче из степей через горы на южный берег Крыма.

СЛОЙ I. СРЕДНЕВЕКОВЬЕ — СОВРЕМЕННОСТЬ

I слой залегает непосредственно над вторым и отличается от него цветом, а также до некоторой степени и находками. Под навесом он состоит из темно-серого почвенного слоя с пометом животных, а на площадке — из темно-серого гумуса. Толщина его 5—10 см. Под навесом он наблюдался не везде.

На жилой площадке первого слоя найдено несколько кострищ, расположенных в разных местах. В квадрате IIa, в северо-восточной стороне на глубине 15 см шло кострище длиной 75, шириной 70 и толщиной 15 см. Кострище овальное меньших размеров было обнаружено в квадрате Ia и прирезке к нему; оно имело диаметр 50 и 40 см и толщину 10 см. Деформированные кострища встречались в других местах прямо на поверхности слоя или под толщей кизяка.

Находки из этого слоя многочисленны, но состоят главным образом из обломков разнообразной глиняной, стеклянной, поливной, фарфоровой и прочей посуды, черепицы и обломков водопроводных труб. Общее количество этих остатков исчисляется сотнями. Среди них преобладают обломки толстостенных сосудов красноватого и коричневатого цветов, прекрасно обожженных и сделанных на гончарном кругу. Изредка продолжают встречаться обломки посуды желто-белого цвета со светло-коричневой росписью. В значительном количестве встречены обломки поливной позднеатарской керамики. Полива односторонняя и двусторонняя, разнообразных цветов. В основном преобладают коричневые и зеленовато-желтые цвета. Встречаются обломки тарелок с многоцветной поливой, дающей сложное сочетание орнаментального рисунка (краски белая, зеленая, желтая, серебристая). На некоторых обломках полива прикрывает резной линейный орнамент, нанесенный до поливы. Эта позднеатарская керамика представляет большой интерес и еще недостаточно изучена. Возможно, что она продолжает традиции гончарных изделий византийского Херсонеса. В большом количестве найдены обломки черепицы желтого, красного и темного цветов. В слое обнаружена также и

стеклянная посуда зеленого, синего, голубого и белого цветов и многоцветная. Есть обломки синей лампы с тонкой бронзовой проволокой вокруг дна. Встречены также обломки фарфоровой и фаянсовой посуды XVIII—XIX вв.

Вся глиняная посуда этого слоя сделана на гончарном кругу. Она отличается прекрасным обжигом, хорошо отмученным тестом и разным составом глины (белая, желтая, красная). Судя по обломкам, сосуды были разнообразной формы и разной величины (пифосы, амфоры, горшки, кувшины, миски, чашки, тарелки, кубки и т. д.); форма и выработка сосудов указывают на генетическую связь со средневековым слоем.

Другие предметы домашнего обихода встречались редко. Найдено несколько обломков железных предметов и кованых гвоздей. Интересна находка железного секирообразного топора татарского типа, с широким лезвием. Из наиболее ценных находок, датирующих этот слой, следует отметить две медные монеты: 1) польская медная монета Сигизмунда-Августа 1565 г. и 2) русская медная «денежка» 1852 г. Первая монета попала в низу слоя, а вторая сверху. Вокруг кострищ найдены кухонные остатки из обломков костей домашних животных (бык, баран, коза и др.).

Весьма вероятно, что в конце средних веков пещера еще служила жилищем (грот № 2), но потом жилище было разрушено, и здесь останавливались только пастухи и охотники.

На основании условий залегания и вещей, добытых в I слое, его можно датировать XVI—XX вв. Основным датирующим материалом являются монеты, железный топор и поливная татарская керамика.

Казалось бы, исследование этого почти современного наслоения не должно задерживать на себе внимания, но это не так. Верхние слои, несмотря на скудость находок, дают отправную точку для понимания и датировки нижних слоев. Имея в верхних слоях точно датируемые вещи, мы можем с большей точностью датировать и нижние слои, что очень важно.

Сводная таблица находок кремневых и костяных изделий и керамики в стоянке Таш-Аир I

№ п.п.	Предметы	Слой									
		IX	VIII	VII	VI	Va	Vb	IV	III	II	I
1	Пластинки палеолитического облика и пластинчатые отщепы	24	16	4	—	—	—	—	—	—	—
2	Пластинки призматические без вторичной обработки	—	17	85	102	161	15	16	2	—	—
3	Пластинки призматические, с ретушью и выемками	—	9	12	43	28	4	3	—	—	—
4	Обломки призматических пластинок	5	58	33	101	172	18	8	3	—	—
5	Микропластинки	7	—	—	4	6	—	—	—	—	—
6	Прямоугольники-вкладыши удлиненные, с ретушью и без нее	7	10	48	84	255	25	2	—	—	—
7	Прямоугольники-вкладыши короткие, с ретушью и без нее	6	29	22	58	135	35	3	—	—	—
8	Сегменты, полусегменты и треугольники	—	3	4	4	3	—	—	—	—	—
9	Трапеции разные — удлиненные, средние и миниатюрные	—	4	12	3	5	—	—	—	—	—
10	Трапеции асимметричные	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—
11	Трапеции высокие — прообраз трапеций со струганой спинкой	—	—	—	4	—	1	—	—	—	—
12	Трапеции со струганой спинкой	—	—	—	—	6	—	—	—	—	—
13	Заготовки трапеций	—	—	—	4	12	—	—	—	—	—
14	Резцы на осколках и отщепах	8	2	3	5	24	5	1	—	—	—
15	Резцы на углах пластинок	—	3	4	8	18	2	—	—	—	—
16	Нуклевидные резцы	2	1	—	1	1	—	—	—	—	—
17	Резцы с поперечным сколом по концу пластинки или отщепа	—	—	8	4	15	4	—	—	—	—
18	Микрорезцы	—	1	1	6	13	—	—	—	—	—
19	Резчики всевозможные на углах пластинок	—	5	7	15	29	3	1	—	—	—
20	Резчики на отщепах и сколах	4	2	1	2	1	5	—	—	—	—
21	Скребки на концах укороченных пластинок	—	—	2	11	18	1	—	—	—	—
22	Скребки на отщепах и сколах	1	2	2	10	18	5	1	1	—	—
23	Микроскребки	—	—	1	—	7	1	—	—	—	—
24	Скребла	—	1	1	—	—	2	—	—	—	—
25	Скребковидные орудия	—	2	1	2	1	1	1	2	—	—
26	Скобели на сколах и отщепах	9	2	2	10	34	—	—	—	—	—
27	Ножи	—	—	—	1	9	3	—	—	—	—
28	Наконечники стрел с двусторонней обработкой	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—
29	Острия	—	—	—	2	3	1	—	—	—	—
30	Микроострия	—	—	—	—	3	—	—	—	—	—
31	Проколки	—	—	4	1	3	—	—	—	—	—
32	Отщепы с заполировкой	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
33	Нуклеусы конические	1	1	2	2	10	—	—	—	—	—
34	Нуклеусы призматические	7	3	3	7	22	3	3	—	—	—
35	Нуклеусы поддисквидные	1	—	—	2	3	—	1	—	—	—
36	Нуклеусы подцилиндрические	—	—	—	2	1	2	—	—	—	—
37	Нуклеусы призматические уплощенные	—	—	—	—	13	—	1	—	—	—

Продолжение

№ п.п.	Предметы	Слой									
		IX	VIII	VII	VI	Va	Vb	IV	III	II	I
38	Обломки нуклеусов	10	—	3	11	11	2	—	—	—	—
39	Нуклевидные орудия	4	—	1	1	4	2	—	—	—	—
40	Заготовки нуклеусов	—	2	5	2	9	3	—	—	—	—
41	Осколки кремневые и отщепы со следами обработки	20	—	—	16	22	18	3	4	—	—
42	Осколки кремневые без обработки	80	500	309	841	1669	960	149	147	—	—
43	Ретушеры	—	—	1	4	2	4	1	—	—	—
44	Плиты	—	1	—	3	—	—	—	—	—	—
45	Плитки	2	—	1	11	4	1	3	—	—	—
46	Гальки окатанные и отбойники	3	1	1	5	71	7	5	11	—	—
47	Окрашенные гальки и плитки	—	—	—	—	2	1	—	1	—	—
48	Костяные орудия и поделки	—	1	1	3	19	—	4	3	—	—
49	Обломки глиняной посуды	—	—	—	11	308	105	75	много	—	—
50	Кости животных	мало	много	много	очень много	очень много	мало	—	—	—	—
51	Раковины <i>Helix vulgaris</i>	мало	мало	мало	много	очень много	много	мало	—	—	—
52	Краска красная	—	+	—	—	+	+	—	—	—	—
53	Огнива кремневые	—	—	—	—	—	1	8	37	—	—
54	Орудия с двусторонней обработкой	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—
		201	676	584	1408	3151	1245	289	211	—	—

*— означает „не найдена“; + „найдена“.

Сравнительная таблица находок кремневых изделий в стоянке Таш-Аир I по видам орудий.

№ п.п.	Кремневый инвентарь	Слой									
		IX	VIII	VII	VI	Va	Vb	IV	III	II	I
1	Пластинки призматические	7	26	97	149	195	19	19	2	—	—
2	Обломки призматических пластинок	5	58	33	101	172	18	8	3	—	—
3	Прямоугольники удлиненные из разрубленных пластинок	7	10	48	84	225	25	2	—	—	—
4	Прямоугольники-вкладыши короткие	6	29	22	58	135	35	3	—	—	—
5	Геометрические микролиты	—	7	16	17	26	1	—	—	—	—
		25	130	216	409	753	98	32	5	—	—
	Резцы										
1	Резцы нуклевидные, на сколах и отщепях	10	3	3	6	25	5	1	—	—	—
2	Резцы на пластинках	—	3	4	8	18	2	—	—	—	—
3	Резцы с поперечным отжимным сколом	—	—	8	4	15	4	—	—	—	—
4	Микрорезцы	—	1	1	6	13	—	—	—	—	—
5	Резчики	4	7	8	17	30	8	1	—	—	—
		14	14	24	41	101	19	2	—	—	—

№ п.в.	Кремневый инвентарь	Слой									
		IX	VIII	VII	VI	Va	Vb	IV	III	II	I
Скребки											
1	Скребки на концах укороченных пластинок	—	—	2	11	18	1	—	—	—	—
2	Скребки на отщепах и сколах	1	2	2	10	18	5	1	—	—	—
3	Микроскребки	—	—	1	—	7	1	—	—	—	—
		1	2	5	21	43	7	1			
Нуклеусы											
1	Нуклеусы конические	1	1	2	2	10	—	—	—	—	—
2	Нуклеусы призматические	7	3	3	7	22	3	3	—	—	—
3	Нуклеусы подцилиндрические	—	—	—	2	1	2	—	—	—	—
4	Нуклеусы поддисквидные	1	—	—	2	3	—	1	—	—	—
5	Нуклеусы уплощенные	—	—	—	—	13	—	1	—	—	—
6	Заготовки нуклеусов	—	2	5	2	9	3	—	—	—	—
7	Обломки нуклеусов	10	—	3	11	11	2	—	—	—	—
		19	6	13	26	69	10	5	—	—	—
Орудия с двусторонней обработкой											
1	Наконечники стрел	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—
2	Крупные орудия	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—

Глава III

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ПОСЛЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР КРЫМА

Вопросам периодизации археологических памятников времени палеолита, мезолита, неолита и эпохи бронзы посвящено большое количество работ. Потребность в выработке четкой и правильной периодизации диктуется не только накоплением новых материалов, но и развитием самой науки. Решение вопроса о преемственности и хронологической последовательности различных этапов в истории первобытного общества позволит понять и исторически объяснить все своеобразие археологических памятников каменного века и нарисовать общую картину древнейшей истории Крыма.

Долгое время для палеолита господствующей схемой была периодизация, созданная в 1869 г. Г. Мортилье и впоследствии несколько расширенная и дополненная другими учеными. Этой схемой пользовались как в Западной Европе, так и у нас, но сейчас, благодаря новым открытиям в области палеолита в СССР, Китае, Индии, Африке, Западной Европе и в других странах, выяснилось, что, наряду со сходством в технике и хозяйстве палеолита этих стран, есть и существенные различия. Так, например, С. Н. Замятниным были установлены три различные области (зоны) в развитии верхнего палеолита: среднеземноморско-африканская, европейско-приледниковая и сибирско-китайская¹. Кроме того, внутри каждой из этих областей

есть особенности. Еще В. А. Городцов² и А. А. Спицын³ отмечали своеобразие русского палеолита, которое позднее было более выявлено в работах П. П. Ефименко⁴, П. И. Борисковского⁵, А. Н. Рогачева⁶ и др. В результате исследований советских археологов для русского палеолита предложены новые схемы периодизации (П. П. Ефименко и П. И. Борисковским), но они еще недостаточно стройны и четки и требуют уточнения. Имевшая недавно место дискуссия по поводу биологизаторских взглядов Б. Ф. Поршнева на развитие первобытного общества⁷ показала, что существующая археологическая периодизация недостаточно хорошо увязана с современными представлениями о развитии первобытнообщинного строя⁸. Все же,

² В. А. Городцов. Археология. Каменный период, т. I. М., 1923.

³ А. А. Спицын. Русский палеолит. ЗОРСА, т. XI, 1915, стр. 172.

⁴ П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 54 и др., его же. Современное состояние советской науки об ископаемом человеке. «Материалы по четвертичному периоду СССР», т. II, 1950.

⁵ П. И. Борисковский. Основные этапы развития верхнего палеолита Украины. СА, XV, 1951; его же. Вопросы периодизации палеолита. СА, XXI, 1954.

⁶ А. Н. Рогачев. Доклад на сессии Института истории материальной культуры АН СССР в 1955 г.

⁷ Б. Ф. Поршнев. Материализм и идеализм в вопросах становления человека. «Вопросы философии», 1955, № 5; А. П. Окладников и П. И. Борисковский. О времени и условиях становления человеческого общества. Доклад на сессии Института истории материальной культуры АН СССР в 1956 г. Тезисы докладов.

⁸ Например, включение среднего палеолита в рубрику нижнего палеолита создает почву для неверного толкования мустьерской эпохи.

¹ С. Н. Замятнин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества. Труды Института этнографии АН СССР», т. XVI. М.—Л., 1951, стр. 131 и др.

несмотря на своеобразие палеолита в различных областях, он имеет ярко выраженные общие черты, в основном укладываемые в рамки существующей периодизации.

Значительно труднее обстоит дело с периодизацией послепалеолитических культур. Невыясненность характера переходной эпохи от палеолита к неолиту и разноречивое толкование неолита привели к неустойчивой терминологии в делении этих периодов, что создает путаницу и мешает правильному пониманию процесса исторического развития.

Особенно запутан вопрос о периодизации переходной эпохи от палеолита к неолиту. Различными исследователями эта эпоха именуется по-разному, как, например: поздний палеолит, эпипалеолит, мезолит, прото-неолит, ранний неолит и просто неолит. Кроме того, существуют разнообразные наименования отдельных стадий этого периода, как-то: азильская, тарденуазская, свидерская, позднекапсийская, шан-кобинская, мурзак-кобинская и др. В Западной Европе выделяются особые культуры этой эпохи, как, например: аренсбургская, Штельмор, Маглемозе, Лингби, Эртебёлле, Кьёккенмеддингов, Кампиньи, мезолитические культуры Скандинавии и т. д. Наши исследователи для территории СССР намечают ряд особых локальных вариантов, отличающихся один от другого. Отсутствие единой и четкой терминологии вносит беспорядок, мешает взаимопониманию археологов и специалистов смежных наук, дает широкий простор для субъективных толкований, путает четкость хронологических построений и приводит к появлению всевозможных теорий, искажающих процесс исторического развития (теории миграции, культурных кругов и т. д.).

Вопрос о периодизации неолита также ждет своего разрешения. Само понятие «неолит» стало неясным, так как каждый исследователь кладет в основу его определения свои собственные критерии. Соответственно этим разнородным критериям существуют многочисленные названия, как, например, неолит, докерамический неолит, керамический неолит, охотничье-рыболовческий неолит, земледельческий неолит, энеолит и т. д. и т. п. Кроме того, здесь так же, как и в мезолите, выделяются разнообразные культуры. В связи с этим нередко создается неясность и в хронологических построениях. Так, одни и те же стоянки одними исследо-

вателями относятся к неолиту, другими к бронзовому веку. Западноевропейские ученые включают раннеолитические стоянки в мезолит, а к собственно неолиту относят только те памятники, которые указывают на появление производящих видов хозяйства (земледелие и скотоводство); по этому же признаку многие стоянки раннебронзового века причисляются ими к неолиту.

Все это свидетельствует о том, что для специалистов еще не совсем ясен вопрос о границах в смене этапов послепалеолитического времени. Трудность установления единой периодизации для послепалеолитического времени зависит и от других причин. С наступлением современной геологической эпохи неравномерность и своеобразие развития разных областей земного шара значительно усилились, а отсюда естественны и различия в мезолите и неолите юга, севера и средней части Европы. Поэтому особенно трудно втиснуть в рамки одной общей схемы все разнообразие культур, развившихся после палеолита, и тем не менее необходимо установить общую периодизацию и терминологию, положив в основу ее какой-то единый критерий.

Мы отнюдь не ставим здесь своей целью создание новой периодизации, но выдвигаем вопрос о ее настоятельной необходимости. Такая периодизация может быть выработана только путем широкого обсуждения. Наряду с общей периодизацией не исключена возможность более дробных делений (они должны быть обязательно увязаны с общей схемой), отображающих своеобразие отдельных зон и областей. Поэтому при разработке периодизации Крыма мы будем пользоваться наиболее распространенной схемой деления культур после палеолита (мезолит, неолит, энеолит, бронзовый век, железный век); что же касается хронологических границ и социально-экономического облика этих культур, то нам иногда придется отступать от общепринятых положений.

Территория Крыма является одним из наиболее благоприятных мест для изучения последовательности в истории развития первобытного общества юга СССР, так как здесь имеются стоянки первобытного человека, начиная с мустьерского времени и кончая поселениями позднейших эпох. Наличие в горной части Крыма естественных убежищ (пещер, навесов, гротов и т. п.) позволило пер-

вобытным людям использовать их в течение тысячелетий для жилья. Благодаря этому ряд пещер имеет по несколько последовательных культурных наслоений различных эпох, что сравнительно редко встречается в равнинной части юга СССР. Далее геологические условия расположения пещер увязываются с террасами речных долин Крыма, что облегчает их датировку. Наконец, природные условия благоприятствовали довольно густой заселенности Крыма на протяжении всего каменного века. Огромный вещественный материал, добытый путем разведок и раскопок, позволил разработать схему последовательности культур палеолита и мезолита Крыма. В целом с этой схемой можно согласиться, но отдельные ее детали нуждаются в уточнении. Так, если по палеолиту и мезолиту Крыма имеются сводные работы, то по неолиту, бронзе и раннему железу не только нет сводных работ, но и сами культуры не охарактеризованы и не классифицированы.

Вопросом периодизации палеолита и послепалеолитических культур Крыма занимались многие исследователи, из которых следует упомянуть Г. А. Бонч-Осмоловского, П. П. Ефименко, С. Н. Бибикува, О. Н. Бадера, М. В. Воеводского, Е. А. Векилову и А. А. Формозова. Они проделали большую работу и значительно продвинули вперед наши знания по древнейшей истории Крыма. Намечены основные этапы развития палеолитических и мезолитических культур Крыма и выяснены отдельные характерные черты каждого этапа. Однако, несмотря на кажущееся единство во взглядах, среди названных исследователей имеются и противоречивые высказывания по некоторым существенным моментам истории развития древнейшей культуры Крыма. На этих моментах нам придется остановиться более подробно.

Не совсем выясненным остается вопрос об отнесении крымского палеолита и мезолита к так называемой Африканско-Средиземноморской, или Капсийской, культурной области. Создатель периодизации крымского палеолита Г. А. Бонч-Осмоловский возражал против отнесения палеолита Крыма к капсийской палеолитической провинции⁹. Он считал, что крымский палеолит по остаткам фауны и по вещественному материалу тесно

связан с материком Европы и по характеру имеет много сходного со среднерусским и западноевропейским палеолитом. Его доводы не лишены известной убедительности. Что же касается отсутствия памятников солутре и мадлена, то он объяснял это недостаточной изученностью Крыма. Большинство же других исследователей, как например, П. П. Ефименко¹⁰, С. Н. Замятнин¹¹, С. Н. Бибикув¹², Е. А. Векилова¹³ и др., придерживаются противоположной точки зрения, включая Крым, Кавказ, Среднюю Азию и Южную Украину в так называемую Средиземноморскую (Капсийскую) зону. П. П. Ефименко не только делает предположение о капсийском пути развития палеолита Крыма, но пытается дать объяснение причин этого развития¹⁴. Однако, несмотря на, казалось бы, убедительные доказательства П. П. Ефименко и С. Н. Замятнина, вопрос отнесения Крыма к Африканско-Средиземноморской зоне пока нельзя считать окончательно решенным. Широкое распространение послепалеолитических памятников с микролитическим кремневым инвентарем от Индийского до Атлантического океана, от Каспия до берегов Северного и Балтийского морей свидетельствует о некоторой общности исторического процесса этих территорий в послеледниковое время. Тем не менее памятники палеолита и мезолита Крыма нельзя считать совершенно однотипными палеолитическим и мезолитическим памятникам Африканско-Средиземноморской области; в последней на пространстве от Индии до Гибралтара наблюдается несколько вариантов верхнепалеолитических культур. Вероятно, близкие природные условия в различных областях Юга создали и одинаковые в них возможности для хозяйственного развития, отличные от Севера, чем и была обусловлена известная близость кремневой индустрии

¹⁰ П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 595—605.

¹¹ С. Н. Замятнин. О возникновении локальных различий...

¹² С. Н. Бибикув. Мезолит и неолит Крыма и связанные с ним вопросы общей древнейшей истории СССР. Тезисы диссертации. КСИИМК, вып. XIII, М., 1956.

¹³ Е. А. Векилова. Стоянка Сюрень I и ее место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий. Автореферат диссертации. Л., 1953.

¹⁴ П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 603.

⁹ Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита, стр. 168.

стрии в областях Капсийской зоны. Что касается ссылки на общность происхождения населения, привлекаемой для объяснения своеобразия и сходности культур этой зоны, то она не представляется убедительной. Г. Ф. Дебеч и другие высказывают предположение, что в Крыму и на Кавказе культуры с геометрической кремневой индустрией связаны «тесной преемственностью» с позднепалеолитическими культурами капсийского типа¹⁵.

Е. А. Векилова, отнеся крымский палеолит к Капсийской зоне, также считает одной из причин сходности локальных культурных комплексов этой зоны общность происхождения¹⁶. Такое предположение об общности происхождения населения опровергается, во-первых, огромностью пространства распространения Африканско-Средиземноморской зоны и, во-вторых, наличием в Крыму мустьерских памятников, предшествующих верхнепалеолитическим и генетически с ними связанным. П. П. Ефименко отмечает, что крымские мустьерские стоянки представлены рядом типичных поселений, характерных для приледниковой зоны¹⁷. В более поздних из них мы наблюдаем связующие звенья с верхним палеолитом Крыма (Шайтан-Коба, Староселье и др.), а последний увязывается с азило-тарденуазской стадией. Несмотря на недостаточность материалов (связующих звеньев), все же имеются основания говорить о генетической связи и преемственности в развитии первобытного населения Крыма от мустье к верхнему палеолиту и от последнего к мезолиту и неолиту. Вряд ли можно допустить исчезновение из Крыма мустьерцев и приход после них «средиземноморцев». Находка переходной формы от мустьерского неандертальца к *homo sapiens* в лице мустьерского неандертальца в стоянке Староселье¹⁸ и кроманьонского человека в пещерной стоянке Мурзак-Коба¹⁹ подтверж-

¹⁵ Г. Ф. Дебеч, Т. А. Трофимова и Н. И. Чебоксаров. Происхождение человека и древнее расселение человечества. «Тр. Института этнографии АН СССР. Новая серия», т. XVI, 1951, стр. 421.

¹⁶ Е. А. Векилова. Указ. соч., стр. 20.

¹⁷ П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 190—209.

¹⁸ А. А. Формозов. Мустьерская стоянка Староселье. Доклад на заседании сектора неолита и бронзы ИИМК, 1956 г.; его же. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите.— МИА, 71, 1958.

¹⁹ Е. В. Жиров. Костяки из грота Мурзак-Коба. СА, 5, 1940, стр. 179—196.

дают нашу точку зрения о прямой преемственности в истории развития первобытного общества в Крыму. С. Н. Бибииков, отмечая большое сходство первобытной культуры Крыма и Капсийской зоны, в то же время указывал, что развитие Крыма не целиком совпадает с Капсием и что в крымском материале есть некоторые черты, сближающие его с палеолитом атлантической зоны²⁰. Таким образом, можно говорить о сходстве культурного облика палеолитических памятников Крыма с памятниками Капсийской области, но нельзя ставить вопрос об общности происхождения всех культур этой зоны от Индийского океана и до Гибралтара, так как до сих пор не выяснены причины сходства и различий одноименных культур. Единство инвентаря микролитических стоянок средиземноморской зоны придется, очевидно, объяснять иными причинами.

Также спорным и неразрешенным является вопрос о непосредственной связи верхнего слоя Сюрень I с ранними мезолитическими стоянками типа Буран-Кая, Шан-Коба, Замиль-Коба и др.

Г. А. Бонч-Осмоловский, отнеся три слоя стоянки Сюрень I к разным стадиям ориньякской культуры, не смог увязать ее верхний слой с азило-тарденуазской стадией Крыма, считая, что существующий между ними разрыв будет заполнен будущими исследованиями²¹. Однако последующие исследователи, выяснив разновременность культурных наслоений Сюрень I, довольно убедительно доказали связь верхнего слоя Сюрень I со стоянками типа Буран-Кая²². П. П. Ефименко высказал предположение об отнесении наслоений Сюрень I к ранней поре ориньяко-солютрейского времени²³, а азийские слои крымских стоянок он отнес к мадленской стадии, считая их сходными по облику с позднемадленскими стоянками Украины и одинаково древними по времени²⁴. Лучше обстоит дело с вопросом о мезолите

²⁰ С. Н. Бибииков. Производственная роль костяного инвентаря в хозяйстве позднепалеолитических обществ Крыма. Уч. зап. ЛГУ, № 85, вып. 13, 1949, стр. 44.

²¹ Г. А. Бонч-Осмоловский. Указ. соч., стр. 157.

²² Е. А. Векилова. Указ. соч.

²³ П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 418.

²⁴ Там же, стр. 595—596.

Крыма, но и здесь имеются неясные моменты. До сих пор, например, не определены границы мезолита и недостаточно вскрыта сама сущность этой эпохи. Некоторые исследователи отрицают самостоятельность мезолитической стадии и присоединяют ее к палеолиту или к неолиту. Г. А. Бонч-Осмоловский считал излишним введение термина «мезолит» и относил азило-тарденуазские стоянки к концу верхнего палеолита, даже тарденуазскую стадию он считал «самой распространенной культурой верхнего палеолита»²⁵. Этим самым Г. А. Бонч-Осмоловский отрицал выделение переходной эпохи в самостоятельную, отличную от палеолита и неолита стадию. Такое утверждение влечет за собой неправильное толкование сущности переходной эпохи и запутывает решение проблемы мезолита. За Г. А. Бонч-Осмоловским идут и другие исследователи, называя мезолитические стоянки Крыма позднепалеолитическими. П. П. Ефименко, например, относит мезолитические стоянки к мадленской и азильской стадиям палеолита. Он отличает эипалеолит от мезолита. Термин «эипалеолит», по его мнению, означает время, относящееся к началу современной эпохи, «когда в строе культуры первобытного населения Европы, в частности в инвентаре орудий из камня и кости, сохраняются палеолитические черты»²⁶.

Давая характеристику памятников, П. П. Ефименко называет стоянки с микролитическим инвентарем то мезолитическими, то раннеолитическими. В другом месте он считает термины «эипалеолит» и «мезолит» равнозначными и отмечает их условность²⁷. Подобные колебания в названии переходной эпохи происходят от неясности проблемы мезолита.

Еще не так давно об эпохе мезолита вообще ничего не было известно. Создавались теории о hiatus'e между палеолитом и неолитом, о вымирании и исчезновении европейской палеолитической расы, о приходе на ее место средиземноморских рас и т. д. Археологическими исследованиями XX в. эта лакуна между палеолитом и не-

олитом заполнилась. Мезолитические стоянки открыты во всех частях света. Намечались не только основные стадии и черты мезолита, но и различные его локальные варианты, как, например: мезолит Скандинавии (культуры Фосна и Комса)²⁸, Гамбургская культура, Лингби и Маглемозе в Прибалтике, Азиль и Тарденуаз во Франции, Свидер и Тарденуаз в Польше, мезолитические культуры юга СССР, капсийские варианты мезолита в Африке, Азии и т. д. Многие исследователи сходятся в общей оценке характера мезолита, но дискуссии идут по поводу границ мезолита с палеолитом, с одной стороны, и с неолитом — с другой, а отсюда проистекают расхождения в делении на периоды и в хронологии. Можно считать установленным, что мезолит по времени занимает место между палеолитом и неолитом. Также несомненно, что всюду ранний этап мезолита (азильская, аренсбургская, свидерская, крымская и другие культуры) генетически связан с культурами конца палеолита. Культуры мезолита севера и Средней Европы увязываются с бореальным, бореальным и частью атлантическим периодами; что касается культур южного мезолита, то они формируются, по-видимому, несколько раньше. Г. Чайлд, например, отмечает, что во Франции азильская культура сменила мадленскую в бореальное время, а в Шотландии значительно позднее²⁹. Поэтому исследователи по-разному и датируют начало мезолита — от 12 000 до 8000 лет до н. э.

Что касается конца мезолита, то здесь расхождения еще большие. Г. Кларк делит мезолит на три периода³⁰. 1-й период — 8300—6800 лет до н. э.; 2-й период — 6800—5000 лет; 3-й период — 5000—3000 лет до н. э. К третьему периоду он относит такие культуры, как Эртебёлле, Кампиньи и т. п., а неолит он начинает только за 3000 лет до н. э. Несмотря на наличие в культурах, относящихся к третьему периоду, керамики, домашних животных и признаков земледелия, их относят к мезолиту, что нарушает стройность периодизации.

²⁸ I. G. D. Clark. The mesolithic settlement of Northern Europe. Cambridge University press, 1936.

²⁹ Г. Чайльд. У истоков европейской цивилизации. Москва, 1952.

³⁰ I. G. D. Clark. The mesolithic settlement of Northern Europe, стр. 53.

²⁵ Г. А. Бонч-Осмоловский. Указ. соч., стр. 165.

²⁶ П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 629.

²⁷ Там же, стр. 628, 629, 637—639.

С. Н. Замятнин, также придерживаясь деления мезолита на три стадии, считает его границами начало геологической современности, с одной стороны, и с другой — появление настоящего керамического неолита³¹. Отмечая различия трех этапов мезолита, он, так же как и П. П. Ефименко, относит первый (азильский) к палеолитическому периоду, а последний к неолитическому. Поэтому он соглашается с Г. Обермайером, предложившим для трех стадий мезолита общие названия: 1-я (азильская) — эпипалеолит, 2-я (тарденуазская) — пренеолит и 3-я (Кампиньи и Эртебёлле)³² — протонеолит. Подобная терминология могла бы быть принята для общей характеристики развития послепалеолитических культур, так как она приемлема для всех территорий в качестве единой периодизации, но в то же время она может внести и путаницу.

Все эти вариации в названии переходной эпохи между палеолитом и неолитом и отнесение ее то к палеолиту, то к мезолиту, то к неолиту происходят от недостаточной ясности самого облика мезолитической культуры. Благодаря частому смешению двух разных понятий «микролитический» и «мезолитический» и неясности причин появления микролитической техники, исследователи относят заведомо поздние стоянки к мезолиту³³.

Таким образом, перед нами и сейчас стоит вопрос о месте и культурном облике мезолита как определенной стадии в развитии первобытного человечества. Необходимо признать, что мезолит является самостоятельной стадией в развитии первобытного общества. На юге Европы он совпадает с наступлением современной геологической эпохи, с появлением лука и стрел, т. е. с культур типа азильской, и заканчивается появлением керамики и развитием новой неолитической техники в изготовлении орудий труда. Эти границы намечаются не по формальным признакам, а основываются

³¹ С. Н. Замятнин. О возникновении локальных различий..., стр. 147.

³² Там же, стр. 148.

³³ Третий этап нельзя относить к мезолиту, так как в нем появляются новые черты, присущие уже неолиту. В этом, по нашему мнению, коренная ошибка названных исследователей в интересующей нас периодизации.

на культурно-хозяйственном облике мезолита.

Как на юге, так и на севере мезолитическая эпоха делится на ранние и поздние этапы. На севере и на юге они могут быть различными и по орудиям труда и по хозяйству, но их объединяет общая тенденция перехода к новой, неолитической стадии. Смена палеолитической эпохи мезолитической происходила медленно, но для нас эта перемена рисуется настолько ясно, что кажется резким переломом³⁴.

В мезолите происходят большие сдвиги и в жизни первобытного человека. Эпоха мезолита — эпоха роста и расселения человечества. В мезолите совершается приручение животных и закладываются основы для возникновения и развития производящих форм хозяйства — животноводства и земледелия. Необычайно прогрессирует техника выделки кремневых и костяных орудий, появляются лук и стрелы, значение которых трудно переоценить. «Изменение условий существования, — писал П. П. Ефименко, — и значительные перемещения и взаимодействия племенных групп, облегченные и стимулированные освобождением, после окончательного отступления ледника, новых пригодных для обитания территорий, явились причиной сложного культурного кризиса... и искания новых путей»³⁵.

Начиная с мезолита изменяется самый характер развития. Если в период палеолита характер культуры и хозяйства был более или менее одинаковым для всех первобытных коммун, то в мезолите развитие производительных сил на разных территориях пошло своими путями.

Первоначальную характеристику послепалеолитических культур Крыма дал Г. А. Бонч-Осмоловский³⁶, затем она была расширена исследованиями С. Н. Бибикова, Б. С. Жукова, О. Н. Бадера и др. М. В. Воеводский обобщил накопленные знания и создал обоснованную периодизацию мезолитических культур Крыма³⁷. В своих прежних работах он часто употреблял термин «эпи-

³⁴ В. А. Городцов. Археология. Каменный период, т. I, стр. 303.

³⁵ П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 629.

³⁶ Г. А. Бонч-Осмоловский. Указ. соч.
³⁷ М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, XXXI, 1950.

палеолит»³⁸, а в последней работе³⁹ совершенно правильно называет эпоху после палеолита мезолитом. Эпоху крымского мезолита он разделил на три стадии: раннюю, позднюю и неолитическую, назвав первую шан-кобинской, а вторую мурзак-кобинской. Кроме того, первой стадии он дает еще название «азильская», а второй «тарденуазская», применяя эти термины в качестве определения их хронологического положения. Однако, несмотря на стройность, его периодизация имеет и некоторые недостатки, одним из которых является усложненность в названиях стадий, так, например: мезолит, ранняя — (шан-кобинская) — стадия азильского времени. Нам представляется, что введение новых названий (шан-кобинская и мурзак-кобинская) только усложнит взаимопонимание, тем более что хронологический указатель дается терминами «ранняя» и «поздняя» и общеизвестными понятиями азиль и тарденуаз. Если выделять шан-кобинскую и мурзак-кобинскую культуры, то надо дать местные названия и последующим стадиям. Одним из недостатков периодизации М. В. Воеводского является отнесение к мезолиту и неолитической стадии, а отсюда не совсем правильный взгляд на яйлийские стоянки, большинство которых он продолжает относить к мурзак-кобинской стадии. Что касается характеристики кремневой индустрии той и другой стадии мезолита, то она дана совершенно правильно. Ее можно только расширять, но не отрицать. Периодизация А. А. Формозова⁴⁰ является дальнейшим развитием периодизации М. В. Воеводского. А. А. Формозов делит мезолит Крыма на четыре этапа, давая им названия по типичным для каждого из них стоянкам, но, так же как и М. В. Воеводский, он относит неолит Крыма к мезолиту⁴¹.

Выделение этапа яйлинских стоянок в качестве раннего неолита, с нашей точки зре-

ния, не может быть принято. Указанные А. А. Формозовым яйлинские стоянки Ат-Баш и у Юсуповского бассейна относятся к более позднему времени. Что касается выделения из числа стоянок особой стадии Сюрень II, то этот вопрос требует дополнительного исследования в связи с последними раскопками в Сюрень II⁴².

Одним из неразрешенных и труднейших вопросов каменного века Крыма является проблема неолита. Трудность ее разрешения зависит не только от недостаточной изученности крымских археологических памятников, но и от невыясненности и запутанности всей проблемы неолита.

Исследователи до сих пор не пришли к единому мнению о самом понятии неолита. Казалось бы, термин «неолит» — новокаменный век — должен говорить сам за себя, но каждый исследователь вкладывает в это понятие свое содержание, и отсюда вытекают разногласия во взглядах на хронологию, взаимосвязь и материальный облик неолитических культур, что в свою очередь создает пестроту в терминологии неолитических культур и их подразделения. Также нет единого мнения и в определении верхней и нижней границ неолита.

Некоторые исследователи относят тарденуазскую стадию к неолиту, предлагая называть ее пренеолитом, а последующие культуры типа Маглемозе, Къёккенмеддингов, Кампиньи и т. д. — протонеолитом⁴³.

В. А. Городцов считал нижней гранью неолита конец палеолита, а верхнюю связывал с появлением первых металлических изделий в древних культурных центрах⁴⁴. П. П. Ефименко иногда относит тарденуазскую стадию к раннему неолиту⁴⁵.

Большинство ученых Запада включает многие раннеолитические культуры в мезолит, несмотря на появление в них керамики — типа Кампиньи, Къёккенмеддингов и т. п., а также других признаков, говорящих о наступлении новой стадии; начало же неолита они относят к концу атлантического

³⁸ М. В. Воеводский. К вопросу о ранней (Свидерской) стадии эпипалеолита на территории Восточной Европы. «Труды II Международной конференции АИЧПЕ», вып. 5, М.—Л., 1934, стр. 230—235; его же. К вопросу о развитии эпипалеолита в Восточной Европе. СА, 1940, стр. 144—150.

³⁹ М. В. Воеводский. Мезолитические культуры...

⁴⁰ А. А. Формозов. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР. СА, XXI, 1954.

⁴¹ Там же, стр. 47.

⁴² Е. А. Векилова. Мезолитическая стоянка Сюрень II. КСИА АН УССР, вып. 7, 1957, стр. 7—8.

⁴³ Г. Обермайер. Доисторический человек. СПб., 1912, стр. 546.

⁴⁴ В. А. Городцов. Археология. Каменный период, т. I, стр. 303—309.

⁴⁵ П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 631—632, 638—639.

периода, в абсолютных цифрах — с 3000—2500 лет до н. э., и доводят его до позднего времени⁴⁶. Основным критерием выделения неолита считается появление производящих форм хозяйства. В. И. Равдоникас совершенно правильно относит к раннему неолиту культуры типа Кьёккенмеддинггов, Эртебёлле, Кампиньи и т. д.⁴⁷, но не все придерживаются этой точки зрения. М. В. Воеводский, выделяя неолитическую стадию Крыма, в то же время в своей периодизации причисляет ее к мезолиту⁴⁸. Таким образом, и в Западной Европе и у нас не выяснено время становления неолита, как и формы перехода к нему. Это касается и Севера и Юга. Верхняя граница неолита с бронзовым веком еще более запутана. Предлагаются разнообразные критерии для определения этой грани⁴⁹.

Установление верхних границ затрудняется тем, что металл в своей начальной стадии не вытесняет каменных орудий, а на ранней стадии бронзового века металлические орудия очень редки. Скорее можно согласиться с М. Е. Фосс, которая определила неолит как эпоху, сменившую мезолит и окончившуюся с первым появлением изделий из меди и бронзы на данной территории, независимо от степени их применения⁵⁰, чем с А. Я. Брюсовым и В. И. Равдоникасом, относящих к неолиту все стоянки, где нет типологических рядов изделий из металла и развития местной металлургии⁵¹. Таким образом, нижней границей неолита на Юге следует считать время, когда в культуре появляются примитивное скотоводство и примитивное земледелие, а в инвентаре — первая глиняная посуда и топоры; это — также время расцвета микрондустрии. Верхней же границей можно считать первое появление металлических изделий. Для Севера эти признаки будут несколько иные. Что касается общей хронологии неолитиче-

ских культур, то здесь можно согласиться с В. И. Равдоникасом о невозможности установления единой хронологии для всех неолитических культур⁵². Она будет различна для разных областей. Неолит Юга старше, чем неолит Севера, а в Сибири неолитические культуры могли существовать до XVIII в.

Но все же границы неолита с мезолитическими культурами и культурами энеолита и бронзового века могут быть определены хотя бы по отличиям не хронологического, а социально-экономического порядка. Для этого необходимо выработать общий критерий в определении понятия «неолит», иначе трудно решать общие вопросы. Сейчас существуют различные трактовки неолита. В. А. Городцов, например, писал, что «неолитическая эпоха соответствует современному геологическому периоду и характеризуется появлением совершеннейших технических приемов обработки каменных орудий посредством полирования, опиловки и сверления, а также явлением керамики, прирученных домашних животных и культурных растений»⁵³. Он разделил неолит на три поры: раннюю, среднюю и позднюю. Ранняя пора, судя по характеристике, данной В. А. Городцовым, соответствует мезолиту.

В. И. Равдоникас определяет понятие неолита следующим образом: «Неолит — новокаменный век, отличный от палеолита и мезолита новой техникой изготовления каменных орудий, при помощи шлифования, полирования, пиления и сверления»⁵⁴. Далее он рисует сложную картину неолитических культур, различных территориально, хронологически и по социально-экономическому облику. Их происхождение В. И. Равдоникас совершенно правильно выводит из местных вариантов позднемезолитических культур⁵⁵. А. Я. Брюсов под неолитическими культурами понимает такие, «в которых появляются и развиваются каменные орудия, допускающие расположение их в хронологически-типологические ряды» и резко отличающиеся от предшествующих палеолитических и эпипалеолитических орудий следующими признаками:

⁴⁶ I. G. D. Clark. The mesolithic settlement of Northern Europe, стр. 53.

⁴⁷ В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. I. Л., 1939, глава XI.

⁴⁸ М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 116.

⁴⁹ М. Е. Фосс. О терминах «неолит», «бронза», «культура». КСИИМК, вып. XXIX, 1949, стр. 33—47.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952, стр. 5—11; В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. II. Л., 1947.

⁵² В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. II.

⁵³ В. А. Городцов. Археология. Каменный период, стр. 28.

⁵⁴ В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. II.

⁵⁵ Там же, стр. 168.

1. «Появлением и развитием среди кремневых орудий многочисленных категорий и форм предметов, не выводимых непосредственно из категорий и форм кремневых орудий предыдущих эпох, как, например, топоров, резчиков, фигурных камней, изображений животных и людей, а также развитием в новых направлениях существовавших ранее категорий вещей, получающих совершенно иные, новые формы, как, например, наконечники стрел, скребки»⁵⁶.

2. Появлением изделий из других каменных пород (сланца, диорита, шифера, нефрита и пр.).

3. Отсутствием местных металлических вещей, «образующих хронологически-типологические ряды».

4. Умением пилить, шлифовать и сверлить камень и наличием гончарного мастерства⁵⁷.

Существуют десятки и других определенных неолита, в основе которых лежат хозяйственные признаки (земледельческий неолит, скотоводческий неолит, рыболовческий и пр.). В основном они дают приблизительно сходную характеристику неолитической эпохи. Различия же касаются границ хронологических рамок неолита и отличий его стадий. Все указанные выше признаки скорее характеризуют поздний (развитой) неолит, энеолит и начало бронзового века. Если встать на ту точку зрения, что основными признаками неолита являются пиление, сверление и шлифование, то для Юга станет невозможным выделить неолитические стоянки из среды позднемезолитических стоянок, так как пиление, сверление и полирование камня там появляются очень поздно (в энеолите и ранней бронзе). Также невозможно установить неолит Крыма по признакам, разработанным А. Я. Брюсовым.

Все приведенные нами характеристики неолита не дают общей концепции, приемлемой как для Севера, так и для Юга. Отсутствие такой общей оценки неолита, по-видимому, зависит от недостаточной изученности проблемы неолита, что значительно затрудняет решение вопроса и о неолите Крыма. Для неолита Юга придется, по всей вероятности, выработать несколько иные признаки, так как он развивается на другой хозяйственной основе, чем неолит Средней и Се-

верной Европы. Эти различия в развитии Юга и Севера наметились уже в мезолите. Ранне-неолитические культуры юга Украины и Крыма возникают непосредственно из мезолитических культур с микролитическим инвентарем, что наложило на ранний неолит юга Украины и Крыма своеобразный отпечаток, резко отличающий его от неолита Севера. Эту специфику южного неолита отмечают многие исследователи Украины. Так, М. Рудинский писал, что «неолит Надпорожья развивается на базе эпипалеолитической, сохраняя ее формы на протяжении всего своего существования»⁵⁸. А. Я. Брюсов, говоря о ранне-неолитических племенах Юга, совершенно правильно ставит резкую грань между ними и северными неолитическими племенами⁵⁹, но в объяснении причин этой разницы исследователи расходятся во мнениях. Например, Е. Ю. Кричевский считал, что на Юге уже в тарденуазское время создались предпосылки для перехода к следующей «неолитической стадии». Этот переход он связывает с укреплением рыболовческого хозяйства, установлением оседлости, появлением новых орудий и керамики.

А. Я. Брюсов совершенно правильно возражает Е. Ю. Кричевскому, что «не развитие рыболовства вызвало коренные изменения в технике выделки кремневых орудий», но «раннее расхождение в развитии южных и северных племен: первые на грани раннего и развитого неолита, вероятно, не позднее IV тысячелетия до н. э., перешли к земледелию и скотоводству»⁶⁰. Основными причинами раннего перехода Юга к производящим видам хозяйства (еще в раннем неолите) А. Я. Брюсов считает благоприятные физико-географические условия и близость к древнейшим культурным очагам⁶¹. С точкой зрения А. Я. Брюсова можно согласиться, но что касается влияния культурных очагов, то сейчас трудно установить его степень для эпохи неолита. Во всяком случае неолитические культуры Крыма, Надпорожья, Приазовья, Подонья, Нижнего Поволжья и части Северного Кавказа развивались на одной

⁵⁸ М. Рудинський. Стоянки з мікролітичним інвентарем на острові Кізлевому. «Археологічні пам'ятки», т. II. Київ, 1949, стр. 271.

⁵⁹ А. Я. Брюсов. Указ. соч., стр. 183—185.

⁶⁰ Там же, стр. 200.

⁶¹ Там же, стр. 181.

⁵⁶ А. Я. Брюсов. Указ. соч., стр. 6.

⁵⁷ Там же.

основе, так как во всех перечисленных местах встречены стоянки с микроиндустрией.

Украинскими археологами особенно за последние годы были выяснены многие стороны проблемы южного неолита. Открыто и исследовано значительное количество неолитических стоянок и могильников, по материалам которых можно судить не только о преемственности различных стадий неолита, но и об отдельных его локальных вариантах. Для нашей темы особый интерес представляют стоянки Надпорожья, исследованные и описанные А. В. Добровольским⁶², В. М. Даниленко⁶³, О. В. Бодянским⁶⁴ и др. Названные авторы на основании раскопок стоянок Надпорожья и сборов подъемного материала на них устанавливают здесь развитие культуры с раннего неолита и кончая эпохой бронзы. Намеченным трем этапам неолита (раннему, среднему (развитому) и позднему) соответствуют и определенные стоянки. Правда, не со всеми выводами этих авторов можно согласиться, так как в стоянках Надпорожья чередование слоев часто перепутано и вещи отнесены не к тем слоям. Только новыми раскопками можно окончательно выяснить правильную картину наслоений. Для нас важно, что вещи из этих стоянок очень близки к вещам из крымских мезолитических стоянок.

Для изучения неолита Крыма также важны исследования донецких дюнных стоянок, проведенные Н. В. Сибилевым⁶⁵, Д. Я. Телегиным⁶⁶ и другими исследователями. Материалы, собранные на дюнах и на других стоянках, имеют культурную или этническую связь с материалами крымских неолитических стоянок. Особенно следует выделить такую стоянку Приазовья, как стоянка у Каменной Могилы⁶⁷. В ней было просле-

⁶² А. В. Добровольський. Восьма Ігрінська неолітична стоянка. «Археологічні пам'ятки», т. II, Київ, 1949, стр. 243—252.

⁶³ В. М. Даниленко. До питання про ранній неоліт Південної Наддніпрянщини. «Археологія», т. III, 1950.

⁶⁴ О. В. Бодянський. Археологічні дослідження в межах Порожистої частини Дніпра в 1947—1948 рр. «Археологія», т. VIII, Київ, 1953.

⁶⁵ Н. В. Сибилев. Древности Изюмщины. Вып. 2. Изюм, 1928; его же. Отчет о зондажных раскопках в Изюмском округе в 1926 г. Изюм, 1926; его же. Эпипалеолит Изюмщины и его отношение к позднему культурам. СА, V, 1940 и другие работы.

⁶⁶ Д. Я. Телегін. Неолітична стоянка в урочищі Бандариха. «Археологія», т. IX, Київ, 1954. Близ Изюма Харьковской области.

⁶⁷ В. М. Даниленко. Приазовська експедиція

жено 13 культурных горизонтов, начиная со скифо-греческого слоя и кончая мезолитическими слоями.

По условиям залегания культурных наслоений, в смысле их последовательности, и по сходству вещественных остатков стоянка у Каменной Могилы почти идентична стоянке Таш-Аир I. Она может служить для Приазовья основой построения схемы последовательной смены культур. К сожалению, до сих пор классификация причерноморского неолита недостаточно разработана. Из среды многочисленных стоянок Донца, Поднепровья, Приазовья и Нижнего Поволжья не выделены стоянки ямного и катакомбного времени. Часто эти памятники относятся к неолиту только на том основании, что в них не найдены металлические вещи. К неолиту отнесен и такой могильник, как Мариупольский, который, по-видимому, датируется скорее эпохой бронзы⁶⁸. Неопределенность украинского неолита затрудняет решение вопроса и о крымском неолите.

Возвращаясь к вопросу о крымском неолите, следует сказать, что несмотря на дебаты в литературе, этот вопрос еще не получил полного разрешения. Во-первых, до сих пор не отделен ранний неолит от мезолита, во-вторых, нет четкой характеристики развитого неолита. По существу о неолите Крыма как об этапе исторического развития имеется только одна работа — С. Н. Бибикова⁶⁹, к которой мы обратимся ниже. Отдельные сообщения о неолитических стоянках Крыма имеются и у других исследователей. Еще К. С. Мережковский пытался выделить из массы открытых им памятников стоянки раннего неолита. Он отнес вещи, найденные им при раскопках Бин-Баш-Коба, Суук-Коба, Кизил-Коба и др., к раннему неолиту, оговорившись, что в Крыму полированных орудий в раннем неолите не встречается⁷⁰. Все указанные места, обследованные К. С. Ме-

1947 р. «Археологічні пам'ятки», т. IV, Київ, 1952. Поселение на север от Каменной Могилы.

⁶⁸ М. Е. Фосс. Раскопки стоянок на р. Осколе. «Труды ГИМ», вып. XII, 1941, стр. 83—84.

⁶⁹ С. Н. Бибикова. К вопросу о неолите в Крыму. КСИИМК, вып. V, 1943.

⁷⁰ К. С. Мережковский. Отчет о предварительном исследовании каменного века в Крыму. «Изв. имп. Русск. географ. об-ва», т. XVI, вып. 2, 1880; его же. Отчет об антропологической поездке в Крым в 1880 г. «Изв. имп. Русск. географ. об-ва», т. XVII, вып. II, 1881.

режковским, С. И. Забнин отнес к однородной культуре⁷¹, но не смог определить их принадлежность к той или иной стадии крымского неолита. Он совершенно правильно указал на разнородность наслоений пещеры Кизил-Коба, выделив нижний слой как поздне-неолитический; считая стоянку у дер. Саблы на Алме сходной с Кизил-Коба, он также выделяет там неолитические слои, не объясняя причин отнесения их к неолиту. П. Н. Заболоцкий считал, что многие стоянки, открытые и частично исследованные К. С. Мережковским, А. С. Моисеевым, Н. Н. Клепининым и др., также неолитические. Сам П. Н. Заболоцкий обследовал около Феодосии несколько стоянок, часть которых он отнес к неолиту, а такую стоянку, как в долине Чалка, датировал средним неолитом около 10 000 лет до нашего времени⁷².

Одна из стоянок в долине Чалка была раскопана позднее и датирована катакомбным временем. А. С. Моисеев открыл на крымских Яйлах свыше 20 стоянок⁷³, часть которых он на основании находок керамики и кремневого инвентаря определил как неолитические. Опять-таки, как и С. И. Забнин, П. Н. Заболоцкий, К. С. Мережковский и другие авторы, А. С. Моисеев не дает характеристики неолита, не выделяет типичных для последнего орудий и керамики, а относит все стоянки с керамикой к неолиту, тогда как многие из них на самом деле очень поздние. Н. Н. Клепинин также описывает ряд стоянок с неолитическими находками⁷⁴, не указывая характерных черт. Т. Ф. Гелах упоминает ряд местонахождений неолитических стоянок в долине Качи и на Яйле. Такую стоянку, как Балин-Кош, он считает типичной для неолита⁷⁵.

⁷¹ С. И. Забнин. Находки каменного века в Крыму. ИТУАК, 54, 1917, стр. 367—368.

⁷² П. Н. Заболоцкий. Очерки доисторического прошлого Крыма. Следы каменного века в Юго-Восточном Крыму. «Сборник статей по экономическому быту и истории Феодосийского района», вып. 1. Феодосия, 1931.

⁷³ А. С. Моисеев. Предварительный отчет о находках следов каменного века на Яйле, на южном берегу Крыма. ИТУАК, 57, 1920, стр. 297—303; его же. Каменный век на крымской Яйле. «Природа», 1923, № 1.

⁷⁴ Н. Н. Клепинин. Находки орудий каменного века в Крыму. ИТУАК, 54, 1917, стр. 360—361.

⁷⁵ Т. Ф. Гелах. Археологические разведки в Крыму летом 1926 г. «Тр. Секции арх. РАНИОН». М., т. IV, 1929, стр. 113—124.

Таким образом, все упомянутые выше исследователи Крыма писали о неолитических стоянках, но ни один из них не указал характерных неолитических форм орудий и керамики; более того, некоторые из них относили к неолиту каменные сверленные молотки и керамику кизил-кобинского типа. Поэтому нельзя считать указанные ими стоянки неолитическими. Они могут относиться к различным эпохам истории первобытного Крыма. Отсюда никак нельзя согласиться с Ф. М. Шмидтом, который утверждал, что крымский неолит изучен лучше, чем палеолит⁷⁶.

В дальнейшем такие крупные исследователи Крыма, как Г. А. Бонч-Осмоловский⁷⁷, О. Н. Бадер⁷⁸, Б. С. Жуков⁷⁹ и др., продолжали относить ряд стоянок к мезолиту и палеолиту, несмотря на обнаруженные там обломки глиняной посуды. Г. А. Бонч-Осмоловский, копавший пещерную стоянку Шан-Коба, не смог выделить в ней неолитической стадии, считая найденную в верхнем слое керамику «скифского облика» случайно оказавшейся при смешении слоев⁸⁰. Находку керамики в яйлинской стоянке Ат-Баш этот исследователь также отнес за счет смешения тарденуазских слоев с поздними. Из огромного количества яйлинских стоянок Г. А. Бонч-Осмоловский не смог выделить неолитических, так как считал, что «ранние неолитические стоянки обладают рядом признаков, говорящих о решительном изменении хозяйственных условий. Расположение стоянок у водоемов, обилие моллюсков, мелкой дичи и рыбы, крупные каменные, сначала оббитые, потом полированные орудия, явно приспособленные к обработке массивного дерева, свидетельствуют о хозяйстве полуседлых собирателей и примитивных рыболовов»⁸¹.

⁷⁶ Ф. М. Шмидт. Археологические очерки. «Изв. ГАИМК», 109, 1935.

⁷⁷ Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита, стр. 165—166.

⁷⁸ С. Н. Бадер. Изучение эпилеолита крымской Яйлы. СА, вып. V, 1940, стр. 96. О. Н. Бадер говорит, что часть стоянок Яйлы относится к неолиту, но не называет эти стоянки.

⁷⁹ Б. С. Жуков. Раскопки и обследование стоянок культуры микролитов на Ай-Петринской Яйле в июле 1927 г. «Крым», № 2/4, М., 1927.

⁸⁰ Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита, стр. 165.

⁸¹ Там же, стр. 166.

Совершенно правильно считая, что тарденуаз и ранний неолит относятся к двум различным этапам развития первобытного общества и что они связаны между собой⁸², Г. А. Бонч-Осмоловский, однако, не учел всей специфики развития первобытной истории Крыма и подошел к определению крымского неолита с тем же критерием, что и для определения неолита Севера, хотя он считал, что микролитическая техника переживает весь неолит и доходит до эпохи металла.

Только после работ С. Н. Бибикова проблема неолита Крыма стала выясняться⁸³. Основой для выделения неолитической стадии ему послужила стоянка Шан-Коба, из верхних наслоений которой им был выделен комплекс Ia и отнесен к неолиту. С. Н. Бибилов обратил внимание на две формы, встречающиеся в этом слое, — трапецию со струганой спинкой и сегмент с плоской ретушью по дуге и части спинки, и выделил их в качестве руководящих форм для крымского неолита. Изучение комплекса Ia стоянки Шан-Коба и сопоставление его с инвентарем некоторых яйлинских стоянок и стоянок юга СССР привели С. Н. Бибилова не только к пересмотру датировок крымских стоянок, но и к заключению о своеобразии и отличии крымского неолита от северного лесного неолита. Далее, поставив вопрос о пересмотре датировок яйлинских стоянок, он указал на трудность выделения из них неолитических стоянок по причине малой их изученности и плохой стратиграфии.

Выделяя руководящие формы для неолита и определив его место среди других культур Крыма, С. Н. Бибилов, однако, не дал достаточной характеристики неолитической стадии, так как не имел для этого материалов. Комплекс Ia, выделенный им как неолитический, по существу неоднороден и разновременен. В нем встречена скифская керамика⁸⁴ и, как указывает сам С. Н. Бибилов, кизил-кобинская керамика и более архаичная⁸⁵. С. А. Трусова, участвовавшая в раскопках стоянки Шан-Коба, высказала

⁸² Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита, стр. 166.

⁸³ С. Н. Бибилов. К вопросу о неолите в Крыму. КСИИМК, IV, 1940, стр. 26—31; его же. Мезолит и неолит Крыма. Тезисы диссертации. КСИИМК, вып. XIII, 1946.

⁵⁹ Г. А. Бонч-Осмоловский. Указ. соч., стр. 165.

⁸⁵ С. Н. Бибилов. К вопросу о неолите в Крыму...

мнение, что керамика комплекса Ia разновременна с кремневым инвентарем⁸⁶. Керамика, судя по описанию и изданным рисункам, действительно разновременна — наряду с позднеолитической⁸⁷ встречаются обломки сосудов времени ранней бронзы и кизил-кобинской культуры. Кремневый инвентарь также неодновременен. Треугольные наконечники стрел с прекрасной зубчатой техникой присущи только энеолиту и бронзовому веку⁸⁸. Нам представляется, что слой Ia стоянки Шан-Коба может быть отнесен к позднему неолиту, энеолиту и эпохе бронзы, а предыдущий слой — к раннему неолиту. С нашей точки зрения, спорным является и утверждение С. Н. Бибилова о том, что «на территории Крыма процесс перехода к неолиту шел через усиление собирательства и ранние формы рыболовства при соподчиненном значении охоты»⁸⁹. Такое представление противоречит расположению большинства неолитических стоянок на Яйлах и не учитывает значения примитивного животноводства.

М. В. Воеводский повторяет доводы С. Н. Бибилова в этом вопросе и относит целиком весь Ia комплекс Шан-Коба к неолитической стадии. Общим отличием кремневых изделий неолитического этапа от предыдущего он считал увеличение количества призматических пластинок, геометрических вкладышей и округлых скребочков, а также их миниатюрность⁹⁰. Однако М. В. Воеводский не выделяет стоянок неолита и продолжает относить яйлинские стоянки к мурзак-кобинской стадии (тарденуазскому времени). А. А. Формозов, основываясь на данных С. Н. Бибилова и изучении материалов из ряда других стоянок, называет неолитическую стадию «этапом яйлинских стоянок»⁹¹. Он же выделяет в эту стадию ряд яйлинских

⁸⁶ С. А. Трусова. Краткий обзор работы Крымской палеолитической экспедиции 1936 г. СА, V, стр. 298—301.

⁸⁷ По моей периодизации.

⁸⁸ По стратиграфическим данным Таш-Аир I и Замиль-Коба II, а также данным стоянок Приазовья, Подонья и Нижнего Поволжья.

⁸⁹ С. Н. Бибилов. Мурзак-Коба — новая позднепалеолитическая стоянка в Крыму, стр. 176.

⁹⁰ М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 96—119.

⁹¹ А. А. Формозов. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР. СА, т. XXI, 1954, стр. 42.

Нам представляется, что выделение этого этапа в периодизации под названием «этап яйлинских стоянок»...

памятников и пещерных стоянок, но также не обрисовывает характера крымского неолита. Ю. Г. Колосов отмечает плохую изученность неолита. Обследованные им стоянки на Караби-Яйле, возможно, и относятся к неолиту, но не к ранней стадии его, а к более поздним. Нельзя согласиться с его делением наслоений стоянки в долине Ала-Чук на неолитический и азильский слой⁹². Следует упомянуть и работу А. А. Щепинского о новой многослойной стоянке в долине р. Салигир, где им выделяется ранне-неолитический слой⁹³, который, с нашей точки зрения, относится к поздне-неолитическому времени, а также другую его работу⁹⁴, в которой упоминается несколько неолитических комплексов.

Таким образом, проблему неолита Крыма еще нельзя считать разрешенной. Установленная С. Н. Бибиковым неолитическая стадия, характеризующаяся трапециями со струганой спинкой, сегментами с плоской ретушью по дуге и плоскими нуклеусами, относится уже к развитому этапу крымского неолита. Ранний этап носит иной характер. Он возникает на базе поздне-мезолитического этапа и отличается от него не только появлением новых орудий труда, но и несколько иным социально-экономическим укладом жизни первобытного человека.

Мы рассмотрели основные вопросы развития послепалеолитических культур Крыма. Из этого разбора видно, что для исследователей Крыма до сих пор остается нерешенным основной вопрос — о четкой последовательности в смене послепалеолитических культур. Как указано выше, стоянки Таш-Аир I и Замиль-Коба II дают основу для выяснения этой последовательности и построения периодизации. Поэтому главным критерием для классификации послепалеолитических культур может служить стратиграфия этих стоянок и характер культурных остатков, выявляющий постепенную смену

нок» крайне неудачно, так как на крымских Яйлах встречаются разновременные стоянки и большая часть их, по-видимому, относится к бронзовому веку и позднее.

⁹² Ю. Г. Колосов. Новые неолитические стоянки Крыма. КСИА АН УССР, вып. 7, Киев, 1957, стр. 13—16.

⁹³ А. А. Щепинский. Раскопки многослойной стоянки в долине р. Салгир, стр. 17—19.

⁹⁴ А. А. Щепинский. Памятники неолита, бронзы и раннего железа..., стр. 178—192.

формы и техники обработки орудий труда и смену социально-экономического уклада жизни послепалеолитического человека Крыма.

Стратиграфия указанных стоянок и характер вещественных остатков позволяют нам наметить следующую периодизацию в развитии послепалеолитических культур Юго-Западного Крыма:

I. Конец палеолита (мадленское или раннеазильское время).

II. Мезолит — ранний этап (азильское время).

III. Мезолит — поздний этап (тарденуазское время).

IV. Ранний неолит (неолитическое время).

V. Развитой, или поздний, неолит (предьямное время).

VI. Энеолит и ранняя бронза (ямно-катакомбное время)⁹⁵.

VII. Поздняя бронза, кизил-кобинская культура (прототаврское время).

VIII. Тавро-Скифская культура (время погребений в каменных ящиках).

IX. Раннее средневековье (время пещерных городов Горного Крыма).

X. Позднее средневековье.

При существующем положении нам приходится пользоваться для выделения каждой стадии установленными терминами, а именно: палеолит, мезолит, неолит, энеолит и бронзовый век. Эти откристиализовавшиеся термины отображают не только археологические эпохи и изменения форм орудий труда и техники их выработки, но также соответствуют и глубоким социально-экономическим изменениям. Таким образом, мезолит, неолит, энеолит и бронзовый век — не только археологические понятия, но и исторические, связанные с определенными сдвигами в жизни первобытного человеческого общества. Изменениям форм орудий труда и техники их выработки сопутствуют и хозяйственные изменения, а за ними общественные.

К палеолиту мы относим те стоянки Крыма, в которых господствуют палеолитические формы орудий труда и техника их изготовления, где нет еще ярко выраженных форм орудий новой, мезолитической техники. Все

⁹⁵ Мы сейчас не можем отделить энеолит от ранней бронзы, так как для этого надо исследовать значительное количество памятников.

стоянки этого времени располагаются в четвертичных наслоениях и сопровождаются четвертичной фауной.

Мезолит выделяется нами в отдельную, отличную от палеолита эпоху. Он разделяется на два этапа — ранний и поздний, соответствующие азильскому и тарденуазскому времени в Западной Европе.

Ранний этап мезолита начинает переходную эпоху от палеолита к неолиту. Некоторые исследователи называют его эпипалеолитом — по условиям залегания и по характеру вещественных остатков. С одной стороны, в нем еще сильны палеолитические традиции, а с другой — новые черты начинают давать иную, не палеолитическую окраску этой эпохе. Если принять термин «эпипалеолит», то последующий этап надо называть не «мезолит», а «пренеолит», так как он стоит ближе к неолиту. Правильнее остановиться на термине «мезолит», разделив обозначаемое им время на два этапа. Так как почти все авторы в описании послепалеолитических культур Крыма называют ранний этап мезолита азильским, а второй тарденуазским, то мы будем пользоваться этими названиями в качестве хронологического указателя.

Выделение мезолита в самостоятельную эпоху, отличную от палеолита и неолита, диктуется особым обликом переходной эпохи, которая своими памятниками отличается от палеолита и от неолита.

Ранний этап мезолита характеризуется появлением лука и стрел, одомашнением собаки и приручением свиньи, началом развития микроиндустрии и распадом крупных палеолитических коллективов на небольшие бродячие группы охотников-собирателей, а также отступлением ледника и окончательным исчезновением в Крыму арктических видов животных.

Поздний этап мезолита вытекает из предыдущего. Он характеризуется усиленным развитием микроиндустрии и вкладышевой техники, одомашнением наряду с собакой также и свиньи, а возможно, и других жи-

вотных, развитием усложненного собирательства и кризисом охотничьего хозяйства.

Ранний этап неолита генетически связывается нами с предыдущим этапом. Его характерные черты: совершенствование микролитической техники, появление новых вкладышевых форм, возникновение крупных топоробразных орудий и муфт из оленьих рогов, начало гончарного производства, развитие оседлости и возникновение примитивного животноводства и земледелия.

Поздний этап неолита сменяет предыдущий этап и генетически увязывается с ним. Это время характеризуется расцветом микроиндустрии, распространением новых вкладышевых форм (трапеций со струганой спинкой, сегментов с плоской ретушью по дуге и пр.), дальнейшим развитием гончарного производства, укреплением оседлости и окончательным установлением производящих форм хозяйства — скотоводства и земледелия. Это время названо нами «предьямным» не с целью определения генезиса ямной культуры, а только с целью его хронологического определения.

Энеолит и ранняя бронза не разделяются нами на два этапа, так как изученность памятников этого времени еще не достаточна. Этот этап характеризуется изживанием микроиндустрии, распространением кремневых орудий с двусторонней обработкой, появлением первых курганных захоронений в Крыму, стабилизацией скотоводства и земледелия, развитием поселений на открытых местах и т. д. Это время мы называем «ямно-катакомбным», благодаря распространению памятников этой культуры в Крыму и сходству вещественных остатков в стоянках Горного Крыма с находками в курганах.

На ямно-катакомбном времени и заканчивается характеристика послепалеолитических культур Крыма, даваемая в этой книге, так как дальнейшие этапы — кизил-кобинский, таврский и средневековый — требуют специального исследования; по материалам стоянки Таш-Аир I о них судить трудно.

Глава IV

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПОСЛЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР КРЫМА

КОНЕЦ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА (ПОЗДНЕМАДЛЕНСКОЕ ИЛИ РАННЕАЗИЛЬСКОЕ ВРЕМЯ)

Чтобы подойти к решению вопроса о памятниках, времени и характерных чертах конечного этапа крымского палеолита, необходимо увязать его с предыдущим этапом и выяснить исходные моменты. Как уже упоминалось, Г. А. Бонч-Осмоловский, разработавший первоначальную периодизацию палеолитических культур Крыма, не смог заполнить пробел между стоянкой Сюрень I и стоянками, отнесенными им к азило-тарденуазской стадии. Исходя из того положения, что «вся история палеолитического человечества представляет собой единый строго закономерный процесс развития...»¹, и отсюда — из концепции об обязательной и повсеместной смене ориньякской стадии солютрейской, а последней — мадленской, Г. А. Бонч-Осмоловский и в Крыму хотел найти те же классические формы палеолита, что и во Франции. Отрицая поэтому своеобразие крымского палеолита и принадлежность его к так называемой Средиземноморской (Капсийской) области² и не находя в верхних наслоениях Сюрень I солютрейских и мадленских черт, он относил все три слоя Сюрень I к разным стадиям ориньякской культуры. Г. А. Бонч-Осмоловский считал, что пробел между крымским ориньяком и азилом будет заполнен дальнейшими ис-

следованиями³. Он указал на несколько пещерных стоянок, свидетельствующих, по его мнению, о присутствии солютрейской и мадленской стадий в Крыму⁴.

Н. И. Николаев, увязывая палеолитические стоянки со своей схемой строения речных долин Горного Крыма, указал на расхождение с его схемой ориньякской датировки Сюрень I. Исходя из возраста морфологических элементов долины, Н. И. Николаев отнес нижние культурные наслоения Сюрень I к середине вюрмского времени⁵. Он усомнился в правильности археологического определения наслоений стоянки и высказал предположение об отсутствии нижнего ориньяка в Сюрень I и синхронности части ориньяка с солютре⁶.

П. П. Ефименко также поставил под сомнение ориньякскую принадлежность Сюрень I. По его мнению, время наслоений Сюрень I можно выяснить, только исходя из трактовки крымского палеолита как особого варианта капсийской культуры⁷.

³ Г. А. Бонч-Осмоловский. Указ. соч., стр. 157.

⁴ Там же.

⁵ Н. И. Николаев. Материалы к геологии палеолита Крыма и связанные с ним некоторые общие вопросы четвертичной геологии. «Бюллетень Московского об-ва испытателей природы, отдел геологии», т. XVIII (2), 1940, стр. 47.

⁶ Там же, стр. 48.

⁷ П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 418.

¹ Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита, стр. 168.

² Там же.

Основываясь на этом положении, П. П. Ефименко считает возможным поставить вопрос о связи стоянки Сюрень I с последующими азило-тарденуазскими стоянками Крыма⁸.

Неувязка археологической и геологической датировок Сюрень I и отсутствие связующих звеньев с последующими стадиями палеолита дали толчок к пересмотру установок Г. А. Бонч-Осмоловского.

В 1940 г. О. Н. Бадер одним из первых высказал предположение о связи верхнего слоя Сюрень I с нижним горизонтом грота Буран-Кая⁹. С. Н. Бибилов пришел к выводу об ошибочности отнесения всех наслоений Сюрень I к ориньяку. Средний и верхний горизонты он считает возможным синхронизировать с солютрейским и мадленским временем. Однако, указав на ряд признаков сходства верхнего слоя Сюрень I с азийскими стоянками и увязав некоторые признаки его с позднемадленским и раннеазийским временем, он считает невозможным говорить о прямой преемственности, сославшись, таким образом, на существовавшие лакуны между Сюрень I и азийскими стоянками Крыма¹⁰.

В 1938 г., занимаясь изучением наслоений Сюрень I, мы обратили внимание на тот факт, что материалы из верхнего слоя напоминают некоторые находки из нижнего слоя Таш-Аир I и других раннемезолитических стоянок. В 1941 г. в докладе на археологической сессии Ученого совета Государственного Исторического музея мы отнесли нижние слои Таш-Аир I и Буран-Кая к концу мадленского времени и заметили при этом, что эта стадия развилась непосредственно из культуры типа верхнего слоя Сюрень I¹¹.

Позднее Е. А. Векилова в специальном исследовании выяснила и убедительно доказала наличие в Сюрень I материалов трех разновременных стадий верхнего палеолита

⁸ П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 442.

⁹ О. Н. Бадер. Новые данные по палеолиту Горного Крыма. — «Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода СССР», № 5—7, 1940, стр. 87.

¹⁰ С. Н. Бибилов. Производственная роль костяного инвентаря в хозяйстве позднепалеолитических обществ Крыма. «Ученые записки ЛГУ, 85, историческая серия», вып. 13, 1949, стр. 43—44.

¹¹ Д. А. Крайнов. Стоянка Таш-Аир в Крыму. Археологическая сессия Ученого совета Государственного Исторического музея 19—22 марта 1941 г. Тезисы докладов, М., Изд-во ГИМ, 1941, стр. 3.

и увязала верхний слой Сюрень I со стоянками азийского времени¹².

Теперь в свете новых исследований намечается непрерывная цепь в развитии крымского палеолита. Сейчас накопились достаточно веские доказательства, позволяющие отнести верхний слой Сюрень I к мадленскому времени. Еще Г. А. Бонч-Осмоловский вынужден был обратить внимание на факт исчезновения архаических форм орудий в верхнем слое Сюрень I, а также на увеличение в этом слое числа микропластинок с притупленными краями, напоминающих мелкие острия типа ля-Граветт¹³. В коллекции К. С. Мережковского из верхнего слоя Сюрень I есть значительное количество угловых резцов мадленского типа¹⁴. Особый интерес представляет миниатюрный дублированный резец на пластинке, имеющий частичную плоскую отжимную ретушь поперек брюшка пластинки. Форма резца и отжимная ретушь связывают верхний слой Сюрень I с Сюрень II¹⁵. Кроме того, в коллекции имеется значительное количество пластинок-вкладышей, обрубленных с двух концов, и острий из узких пластинок. Резцы, скребки, нуклеусы и пластинки из верхнего слоя Сюрень I близки к орудиям из крымских стоянок мезолитического времени. Другими существенными доказательствами для отнесения верхнего слоя Сюрень I к мадленскому времени являются следующие факты: увеличение числа изделий из кости¹⁶, овладение техникой сверления кости (сверленные зубы благородного оленя), находка обломка рога благородного оленя со схематическим рисунком. Наконец, на мадлено-азийское, а не ориньякское время указывают и находки в верхнем слое Сюрень I геометрических микролитов сегментовидных форм¹⁷. Бо-

¹² Е. А. Векилова. Стоянка Сюрень I и ее место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий. МИА, 59, Л., 1957.

¹³ Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита, стр. 150.

¹⁴ Коллекция К. С. Мережковского в Музее антропологии и этнографии (Ленинград), опись 4148, № 1, 2, 5 и др. Подобные резцы встречаются в Тимоновской палеолитической стоянке.

¹⁵ Та же коллекция, опись 4148, № 8.

¹⁶ Г. А. Бонч-Осмоловский, характеризуя верхний слой Сюрень I, писал, что «использование кости как материала для приготовления орудия получает на этой стадии систематическое производственное значение». Указ. соч., стр. 153.

¹⁷ Е. А. Векилова. Стоянка Сюрень I, стр. 19 (Автореферат дис.). Стоянка Сюрень I, в МИА, 59, стр. 281—282, рис. 29, фигуры 1, 3, 7, 8.

лее поздней датировке верхнего слоя Сюрень I не противоречит и геологический возраст отложений пещеры. Если нижний слой образовался в середине вюрма¹⁸, то верхний слой может быть отнесен к концу вюрма. С этой датировкой увязывается и фауна, найденная в верхнем слое Сюрень I. По своему составу она уже относится к началу четвертой фазы развития палеолитической фауны Крыма по схеме В. И. Громова¹⁹, когда почти полностью исчезают арктические формы. Верхний слой Сюрень I близок к некоторым кавказским стоянкам. Г. А. Бонч-Осмоловский упоминает о большом сходстве верхнеориньякского слоя Сюрень I с находками из пещерной стоянки Девис-Хврели²⁰, которую и С. Н. Замятнин и П. П. Ефименко датируют концом палеолитического времени²¹. В ней, так же как и в Сюрень I, найдены сегментовидные орудья и позднеплейстоценовая фауна. С. Н. Замятнин отрицал пробел между верхним слоем Сюрень I и стоянками азильского времени. По его мнению, в Крыму и на Кавказе верхнепалеолитические стоянки носят «ориньякоподобный» характер²².

Отнесение верхнего слоя Сюрень I к мадленскому времени позволяет заполнить зияющий хронологический разрыв, о котором писал Г. А. Бонч-Осмоловский.

Второй верхнепалеолитической стоянкой Крыма, по всей вероятности одновременной верхнему слою Сюрень I, является первый комплекс пещеры Аджи-Коба на Караби-Яйле. По мнению С. А. Трусовой, найденные здесь кремневые орудья и фауна близки к верхнему слою Сюрень I²³. Среди находок из верхних слоев Аджи-Коба имеется много форм кремневых орудий, близких орудиям верхнего слоя Сюрень I, как, например: микропластинки с подретушировкой краев, не-

большие острия типа ля-Граветт, микроскрепки на концах тонких пластинок, пластинки с выемками на одной стороне, прямоугольные и трапециевидные сечения пластинок от 1,9 до 3 см длиной, костяные орудья (острия) и обломок костяного предмета со сверлиной и нарезками²⁴. С мнением С. А. Трусовой можно согласиться. Таким образом, стоянки Сюрень I (верхний слой) и Аджи-Коба (I комплекс), по-видимому, можно отнести к одному этапу конца верхнего палеолита Крыма — мадленскому времени. Дальнейшее исследование крымских пещер расширит количество подобных стоянок. Открытие в Крыму за последние годы многочисленных мустьерских стоянок, часть которых относится к переходному времени от мустье к верхнему палеолиту, дает возможность предполагать и существование в Крыму не менее значительного количества верхнепалеолитических стоянок.

К дальнейшему этапу развития крымского палеолита можно отнести следующие стоянки конца мадленского времени: Качинский навес, Таш-Аир I (нижний, IX слой) и, возможно, нижний горизонт грота Буран-Кая. С нашей точки зрения, эти стоянки частично могут заполнить пробел между верхними наслоениями Сюрень I и Аджи-Коба и памятниками азильского времени в Крыму.

Качинский навес, исследованный К. С. Мережковским, находится на правом берегу р. Качи, у ее выхода из пределов второй гряды Крымских гор, в 300 м от Таш-Аир I. Своим расположением и размерами он представлял удобное место для поселения в нем первобытного человека (рис. 2). К. С. Мережковский обнаружил здесь на глубине 3 м, в слое желтоватого суглинка мощный культурный слой, в котором им были найдены кремневые орудья и осколки, масса костей животных, скелет ребенка 8—10 лет и другие остатки. Некоторые из описанных К. С. Мережковским²⁵ вещей можно отнести к мадленскому времени. Среди орудий этого навеса имеется скребок на конце длинной пластинки, близкий к мадленским формам. Г. А. Бонч-Осмоловский, изучавший

¹⁸ По схеме Н. И. Николаева и М. В. Муратова.

¹⁹ В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. «Труды Института геологических наук», вып. 61, серия 17, 1948.

²⁰ Г. А. Бонч-Осмоловский. Указ. соч., стр. 154.

²¹ С. Н. Замятнин. Новые данные по палеолиту Закавказья. СЭ, 1935, № 2; П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 599—601.

²² С. Н. Замятнин. О возникновении локальных различий..., стр. 135.

²³ С. А. Трусова. Раскопки в пещере Аджи-Коба в 1933 г. СА, V, 1940.

²⁴ Коллекция из Аджи-Коба в Музее антропологии и этнографии (Ленинград), опись 5448.

²⁵ К. С. Мережковский. Отчет об антропологической поездке в Крым. «Известия Русск. геогр. об-ва», т. XVII, вып. 2, 1881.

орудия из Качинского навеса, считал их типичными для мадленской стадии²⁶.

Очень возможно, что культурные наслоения Качинского навеса при большой их мощности могут относиться к разным периодам, но имеющиеся здесь мадленские формы орудий указывают на наличие культурных остатков конца палеолита.

Вторым археологическим памятником конца мадленского или раннеазильского времени является нижний, IX слой стоянки Таш-Аир I. Возраст этого слоя доказывается прежде всего геологическими условиями залегания. Он расположен в слое четвертичного аллювиального суглинка, отложившегося в конце вюрма²⁷. Над ним, через тонкую прослойку суглинка, залегает слой, датированный раннемезолитическим временем. Фауна, обнаруженная в этом слое, также допускает такую датировку, так как она вполне отвечает 4-й фазе схемы В. И. Громова²⁸, отличающейся полным отсутствием северных элементов животных и увеличением лесных и лесостепных форм, в особенности кабана, благородного оленя и косули. Весь облик кремневого инвентаря и техника его обработки носят еще палеолитический характер. Преобладают широкие пластинки и пластинчатые отщепы палеолитического облика. Почти все орудия сделаны на пластинчатых отщепах и сколах. Резцы близки к мадленским формам. Встреченные нуклеидные формы резцов, резчиков и долотообразных орудий характерны для конца мадленского времени. Важен и тот факт, что в нижнем слое Таш-Аир I почти весь кремь туронского происхождения. Форма нуклеусов и техника их обработки также имеет палеолитический облик. Найдены нуклеусы, близкие к формам верхнего слоя Сюрень I²⁹. Но наряду с указанными орудиями встречаются и новые формы в виде узких микропластинок и разрубленных пластинок, что свидетельствует о развитии вкладышевой техники еще в недрах верхнего па-

леолита. Подобные же сечения правильно ограниченных пластинок встречаются в верхнем слое Сюрень I и первом комплексе Аджи-Коба³⁰.

Третьим памятником, близким к верхнему слою Сюрень I, является нижний горизонт грота Буран-Кая в долине р. Бурульчи³¹. Здесь, по мнению производившего раскопки О. Н. Бадера, представлен архаичный материал скорее мадленского, чем азильского времени. По его словам, формы кремневых орудий из нижних горизонтов грота Буран-Кая обнаруживают, по сравнению с находками Шан-Коба, несколько большую архаичность, в известной мере приближаясь к верхнеориньякским формам из Сюрень I. В другой, более поздней работе О. Н. Бадер прямо ставит вопрос об отнесении нижнего горизонта Буран-Кая к мадленскому времени и рассматривает его на основании анализа кремневых орудий и фауны как переходный этап от верхнего слоя Сюрень I к стоянкам азильского времени³².

Связь стоянок Буран-Кая, Таш-Аир I и Качинского навеса с верхним слоем Сюрень I подтверждается не только археологическими и палеонтологическими данными, но и общими геологическими условиями залегания. Отложения стоянки Сюрень I приурочиваются геологами к 1-й надпойменной террасе. Навесы Таш-Аир I, Качинский и грот Буран-Кая связываются с той же террасой. Культурные остатки нижнего слоя Сюрень I, по схеме Н. И. Николаева, приурочиваются к середине вюрма, а культурные остатки нижних слоев Таш-Аир I, Качинского навеса и Буран-Кая относятся, согласно тому же автору, к концу вюрма³³.

Подводя итоги сказанному выше, мы можем предположительно наметить следующие этапы в развитии конца верхнего палеолита Крыма:

а) мадленское время верхнего палеолита. К нему можно пока отнести только две сто-

²⁶ Г. А. Бонч-Осмоловский. Указ. соч., стр. 157.

²⁷ По заключению геолога Г. Ф. Вебер, принявшей участие в исследовании Таш-Аир в 1937 г.

²⁸ В. И. Громов. Палеонтологическая и археологическая обстановка стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. «Труды Института геологических наук», вып. 61, серия 17, 1948.

²⁹ Е. А. Векилова. Стоянка Сюрень I... МИА, 59, стр. 279, рис. 22, фигура 6.

³⁰ Коллекции Музея антропологии и этнографии в Ленинграде.

³¹ О. Н. Бадер. Новые данные по палеолиту Горного Крыма. «Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода СССР», № 6—7, 1940.

³² О. Н. Бадер. Новые памятники палеолита и мезолита в восточной части Горного Крыма. «История и археология древнего Крыма». Изд-во АН УССР, 1957, стр. 23, 25.

³³ Н. И. Николаев. Материалы к геологии палеолита Крыма...

янки — верхний слой Сюрень I и верхний же комплекс пещерной стоянки Аджи-Коба;

б) конец мадленского времени. К нему можно отнести Качинский навес, Таш-Аир I (слой IX) и, возможно, грот Буран-Кая (нижний горизонт)³⁴.

На основании тех малочисленных сведений, которыми мы располагаем, еще трудно судить о характерных чертах финального палеолита в Крыму. Но все же, базируясь на небольших материалах из IX слоя стоянки Таш-Аир I, можно сделать некоторые выводы.

1. В технике выработки кремневых изделий наблюдается некоторая двойственность. Пока еще преобладающим типом орудий являются резцы угловые и срединные, сделанные на продолговатых отщепах и осколках. Большинство их как по форме, так и по технике выработки имеет палеолитический характер. Скребки, скобели и резчики сделаны на отщепах и осколках. Пластинки и нуклеусы также носят палеолитический облик. О палеолитическом характере кремневых изделий свидетельствуют и нуклевидные орудия (найденно здесь шесть экземпляров). Но вместе со старыми формами появляются и новые. К этим новым формам относятся небольшой подконический нуклеус с негативами отжатых пластинок, микропластинки, вкладыши из разрубленных правильно ограниченных пластинок (короткие и длинные прямоугольники) и обломки призматических пластинок. Эти новые формы встречены еще в небольшом количестве. В IX слое Таш-Аир I они составляют 13% от общего количества кремневых изделий (включая и осколки). Но появление этих форм свидетельствует о дальнейшем процессе микролитизации и совершенствования техники расщепления и выработки кремневых орудий. Этот процесс микролитизации, начавшись в конце палеолита, приводит к господству микролитической техники в послепалеолитических стоянках Крыма. Процесс микролитизации и развития вкладышевой техники характерен не только

³⁴ Считаю необходимым оговориться, что нижние горизонты стоянки Буран-Кая относятся нами к этому этапу предположительно. Основанием для таких предположений служат условия залегания слоя, фауна, наличие архаических форм кремневых изделий, мнение производившего раскопки Буран-Кая О. Н. Бадера, а также, наконец, новые материалы из раскопок Н. О. Бадера под смежным навесом Буран-Кая.

для Юга, но и для более северных (приледниковых) стоянок конца мадленского времени, как Гонцовской, Кирилловской, Тимоновской и многих других.

2. О потеплении и влажности климата свидетельствуют почти полное исчезновение арктических форм животных, существовавших в Крыму на ранних стадиях верхнего палеолита, и появление сухопутного моллюска *Helix vulgaris*.

Наблюдается господство лесных видов животных — благородного оленя, кабана и косули. Но наряду с ними, по-видимому, продолжают бытовать и остатки четвертичной фауны в виде бизона, пещерного льва и северного оленя. Кости бизона встречаются еще и в последующих стоянках — Буран-Кая и Замиль-Коба I, а пещерный лев доживает в Крыму до времени стоянки Сюрень II. Что касается северного оленя, то и он исчезает в Крыму только к поздней стадии мезолита. При раскопках стоянки Сюрень II в 1954—1956 гг. вместе с геометрическими микролитами были найдены кости северного оленя³⁵. Возможно, что северный олень уже не существовал в это время в Крыму, а только заходил сюда из Украины. Подобные миграции северных оленей не раз отмечались в литературе. В тарденуазских и азильских стоянках Бельгии и Франции были неоднократно найдены костные остатки северного оленя³⁶.

3. Исчезновение старых и распространение новых видов животных не могло не повлиять и на хозяйство человека конца палеолита. С этого времени основными промысловыми видами животных становятся кабан, благородный олень и косуля. Это не стадные животные, и охота на них требовала уже иной техники и иных навыков. Прежняя загонная охота потеряла свое значение. Поэтому в конце палеолита и появляется домашняя собака, как помощник охотника. В слое IX Таш-Аир I найдены копролиты собаки, и многие кости из кухонных отбросов этого слоя имеют следы зубов хищника. К этому же времени относятся и первые опыты в приручении и одомашнивании свиньи.

4. Уход на север и вымирание четвертичных видов животных, развитие новых мето-

³⁵ Е. А. Векилова. Мезолитическая стоянка Сюрень II..., стр. 7—8.

³⁶ А. П. Черныш. Проблема хронологии позднего палеолита Европейской части СССР. КСИИМК, вып. 69, 1957, стр. 9.

дов охоты, несомненно, должны были изменить и социально-экономический уклад человеческих коллективов конца палеолита. Изживание загонной охоты, требовавшей значительного числа участников, привело, вероятно, к распадению крупных охотничьих коллективов на более мелкие группы, что подтверждается небольшими кострищами IX слоя Таш-Аир I, малой мощностью культурных наслоений последующих стоянок (Буран-Кая, Замиль-Коба I и др.) и незначи-

тельными вещественными остатками в них. Большая группа людей не могла прокормиться, держась вместе, и с конца палеолита люди вынуждены были расселяться небольшими группами по всей горной и предгорной частям Крыма.

Этим этапом заканчивается верхнепалеолитическая эпоха и начинается новая фаза в развитии послепалеолитических культур Крыма.

МЕЗОЛИТ — РАННИЙ ЭТАП (АЗИЛЬСКОЕ ВРЕМЯ)

Новая стадия в развитии первобытной культуры Крыма — мезолитическая — начинается с распространения в Крыму так называемых азильских стоянок и кончается появлением стоянок тарденуазского времени.

Ранняя стадия мезолита совпадает со временем окончательного отступления ледника и установления современной геологической эпохи — голоцена. Вопрос о хронологии всей мезолитической эпохи еще окончательно не разрешен, и не везде эта хронология будет одинаковой. По всей вероятности, на юге мезолитическая стадия наступает раньше, чем на севере, так как люди, продвигаясь на север по мере отступления ледника, постепенно осваивали новые территории.

Ранний этап мезолита Крыма (азильское время) представлен уже значительно большим количеством стоянок, чем позднепалеолитическое время. Эти стоянки располагаются главным образом в предгорьях первой и второй гряд Крымских гор по течению рек Черной, Бельбека, Качи, Алмы, Салгира, Бурульчи и др. На крымских Яйлах стоянок этого времени не встречено. Если люди эпохи мезолита и заходили туда летом во время охоты, то ненадолго; возможно, что климатические и природные условия Яйл в рассматриваемое время были неблагоприятны для постоянных поселений или мы не обнаружили еще их стоянок. Не известны эти стоянки пока и на южном побережье и в степной части Крыма. Все стоянки эпохи раннего мезолита располагаются в пещерах, навесах, гротах и скалистых убежищах и обязательно приурочены к долинам рек, ручьев или к источникам.

К настоящему времени к раннемезолитическим стоянкам мы можем отнести следующие: 1) Таш-Аир I — слой VIII; 2) Шан-

Коба — слои V и VI; 3) Замиль-Коба I — нижний слой; 4) Замиль-Коба II — слой VIII; 5) Буран-Кая — соответствующие горизонты; 6) Фатьма-Коба — нижние слои; 7—8) Черкез-Кермен I и II — нижние слои; 9) Таш-Аир III — нижний слой; 10) Алимовский навес — нижний горизонт; 11) условно к концу этой стадии можно отнести стоянку Сюрень II, но возможно, она относится уже к последующей стадии.

При дальнейшем изучении материалов этих стоянок, вероятно, удастся выделить более ранние и поздние стоянки азильского этапа.

Материалы, добытые в этих пещерных стоянках, позволяют судить о тех сдвигах, которые произошли после конца палеолита. Особенно это заметно на кремневом инвентаре. Весь материал, найденный в VIII слое Таш-Аир I, и материал из других стоянок этого времени имеет двойкий характер: пережиточно-палеолитический и мезолитический.

Палеолитические формы орудий продолжают встречаться. К ним относятся боковые резцы на отщепах и сколах, нуклевидные орудия, призматические нуклеусы со скошенной ударной площадкой, широкие пластинки и пластинчатые отщепы неправильных очертаний, не отжатые от нуклеусов, а сколотые. В наиболее ранних стоянках этого времени (Замиль-Коба I, Шан-Коба, Буран-Кая и др.) еще встречаются палеолитического облика пластинки с притупленным ретушью краем типа ля-Граветт³⁷.

³⁷ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Замиль-Коба I. «Сборник статей по археологии СССР. Труды ГИМ», вып. VIII, М., 1938, табл. II, рис. 10, стр. 18; Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита, табл. VII, рис. 7.

Но наряду со старой техникой и старыми, отживающими формами орудий развиваются новые типы орудий, которые уже резко отличаются от старых палеолитических и составляют основную массу кремневых изделий. Если в преддущем (IX) слое процент изделий мезолитического характера составлял 13% ко всей массе орудий и осколков, то в VIII слое Таш-Аир I он равен уже 47%; процентное же соотношение только по орудиям VIII слоя Таш-Аир I выразится цифрой 70% в пользу новых мезолитических типов. Такое же соотношение наблюдается и в других стоянках этого времени.

Техника выработки правильно огранных пластинок и их отщепление от нуклеусов значительно улучшаются по сравнению с предыдущим этапом. Если проследить развитие техники выработки пластинок с верхнего палеолита, то можно заметить, как постепенно пластинки становятся все мельче и уже, как формы их принимают все более правильные очертания и как в мадленское время начинается перелом в сторону выработки правильно огранных пластинок и происходит процесс микролитизации; на раннем этапе мезолита (азильское время) все развитие кремневой индустрии идет в сторону дальнейшего совершенствования выработки правильно огранных пластинок с целью изготовления из них новых форм орудий. В раннемезолитическую эпоху появляются различные орудия на пластинках: резцы, резчики, скобели, скребки, остря, проколки, пластинки-вкладыши и микролиты геометрических форм. Все эти орудия, исключая вкладышевые формы, имеют режущую и скребущую функции; следовательно, они служили для производства каких-то сложных орудий из кости и дерева. Такими орудиями, по-видимому, являлись новые составные инструменты из кости и дерева, оснащенные кремневыми вкладышами³⁸. Во всех стоянках раннемезолитической эпохи отмечается появление и развитие новых вкладышевых форм. К этим новым формам относятся пластинчатые геометрические микролиты и всевозможные сечения из разрубленных

³⁸ Сейчас очень трудно судить обо всем многообразии этих форм. Только тщательным изучением вкладышей и установлением их рабочих частей удастся восстановить формы вкладышевых орудий. В этом смысле решающее значение имеет метод, разработанный С. А. Семеновым.

пластинок. Из геометрических микролитов для этой эпохи характерны низкие продолговатые и высокие сегменты, приближающиеся к треугольной форме, а также грубые продолговатые равнобедренные трапеции. В том или ином количестве эти микролиты имеются во всех стоянках раннемезолитической эпохи. Они являются руководящими и датирующими формами. Большинство их во всех стоянках сделано из довольно массивных пластинок или пластинчатых отщепов. По дуге сегментов или боковым сторонам треугольников и трапеций наносится крутая притупляющая ретушь. На лезвиях ретушь не встречается, но заметны выколы и следы от работы. На некоторых сегментах имеются тонкие резцовые сколы — или по части основания к углу, или по краю дуги к углу. Эти сколы могли иметь двойное значение: по дуге они, вероятно, заменяли ретушь, а по лезвию служили для какой-то иной, не выясненной еще цели. На эти резцовые сколы впервые обратили внимание Г. Н. Бонч-Осмоловский³⁹ и С. Н. Бибииков⁴⁰.

Большинство сегментов имеет сработанность на углах (острых концах), что указывает на их определенное назначение. Некоторые считают сегменты вкладышами для оснащения гарпунов. Возможно, что это и так, хотя они могли служить и для оснащения стрел. Что касается продолговатых трапеций, то они имели иное назначение и употреблялись, очевидно, для оснащения лезвий вкладышевых орудий, так как на основаниях трапеций (чаще продолговатых) имеются выемки, тонкая ретушь, выколы, выщербины от работы. Для оснащения метательных орудий (стрел, дротиков и пр.), длиннолезвийных ножей и т. п. служили и всевозможные сечения из разрубленных пластинок (короткие и длинные прямоугольники и т. д.) О подобном назначении сечений пластинок свидетельствуют находки костяных основ с пазами и вставленными в них пластинками.

Костяные основы с пазами найдены были в стоянке Шан-Коба⁴¹, в гроте Сосруко⁴², в

³⁹ Г. А. Бонч-Осмоловский. Указ. соч., стр. 160, табл. VII, рис. 4.

⁴⁰ С. Н. Бибииков. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г. СА, № 1, 1936, стр. 195—212.

⁴¹ С. Н. Бибииков. Указ. соч., рис. 7, фигура «а», стр. 14.

⁴² С. Н. Замятин, П. Г. Акритас. Раскопки грота Сосруко в 1955 г. «Учен. зап. Каварино-

стоянке у Каменной Могилы⁴³, в Таш-Аир I в слое Va, на Дроновской стоянке на Донце⁴⁴; особенно показателен наконечник стрелы из торфяника Красногорского района Брянской области⁴⁵. Этот наконечник оснащен с двух сторон вкладышами из обломанных пластинок без всякой ретуши. Только две пластинки на конце острия наконечника имеют заостряющую ретушь. Пластинок-вкладыши примыкают одна к другой в пазу (треугольном в сечении) костяной основы и для скрепления они залиты черной массой смолы. В настоящее время костяные основы с кремневыми вкладышами найдены во многих мезолитических и более поздних стоянках. Перечисленные находки относятся к более позднему времени, чем раннемезолитическая эпоха, но существование в раннем мезолите всевозможных вкладышей свидетельствует о наличии подобных же орудий. Появление в раннем мезолите вкладышевых форм для оснащения метательных орудий, вероятно, указывает на изобретение лука. О появлении лука и стрел именно в раннем мезолите (азильское время) свидетельствуют и такие факты: находки костяных наконечников стрел в 3-м комплексе стоянки Шан-Коба и настоящих наконечников стрел — на обломках тонких пластинок с крутой ретушью⁴⁶; изображение охотников с луками в наскальных рисунках Испании, как, например, рисунок на стене убежища Альпере, относимый археологами к началу голоцена (азильскому времени)⁴⁷; находки обломков кремневых острий — наконечников стрел в костях скелетов из погребений мезолитического времени в Васильевском могильнике на Украине⁴⁸, находки иволистных и черешковых наконечников стрел в поздне-

азильских комплексах крымских стоянок⁴⁹ и, наконец, широкое распространение наконечников стрел в Свидерских стоянках времени раннего мезолита⁵⁰.

Необходимо отметить, что по сравнению с предыдущей эпохой орудия становятся разнообразнее. Кремневая индустрия не носит следов упадка, как это считалось раньше и сейчас еще отмечается некоторыми специалистами Западной Европы, а наоборот, прогрессирует. Весь набор кремневых орудий указывает на выделку сложных вкладышевых инструментов. Выше мы говорили, что резцы и другие режущие орудия постепенно теряют свой палеолитический облик. Появляются угловые и боковые резцы на пластинках с более тонким и острым рабочим краем, а также резчики на углах пластинок, на которых рабочий угол оформлен уже не резцовым сколом, а тонкой заостряющей ретушью — с брюшка или со спинки. Распространяются всевозможные пластинки с режущим краем, пластинки с выемками, острия с притупляющей ретушью по скошенному краю, разнообразные проколки на острых концах пластинок с характерной ретушью по краям⁵¹, микрорезцы и т. д. Все эти орудия служили для выделки костяных и деревянных основ сложных вкладышевых орудий.

Обращает на себя внимание значительное развитие в эту эпоху всевозможных скребков и скребковидных орудий. В VIII слое Таш-Аир I их найдено немного, но в нижнем (азильском) слое Замиль-Коба I их обнаружено достаточно, чтобы судить о сдвигах в технике выделки этих орудий. В основном они представляют концевые скребки на коротких пластинчатых отщепках, осколках и (редко) на концах пластинок и носят еще палеолитический характер; однако форма их рабочей части становится разнообразнее (округлая, дуговая, полудуговая, прямая, прямоскошенная и пр.), нанесенная на них ретушь — отлогая и крутая (скребки низкие, средние, высокие, узкие, широкие и т. д.)⁵². Разнообразие форм скребков указывает на усложнение процес-

Балкарского научно-исследовательского ин-та», 1957, стр. 441, рис. 7.

⁴³ О. Н. Бадер. Очерк работ Азово-Черноморской экспедиции, стр. 14—16, рис. 67.

⁴⁴ Коллекция Института археологии АН СССР. Сборы Н. И. Сибилева.

⁴⁵ Хранится в коллекциях Брянского областного краеведческого музея.

⁴⁶ С. Н. Бибииков. Указ. соч., стр. 210, рис. 8, а — д.; Г. А. Бонч-Осмоловский. Указ. соч., стр. 160.

⁴⁷ Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 54.

⁴⁸ Д. Я. Телегин. Васильевский могильник. Доклад на секции палеолита Пленума Института истории материальной культуры в 1956 г.

⁴⁹ Шан-Коба, Фатьма-Коба, Сюрень II и др.

⁵⁰ М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 112.

⁵¹ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Замиль-Коба I, стр. 18, табл. II.

⁵² Там же, стр. 15, табл. I.

са выделки и обработки шкур животных. В Замиль-Коба I найдены особой формы каменные гладилки из речных галек, со стесанными и заполированными краями⁵³, служившие для заглаживания швов.

Найденные в раннемезолитических стоянках нуклеусы также свидетельствуют о прогрессе в технике отщепления и раскалывания кремня. Нуклеусы принимают коническую форму, на некоторых встречаются негативы правильных отжатых пластинок. Но большинство нуклеусов еще носит палеолитический характер. Разнообразные каменные отбойники, ретушеры, отжимники из отработанных нуклеусов, всевозможные плитки-наковаленки, кремневые отщепы и осколки, заготовки нуклеусов и т. д. позволяют судить о технике производства кремневых орудий. Судя по набору режущих инструментов, в это время получает большое развитие обработка кости. Правда, костяные орудия в раннемезолитических слоях крымских стоянок встречаются в небольшом количестве, но с развитием вкладышевой техники должна была усилиться обработка кости. В Таш-Аир I и Замиль-Коба I и II костяные поделки редки. В 3-м комплексе стоянки Шаб-Коба было найдено 35 поделок из кости (шилья, наконечники стрел и дротиков; кости с нарезками, следами распиловки, сверления, скобления, заточки и т. д.)⁵⁴. Кроме того, большое количество расколотых костей животных, находимых на стоянках этого времени, костей с нарезками и всевозможными следами обработки их также подтверждает широкое применение кости для производства орудий. Обработка кости приобретает иной характер, чем в мадленскую стадию: изменились: костный материал, техника обработки кости, форма орудий и отчасти их назначение. Находки украшений из зубов животных и рыб с нарезками и сверлинами в ранних мезолитических стоянках Крыма также говорят о широком использовании кости⁵⁵.

⁵³ Д. А. Крайнов. Указ. соч., стр. 21, табл. IV, рис. 4.

⁵⁴ С. Н. Бибиков. Указ. соч., стр. 210; его же. Производственная роль костяного инвентаря в хозяйстве позднепалеолитических обществ Крыма. «Уч. зап. ЛГУ, сер. истор.», вып. 13, 1949, стр. 21—22.

⁵⁵ Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита, табл. VII, рис. 13; Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Замиль-Коба I, табл. V, рис. 3—5.

Из сказанного можно судить о больших сдвигах, происшедших в первобытной культуре Крыма. Вся кремневая индустрия указывает на ее прогресс, а не упадок. Наряду с названными выше вещами в стоянках встречаются и другие разнообразные поделки, позволяющие еще шире осветить быт людей того времени: в VIII слое Таш-Аир I и в нижнем слое Замиль-Коба I⁵⁶ были найдены большие песчаниковые плиты, поверхность которых имеет следы затертости. Особый интерес представляет находка в Замиль-Коба I двух плит, лежавших одна на другой. На нижней плите особенно заметны следы стертости. О назначении этих плит, принесенных специально издалека (с места выхода песчаника), судить пока трудно. Возможно, они служили для производства орудий труда, а может быть, и для растирания зерен диких злаков, сушеных корней, всевозможных орехов, желудей и т. д.

Во всех раннемезолитических стоянках Крыма найдена красная минеральная краска⁵⁷. В Замиль-Коба I были обнаружены каменный пестик и плитка, окрашенные красной краской. Пестик представляет собой продолговатый, округленный каменный предмет. Оба конца сработаны, на одном косые стёсы, идущие под углом один к другому. Сработанность концов пестика говорит об употреблении его для растирания краски⁵⁸. В стоянке Шан-Коба для этой же цели служили стержневидные речные гальки с косо стертими концами⁵⁹. Подобные же находки были встречены в азильских стоянках Франции, Шотландии и других местах⁶⁰.

Одинаковые условия залегания раннемезолитических стоянок в Западной Европе и в Крыму, одинаковые находки изделий из кремня (сегменты), захоронений черепов, обилие раковин *Helix vulgaris* и *Helix pomagalis*, современной фауны и т. д. позволяют говорить об одновременности и некотором сходстве стоянок азильского времени

⁵⁶ Д. А. Крайнов. Археологические памятники Куйбышевского района Крыма. Рукопись 1941. Архив Государственного Исторического музея.

⁵⁷ Замиль-Коба I, Таш-Аир I, Шан-Коба и др.

⁵⁸ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Замиль-Коба I, стр. 21, табл. IV, рис. 1—2.

⁵⁹ Г. А. Бонч-Осмоловский. Указ. соч., стр. 162, табл. VII, рис. 14.

⁶⁰ Там же, стр. 162.

Запада и Крыма. Однако крымская ранне-мезолитическая культура имеет несколько иной характер, чем, например, культура стоянки Мас-д'Азиль. Большинство исследователей мезолитический Крым причисляют к так называемой Капсийской области, как и степная часть Юга и левобережная Украина⁶¹. Однако, несмотря на существенные различия в культурах азильского времени на разных территориях, они имеют еще очень много сходных черт и только начиная с позднего мезолита пути их развития резко расходятся, образуя узкие локальные варианты. Как уже указывалось, раннемезолитический человек Крыма пользовался пещерами, гротами и навесами как естественными убежищами.

Раскопки площадок перед пещерами почти не обнаружили на них находок, которые можно было бы отнести к раннемезолитическому времени. Например, в стоянке Замиль-Коба I внутри пещеры много находок, а перед ней они редки⁶². В стоянках Таш-Аир I, Шан-Коба, Замиль-Коба II, Фатьма-Коба и др. наблюдалась такая же картина. Можно полагать, что человек жил в этих убежищах только зимой или в непогоду, а летом селился на открытых местах.

В стоянке Замиль-Коба I удалось проследить очень интересные детали, позволяющие судить об устройстве жилища. Во-первых, жилая площадка внутри пещеры значительно ниже внешней площадки. Если в центре пещеры раннемезолитический слой находился на глубине 1,2—1,3 м, то на площадке перед пещерой он располагался на глубине 70—90 см, а под краем навеса была прослежена насыпь. По-видимому, площадка внутри пещеры была специально углублена, а земля выброшена к краю навеса, и здесь, возможно, был устроен заслон, загораживающий пещеру. Выход, вероятно, был в восточном углу навеса, так как здесь отмечалась большая твердость суглинка, находок же не обнаружено. В ряде пещер (Шан-Коба, Замиль-Коба I и др.) наблюдалось целесообразное размещение бытовых памятников и вещей на жилой площадке. В Замиль-Коба I в центре жилой

площадки находился очаг⁶³; к западу от него, у стенки пещеры — кухонные отбросы; к северу, в глубине пещеры — ямка с захоронением черепа; к югу от очага, ближе к устью — мастерская по выработке кремневых изделий и в восточной части — скопления раковин *Helix vulgaris*. Последних, очевидно, было очень много, и они, разложившись, образовали своеобразную расцветку слоя. В пещере, в противоположной от входа части пространства, имелся довольно широкий скалистый приступок, на котором могли спать люди. Все эти факты проливают свет на быт раннемезолитического человека. Малая мощность культурного слоя, небольшое количество находок, а также очагов и кострищ, незначительная прокаленность почвы под ними — все это вместе взятое указывает не только на временность стоянок, но и на малочисленность раннемезолитических коллективов. В долинах 2-й гряды Крымских гор встречается по нескольку пещер, расположенных недалеко одна от другой, с одновременными раннемезолитическими слоями. Например, в долине Замиль у с. Залесное (быв. дер. Черкез-Кермен) имеется шесть пещер с раннемезолитическими слоями (Замиль-Коба I, Замиль-Коба II, Замиль-Коба III, Черкез-Кермен I, Черкез-Кермен II и Куртлю-Коба). Возможно, что в этих пещерах одновременно жили группы людей, объединенных в один род. Такая же картина наблюдается и в долине р. Качи (Таш-Аир I, Таш-Аир III, Качинский навес и др.).

Изменения, происшедшие в природе, не могли не повлиять на хозяйство раннемезолитического человека.

Кремневый инвентарь и кухонные остатки указывают на преобладание в описываемое время охотничьего хозяйства. Охотясь на лесных животных (оленья, кабана и косулю) и степных (осла, лошадь, сайгу и др.), человек раннего мезолита, не имея постоянных мест обитания, передвигался вслед за ними. В раннемезолитическое время особенно вырастает промысловое значение кабана (во всех стоянках кости его преобладают над костными остатками других видов животных), а это в свою очередь приводило к дальнейшему одомашнению свиньи (см.

⁶¹ М. В. Воеводский. Мезолитические культуры..., стр. 110.

⁶² Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Замиль-Коба I.

⁶³ Там же.

табл. II в приложенной статье Е. Л. Дмитриевой). По-видимому, значительно развивается в раннем мезолите усложненное собирательство. Благоприятные климатические условия создали широкие возможности для быстрого развития этой важной отрасли первобытного хозяйства. Количество раковин *Helix vulgaris* в VIII слое Таш-Аир I увеличивается сравнительно с предыдущими слоями. Эти раковины найдены во всех раннемезолитических стоянках Крыма. Но можно думать, что не съедобные моллюски были главным объектом собирательства, еще большее значение могло иметь собирательство всевозможной растительной пищи: кореньев, плодов, орехов, трав и т. д. В стоянке Замиль-Коба I и Таш-Аир I найдены плиты, которые могли служить для растирания растительной пищи. С этого времени

собирательство, по-видимому, играет значительную роль в хозяйстве человека. Кроме того, возможно местами, в районах, расположенных у моря и крупных рек, развивалось и рыболовство. Украшения из рыбьих зубов были найдены в пещере Замиль-Коба I с черепом человека, а кости рыб — в стоянке Сюрень II⁶⁴. В настоящее время еще трудно судить о роли рыболовства в хозяйстве раннемезолитического человека Крыма, но факт его существования зафиксирован находками.

Таким образом, раннемезолитическая эпоха начинает новую эру в развитии первобытного человечества. Уже в эту эпоху зарождаются предпосылки для возникновения животноводства, земледелия и оседлости, получающих развитие в неолите Крыма.

МЕЗОЛИТ — ПОЗДНИЙ ЭТАП (ТАРДЕНУАЗСКОЕ ВРЕМЯ)

Мы уже выяснили выше, что VII слой стоянки Таш-Аир I залегал через тонкую прослойку над раннемезолитическим слоем и прикрывался вверху раннеолитическим слоем. Подобная же картина наблюдалась и в стоянках Шан-Коба и Фатьма-Коба. Таким образом, залегание культурных наслоений позднего мезолита непосредственно над слоями раннего мезолита во многих крымских стоянках указывает на преемственность культуры и ее дальнейшее развитие. Сравнение раннемезолитических форм орудий с позднемезолитическими, как, например, сегментов, трапеций, резцов, резчиков, скребков, сечений пластинок, нуклеусов и т. д., также дает возможность говорить о непосредственной генетической связи. Раннемезолитические формы орудий продолжают существовать и в позднем мезолите, но они несколько уменьшаются в размерах и отличаются большей тонкостью обработки.

Нижняя граница позднемезолитического этапа совпадает с распространением в Крыму стоянок тарденуазского облика, а верхняя — с появлением раннеолитических стоянок, с первой керамикой.

Основой для установления хронологии этого этапа может служить не только материал из крымских стоянок (Таш-Аир I, Шан-Коба, Замиль-Коба II и др.), но и

сравнительные данные с одновременными, сходными по облику, тарденуазскими культурами Польши, Франции, Испании и т. д. Крымская позднемезолитическая культура долгое время многими исследователями называлась «тарденуазской» по сходству с французской тарденуазской культурой. Действительно, после отступления ледника наблюдается широкое распространение стоянок с микролитическим инвентарем, относимых к тарденуазской культуре (в Европе, Африке и Азии). Их большое сходство указывает на общность исторического развития. Залегание тарденуазских слоев над азильскими во французских и крымских стоянках говорит об одинаковой последовательности этих типов инвентаря там и здесь. Эти факты помогают установить приблизительную хронологию позднемезолитической стадии. По Кларку, тарденуазская культура датируется бореальным временем, т. е. около 6800—5000 лет до н. э.⁶⁵ По Г. Обермайеру — от 8000 до 6000 лет до н. э.⁶⁶ В. И. Равдоникас датирует тар-

⁶⁴ М. И. Тихий. Рыбы из палеолита Крыма. «Природа», № 11, 1928, стр. 1007.

⁶⁵ I. G. D. Clark. The mesolithic settlement of Northern Europe.

⁶⁶ Г. Обермайер. Доисторический человек, стр. 554.

денуазскую эпоху временем от окончательного отступления ледника и до 5500—5000 лет до н. э.⁶⁷

Большинство исследователей сходится в датировке тарденуазской эпохи временем от 8000 до 5000 лет до н. э. По-видимому, и крымскую позднемезолитическую культуру можно датировать этим временем. Поздний этап мезолита Крыма уже существенно разнится от раннего по характеру вещественных остатков. Человек этого времени живет почти на тех же местах, что и ранне-мезолитический. Стоянки, как и прежде, располагаются в пещерах, гротах и под навесами, но мы можем предполагать более широкое распространение стоянок и на открытых местах. Если в раннем мезолите крымский первобытный человек расселялся главным образом в долинах рек у границы 2-й гряды гор со степью, то теперь его небольшие временные стойбища появляются в горной части и, возможно, даже на Яйлах.

В настоящее время к достоверным памятникам позднего мезолита можно отнести следующие стоянки:

1) Таш-Аир I—VII слой; 2) Таш-Аир III—IV слой; 3) Шан-Коба — III—IV слой; 4) Фатьма-Коба — тарденуазский комплекс; 5) Мурзак-Коба; 6—7) Черкез-Кермен I и II — соответствующие слои; 8) Замиль-Коба II—VII слой; 9) Замиль-Коба I — верхний слой; последний относится, вероятно, к самому концу позднемезолитической стадии, а возможно, и к раннему неолиту.

Что касается других стоянок, то определение их затруднительно ввиду недостаточной исследованности. Возможно, что и на Яйлах будут обнаружены стоянки этого времени.

Кремневый инвентарь позднего мезолита отличается от такового предыдущей стадии преобладанием правильно огранных пластинок, увеличением количества орудий, сделанных из них, более высоким развитием геометрических форм и совершенствованием рабочих краев режущих орудий. Техника раскалывания кремня по сравнению с ранним мезолитом значительно улучшилась. Особенно это относится к производству призматических пластинок.

Они становятся уже, а их грани ровнее. Это достигалось усовершенствованием техники отщепления пластинок от нуклеусов. Часть найденных нуклеусов имеет коническую форму. По следам на них видно, что пластинки не откалывались (отбивались), а отжимались особыми приемами. По всей вероятности, сильно увеличилась потребность в правильно огранных пластинках: если в предыдущем слое Таш-Аир I пластинок, обломков их и орудий из них было 130, то в VII слое их становится 216 (при почти одинаковом общем числе предметов), т. е. в количественном отношении они увеличиваются почти вдвое. Если же взять соотношение пластинок и поделок из них к общей массе кремневых изделий, найденных в VII слое, то первые составят почти половину всех изделий. Рост количества призматических пластинок, стремление улучшить и усовершенствовать их форму указывают на значение их для производства орудий труда.

Из пластинок изготавливались всевозможные орудия: резцы, микрорезцы, резчики, скребки, ножи, скобели, пластинки с выемками, пластинки с поперечной концевой ретушью, острия, наконечники стрел, проколки и разнообразные вкладышевые формы.

Необходимо также отметить значительное усовершенствование техники вторичной обработки орудий и развитие новых форм. Пластинки с ретушью и выемками по краям встречаются в большем количестве, чем в предыдущем слое. Ретушь на них становится порою микроскопически тонкой; можно только изумляться ее совершенству. Этой ретушью обрабатываются микрорезцы, миниатюрные резчики, вкладышевые формы и часть так называемых пластинок с выемками и ретушью по краям.

Орудия при обработке их тонкой ретушью имеют более острые и тонкие лезвия или режущие края. Употребляется и крутая ретушь с широкими и узкими фасетками, но главным образом — для затупления краев или концов орудий. Большой виртуозности люди этого времени достигли и в технике нанесения резцовых сколов. Они становятся тоньше и мельче. Наносятся они путем отжима. Иногда подобные резцовые отжимные сколы заменяют собой ретушь, что чрезвычайно характерно для этого и

⁶⁷ В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. I, ЛГУ, 1939, стр. 258.

более позднего времени. Благодаря достигнутым успехам в области техники отжима и выработки ножевидных пластинок стало возможным и развитие таких форм, как разнообразные трапеции, сегменты, треугольники, прямоугольники и другие вкладышевые формы; микрорезцы на углах обломанных пластинок; резцы с отжимными поперечными сколами по концу обломанных пластинок; пластинки с тонкой краевой ретушью и т. д. Орудия из пластинок занимают ведущее место. Отсюда невольно возникает вопрос: почему развитие кремневой индустрии в конце палеолита и особенно в мезолите Крыма идет в сторону совершенствования пластинки и микролитизации? Объяснение этого факта следует искать в расшифровке функциональной значимости названных орудий. Изучение орудий из пластинок показывает, что функции их сводятся в основном к резанию, резьбе, струганию и скоблению. Выколы, выщербины, заполировка, косые линии и нарезки от работы и пр., наблюдаемые на рабочих концах и краях этих орудий, заставляют предполагать работу ими по твердому материалу, по-видимому по кости и дереву. С. А. Семенову удалось установить путем микроанализа отличительные признаки функциональной значимости того или иного кремневого орудия. Интересно, что в зависимости от обрабатываемого материала (кость, дерево, кожа и т. д.) на рабочих краях остаются и соответствующие следы (штрихи, линии, выколы, заполировка и пр.)⁶⁸.

Увеличение в позднем мезолите, сравнительно с раннемезолитическим временем, числа скобящих и режущих орудий, а также усовершенствование их рабочих краев свидетельствуют о возросшем значении обработки кости и дерева. Развитие вкладышевых орудий указывает на широкое применение кости и дерева в качестве основ для изготовления сложных составных орудий. К сожалению, в крымских стоянках эти орудия не сохранились в целом виде, но отдельные находки рукояток кремневых орудий и костяных основ с пазами в стоянках Шан-Коба, Фатьма-Коба и др., а также находки целых вкладышевых орудий в мезолитических стоянках Кавказа и По-

донья дают возможность судить о внешнем виде сложных составных орудий. О широком применении этих орудий в стоянках позднего мезолита Крыма свидетельствуют разнообразные вкладышевые формы, найденные в большом количестве. Значительная часть правильно ограненных пластинок шла на изготовление всевозможных вкладышей: трапеций, мелких сегментов, треугольников, прямоугольников и т. д. Если в предыдущем (VIII) слое Таш-Аир I их было найдено 46 экземпляров, то в VII слое их уже около 90. Усиливается стандартизация этих форм. Сегменты претерпевают значительные изменения, они становятся небольшими, переходя в треугольники. Особенно же развиваются различные виды трапеций (малых, средних и высоких) с ретушью по боковым краям, а иногда и верхнему основанию. Но среди них преобладает одна форма небольшой равнобокой трапеции, которая может служить руководящей и датирующей формой для позднего мезолита (табл. XIV, рис. 1—4). Поражает то обстоятельство, что встречаются совершенно одинаковые трапеции и по форме и по технике обработки, как будто они изготовлялись одним мастером. Сегменты, трапеции и треугольники имеют разнообразную вторичную подработку (ретушь, выемки, микросколы и пр.), а также следы от работы (выколы, заполировку и т. д.), указывающие на их разное применение. То же относится и к сечениям из пластинок (удлиненных и коротких прямоугольников и др.).

Иволистные и черешковые наконечники стрел не найдены в Таш-Аир I, но встречаются в других стоянках этого времени. От наконечников стрел предыдущей стадии они отличаются более четкой отделкой черешка и более мелкими размерами.

Наряду с развитием микролитизации и вкладышевой техники у позднемезолитических обитателей Крыма продолжает применяться скелетная техника. Встречаются крупные скребковидные орудия и резцы на отщепках. На присутствие крупных орудий указывают находки больших кремневых осколков и отщепов. По-видимому, в конце позднего мезолита в Крыму появляются и топоры⁶⁹.

⁶⁸ С. А. Семенов. Первобытная техника... МИА, вып. 54, М.—Л., 1957.

⁶⁹ В верхнем слое стоянки Замиль-Коба I нами были найдены тесло и топовидные орудия. Дати-

Для отщепления кремневых пластинок и сколов от нуклеусов и нанесения ретуши употреблялись такие же орудия, как и в предыдущей стадии, а именно: отбойчики из округлых и продолговатых галек, отжимники, ретушеры из нуклеусов, плитки и пр.

В VII слое Таш-Аир I найдено несколько костей с тонкими нарезками, но костяных орудий не обнаружено. Однако это не значит, что их не было у обитателей стоянки Таш-Аир I.

Нельзя согласиться с П. П. Ефименко, что в азило-тарденуазскую эпоху производство костяных изделий падает и ассортимент кремневых орудий беднеет. Правда, с верхнепалеолитическими изделиями и резьбой здесь общего мало, но резьба по кости развивается дальше, принимая другие формы. Она становится тоньше благодаря усовершенствованию орудий с резцовой функцией. В стоянках позднего мезолита Крыма костяные изделия обнаружены в достаточном количестве. Они найдены в Шан-Коба⁷⁰, Замиль-Коба I⁷¹, Мурзак-Коба⁷² и др. Особенно следует отметить находку зубчатого гарпуна в Мурзак-Коба⁷³; из других вещей найдены шилья, проколки, костяные основы с продольным желобком для вкладышей, наконечники дротиков и т. д.

Весь набор орудий в стоянках позднего мезолита свидетельствует об усиливающейся обработке кости и дерева⁷⁴.

Изменения в области развития кремневой индустрии и обработки кости, безусловно, зависели от изменений в хозяйстве, наблюдающихся в это время.

Климатические и природные условия позднемезолитической стадии уже значительно близки к современным. Флора, обнаруженная в стоянках Шан-Коба и Фатьма-Коба⁷⁵, характеризуется распростране-

ровку этой стоянки, отнесенной нами ранее к тарденуазу, придется пересмотреть. Новые данные позволяют датировать ее концом мезолита.

⁷⁰ С. Н. Бибииков. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г. СА, I, 1936.

⁷¹ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Замиль-Коба I.

⁷² С. Н. Бибииков. Грот Мурзак-Коба.

⁷³ Там же, рис. 13а.

⁷⁴ С. Н. Бибииков. Производственная роль костяного инвентаря..., стр. 39.

⁷⁵ А. Ф. Гаммерман. Результаты изучения четвертичной флоры по остаткам древесного угля.

нием широколиственных пород леса: дуба, клена, обыкновенной рябины и др. Это указывает на еще большее потепление.

Фауна в стоянках Крыма времени позднего мезолита также близка по облику к современной⁷⁶. Она состоит в основном из лесных видов: кабана, благородного оленя, косули, медведя, рыси, барсука, лисицы и др. Встречаются также и степные виды, как, например, дикий осел, сайга, хомяк, но не во всех стоянках. Господствующими промысловыми животными остаются кабан, благородный олень и косуля. Следует отметить присутствие костных остатков этих животных во всех стоянках и значительное увеличение их количества (особенно костей кабана). В VII слое стоянки Таш-Аир I костей кабана и домашней свиньи больше, чем всех вместе взятых костей других животных, что указывает на особую важность этих животных для человека. Среди костных остатков кабана есть кости молодых особей и не только в стоянке Таш-Аир I, но и в других стоянках позднего мезолита (Шан-Коба, Алимковский навес и др.)⁷⁷. Этот факт и рост количества костных остатков домашней свиньи свидетельствуют о начальной стадии животноводства. Возможно, что в это же время возникает приручение крупного и мелкого рогатого скота. Домашняя собака теперь уже прочно вошла в быт человека, что подтверждается присутствием ее костных остатков почти во всех стоянках позднего мезолита Крыма. Все эти данные свидетельствуют о значительных сдвигах в жизни позднемезолитических обитателей Крыма.

Вопрос о хозяйстве мезолитического человека приобретает в настоящий момент большую остроту. Сейчас уже нельзя приписывать послепалеолитическому человеку (мезолит, неолит) охоту как единственную ведущую форму хозяйства. Благодаря открытиям последних лет накопились веские аргументы, позволяющие по-иному оценить

«Труды II Международной конференции АИЧПЕ», вып. 5, 1934, стр. 66—74; В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. «Труды Института геологических наук», вып. 64, 1948, сер. № 17, стр. 247.

⁷⁶ Там же, стр. 232—233, 247.

⁷⁷ Вера Громова и В. И. Громов. Материалы по изучению палеолитической фауны Крыма... стр. 52—97.

хозяйственную деятельность мезолитического человека. Можно согласиться с П. П. Ефименко⁷⁸ в том, что с раннего мезолита значение охоты быстро уменьшается и наблюдается рост усложненного собирательства, но нельзя согласиться с его утверждением, будто доминирующее положение приобрело в это время рыболовство и усложненное собирательство. Все стоянки позднего мезолита Крыма дают значительное количество костных остатков диких животных, тогда как кости рыб встречаются не везде и в меньшем количестве. Кроме того, сами стоянки позднемезолитического человека (тарденуазского времени) с их тонкими культурными слоями, небольшими кострищами и малым количеством находок свидетельствуют о малочисленности коллективов охотников на кабана, косулю и оленя, а также об их бродячей жизни. Благородный олень и косуля расселились в лесных зонах 1-й и 2-й гряд Крымских гор, а кабан — в речных долинах и дубово-буковых лесах предгорий. Такому расселению этих животных соответствует и расположение стоянок позднемезолитического человека (в предгорьях и речных долинах 1-й и 2-й гряд Крымских гор). По-видимому, охота в позднем мезолите имеет еще большее значение. На это указывает и совершенствование метательных орудий (наконечников стрел и дротиков — составные вкладышевые орудия) и особенно широкое применение собак⁷⁹. Но наряду с охотой развиваются примитивное животноводство и усложненное собирательство, которые в это время начинают играть большую роль в хозяйстве мезолитического человека. Уже на этой стадии развития примитивное животноводство (выкармливание молодняка свиней в неволе) могло давать мяса немногим меньше, чем охота.

Особое место в это время следует отнести усложненному собирательству. Оно служило не только подспорьем к охоте, но выросло в важную отрасль хозяйства. С. Н. Бибииков считает даже, что собирательство главенствует над охотой и други-

ми видами хозяйства. Свое положение оно обосновывает наличием в стоянках тарденуазского времени большого количества раковин съедобного моллюска *Helix vulgaris*, считая, что человек даже запасал эту пищу впрок⁸⁰ и запекал моллюсков в специальных ямах⁸¹. О большом значении собирательства моллюсков в Крыму писали и П. П. Ефименко⁸², и М. В. Воеводский⁸³, и другие исследователи. Однако нам представляется, что не *Helix vulgaris* был основным объектом собирательства. С потеплением климата в Крыму появляются всевозможные плодоносящие растения: орех, дуб, бук, дикие яблони, груши, слива, кизил, барбарис и разнообразные съедобные корни и дикие злаки. По сообщению Н. А. Троицкого, в Крыму в степной и предгорной частях имеются съедобные корни вида хрена. Они родственны катрану (*scambe*). Некоторые его виды применяются в пищу (как корни, так и стебли) в Средней Азии, в Поволжье, в Южной Европе и других местах. Корни содержат большое количество крахмала, а листья напоминают по вкусу цветную капусту. Кроме того, в Крыму в диком состоянии встречается пшеница однозернянка, являющаяся одной из древнейших форм пшеницы и прародительницей культурной однозернянки⁸⁴. Родственные ей пшеницы произрастают в Малой Азии⁸⁵. По данным Н. А. Дроздова, пшеница однозернянка (*Triticum monosocum*) обнаружена в диком виде в Крыму около Симферополя и на холмах Байдарской долины. До сих пор, хотя чрезвычайно редко, она возделывается как культура и встречается как примесь в посевах других видов пшениц, являясь сорняком. Эта культура известна на Кавказе у чеченцев. На песчаных прибрежных полосах моря встречается и другой злак, так называемый колоснец, или колос-

⁸⁰ С. Н. Бибииков. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г., стр. 212.

⁸¹ С. Н. Бибииков. Об использовании улиток *Helix* в позднепалеолитическое время. МИА, вып. 2, 1941, стр. 140—141.

⁸² П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 603.

⁸³ М. В. Воеводский. Мезолитические культуры..., стр. 116.

⁸⁴ Н. А. Дроздов. Дикая и культурная однозернянка в Крыму. «Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции», т. XIII, вып. 1, 1922—1923.

⁸⁵ Флора СССР, т. II, М., 1937, стр. 681.

⁷⁸ П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 602—603, 634.

⁷⁹ Если на предыдущем этапе кости собаки были обнаружены только в нескольких стоянках, то теперь они имеются почти во всех стоянках.

няк⁸⁶. Он произрастает на склонах холмов, по песчаным берегам моря, по окраинам дорог, на межах, заброшенных полях и т. п. Больше всего он встречается в Байдарской долине и около Балаклавы. По внешности он близок к ячменю и ржи. Зерна его плохо очищаются. В ряде мест он до сих пор употребляется в пищу. В Исландии и у североамериканских индейцев из него делают муку и пекут хлебы. Возможно, что в Крыму имеются и другие съедобные растения. Таким образом, для позднемезолитического человека открывались широкие возможности развития усложненного собирательства, человек мог собирать плоды названных растений, корни, дикие злаки и раковины *Helix vulgaris*. Начавшееся в мезолите приручение животных и усложненное собирательство неизбежно должны были привести в последующую эпоху к возникновению животноводства и земледелия.

Что касается рыболовства, то вряд ли оно имело большое значение для Горного Крыма, тем более что кости рыб встречаются не во всех стоянках. В значительном количестве они найдены только в Мурзак-Коба⁸⁷. М. В. Воеводский, отводя охоте главное место в хозяйстве человека позднего мезолита, считал, что роль рыболовства усиливается, но оно не играет основной роли⁸⁸.

Весьма вероятно, что начиная с позднего мезолита первобытные коллективы, населявшие юго-западный Горный Крым, не имели единообразного хозяйства. Уже сейчас намечаются отдельные локальные варианты в мезолите Крыма. Правда, различия небольшие, но они есть. Например: в стоянках Шан-Коба, Мурзак-Коба и Фатьма-Коба имеется своеобразный тип продолговатой асимметричной трапеции⁸⁹, который не встречается в стоянках Таш-Аир I, Замиль-Коба I и Замиль-Коба II; набор орудий первой и второй групп также несколько отличается друг от друга, и наконец, в

⁸⁶ Е. В. Вульф. Флора Крыма. М., Сельхозгиз, 1951, стр. 165.

⁸⁷ С. Н. Бибииков. Грот Мурзак-Коба. Новая позднепалеолитическая стоянка в Крыму. СА, 5, 1940, стр. 159—178.

⁸⁸ М. В. Воеводский. Мезолитические культуры..., стр. 116.

⁸⁹ Г. А. Бонч-Осмоловский. Указ. соч., табл. IX, фигура 3.

первой группе встречаются в тарденуазское время кости рыб и орудия рыболовства, а во второй их нет. Более тщательное изучение позволит установить и другие особенности отдельных родовых групп. Поэтому прав С. Н. Бибииков, утверждающий преимущественное значение собирательства и рыболовства перед охотой, но только в отношении исследованных им местностей (Шан-Коба, Мурзак-Коба, Фатьма-Коба). По-видимому, начиная с позднего мезолита в Крыму среди отдельных первобытных родовых групп бытуют несколько различных форм хозяйства. В дальнейшем эта разница становится яснее.

Здесь нельзя не остановиться на очень важном вопросе крымского мезолита, а именно на вопросе об отнесении так называемых яйлинских стоянок к тарденуазскому времени. Г. А. Бонч-Осмоловский считал, что «развитой тарденуаз исключительно полно представлен в многочисленных открытых стоянках, широко распространенных по всей горной части полуострова»⁹⁰. Даже такие стоянки, как Балин-Кош, Ат-Баш и др., он отнес к тарденуазу, несмотря на присутствие в них керамики. Ошибка Г. А. Бонч-Осмоловского заключалась, по-видимому, в том, что он все стоянки с микролитическим инвентарем относил к тарденуазу. Б. С. Жуков⁹¹ и О. Н. Бадер, исследовавшие некоторые яйлинские стоянки, также считали их тарденуазскими. Но уже О. Н. Бадер намечает некоторую градацию их, считая, что «во времени вся масса открытых стоянок Яйлы располагается, по-видимому, между временем азиля и временем неолита включительно, совпадая преимущественно с тарденуазской эпохой»⁹².

О. Н. Бадер в своих работах о яйлинских стоянках дает характеристику не только материалов, но и делает попытку восстановить картины природных условий Яйлы того времени, найти причины появления этих стоянок на Яйле и их связь с предгорьем и южным берегом Крыма. С неко-

⁹⁰ Г. А. Бонч-Осмоловский. Указ. соч., стр. 157.

⁹¹ В. С. Жуков. Раскопки и обследование стоянок культуры микролитов на Ай-Петринской Яйле в июле 1927 г. «Крым», № 2/4, М., 1927.

⁹² О. Н. Бадер. Некоторые итоги изучения эпипалеолита Крымской Яйлы. (Тезисы доклада). Л., 1936, стр. 4; его же. Изучение эпипалеолита Крымской Яйлы. СА, 5, 1940, стр. 93—100.

торыми его выводами можно согласиться, но с отнесением большинства стоянок Яйлы к тарденуазу согласиться нельзя. Во-первых, все стоянки нельзя рассматривать вкуче, так как они неодновременны. Во-вторых, наличие в них микролитической техники не дает еще основания для отнесения их к тарденуазской эпохе, так как микроиндустрия бытует в Крыму вплоть до эпохи развитой бронзы. В-третьих, ни одна из этих стоянок не обследована по-настоящему, а раскопанные стоянки, как, например, Ат-Баш, Джейлау-Баш и др., имеют керамику неолитического облика. Наконец, природные условия крымских Яйл указывают на невозможность здесь длительных и постоянных поселений под открытым небом. Основную их часть следует отнести к неолиту и позднее, а большое количество можно объяснить только развитием новых форм хозяйства. Чтобы окончательно решить этот спорный вопрос, необходимо детальное обследование хотя бы нескольких стоянок.

Что же касается стоянок, найденных на южном берегу Крыма⁹³, то они также не могут быть отнесены к тарденуазской эпохе, так как в них найдена керамика катакомбного типа.

О физическом облике людей позднего мезолита в Крыму можно судить по захоронениям, обнаруженным в пещерах Мурзак-Коба и Фатьма-Коба⁹⁴. Погребения человека кроманьонского типа близки к захоронениям мезолитических и неолитических могильников Надпорожья⁹⁵. Сходство культур Крыма и Надпорожья наблюдается и на следующих этапах исторического развития. Возможно, что уже в это время были тесные связи Крыма с Приднепровьем

и Приазовьем. Фатьма-Коба дала скелет с негроидными чертами.

Резюмируя, мы должны сказать, что поздний мезолит Крыма уходит своими корнями в предыдущую стадию. С ней он связан некоторыми формами орудий, техникой их обработки и другими сторонами деятельности человека, но все же поздний мезолит является новой страницей в развитии культуры Горного Крыма.

Двойственность кремневого инвентаря и техники обработки его, наблюдавшаяся в раннем мезолите, в позднем мезолите Крыма почти совершенно исчезла. Усилился процесс микролитизации кремневых изделий. Вкладышевая техника, появившаяся в мадленское время, теперь уже занимает господствующее положение. Основными орудиями хозяйства являются сложные комбинированные орудия из кости, дерева и камня. В хозяйстве наблюдаются крупные сдвиги, обусловленные предыдущим развитием и изменениями природных условий. Наряду с охотой приобретают большое значение усложненное собирательство и рыболовство. Из охотничьего хозяйства возникает примитивное животноводство. Родовые коллективы расселяются во всей горной части Крыма. Таким образом, не может быть и речи о каком-то упадке культуры после палеолита. Наоборот, везде виден прогресс. Начавшиеся в конце верхнего палеолита изменения в природе постепенно привели к изменениям форм хозяйства и человеческого общежития. Иначе нельзя объяснить «внезапное появление» земледелия и скотоводства в неолите. Мезолит во всех отношениях — переходная эпоха от старого к новому, и не только в Крыму, но и всюду.

НЕОЛИТ — РАННИЙ ЭТАП (НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ)

Ранний неолит начинает новую эпоху в истории развития первобытной культуры

⁹³ Стоянка Ласпи и др.

⁹⁴ С. Н. Бибиков. Указ. соч.; Г. Ф. Дебед. Тарденуазский костяк из навеса Фатьма-Коба в Крыму. «Антропологический журнал», № 2, 1936, стр. 164—165; Е. В. Жиров. Костяки из грота Мурзак-Коба. СА, 5, 1940, стр. 179—186.

⁹⁵ Д. Я. Телегин. Неолитические могильники Украины. Доклад на секции палеолита Пленума Института истории материальной культуры АН СССР в 1957 г.

Крыма. Он выделяется нами впервые из массы так называемых позднетарденуазских стоянок с микролитическим инвентарем. Продолжая традиции предыдущей стадии и непосредственно вытекая из нее, ранний неолит представляет уже новое явление в истории первобытного Крыма. Если к нему подходить с общепринятой «меркой» неолита, то здесь ничего «новокаменного» не наблюдается и на первый взгляд по кремневому

инвентарю очень трудно отличить стоянки этого времени от стоянок тарденуазских. Поэтому многие исследователи Крыма и относили ряд стоянок этого времени к мезолиту. Микролитическая техника продолжает бытовать в Крыму очень долго. Если базироваться только на кремневом инвентаре, игнорируя другие факты, то трудно из общей массы крымских микролитических стоянок выделить ранненеолитические. Поэтому, не заметив резких различий, Г. А. Бонч-Осмоловский и отнес все яйлинские стоянки к тарденуазу. Что же касается находок в них керамики, то этот факт он объяснил смешением слоев.

Основанием для выделения ранненеолитического этапа послужили для нас следующие факты:

1) появление первых глиняных сосудов, знаменующих начало керамического производства;

2) изменения в составе орудий производства, появление крупных орудий из камня и кости и совершенствование вкладышевой техники;

3) появление оседлости, указывающей на крупные сдвиги в хозяйственном укладе первобытных обитателей Крыма;

4) появление и развитие новых видов хозяйства — животноводства и земледелия;

5) изменения в расположении стоянок и другие, более мелкие факты.

Все эти признаки указывают на развитие новых начал в истории первобытной культуры Крыма. Как видно из характеристики предыдущих этапов, они появились и постепенно вызревали в недрах мезолита. Изобретение обжигания глины имело большое значение для приготовления и хранения пищи и для прочих хозяйственных нужд первобытного человека. Почти всюду в ранних неолитических стоянках имеется сравнительно однородная, толстостенная остродонная глиняная посуда⁹⁶. Интересно и то, что почти всюду с появлением этой керамики наблюдаются и остатки костей домашних животных.

Установление в Крыму ранней стадии неолита без исследования таких многослойных

стоянок, как Шан-Коба, Таш-Аир I и Замиль-Коба II, было бы весьма затруднительно.

Выяснение хронологических рамок раннего неолита и границ его с предыдущим и последующим этапами — сложное дело, так как не только для Крыма, но и для других мест они еще не определены в достаточной степени. В данном случае основой может служить только последовательность в смене культур, прослеженная нами в стоянках Таш-Аир I и Замиль-Коба II. Как мы уже выяснили выше, VI слой Таш-Аир I, относимый нами к эпохе раннего неолита, залегал над VII слоем тарденуазского времени. Этот факт и сходство основной массы кремневого инвентаря того и другого слоев, а также сходство соответствующих слоев в других многослойных стоянках (Шан-Коба, Замиль-Коба II, стоянка у Красного озера и др.) дают нам неоспоримое право утверждать генетическую связь ранненеолитического этапа с предыдущим, позднемезолитическим. Выше VI слоя стоянки Таш-Аир I (как и в Замиль-Коба II) залегает V слой, в котором найдены вещественные остатки дальнейшего этапа в развитии неолита, вытекающего опять-таки из предыдущего этапа. Изучение этой последовательности и дает нам возможность установить нижнюю и верхнюю границы раннего неолита.

Нижней границей следует считать бескерамические позднемезолитические стоянки Крыма (тарденуазского времени), а верхней — стоянки с находками трапедий со струганой спинкой и керамикой с нарезным (прочерченным) и зубчатым орнаментом.

Что касается хронологических рамок ранненеолитической стадии, то они устанавливаются опять-таки по условиям залегания VI слоя в стоянке Таш-Аир I и характеру обнаруженных в нем вещественных остатков. В абсолютных цифрах хронология этой эпохи выразится временем от 6000—5000 лет до 4000 лет до н. э.

Стоянки этой стадии, по-видимому, располагаются там же, где и стоянки предыдущей. К сожалению, сейчас трудно выделить их из массы так называемой тарденуазских, так как большинство этих стоянок не раскапывалось и детально не исследовалось. В настоящий момент можно выделить только следующие стоянки времени раннего неолита:

⁹⁶ В стоянках культур Эртебелле и Кьёккенмеддингов в Западной Европе, в ранних неолитических стоянках Украины (Надпорожье), в стоянках Средней Азии (Джебел в Туркмении) и др.

1) Замиль-Коба I — верхний слой (начало эпохи); 2) Замиль-Коба II — VI слой; 3) Таш-Аир I — VI слой; 4) Таш-Аир III — III слой; 5) Шан-Коба — II слой (проблематично); 6) Алимовский навес — слой под камнями (III слой); 7) возможно, некоторые яйлинские стоянки; 8) грот Водопадный на р. Черной — нижний слой. К концу эпохи раннего неолита может относиться и стоянка Ат-Баш.

Верхний слой стоянки Замиль-Коба I был нами отнесен ранее к тарденуазскому времени⁹⁷, но теперь, после детального ознакомления с материалами Таш-Аир I и Замиль-Коба II, нам придется отказаться от этой датировки и отнести верхний слой Замиль-Коба I к позднему тарденуазу, что по нашей классификации соответствует началу раннего неолита. За этот вывод говорят следующие факты:

1) наличие мощной прослойки между нижним и верхним слоями, на отложение которой потребовалось значительное время;

2) находки крупных двусторонних орудий: тесла, трапециевидного крупного орудия, наконечника дротика и др.⁹⁸;

3) большое количество разнообразных трапеций и наличие высокой трапеции — прообраза трапеции со струганой спинкой⁹⁹;

4) присутствие в слое небольшого количества вещей со сверлинами и каменных орудий с заточкой;

5) наличие домашних животных;

6) появление в технике выработки кремневых орудий «струганой» ретуши с брюшка и спинки, получающей свое дальнейшее развитие в последующем этапе неолита;

7) характер всего инвентаря указывает не на ранний тарденуаз, а развитой.

М. В. Воеводский, касаясь находок топора-тесла в Замиль-Коба I, писал, что появление подобных топоров «свидетельствует о первых проявлениях новой техники, свойственной уже неолиту»¹⁰⁰. Таким образом, верхний слой стоянки Замиль-Коба I характеризует начало раннего неолита. Основными слоями раннего неолита, на которых мы базируемся в своих выводах, являются ше-

стые слои стоянок Таш-Аир I и Замиль-Коба II.

Нам представляется, что II и III слои Шан-Коба¹⁰¹ могут быть также отнесены к раннему неолиту. На это указывают: мощность слоя, очаг с сильной прокалкой почвы, свидетельствующий о долговременности его существования, условия залегания и характер орудий, сходный с верхним слоем Замиль-Коба I и пр.

Близкими к стоянкам раннего неолита Крыма являются раннеолитические стоянки Надпорожья, как, например, нижний слой стоянки на Шулаевском острове¹⁰², на Сурском острове¹⁰³, на Кизлевом острове¹⁰⁴, на 5-й Игреной стоянке¹⁰⁵, на 8-й Игреной стоянке¹⁰⁶, на стоянках раннего неолита на Виноградном острове, Вовчек и др.¹⁰⁷ Все эти стоянки раннего неолита М. Рудинский относит к юго-восточной зоне неолита Украины, выросшей на базе эпилеолита. Он связывает эту зону с Крымом и Прикаспием¹⁰⁸.

В стоянке у Каменной Могилы также, по видимому, есть однотипный слой¹⁰⁹. Подобные же стоянки имеются в Подонье, Приазовье и Нижнем Поволжье; намечается связь и со стоянками Туркмении типа Джебельской. Таким образом, со времени раннего неолита Крым, Подонье, Приазовье, Нижнее Поволжье и, возможно, Прикаспийская Средняя Азия входят в одну область культурного развития. Сейчас трудно

¹⁰¹ С. Н. Бибиков. Предварительный отчет о работе Крымской экспедиции 1935 г. СА, т. I, 1936, стр. 96—212; С. А. Трусова. Краткий обзор работ Крымской палеолитической экспедиции. СА, т. V, 1940, стр. 298—301.

¹⁰² О. В. Водяньский. Неолітична стоянка на острові Шулаєву. «Археологічні пам'ятки», т. II, Київ, 1949.

¹⁰³ О. Лагодівська. Кам'яні закладки Надпоріжжя. «Археологічні пам'ятки», т. II, 1949.

¹⁰⁴ М. Рудинський. Стоянки з мікролітичним інвентарем на острові Кізелевому. «Археологічні пам'ятки», т. II, Київ, 1949.

¹⁰⁵ О. В. Бодяньський. Археологічні дослідження в межах порожистої частини Дніпра в 1947—1948 рр. «Археологічні пам'ятки», т. IV, Київ, 1952.

¹⁰⁶ А. В. Добровольський. Восьма Угрінська неолітична стоянка. «Археологічні пам'ятки», т. II, Київ, 1949.

¹⁰⁷ А. В. Добровольський. Матеріали до археологічної карти Дніпровського Надпорожжя в межах Запорізької області. «Археологія», т. VII, Київ, 1952.

¹⁰⁸ М. Рудинський. Указ. соч., стр. 271—272.

¹⁰⁹ По классификации В. Н. Даниленко.

⁹⁷ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Замиль-Коба I, стр. 24—30.

⁹⁸ Там же, табл. IX, рис. 1 и 2, табл. VII, рис. 10.

⁹⁹ Там же, табл. VIII.

¹⁰⁰ М. В. Воеводский. Мезолитические культуры..., стр. 115.

сказать, что породило эту общность: одинаковые ли условия, культурные связи или же этническое родство.

А. Я. Брюсов, отмечая длительность переживания микротехники на юге Украины, рассматривает этот факт как преемственность и длительное этническое однообразие местного населения¹¹⁰. Сходство в вещественных остатках указанной зоны и Крыма большое. М. В. Воеводский выделил Крым и левобережную Украину в особую культурную область¹¹¹.

Сходство раннеолитической культуры Крыма и Украины особенно подчеркивается присутствием в обеих подавляющего количества ломаных пластинок, которые в это время и в развитом неолите становятся самым характерным признаком, указывающим на усиленное развитие вкладышевой техники.

Возвращаясь к характеристике раннеолитической культуры Крыма, следует прежде всего отметить, что почти во всех названных нами стоянках времени раннего неолита резко возрастают мощность культурного слоя, толщина кострищ и прокалка под ними почвы, количество вещественных остатков, а также довольно резко изменяется характер этих остатков.

Если в стоянках предыдущей стадии средняя толщина культурных наслоений составляла 25 см, то мощность раннеолитических слоев таких стоянок, как Таш-Аир I и Замиль-Коба II, возрастает до 40—50 см. Толщина кострищ и прокалка почвы под ними также значительно превышают соответствующие показатели в предыдущих слоях. Расположение кострищных прослоек одна под другой свидетельствует о раскладывании костров одной группой людей. Что же касается насыщенности слоя культурными остатками, то она вырастает сравнительно с предыдущими слоями почти в три раза. Следует отметить и еще одно важное обстоятельство. Начиная с раннего неолита в крымских пещерных стоянках появляются находки и на площадках перед пещерами, чего раньше не наблюдалось. Мимо всех этих фактов нельзя пройти. Они свидетельствуют о долговременном бытовании одной группы людей на одном месте, т. е. о появлении оседлости.

Уже одно это обстоятельство резко отличает раннеолитическую стадию от позднеолитической.

Кремневый инвентарь раннего неолита на первый взгляд мало чем отличается от инвентаря предыдущей стадии. Сравнение резцов, трапеций, сечений пластинок, нуклеусов и пр. указывает на тесную связь и непосредственную преемственность этих двух культурных этапов. Но при более внимательном изучении инвентаря видна и разница между ними, иллюстрирующая дальнейшее совершенствование микроиндустрии и вкладышевой техники.

В технике обработки кремня развиваются новые приемы. В составе кремневых изделий наряду со старыми появляются новые формы орудий. Особенно же увеличивается производство правильно ограненных призматических пластинок. Пластины и изделия из них составляют около 90% всего кремневого инвентаря, исключая всевозможные осколки (отбросы производства). Возросшая потребность в выработке пластинок привела в раннем неолите к усовершенствованию техники отщепления их от нуклеусов. Наряду с улучшением и увеличением количества конических нуклеусов с негативами узких пластинок со всех сторон, появляются цилиндрические нуклеусы с двумя ударными площадками, что значительно упростило процесс выработки длинных одинаковой ширины пластинок; это при коническом нуклеусе не представлялось возможным. Также впервые появляются экземпляры уплощенных нуклеусов, которые становятся характерными для последующей эпохи.

Основная масса вырабатываемых пластинок шла на изготовление всевозможных вкладышевых форм. По сравнению с предыдущим слоем их количество увеличивается почти вдвое. Если в VII слое Таш-Аир I их было 86 экземпляров, то в VI слое они достигают цифры в 159 экземпляров. Среди них есть разнообразные трапеции, сегменты, переходящие в треугольники, и всевозможные сечения из пластинок (удлиненные и короткие прямоугольники, треугольники и пр.). Для раннего неолита характерна форма высокой равнобокой трапеции, являющейся прообразом трапеции со струганой спинкой (табл. XX, рис. 6). Эта форма встречается в стоянках Таш-Аир I—VI слой, Замиль-Коба I — верхний слой, Замиль-Ко-

¹¹⁰ А. Я. Брюсов. Указ. соч., стр. 188.

¹¹¹ М. В. Воеводский. Мезолитические культуры..., стр. 110.

ба II—VI слой Шан-Коба — III слой, в Алимовском навесе и других стоянках этого времени. Боковые стороны этой трапеции обработаны плоской отжимной ретушью, частично заходящей на спинку. Следует упомянуть, что такое же явление наблюдается в стоянках и могильниках Надпорожья и Прикубанья¹¹², относящихся ко времени раннего неолита. Большая часть вкладышей из VI слоя Таш-Аир I представляет собой сечения из пластинок. Обработка их и следы от работы указывают, что они служили вкладышами составных орудий. А. Я. Брюсов, характеризуя неолит Приднепровья и Подонья, отмечает, что типичнейшей чертой ранненеолитических стоянок юга «является техника выделки орудий или частей орудий (вкладышевых) почти исключительно из мелких ножевидных пластинок и придание сечениям этих пластинок геометрических форм»¹¹³. Подобное развитие микроиндустрии и вкладышевой техники нельзя объяснить только развитием охотничьего хозяйства. По-видимому, вкладышевые ножи и, возможно, серпы приобретают в это время значение в связи с развитием новых форм хозяйства — примитивного животноводства и земледелия. Г. Чайлд, говоря о земледелии и скотоводстве, замечает, что «в Европе тщательно отделанные мелкие кремневые орудия геометрических форм были особенно распространены в период появления первых земледельцев и скотоводов»¹¹⁴.

О совершенствовании вкладышевой техники, равно как и об ее значении, можно судить по набору кремневых орудий. Как правило, они состоят из всевозможных резцов, резчиков, скобелей, пластинок с ретушью и выемками и других орудий, служивших главным образом для обработки костяных и деревянных основ составных вкладышевых орудий. В VI слое Таш-Аир I увеличивается количество резцов и резчиков на углах обломанных пластинок. Если в VII слое их было

21 экземпляр, то в VI слое их насчитывается уже 35 экземпляров. Обработка этих резцов значительно улучшилась. На большинстве резцовые сколы нанесены путем отжима по концу края или по поперечному сечению пластинки. Тонкость, иногда микроскопичность резцовых сколов и тонкость ретуши в обработке рабочих краев резчиков указывают на совершенствование обработки кости и дерева. Необходимо отметить и резкое увеличение количества концевых и округлых скребков на пластинках и пластинчатых отщепках: если в VII слое их было 5, то в VI слое — 21. Увеличение количества скребков и значительная дифференциация их свидетельствуют об улучшении обработки шкур животных.

Впервые в раннем неолите Крыма появляются крупные орудия с двусторонней обработкой, как, например, топор-тесло из большого кремневого желвака, небольшие топоробразные орудия, грубый наконечник дротика треугольной формы и др.¹¹⁵ Редкость нахождения их, вероятно, объясняется тем, что они очень ценились ввиду трудности изготовления; человек поэтому берег и не терял их. Появление топора-тесла указывает на обработку дерева для построек жилищ или рубки леса с хозяйственными целями. Топорообразные крупные орудия найдены и в некоторых ранненеолитических стоянках Надпорожья. В стоянках северного мезолита (Маглемозе, Эртебелле, Кампиньи и др.) в это время также появляются первые топоры. Появление топора в раннем неолите резко разграничивает две исторические стадии — мезолит и неолит. В дальнейшем это орудие становится неопределимым в хозяйстве первобытного человека. В то же время получает развитие техника сверления камня. В верхнем слое Замиль-Коба I и в VI слое Замиль-Коба II обнаружены каменные поделки со сверлинами¹¹⁶. Подобные каменные поделки найдены и в надпорожской стоянке Собачки¹¹⁷.

¹¹² Д. Я. Телегин. Неолитические могильники Приднепровья и Подонья. Доклад на секции палеолита Пленума Института истории материальной культуры АН СССР в 1957 г.; В. П. Любин. Доклад на секции палеолита Пленума Института истории материальной культуры АН СССР в 1957 г., сведения о находках трапеций в стоянке у города Черкесска на Кубани.

¹¹³ А. Я. Брюсов. Указ. соч., стр. 185.

¹¹⁴ Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок, стр. 52.

¹¹⁵ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Замиль-Коба I, табл. IX, рис. 1, 2 и табл. VII, рис. 10.

¹¹⁶ Там же, табл. VII, рис. 9 и коллекции Государственного Исторического музея из стоянки Замиль-Коба II. Каменная поделка из Замиль-Коба II с двумя сверлинами служила грузилом, по-видимому, для рыболовных принадлежностей.

¹¹⁷ Коллекции Института археологии АН УССР в Киеве.

Начиная с раннего неолита увеличивается и количество костяных поделок. В VI слое стоянки Таш-Аир I и особенно в VI слое стоянки Замиль-Коба II найдено значительное количество костяных орудий и поделок. Среди них всевозможные шилья, проколки, иглы, поделки из зубов животных, муфты из рогов оленя (табл. XXVIII—XXIX) и большое количество костей с нарезками и следами обработки. Среди костяных поделок особый интерес представляют муфты из рогов благородного оленя, которые рассматриваются рядом исследователей как основы для мотыг и как сами мотыги. Подобные муфты встречаются в различных культурах Западной и Восточной Европы, начиная с раннего неолита и кончая энеолитом, как, например, в датских Кьёккенмеддингах¹¹⁸, в культурах типа Маглемозе¹¹⁹, в археологических памятниках ямной культуры¹²⁰. Такие же муфты встречаются в энеолитических поселениях Северного Кавказа и на территории распространения трипольской культуры. На Украине они бытуют до эпохи поздней бронзы¹²¹. По-видимому, эти муфты, появившись в раннем неолите, продолжают бытовать очень долго. Они могли служить муфтами для разнообразных рубящих орудий, киркообразных и мотыгообразных.

Впервые в раннем неолите Крыма возникает и гончарное дело. В шестых (раннеэнеолитических) слоях стоянок Таш-Аир I и Замиль-Коба II было найдено небольшое количество архаической остродонной толстостенной посуды. Толщина стенок этой посуды достигает 2,5 см. Тесто имеет примеси песка. Как снаружи, так и внутри видны следы от заглаживания. Внутри такие следы идут в виде бороздок и штрихов в разных направлениях. Возможно, что сосуды лепились на травяной или корзиночной основе и после обжига эти основы выгорали, оставляя след в виде бороздок и штрихов. Подобная же

¹¹⁸ Г. Обермайер. Доисторический человек, стр. 541—554.

¹¹⁹ Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 31, рис. 6, фигуры 7 и 8.

¹²⁰ С. А. Локтюшов. Редкое погребение и остатки стоянки в Донбассе. СА, II, 1937, стр. 195—198; О. В. Бодянский. Археологічний дослідження...

¹²¹ О. Ф. Лагодовська. Поселення часу пізньої бронзи в с. Сандраки. «Археологія», т. X, Київ, 1954, стр. 140; І. Г. Шовкопляс., Поселення ранньоскіфського часу на середньому Дністрі. «Археологія», т. IX, Київ, 1954, стр. 104.

архаичная посуда найдена в стоянках культуры Эртебёлле¹²², в надпорожских стоянках Украины¹²³ и других местах, датируемых концом мезолита и началом раннего неолита.

Сейчас трудно судить о причинах возникновения керамики. Г. Чайлд считает, что ее появлению способствовал оседлый образ жизни¹²⁴. Во всяком случае появление керамики знаменует собой новый этап в развитии первобытного общества. По-видимому, найденные сосуды служили для приготовления пищи. В VI слое Таш-Аир I, недалеко от костров встречено несколько кучек мелких окатанных камешков. Они, может быть, служили для нагревания воды и варки пищи.

Развитие вкладышевой техники, появление струганой техники в отделке орудий, находки крупных орудий с двусторонней обработкой, развитие костяной индустрии, появление керамического производства и утверждение оседлости свидетельствуют о больших изменениях в социально-экономическом укладе раннеэнеолитических обитателей Юго-Западного Крыма. Охота, весьма вероятно, перестает быть одной из основ хозяйства, но все же продолжает играть большую роль. Основными промысловыми животными все еще остаются кабан, благородный олень, косуля. Необходимо отметить очень интересный факт измельчания оленя и косули ко времени неолита, прослеженный Е. Л. Дмитриевой по костным остаткам Таш-Аир I и Замиль-Коба II. Здесь могут быть предложены разные объяснения. Во-первых, измельчание указанных животных может быть вызвано изменениями климата, а следовательно, и изменениями растительности. Во-вторых, измельчание может быть вызвано и воздействием человека на окружающую среду. Усиленная охота на оленя и козулю могла привести ко времени неолита к сокращению ареала их распространения. Леса в долинах рек стали, по-видимому, вырубаться, и олень с косулей вынуждены были отступить в горы, где условия их пастбищ были хуже.

Костные остатки VI слоя стоянки Таш-Аир I и VI слоя Замиль-Коба II дают возможность предполагать о начале животноводства как одной из важных особенностей хозяйства неолитического человека Крыма. Примитивное животноводство, появившееся

¹²² Г. Чайлд. Указ. соч., стр. 34, рис. 7.

¹²³ На 5-й Игреной стоянке, на Виноградном острове, на 8-й Игреной стоянке и других.

¹²⁴ Г. Чайлд. Указ. соч., стр. 34.

в раннем неолите Крыма, уже играло существенную роль в хозяйстве человека.

Основой его, по-видимому, было свиноводство, что подтверждается преобладанием костей свиньи в шестых слоях стоянок Таш-Апр I и Замиль-Коба II¹²⁵. Но наряду со свиньей существовала и домашняя корова и, по всей вероятности, мелкий рогатый скот.

Не меньшее значение в хозяйство ранне-неолитического человека имело и усложненное собирательство. Сильное потепление и увлажнение климата в этот период (атлантический) создало более широкие возможности для развития этого вида хозяйства. Кроме большого количества моллюсков *Helix vulgaris*, вероятно, собирали и всевозможные съедобные растения.

Наличие диких злаков в Крыму (лен долготный, паннонская вика, люцерна, пшеница-однозернянка и др.), находки в ранне-неолитических стоянках мотыг из рогов косули и оленя, пластинок-вкладышей для серпов и ножей с длинными лезвиями, обломков каменных пестов, плит для растирания пищи, утверждение оседлости, появление керамики и пр.— все это может свидетельствовать либо о «дикой жатве», либо же о зачатках примитивного земледелия. Общеизвестно, что земледелие и скотоводство сопутствуют друг другу с самых начальных фаз их развития. Однако, если мы имеем некоторые данные, позволяющие нам ставить вопрос о наличии в раннем неолите примитивного животноводства, то о наличии примитивного земледелия мы можем пока высказаться только предположительно.

П. П. Ефименко, отводя большую роль «усложненному собирательству» в хозяйстве мезолита, писал, что оно «предшествовало земледелию...» и «могло вырасти в важную отрасль хозяйственной жизни первобытного общества, лишь при наличии определенных условий природной среды, распространения полезных видов растений, что на большей части территории Европы могло иметь место только с наступлением современной геологической эпохи»¹²⁶.

Как уже указывалось, в Крыму имелись дикие злаковые растения, пригодные для возникновения растениеводства, и среди них

следует прежде всего назвать дику пшеницу-однозернянку (*Triticum monosocum* и *Triticum acgilopoi des Link*). П. М. Жуковский находит, что «культурная однозернянка является древнейшим видом пшеницы из группы полба». На Украине полба обнаружена в трипольских поселениях IV тысячелетия до н. э. Основываясь на фактах нахождения в СССР эндемичных дикорастущих видов пшеницы, тот же автор считает их «ярким свидетельством глубокой древности и самостоятельности возникновения этой культуры на территории нашей страны»¹²⁷.

Археологические открытия последних лет позволяют ставить вопрос об отнесении происхождения земледелия к более древнему времени, чем это до сих пор предполагалось. Если уже в раннем триполье земледелие было одним из основных видов хозяйства, то возникнуть оно должно было значительно раньше. Одним из основных условий этого была оседлость, а она появляется в Крыму в раннем неолите. О возникновении земледелия в раннем неолите на юге высказываются многие исследователи¹²⁸. Не входя в подробное рассмотрение вопроса, мы только высказываем предположение о возможности существования земледелия в раннем неолите. В связи с этим можно объяснить и расположение стоянок этого времени в долинах рек, в поймах которых отлагались плодородные почвы.

Выше мы указывали, что уже в позднем мезолите Крыма намечаются различия в развитии отдельных мезолитических групп; в раннем неолите эти различия проявляются еще резче. Наличие изолированных долин и разнообразных ландшафтов (степь, предгорье, горы, приморье и т. д.) способствовало развитию на этих территориях некоторых хозяйственно-культурных особенностей. В крайнем юго-западном углу Горного Крыма в раннем неолите развивается рыболовство, а в предгорьях, ближе к степи,— примитивное животноводство. Например, в стоянке Замиль-Коба II (юго-западная часть) в ран-

¹²⁷ П. М. Жуковский. Культурные растения и их сородичи. М., 1950, стр. 3.

¹²⁸ А. Я. Брюсов. Указ. соч., стр. 181; В. М. Свободин. К вопросу о развитии и смене систем земледелия. «Материалы по истории земледелия СССР». Сб. I, Институт истории АН СССР, М., 1952, стр. 20; П. М. Жуковский. Указ. соч., стр. 19 и др.

¹²⁵ См. статью Е. Л. Дмитриевой, табл. I, II.

¹²⁶ П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 634.

нем неолите существовало рыболовство и, возможно, морской промысел. Среди костных остатков найдены кости различных рыб (сом, щука), а также дельфина, тюленя, болотной черепахи¹²⁹. Кроме того, в том же слое обнаружены каменные грузила, по-видимому для сетей, и рядом, в стоянке Замиль-Коба I, топор-тесло, который мог служить для строительства лодок, плотов и пр. Подобные различия в хозяйстве людей, жи-

вущих рядом, подтверждаются и этнографическими данными.

Итак, ранне-неолитическая стадия в Крыму, выросшая на базе поздне-мезолитической стадии, несмотря на микролитический характер кремневой индустрии, является уже новой исторической эпохой, знаменующей собой окончательное становление новых видов хозяйства — земледелия и животноводства.

НЕОЛИТ — ПОЗДНИЙ ЭТАП (ПРЕДЪЯМНОЕ ВРЕМЯ)

Этот этап имеет более четкие контуры и выделяется нами на основании вещественных остатков из пятых слоев Таш-Аир I и Замиль-Коба II, позволяющих дать не только характеристику этого этапа, но и установить его генетическую связь с предыдущим этапом.

Слой Va в Таш-Аир I залегал над VI слоем через тонкую прослойку известковых плиток, отслоившихся от потолка навеса. Уже это одно указывает на более позднее время, чем ранний неолит. По характеру вещественных остатков, как мы увидим ниже, слой Va продолжает предыдущий ранне-неолитический этап. По условиям залегания, по вещественным остаткам и сравнительным данным этот этап охватывает период приблизительно от 4000 до 2500 лет до н. э. Мы назвали его поздним, или развитым, неолитом по тем соображениям, что ему предшествует ранний неолит, а верхней границей его является энеолит.

Поскольку культура позднего неолита была обнаружена впервые в Таш-Аир I, ее можно назвать таш-аирской, так как она характеризует определенную стадию в развитии послепалеолитических культур Крыма и имеет широкое распространение не только по юго-западному Горному Крыму, но и в степной части. Выделение этой культуры необходимо, так как в Крыму она характеризуется своими признаками — имеет распространение на определенной территории и принадлежит к одной этнической общности.

Стоянки этого времени распространяются по всей горной части Крыма и впервые появляются в степной части. В то же время многие стоянки продолжают оставаться на прежних местах: в пещерах, гротах, наве-

сах и других естественных убежищах. Возникшая в раннем неолите оседлость укрепляется, о чем свидетельствуют мощность пятых слоев стоянок Таш-Аир I и Замиль-Коба II (свыше 50 см), толщина кострищ (до 15 см), их расположение одно над другим и сильная прокалка почвы под ними, а также резкое увеличение количества вещественных остатков, превышающего находки всех слоев вместе взятых. О длительности обитания на одном и том же месте говорят и такие факты, как находки вещественных остатков не только на площадке внутри навеса, но и перед навесом, что в мезолите не наблюдалось, и расширение керамического производства, свидетельствующего о развитой оседлости. Обжитые веками пещеры и навесы продолжали служить постоянными жилищами человеку и в неолитическое время, но, безусловно, в это время были уже поселения и на открытых местах — как постоянные, так и временного характера.

Ввиду недостаточной изученности многочисленных стоянок этого времени в Крыму сейчас многие из них трудно отнести с достоверностью к неолитической стадии. Поэтому мы назовем только ряд стоянок, которые безусловно можно отнести к этой стадии, а именно: 1) Таш-Аир I — слой Va; 2) Таш-Аир III—II слой; 3) Замиль-Коба II — V слой; 4) Шан-Коба — нижний горизонт слоя Ia; 5) Кая-Арасы (близ Тепе-Кермен) — нижний слой; 6) стоянка Алексеевская засуха у азовских сивашей; 7) Су-Ат II, на Караби-Яйле; 8) стоянка Салгир¹³⁰ — нижний, III слой; 9) большее количество яйлинских стоянок, как, например:

¹²⁹ По определению Е. Л. Дмитриевой.

¹³⁰ А. А. Щепинский. Раскопки многослойной стоянки в долине р. Салгир, стр. 17—19.

Ат-Баш — слой с керамикой, Джейлау-Баш — нижний слой, Кара-Кач, Балин-Кош, Ай-Петринские и другие; 10) стоянка Кукрек, возможно, также относится к этому времени; 11) грот Водопадный на р. Черной — верхний слой.

Характеризуя предыдущую стадию, мы уже писали об яйлинских стоянках. За годы исследований на Яйлах было открыто свыше 100 стоянок, часть которых занимает значительную площадь. Необходимо отметить, что такие большие стоянки, как правило, располагаются около небольших озерков или значительных источников воды, как, например: Балин-Кош на Ай-Петринской Яйле, Ат-Баш, у Юсуповской фермы, у плотины Сикорского, у озера Япрах-Кале, у Джунын-Богазы над Ай-Василем, у Домчикая, на Демержи-Яйле, ряд стоянок на Караби-Яйле и т. д.¹³¹

В связи с этим возникает вопрос: почему начиная с развитого (позднего) неолита резко увеличивается количество стоянок на крымских Яйлах? По-видимому, это можно объяснить только развитием животноводства в позднем неолите. Об этом же свидетельствует расположение всех крупных стоянок Яйлы у озерков и значительных источников. По всей вероятности, эти стоянки были местами постоянных остановок пастухов со стадами. Например, такую стоянку, как Балин-Кош, которую неправильно относили к тарденуазскому времени, никак нельзя считать временной стоянкой охотников. Она занимает площадь около 2 га. За годы исследований на ней найдено свыше 50 тысяч кремневых орудий и осколков. При личном обследовании этой стоянки автором этой книги были найдены вещи, характеризующие разные эпохи вплоть до современности, но вещественных памятников, которые можно было бы отнести к времени, предшествовавшему позднему неолиту, на этой стоянке не обнаружено. Само название Кош (стойбище овец) указывает на сохранившиеся традиции пригона сюда скота. Только развитием скотоводства можно объяснить резкое увеличение в рассматриваемое время сравнительно с предшествовавшим ему числа стоянок на крымских Яйлах. Летом, когда нижние паст-

бища высыхали, первобытные скотоводы переселялись со своими стадами на Яйлы. Например, известно, хотя и для более позднего времени, что когда пастбища Украины и Бессарабии выгорали, то оттуда гнали скот на крымскую Яйлу.

Многочисленность яйлинских стоянок и специфика яйлинских условий исключают возможность отнесения стоянок к охотничьим стойбищам. Все эти стоянки на открытых местах являются временными и сезонными остановками. Вероятно, климат и природа Крыма в неолитическое время были такими же, как и сейчас. На Яйлах климат значительно суровее, чем в других местах Крыма. Зимой здесь выпадает много снега, в воронках и западинах он сохраняется все лето. Кроме того, на Яйлах постоянно дуют сильные ветры. Только летом там возможна была жизнь человека. Растительность на крымских Яйлах очень скудная. На каменистом карстовом плато произрастает горно-луговая и сухолюбивая растительность, среди которой преобладают овсянка овсяница и многочисленные двудольные. В неолитическое время была, по всей вероятности, такая же картина, как и сейчас. Леса были редкими, паркового характера¹³², росли они на границах Яйл и по склонам гор, где и обитали косули и олени, основные объекты охоты того времени. Все сказанное подтверждает нашу точку зрения на возникновение яйлинских стоянок.

Спорным вопросом является датировка стоянки Кукрек. Г. А. Бонч-Осмоловский отнес ее к тарденуазу¹³³. Однако анализ культурных наслоений этой стоянки и особенно изучение найденных здесь кремневых орудий указывает на ее принадлежность к более позднему времени. Во-первых, в ней встречены карандашевидные нуклеусы, которые появляются в Крыму только со времени позднего неолита. Во-вторых, техника отщепления пластинок и вторичная обработка (отжимная ретушь и заменяющие ее тонкие резцовые сколы) достигают в кукрекской стоянке высокой степени совершенства. Пластинки сделаны с большой правильностью¹³⁴.

¹³² Б. Н. Иванов. Опыт выделения естественно-исторических угодий в Горном Крыму. «Научные записки Львовского Государственного университета имени Франко», т. 40, вып. 4.

¹³³ Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита, стр. 160.

¹³⁴ Там же.

¹³¹ Карту этих яйлинских стоянок составил А. Моисеев. См. А. Моисеев. Предварительный отчет о находках следов каменного века на Яйле. ИТУАК, 57, 1920, стр. 297—303.

В-третьих, в стоянке найдены трапеции, сегменты и вкладыши с тонкой отжимной ретушью с брющка, что характерно только для развитого неолита и энеолита Крыма. Вкладыши кукрекского типа найдены на яйлинских стоянках¹³⁵ и в стоянке на р. Салгир¹³⁶, причем авторы относят подобные вкладыши не к тарденуазу, а к неолиту. Е. А. Векилова также подвергает сомнению тарденуазскую датировку стоянки Кукрек. Подробно разбирая кремневый инвентарь, она сравнивает его с инвентарем раннеолитических стоянок Украины, тем более что стоянка Кукрек расположена на границе лесостепной полосы. По вкладышам она близка к степной стоянке Алексеевская засуха, нижний слой которой датируется развитым неолитом¹³⁷. Археологические разведки Ю. Г. Колосова в степной части Крыма показывают, что там появляются стоянки с эпохи неолита. Стоянка Алексеевская засуха по обнаруженным в ней орудиям связывается со стоянками Надпорожья и Приазовья.

Из сказанного следует, что в эпоху позднего неолита первобытный обитатель Крыма расселился как в горной части, так и в степной; объяснить это только ростом населения нельзя. По-видимому, основной причиной были изменения в системе хозяйства.

Позднеолитический этап Крыма пока может быть охарактеризован более полно только на основании данных слоя Va Таш-Аир I и слоя V Замиль-Коба II.

В развитии кремневой индустрии этот этап характеризуется расцветом микролитической вкладышевой техники, сильной микролитизацией некоторых форм орудий, усовершенствованием плоской отжимной ретуши, увеличением количества и повышением качества выделки призматических пластинок, развитием всякого рода резцов, микрорезцов, резчиков на углах обломанных пластинок, появлением разнообразных скребков на сколах, отщепах и пластинках и распространением всевозможных вкладышевых форм. О расцвете вкладышевой техники свидетельствуют многочисленные

факты. Во-первых, увеличивается сравнительно с предыдущим слоем количество пластинок, из которых делались вкладышевые формы, и число орудий для производства деревянных и костяных основ составных вкладышевых орудий. Если в предыдущем слое Таш-Аир I пластинок и концов пластинок было 250 экземпляров, то теперь их цифра равняется 367 экземплярам. Во-вторых, особенно резко увеличивается количество разнообразных вкладышей из пластинок. В предыдущем слое их было 159, а в слое Va 386 экземпляров. Это значительное увеличение никак нельзя отнести за счет мощности слоя. Как тот, так и другой слой имеют почти одинаковую мощность.

Наконец, дальнейшее усовершенствование техники выделки пластинок, характеризующее находки слоя Va Таш-Аир I, указывает на исключительное значение таких пластинок. Основными формами нуклеуса становятся конические с ровной ударной площадкой и негативами отжатых пластинок со всех сторон, а также плоские нуклеусы. Пластины, отжатые и отщепленные от них, имеют разнообразную форму. Преобладают узкие длинные пластинки с двумя гранями на спинке. Увеличивается количество узких микропластинок и появляются широкие пластинки. По-видимому, производство разнообразных по форме пластинок диктовалось необходимостью выделки различных орудий. Следует отметить большую стандартизацию в выработке правильно огранных пластинок. Основная часть всех пластинок шла на изготовление вкладышей.

Для этой стадии характерной формой геометрических микролитов является трапеция со струганой спинкой (табл. XXXIII, рис. 1—6). Она имеет разнообразную форму, боковые стороны и спинка обработаны плоской отжимной ретушью — так называемая струганая техника. Эти орудья достигают стандартной унифицированной формы не только в крымских стоянках, но и в стоянках Надпорожья, Подонья, Приазовья и Нижнего Поволжья. Встречаются трапеции со струганой спинкой и с асимметричными углами. Как те, так и другие могли служить для оснащения наконечников стрел. Подобные наконечники найдены в костях убитых животных в стоянках Западной Европы.

Второй распространенной формой геометрических микролитов этой стадии являются

¹³⁵ Ю. Г. Колосов. Новые неолитические стоянки Крыма. Институт археологии АН УССР, вып. 7, Киев, 1957, стр. 15.

¹³⁶ А. А. Щепинский. Раскопки многослойной стоянки в долине р. Салгир.

¹³⁷ Ю. Г. Колосов. Доклад на Археологической конференции в Киеве в феврале 1958 г.

сегменты с плоской ретушью по дуге. Встречаются и другие формы трапеций, сегментов, треугольников и пр. Иногда их углы и основания имеют тонкие отжимные резцовые сколы, выемки и тонкую ретушь. Конечно, подобную обработку нельзя считать случайной, она зависела от функциональной значимости этих изделий, а не была просто художественной затеей мастера.

Особенно много представлено в интересующем нас слое *Va* Таш-Аир I вкладышей из сечений пластинок. Они имеют разнообразную форму (длинных и коротких прямоугольников, трапеций и пр.). Вторичная обработка на них (ретушь, выемки и резцовые сколы), а также следы работы (зашлифованность, выколы, царапины и пр.) указывают, что они служили для специальных целей, по-видимому для оснащения серпов, длинных ножей, дротиков, наконечников стрел и т. д.

Часть пластинок использовалась в качестве самостоятельных орудий с режущей и скребущей функцией. Их вторичная обработка разнообразна, но она повторяется на многих пластинках в одинаковых формах и пропорции, что указывает на существование различных орудий из пластинок. Особый интерес представляют пластинки с небольшими, частыми выемками, напоминающими зубчики. Такие орудия могли служить для пиления кости и дерева или для составления лезвий серпов. Следует отметить наличие на некоторых пластинках ретуши — по одному краю со спинки, а по другому с брюшка, причем одна из них носит заостряющий, а другая притупляющий характер. Встречаются пластинки с концевой поперечной ретушью, с частичной ретушью по одному или двум краям, с выемками и т. д.

Таким образом, пластинки шли также и на изготовление всевозможных орудий производства. Если в предыдущем слое было 66 орудий, сделанных из пластинок, то в этом их количество возрастает до 121. Основную массу орудий из пластинок составляют различные резцы и скребки. Особого развития достигают резцы. В предыдущем слое их было 41, а здесь 101. Уже одно это сравнение говорит о важности этого вида орудий в производстве вкладышевых составных инструментов. О совершенстве обработки кости и дерева, а также о разнообразии ее технических приемов можно судить по набо-

ру режущих инструментов. Их внешний облик несколько изменяется сравнительно с предыдущим слоем. Резцы на концах пластинок остаются почти в том же количестве, что и в предыдущем слое, но зато в четыре раза возрастает количество резцов на пластинках с тонким поперечным резцовым сколом. Эти орудия могут служить датирующим материалом для эпохи позднего неолита, так как в двух предыдущих слоях они встречены в незначительном количестве. В два с половиной раза возрастает и количество резчиков на углах обломанных пластинок. Особенно выросло количество микрорезцов и микрорезчиков, имеющих тончайшие резцовые сколы и тонкую ретушь вместо сколов. Они сделаны не только на углах обломанных пластинок, но также на отщепках и сколах. Широкое развитие этих орудий свидетельствует о тонкости резьбы по кости.

Встречаются резцы, рабочая часть которых оформлена двумя резцовыми сколами под углом один к другому. Эта форма также характерна для раннего и позднего неолита Крыма. К резцам следует отнести и пластинки со скошенным отретушированным острием, так как они имеют зашлифованность и сработанность на остром конце. Значительную группу составляют и боковые резцы на отщепках и осколках. По своей форме они напоминают палеолитические резцы. Некоторые из них достигают значительных размеров, в частности, и по величине резцового скола. Бытование этих орудий, равно как и их увеличение в количестве по сравнению с предыдущими слоями, опровергает мнение, будто резцы к концу позднего мезолита (тарденуазского времени) резко сокращаются в числе и потом исчезают вовсе.

Об усиленной обработке кости и дерева можно судить и по резкому увеличению количества орудий со скоблящей функцией. К ним относятся пластинки с выемками, а также осколки и отщепы с выемками. Последние в предыдущих слоях встречались единицами, а в слое *Va* они найдены в количестве 34 экземпляров.

После резцов по количеству следуют разнообразные скребки. По своим формам и технике обработки они сходны со скребками предыдущего слоя. Сделаны они на концах укороченных пластинчатых отщепов, на концах пластинок и осколках. Увеличение их количества и разнообразие форм указывают

на улучшение обработки шкур. Впервые в позднем неолите Крыма в значительном количестве появляются микроскребки, поражающие миниатюрностью своих размеров (длина 1—2 см и ширина 1,3—1,6 см). Трудно судить о назначении этих орудий. В. А. Городцов высказал предположение о применении подобных изделий в качестве пуговиц¹³⁸. Эти микроскребки, встречающиеся вместе с трапециями со струганой спинкой, также являются руководящей формой позднего неолита (табл. XXXVI, рис. 16—21).

Характерны для этой стадии и всевозможные проколки на концах пластинок. Возможно, некоторые из них служили наконечниками стрел. Иногда на концах таких проколов имеются тонкие резцовые отжимные сколы. Подобные формы встречаются во всех стоянках Крыма. Следует отметить присутствие среди кремневых изделий небольших микроострий с тонкой ретушью по скошенному краю. Они могли служить для разных целей и даже наконечниками стрел.

Итак, весь комплекс кремневых изделий слоя Va Таш-Аир I свидетельствует о расцвете микроиндустрии и техники выделки призматических пластинок. Если в предыдущем слое, почти одинаковом по мощности со слоем Va, количество нуклеусов было 26, то здесь их уже 69. Об этом же свидетельствуют участвовавшие находки всевозможных отбойников, ретушеров, наковаленок, окатанных галек, разнообразных осколков и т. д.

Микролитизация орудий, стандартизация геометрических микролитов, резкое увеличение числа вкладышей, расширение производства кремневых изделий, мощность кострищ и слоя, увеличение количества кухонных отбросов и раковин *Helix vulgaris* и т. д. — все это вместе взятое, несомненно, указывает на какие-то большие сдвиги в бытовом укладе первобытных коллективов Крыма. Подобная же картина наблюдается и в других стоянках — как крымских, так и прилегающих к Крыму областей Надпорожья, Приазовья, Подонья, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. Интересно отметить, что всюду в стоянках перечисленных районов наблюдаются микролитизация орудий и высокая степень совершенства техники изготовления пластинок; также всюду тра-

¹³⁸ В. А. Городцов. Уртуйская микролитическая стоянка в бассейне р. Амура. СА, I, 1936, стр. 108.

пециям со струганой спинкой сопутствуют микроскребки и микрорезцы. Можно подобрать коллекции из неолитических крымских стоянок и стоянок развитого неолита Надпорожья, Приазовья, Нижнего Поволжья и др., которые не будут отличаться ни по форме, ни по технике изготовления, как будто они происходят из одного источника. Этот факт может указывать не только на связи Крыма с указанными областями и не только на сходство в развитии, но и на культурное, а возможно, и этническое родство. Об этом же свидетельствуют и другие факты, как, например, сходство керамики, костяных изделий, наличие красной краски и т. д. Все это говорит о том, что в предьямное время на юге Украины (Надпорожье, Подонье, Приазовье), в Нижнем Поволжье, в Прикаспии и на Северном Кавказе обитали очень близкие друг к другу племена с одинаковым социально-экономическим укладом. Всюду в этих областях развивается характерная остродонная посуда так называемого предьямного типа. Правда, по своей орнаментике сосуды этих областей несколько отличаются друг от друга, но техника их изготовления, как и состав теста, из которого они сделаны (примесь толченых раковин), всюду одинаковы.

О характере керамики позднего неолита Крыма можно судить пока только по трем стоянкам: Таш-Аир I, Замиль-Коба II и Кая-Арасы¹³⁹. Находки слоя Va свидетельствуют о возросшей роли гончарного производства. Найдено около 300 обломков разнообразной посуды. По орнаментике, обжигу и составу эта керамика имеет разный характер. Внизу, на границе V и VI слоев, найдены обломки остродонных сосудов с мелкозубчатым орнаментом. Зубчики четкие (квадратные или прямоугольные), нанесены штампом горизонтальными рядами и под углом один к другому, образуя характерный для всего Юга треугольный рисунок. Орнамент покрывал не весь сосуд. Найденные обломки днищ позволяют говорить о распространении остродонных сосудов с неясно выраженной шейкой. Керамика с подобным орнаментом найдена на стоянке у Салгира¹⁴⁰, на Балин-

¹³⁹ Стоянка Кая-Арасы раскапывалась А. А. Формозовым и А. А. Щепинским в 1956 г. Коллекции, осмотренные нами, хранятся в Бахчисарайском музее и в Крымском филиале Института археологии АН УССР.

¹⁴⁰ А. А. Щепинский. Раскопки многослойной стоянки в долине р. Салгир, стр. 18, рис. 12.

Кош¹⁴¹, в Замиль-Коба II¹⁴² и Кая-Арасы¹⁴³. Керамика с подобным же орнаментом, но более поздняя найдена в Мариупольском могильнике¹⁴⁴. Близкими к этому типу сосудов являются находки на 8-й Игреньской стоянке¹⁴⁵, на Миньевской дюнной стоянке¹⁴⁶, на стоянке у Красного озера¹⁴⁷, на Виноградном острове¹⁴⁸ и ряде других стоянок и могильников Надпорожья¹⁴⁹. Существенно то, что эти сосуды сходны с крымскими не только по форме, составу теста, но иногда и по орнаментике. Особенное сходство наблюдается с находками на Виноградном острове.

Всюду находки подобных сосудов сопровождаются трапециями со струганой спинкой и микроскробками.

В Таш-Аир I и Замиль-Коба II, среди вышеописанных сосудов в большом количестве была обнаружена толстостенная посуда шоколадного цвета с бороздчатым, линейно-нарезным и зубчатым орнаментом. Сосуды были остродонные, с неясно выраженными шейками. На некоторых обломках имеются сквозные отверстия и углубления в виде округлых ямок. Эти сосуды характерны для позднего неолита Крыма. Орнамент на них идет не по всему сосуду, а только по шейке и плечикам, располагаясь своеобразными прерывающимися фестонами в виде нарезок, зубчатого штампа, бороздок, расположенных под углом. Подобные сосуды также встречены в стоянках Ат-Баш и Кая-Арасы, Нижне-Ягмурчинских и Верхне-Ягмурчин-

ских стоянках под Симферополем¹⁵⁰ и в ряде других мест, что свидетельствует о широком распространении таш-аирской культуры позднего неолита по всему юго-западному Крыму. Несмотря на почти полное сходство этой керамики в стоянках Таш-Аир I, Замиль-Коба II и Кая-Арасы, имеются и различия, указывающие на развитие внутри Крыма локальных особенностей, что прослежено нами с мезолитического времени. Повидимому, отдельные родовые группы имели свои местные особенности в орнаментике керамики. Описанная керамика может служить руководящим материалом для культуры позднего неолита Крыма.

Характерным признаком позднего неолита Крыма также является увеличение производства костяных орудий по сравнению с раннеолитическим временем. Наряду с шильями, проколками, долотами, роговыми муфтами, остриями из рогов косули, особое развитие получают разнообразные украшения из зубов животных и рыб, бусы из дельфиньих позвонков, пластинки из кабаньих клыков и т. д. Подобный факт отмечается и для стоянок и могильников Надпорожья. Находки погребений людей этой стадии в Надпорожье со сложным обрядом захоронения и посыпанием красной краской говорят о крупных сдвигах в духовной культуре неолитических племен Юга.

Весь облик кремневых изделий, развитие гончарного производства, мощь культурных наслоений и количество вещественных остатков свидетельствуют о значительном прогрессе. Основой хозяйства прочно становятся животноводство и примитивное земледелие. Наряду с ними существуют охота, рыболовство и собирательство. Развитие производящих видов хозяйства и установление сравнительно прочной оседлости привели к росту населения, что подтверждается широким расселением людей по всему Крыму. О значении животноводства можно судить по соотношению костных остатков диких и домашних животных из слоя Va Таш-Аир I. Замечается увеличение костей свиньи и крупного рогатого скота, т. е. тех именно животных, которые в позднем неолите являются основными домашними животными.

¹⁴¹ Коллекция Ялтинского музея из сборов Е. И. Висниовской.

¹⁴² Коллекция Государственного Исторического музея.

¹⁴³ Коллекция Бахчисарайского историко-культурного музея и Крымского филиала Института археологии АН УССР.

¹⁴⁴ Макаренко. Мариупольський могильник, Київ, 1933.

¹⁴⁵ А. Добровольський. Восьма Ігрінська неолітична стоянка, стр. 249.

¹⁴⁶ Находка Н. В. Сибилева. Хранится в Историческом музее г. Киева.

¹⁴⁷ О. Н. Бадер. Очерк работ Азово-Черноморской экспедиции. КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 174—180.

¹⁴⁸ Рисунки керамики и ее описание были нам любезно присланы Д. Я. Телегиным. Судя по описанию и рисункам, сходство таш-аирских находок и находок на Виноградном острове поразительное.

¹⁴⁹ Вовниги, Собачки, Вовчек, Каменная Могила и др.

¹⁵⁰ А. А. Щепинский. Памятники неолита, бронзы и раннего железа в окрестностях Симферополя. СА, XXVII, 1957.

В стоянках и могильниках Надпорожья также наблюдается в это время присутствие костей домашнего быка. Наряду с крупным рогатым скотом и свиньей разводится и мелкий рогатый скот. Встречаются также и костные остатки лошади, но определить, принадлежат ли они к домашней или дикой лошади, затруднительно.

Находки обломков плит со следами стертости, пестов, терочников, мотыгообразных орудий из рогов косули и оленя и т. п. позволяют судить о наличии примитивного земледелия. На стоянках Нижнего Поволжья, относящихся к этому же времени, найдены большие плиты-зернотерки¹⁵¹. Совпадение расцвета микроиндустрии и вкладышевой техники с развитием животноводства и примитивного земледелия — явление не случайное, но закономерное. Вряд ли только потребностями охоты возможно объяснить такое огромное количество пластинок-вкладышей; они, по-видимому, служили также и для оснащения составных вкладышевых серпов и длинных ножей, потребность в которых диктовалась развивающимся скотоводством и земледелием. Заготовка корма для животных и жатва, вероятно, и обусловили резкий рост потребности в пластинках-вкладышах. В Натуфийских стоянках, в стоянках Средней и Малой Азии найдены в более раннее время подоб-

ные же пластинки с зашлифованными от работы краями, которые расцениваются исследователями как вкладыши от серпов. Увеличение в так называемой Капсийской зоне в мезолите и раннем неолите количества таких пластинок-вкладышей указывает на раннее освоение примитивного земледелия. Интересен тот факт, что в охотничье-рыболовческих стоянках Севера также существуют эти пластинки, но в значительно меньшем количестве. Здесь они служили для оснащения метательных орудий и ножей.

Развитие поздненеолитических племен Юга и Севера шло, по-видимому, на разных хозяйственных основах. У первых преобладающим хозяйством было животноводство и земледелие, у вторых — охота и рыболовство. Если мы прибавим сюда еще и различное природное окружение, то для нас станет понятной разница в кремневом инвентаре стоянок Севера и Юга. Украинские археологи выделяют между Югом и Севером неолитическую лесостепную культуру, но этот вопрос еще не достаточно разработан. Однако уже сейчас можно видеть, что эта культура отличается от надпорожской и крымской культур, но она также отличается и от северного ямочно-гребенчатого неолита. В ней есть некоторые черты и Юга и Севера.

Этническая карта позднего неолита становится значительно пестрее, чем в мезолите.

ЭНЕОЛИТ И РАННЯЯ БРОНЗА (ЯМНО-КАТАКОМБНОЕ ВРЕМЯ)

Вопрос об энеолите и ранней бронзе в Крыму только в последнее время начинает выясняться. До сих пор стоянки этого времени относились исследователями к позднему неолиту, так как в большинстве их не найдены были металлические изделия. Сейчас на Кавказе, на юго-западе Украины, в Средней Азии и других местах намечаются четко выраженные энеолитические культуры. Они характеризуются развитием крупных полированных и сверленных каменных орудий, появлением булав, широким распространением каменных орудий с двусторонней обработкой, как, например, кремневые кинжалы, наконечники стрел, копья, вкладыши для серпов и др. Все эти орудия сделаны двусторонней обработкой при помощи от-

жимной и зубчатой техники. Энеолитические культуры характеризуются также развитием лощеной и расписной керамики, появлением первых медных орудий, курганных захоронений, своеобразными наземными жилищами, развитием пастушеского животноводства и земледелия как основных форм хозяйства и т. д.

Вопрос об энеолите и ранней бронзе в Крыму остается до сих пор не разрешенным. Находки в стоянке Таш-Аир I позволяют поставить вопрос о характере этой культуры в Крыму и ее генетической связи с предыдущей поздненеолитической культурой.

Как уже указывалось, слой Vb залегает непосредственно над слоем Va, фактически являясь его продолжением. На основании условий залегания кремневого инвентаря, керамики и других сравнительных материалов слой Vb датируется периодом от 2500 до

¹⁵¹ Т. М. Минаева. Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных землях. КСИИМК, 59, 1955, стр. 50.

1300 лет до н. э., т. е. охватывает ямно-катакомбное время.

Археологические памятники этого времени в Крыму недостаточно выявлены. Сейчас можно назвать только следующие: 1) Таш-Аир I — слой *Vb*; 2) Таш-Аир II; 3) Таш-Аир III — верхний слой; 4) Шан-Коба — верхний горизонт слоя *Ia*; 5) Кая-Арасы — верхний слой; 6) Замиль-Коба II—IV слой и верхний горизонт *V* слоя; 7) стоянка в долине р. Салгир — слой эпохи бронзы; 8) яйлинские стоянки — этого времени; 9) стоянка близ устья Салгира¹⁵²; 10) стоянка у с. Дровянки (б. Бешуй) на р. Алма; 11) стоянка в бухте Ласси; 12) слой на площадке перед навесом Фатьма-Коба.

К этому же времени следует отнести ранние курганные захоронения у Симферополя (на р. Салгир), у Бахчисарая, у совхоза «Коминтерн» и др.

На основании вещественных остатков стоянок Таш-Аир I, Таш-Аир II и Замиль-Коба II можно судить о культурном облике этой стадии. Материалы из слоя *Vb* Таш-Аир I дополняются вещественными остатками из расположенной рядом стоянки Таш-Аир II. По-видимому, после землетрясения и обвала потолка навеса Таш-Аир I обитатели его переселились на стоянку Таш-Аир II. Этим и объясняется резкое снижение количества вещественных остатков в слое *Vb* по сравнению со слоем *Va*.

Кремневая индустрия этого времени характеризуется началом упадка, изживанием микроиндустрии и развитием орудий с двусторонней обработкой путем отжимной и зубчатой техники. Из кремневых орудий в основном продолжают встречаться те же формы резцов, резчиков, микрорезцов, скребков и т. д., но уменьшается количество геометрических микролитов и вкладышей из пластинок. Впервые в это время появляются настоящие карандашевидные нуклеусы. Их существование свидетельствует о высокой степени совершенства отжимной техники в отщеплении пластинок, но, по-видимому, производство пластинок уже не играет ведущей роли, как в предыдущей стадии. Ведущими в эту эпоху являются разнообразные крем-

невые орудия с двусторонней обработкой: это наконечники стрел и дротиков треугольной формы с прямым или несколько выемчатым основанием (табл. XLVIII, рис. 10—11), длинные кинжалы, вкладыши с двусторонней обработкой и др. В ранних курганах найдены первые металлические ножи (копья), четырехгранные медные шилья и украшения ямно-катакомбного типа. Руководящими формами этой стадии являются: карандашевидные нуклеусы, треугольные наконечники стрел с прямым и выемчатым основаниями, упомянутые металлические изделия и керамика с елочным и шнуровым орнаментом.

Керамика, найденная в слое *Vb* Таш-Аир I, имеет различный характер. Встречаются обломки сосудов, продолжающих развитие сосудов предыдущей стадии. Они также орнаментированы нарезками, бороздками, имеют сквозные отверстия, но на их венчиках появляются косые насечки, что характерно для керамики эпохи бронзы. На некоторых обломках продолжает встречаться зубчатый орнамент, характерный для предыдущей стадии. С другой стороны, наряду с подобными сосудами найдены и новые формы. К ним относятся обломки сосудов с елочным и шнуровым орнаментом, характерным для ямно-катакомбной культуры. Появление сосудов с подобным орнаментом в стоянках Крыма пока объяснить трудно. Очень возможно, что здесь мы имеем проникновение в Крым ямно-катакомбных племен с Украины, но, с другой стороны, обломки сосудов со шнуровым орнаментом по технике выработки, по толщине стенок и по составу теста близки к местной неолитической керамике слоя *Va*.

Кроме того, в слое *Vb* найдено значительное количество лощеной керамики с плоскими днищами, очень близкой к подобной же керамике энеолитических памятников Дагестана и Северного Кавказа. Появление лощеной керамики, особенно распространенной в последующей кизил-кобинской культуре, также пока объяснить невозможно без дополнительных исследований. Этот вопрос упирается в разрешение проблемы кизил-кобинской культуры.

При характеристике вещественных остатков слоя *Vb* и датировке их мы приводили аналогии из памятников Надпорожья, Приазовья, Подонья, Нижнего Поволжья и

¹⁵² Ю. Г. Колосов. Археологические исследования в Степном Крыму в 1952 г. «Изв. Крымского отделения географ. об-ва СССР», вып. 4, 1957, стр. 80.

Северного Кавказа. Характерные для этой стадии треугольные наконечники стрел и дротиков с прямым и выемчатым основаниями встречаются во всех указанных памятниках. Подобные наконечники стрел и дротиков обнаружены в энеолитическом слое Каменной Могилы¹⁵³. Как в Крыму, так и здесь они встречаются только со времени энеолита. В Крыму их никак нельзя относить к неолиту. Наконечники стрел и дротиков имеют треугольную форму. Распространены они от Джебела до Надпорожья и везде относятся к ямно-катакомбному времени. Часто на внутренней и внешней сторонах глиняных сосудов ямной культуры встречаются штрихи и бороздки от заглаживания. Точно такие же бороздки и штрихи видны и на обломках сосудов из слоя Vb Таш-Аир I, из верхнего слоя стоянки Кая-Арасы, слоя эпохи бронзы стоянки у Салгира и из IV слоя Замиль-Коба II. Этот факт также сближает Крым с Украиной. Далее, в слое Vb Таш-Аир I найдено значительное количество кусочков красной краски, что тоже характерно для энеолитического Юга.

В степной и в предгорной частях Крыма (около Симферополя) были обнаружены курганные захоронения ямно-катакомбного времени с типичными катакомбными вещами¹⁵⁴. Кроме того, сейчас известно большое количество курганных захоронений ямно-катакомбного времени в Крыму; многие из них раскопаны в XIX в., а значительное количество раскопано в 1950—1955 гг. На основании анализа обряда захоронения и вещественных материалов, найденных в ранних курганах Крыма, П. Н. Шульц делит эти памятники на два периода — древний и позднейший.

Таким образом, в энеолите и ранней бронзе, что касается памятников Крыма и юго-востока Европейской части СССР, продолжает наблюдаться сходство в кремневом инвентаре, керамике, обряде захоронения и антропологическом типе¹⁵⁵. Это приводит нас

к выводу о культурной, а возможно, и этнической общности, имевшей место также и в предыдущее время.

Накопившийся к настоящему времени вещественный материал из стоянок, поселений и курганов этого времени в Крыму дает право для заключения о господстве производящего хозяйства — животноводства и земледелия. Сейчас считается общепризнанным не только наличие животноводства в ямной культуре, но и достаточно высокая степень его развития.

На основании костных остатков слоя Vb Таш-Аир I можно судить об уменьшении значения свиноводства и ведущей роли крупного рогатого скота в животноводческом хозяйстве местных племен, что подтверждается находками костей быка в курганных захоронениях этого времени¹⁵⁶. Одновременные же находки фигурок быка свидетельствуют о возникновении соответственного культа, распространенного в эпоху ранней бронзы по всему Причерноморью, Кавказу и другим местам. В крымских курганах и на стоянках этого времени находят зерноотерки, терочки и кремневые вкладыши¹⁵⁷ от серпов с двусторонней обработкой, что свидетельствует о существовании земледелия. Интересно отметить, что в это время прежние пластинки-вкладыши заменяются новым типом вкладышей с двусторонней обработкой, появление которых на Кавказе отмечается временем энеолита.

Начиная с эпохи энеолита пещеры перестают быть основными убежищами для человека. В большом количестве появляются поселения открытого типа с наземными сооружениями. Во II тысячелетии до н. э. такие поселения прослеживаются не только в Горном Крыму, но и в степной и восточной

Автор относит черепа этих курганов к одному этническому виду — долихокранному, хорошо представленному в Нижнем Поволжье и в курганах Украины.

¹⁵⁶ П. Н. Шульц и А. Д. Столяр. Курганы эпохи бронзы в долине Салгира. КСИИМК, 71, стр. 60, рис. 15; Отчет археологической комиссии за 1896 год, стр. 152—153.

¹⁵⁷ П. Н. Шульц и А. Д. Столяр. Указ. соч.; Е. В. Веймарн. Об эпизодических охранных археологических работах, произведенных Бахчисарайской историко-археологической станцией Крымского филиала АН СССР в 1952 г. Коллекции из стоянки Кая-Арасы в Бахчисарайском историко-культурном музее.

¹⁵³ Коллекции Института археологии АН УССР, раскопки В. Н. Даниленко.

¹⁵⁴ О. А. Кривцова-Гракова. Генетическая связь ямной и катакомбной культуры. «Труды ГИМ», VIII, 1938, стр. 36.

¹⁵⁵ К. Ф. Соколова. Антропологический материал из кургана эпохи бронзы близ совхоза «Коминтерн». История и археология древнего Крыма. Киев, Изд-во АН УССР, 1956.

частях Крыма. Это поселения катакомбного времени. К нему же, по-видимому, относятся разнообразные памятники искусства, обнаруженные в Каменной Могиле, в Таш-Аир и других местах.

Время энеолита и ранней бронзы Крыма еще не достаточно изучено, материалы из курганов и поселений не систематизированы, и поэтому многие вопросы, касающиеся социально-экономического и культурного облика эпохи энеолита и ранней бронзы, пока еще не могут быть решены.

В стоянке Таш-Аир I прослежены и дальнейшие этапы развития культуры в Крыму. Стратиграфия и вещественные материалы, добытые в IV—I слоях, дают представление о последовательной смене культур в Крыму и для позднего времени. В конце II и начале I тысячелетия до н. э. в Крыму развивается так называемая кизил-кобинская культура, переходящая затем в культуру времени «ка-

менных ящиков» и позднее — в культуру «пещерных городов» Горного Крыма. Проблема кизил-кобинской культуры еще не разрешена, и в связи с этим не решены киммерийский и таврский вопросы. Мнения исследователей Крыма разделились. Одни связывают происхождение кизил-кобинского населения с Кавказом, другие с Днепро-Бугско-Днестровским бассейном, а третьи считают, что кизил-кобинская культура местного происхождения. Правильное решение этого вопроса будет зависеть от дальнейшего исследования кизил-кобинских и таврских памятников Крыма.

Заканчивая на этом периодизацию послепалеолитических культур Крыма, следует сказать, что остается еще много невыясненных и спорных вопросов. Наслоения Таш-Аир I позволили нам лишь наметить смену основных этапов в истории первобытного Крыма.

Глава V

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА СТЕНЕ НАВЕСА ТАШ-АИР I

Пещерная стоянка Таш-Аир I представляет интерес для науки не только своими разновременными культурными наслоениями, но и произведениями первобытного искусства. Еще в 1935 г. при проведении археологических разведок в долине р. Качи нами были открыты древние наскальные изображения на стене навеса Таш-Аир I¹. В последующие годы (1936—1940) они были изучены. Публикуемые зарисовки изображений были сделаны сотрудником экспедиции художником А. А. Крайновым. Неоднократные попытки сфотографировать их, к сожалению, не удались.

Эта неудача объясняется плохой сохранностью наскальных рисунков².

До сих пор нам не удалось полностью опубликовать сведения об этих наскальных изображениях, если не считать отдельных замечаний и упоминаний о них³. Поэтому необхо-

димо дать подробное описание этих интересных памятников.

Наскальные изображения расположены в восточной части навеса Таш-Аир I на высоте около 2 м от современной поверхности площадки, под навесом.

К моменту нашего обследования (1935 г.) рисунки сохранились небольшими кусками. Судя по пятнам краски в различных местах стены навеса, рисунки имели общее протяжение около 10 м в длину и от 1 до 1,5 м в ширину. Таким образом, первоначальная площадь их распространения составляла не менее 15 кв. м. К настоящему времени рисунков осталось очень немного и они продолжают разрушаться⁴. Разрушение изображений началось уже давно. В тавроскифском культурном слое нами были обнаружены куски стены навеса с остатками рисунков, идентичных описываемым. Все рисунки выполнены минеральной красновато-буроватой краской, по-видимому приготовленной на особом жировом составе, благодаря чему она впиталась внутрь стены. Место, где нанесены рисунки, имеет довольно ровную, как бы сглаженную преднамеренно поверхность, покрытую буровато-красным «загаром», образующим корку 0,5—0,7 см толщиной. Расположение фриза с изображениями на значительной высоте от современной поверхности заставляет предполагать

¹ Д. А. Крайнов. Краткий отчет за 1935 год о работах Крымской археологической экспедиции Государственного Исторического музея в Бахчисарайском районе. Архив ЛОИИМК АН СССР.

² На фоне красновато-бурой стены навеса рисунки почти незаметны, несмотря на яркое солнечное освещение. Немудрено поэтому, что многие археологи не обратили на них внимания при археологическом обследовании долины р. Качи (К. С. Мережковский, Т. Ф. Геллах и др.). Рисунки становятся ясными только после смачивания стены водой, а это ведет к быстрому разрушению рисунков.

³ Д. А. Крайнов. Отчет о результатах работы Крымской археологической экспедиции Государственного Исторического музея в 1935—1936 гг. в Бахчисарайском районе. «Археологические исследования в РСФСР. 1934—1936 гг.» М.—Л., Изд-во АН СССР, 1936; его же. Крымская археологическая экспеди-

ция Государственного Исторического музея. Газета «Большевик» от 9 августа 1939 г. Бахчисарай.

⁴ По-видимому, значительная часть рисунков была уничтожена каменоломными работами 1934 г. при проведении дороги. В это время взрывами были испорчены восточная часть стены и угол навеса.

использование особых приспособлений при их нанесении.

К 1935 г. рисунки сохранились в трех местах в количестве около 34 фигур, не считая отдельных точек, линий и осыпавшихся изображений (рис. 15).

хранившегося изображения человеческой фигуры в горизонтальном положении в виде полудуговой линии и двух вертикальных (изогнутых) коротких линий внутри дуги. Длина дуговой линии 10 см, толщина от 1 до 2 см. Красная точка, расположенная выше

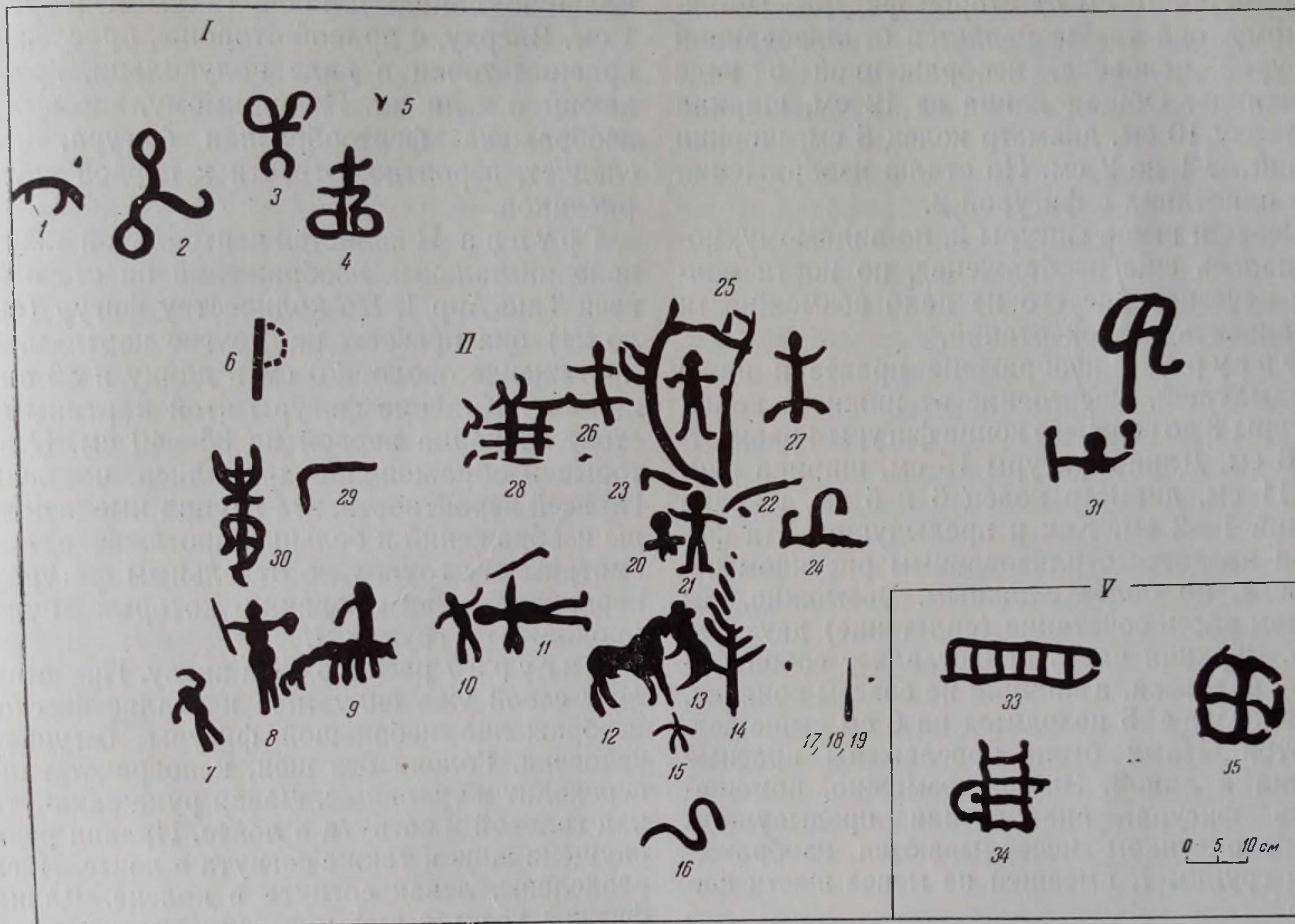

Рис. 15. Общий вид наскальных изображений.

Прежде чем дать интерпретацию рисунков, я остановлюсь на характеристике каждой группы с описанием отдельных фигур, изображенных на них.

Группа I расположена на высоте 2 м вверху левой части всего фриза. Сохранилось пять фигур и несколько красных точек. Судя по отдельным красным пятнам и осыпавшейся в ряде мест корке, эта группа была представлена большим количеством фигур.

Оставшиеся фигуры имеют общее протяжение в длину 60 и в ширину около 30 см. Расположены они одна за другой почти на одной высоте, но в разных положениях.

Фигура 1 представляет собой часть со-

этой фигуры, вероятно, является остатком одной из ее осыпавшихся частей.

Восстановить первоначальный вид рисунка затруднительно, но красные точки около него и осыпавшиеся места, несомненно, указывают на то, что его первоначальный вид был другой.

Фигура 2 находится в 7 см от фигуры 1. Она изображает стилизованную фигуру человека, состоящую из трех изогнутых линий, оканчивающихся закруглениями в виде колец. Длина фигуры от края нижнего кольца до края верхнего 20 см. Наибольший диаметр ее колец 5 см, толщина линий 1—2 см. Возможно, третья (правая) часть фигуры

также оканчивалась в виде кольца, но здесь краска осыпалась.

Около нижней части фигуры были заметны красные пятна и точки плохой сохранности. По всей вероятности, здесь было еще какое-то изображение.

Фигура 3 расположена выше фигур, на расстоянии 16 см от второй фигуры. По-видимому, она также является стилизованной фигурой человека, изображенной в виде «ножниц». Общая длина ее 12 см, ширина по верху 10 см, диаметр колец 5 см, ширина линий от 1 до 2 см. По стилю изображения она однотипна с фигурой 2.

Левее и выше фигуры 3, по-видимому, помещалось еще изображение, но почти полное исчезновение его не дало возможности установить его очертаний.

Фигура 4 изображена правее и ниже предыдущей. Расстояние от нижнего конца фигуры 3 до верхнего конца фигуры 4 равняется 6 см. Длина фигуры 15 см, ширина внизу 11 см, диаметр колец 6 и 5 см, ширина линий 1—2 см. Как и предыдущие, эта фигура является стилизованным рисунком человека, но более сложным. Возможно, мы имеем здесь сочетание (сплетение) двух фигур. Верхняя часть представляет собой фигуру человека, а нижняя не совсем понятна.

Фигура 5 находится на 6 см выше четвертой. Нами были прослежены красные пятна и линии. Здесь, возможно, помещалась фигура, аналогичная предыдущим. Этим рисунком исчерпываются изображения группы I, имевшей не менее шести фигур.

Изображения I группы являются в общей композиции всех наскальных изображений как бы отдельной «картиной», рисунки которой объединены общностью стиля и формы.

На 35—40 см ниже до центральной большой группы идет пустое пространство, не заполненное рисунками. Возможно, что и здесь имелись такие же рисунки, но они не сохранились. За это предположение говорят следующие факты: 1) следы осыпания и разрушения стены навеса в этом месте, 2) остатки изображения между группой I и группой II, обнаруженного нами только в 1940 г., и, наконец, 3) наличие стилизованных изображений во второй картине, которые по исполнению скорее связываются с первой картиной.

В 1940 г. было обнаружено еще одно изображение между I и II группами. Остатки этого изображения не были нанесены в 1936 г. на общую схему. Из-за сильной стертости и неясности нам удалось проследить только часть его.

Фигура 6 представляет собой вертикальную линию длиной 12 см и шириной 1 см. Вверху, с правой стороны, прослежены красные точки в виде полукольца, примыкающего к линии. По-видимому, здесь была изображена фертообразная фигура, и ее следует, вероятно, отнести к первой группе рисунков.

Группа II является центральной «картиной» наскальных изображений на стене навеса Таш-Аир I. По количеству фигур (около 24) она превосходит другие картины. Ее протяжение около 170 см в длину и 86 см в ширину. Крайние фигуры этой картины отстоят от конца первой на 35—40 см. Некоторые изображения сохранились частично. По всей вероятности, эта группа имела больше изображений и большее протяжение. Рассмотрим эту группу по отдельным фигурам, порядковое наименование которых будет продолжать группу I.

Фигура 7 расположена внизу. Представляет собой уже силуэтное и реалистическое изображение небольшой фигуры бегущего человека. Голова без шеи, непосредственно переходит в туловище. Левая рука закинута над головой и согнута в локте. Правая рука опущена вниз и также согнута в локте. Ноги разделены, левая согнута в колене. Длина фигуры 11 см, а вместе с приподнятой рукой 13 см. Ширина 2 см, толщина ног 1,3 см, рук 1 см. В рисунке чувствуется пропорциональность отдельных частей тела, передано движение бегущего человека с приподнятой как бы для защиты рукой. По стилю и реалистичности изображения этот рисунок отличается от рисунков предыдущей группы.

Фигура 8 находится вправо на 9 см от предыдущей и представляет собой изображение человека гораздо больших размеров, идущего в том же направлении, что и в фигуре 7. На голове, по-видимому, конический головной убор. Шея ярко выражена. Руки вытянуты параллельно плечам. В левой руке круглый щит, в правой копье. Туловище несколько напоминает женскую фигуру. Ноги внизу расставлены. Длина фигуры 18 см, наибольшая ширина туловища 4 см, размах

рук 10 см. Диаметр щита 3 см. Длина копья 9 см. Создается впечатление, что изображенный здесь человек преследует бегущего впереди (фигура 7) и связан с ним общей композицией.

Фигура 9 почти вплотную примыкает к фигуре 8. Она является сочетанием двух фигур: животного и человека, сидящего на нем⁵.

Продолговатое туловище животного имело длинную шею и четыре ноги⁶. Длина сохранившейся части туловища животного вместе с шеей равняется 18 см, ширина туловища около 3 см. Длина ног 4 см, толщина 1—1,5 см. На животном изображен человек, сидящий верхом. Он напоминает по манере изображения фигуру 7, здесь также голова не отделяется шеей от туловища. Ноги свешиваются по разным сторонам туловища животного. Левая рука к моменту фиксации уже не сохранилась. Длина фигуры человека 16 см, длина ног 3—4 см, длина руки 5 см. Наибольшая ширина туловища 3 см.

Фигура 10 почти примыкает к фигуре всадника. Она представляет собой рисунок человека, подобный фигуре № 7 и по стилю и по форме изображения. Человек представлен в движении, его туловище наклонено вперед. Голова также не отделяется шеей от туловища. Левая рука поднята вверх, правая вытянута вперед и слегка согнута в локте. Ноги расставлены и находятся в состоянии движения. Длина фигуры от края головы до конца ног 12 см. Наибольшая ширина туловища 2 см, толщина ног 1 см, а рук 0,7 см. Длина туловища и головы 8 см, длина ног 4 см. Размах рук 10 см. Длина правой руки 3 см, а левой 5 см. Подобное же соотношение и в фигуре 7.

Фигура 11 нарисована рядом с фигурой 12. Она изображает человека в горизонтальном положении, лежащего на животе лицом к земле, о чем можно судить по оружию. В правой руке копье, а в левой круглый щит. Голова и шея выражены хорошо. Общая длина фигуры 18,5 см. Длина туловища и головы 12 см, а ног 6,5 см. Наибольшая тол-

⁵ В 1935 г. фигуры человека и животного были лучшей сохранности. Отдельные части изображений животного и человека осыпались к 1936 г. и не нашли отражение в публикуемом рисунке, но в черновых рисунках 1935 г. они нанесены и описаны.

⁶ Две ноги осыпались в 1936 г.

щина туловища 3 см. Толщина рук и ног около 1 см. Длина копья 10 см. Диаметр щита 3 см.

Фигура однотипна с фигурой 8. Как та, так и другая изображают, по-видимому, людей одной группы.

Люди на фигурах 7, 8, 9, 10, 11 составляют по композиции как бы одну подгруппу, связанную между собой определенным действием. Далее с этой подгруппой увязываются и последующие изображения центральной картины.

К описанной подгруппе примыкают справа (по горизонтали) изображения, увязанные с предыдущими. Эта подгруппа состоит из четырех рисунков.

Фигура 12 обозначает лошадь (жеребца). Высота изображения впереди, от головы до конца передних ног, 15 см, сзади 12 см. Толщина туловища от 4 до 6 см. Длина ног 6 см, а толщина их 1 см. Поза дает представление об упирающейся, вырывающейся лошади. С фигурой животного тесно связано и следующее за ней изображение.

Фигура 13 представляет собой, по-видимому, человека, прыгающего с дерева на лошадь. Фигура не совсем ясно выражена, и ее можно принять как за человека, так и за животное, но все же мы склоняемся к трактовке этой фигуры как человеческого изображения. Длина фигуры около 15 см, толщина туловища 3—4 см. С этой фигурой неразрывно связана и следующая.

Фигура 14 представляет собой изображение дерева, осыпавшееся с правой стороны. Длина оставшейся части дерева 27 см. Толщина ствола 1—2 см и ветвей 0,4—1 см.

Все три изображения (12, 13, 14) тесно связаны автором рисунка в одну композицию. Человек садится на лошадь с дерева. Возможно, здесь изображена сцена бегства. С указанными тремя изображениями увязывается и фигура, нарисованная ниже лошади.

Фигура 15, вероятно, представляет собой фигурку человека, однотипную фигурам 7 и 10, но меньших размеров. Раскинутые руки и широко расставленные ноги дают представление о бегущем человеке. Длина фигуры 7 см. Размах рук 6 см, толщина рук и ног от 0,4 до 0,9 см.

Фигура 16 расположена ниже рисунка 14 на 9 см. По виду напоминает изображение змеи. Длина рисунка от крайних точек

по перпендикуляру 14 см. Толщина линий от 0,5 до 1,5 см.

Правее изображения дерева было, по видимому, нарисовано несколько фигур, но, к сожалению, они не сохранились. От них остались красные точки, линии и красноватая известковая корка.

Фигуры 17, 18, 19 представляют собой две красные точки и вертикальную линию. Судя по вертикальной линии, можно предполагать, что здесь были изображены еще деревья.

С описанной выше группой людей, вероятно, увязана и верхняя часть картины, изображающая людей и какие-то предметы. Она состоит из десяти фигур, связанных между собой по композиции.

Фигура 20 изображает человека, к сожалению, сильно осыпалась. Сохранившийся кусок дает рисунок верхней части туловища человека в наклонном положении. Округлая голова с хорошо выраженной шеей и раскинутые руки напоминают по стилю изображение верхней части фигуры 11. Возможно, наклонное положение указывает на сраженного человека. Длина оставшейся части фигуры 7 см, диаметр головы 3 см, толщина туловища 3 см, толщина рук 1 см. Соотношение толщины туловища, рук, диаметра головы и общность начертаний дает право объединить эту фигуру с изображениями 8 и 11.

Фигура 21 является изображением стоящего человека с расставленными ногами и раскинутыми руками. Манера изображения головы, шеи и ног такая же, как и у фигуры 11. Возможно, что правая рука не вытянута, а согнута, и ее продолжением является линия справа от руки (фигура 22), представляющая собой часть руки и, вероятно, копь. Длина фигуры от головы до конца ног 13 см. Диаметр головы около 3 см, толщина туловища 2 см, толщина рук и ног около 1 см.

Фигура 22 могла быть продолжением руки фигуры 21, скорее всего — копьем. Длина линии 14 см, ширина 1 см.

Фигура 23, изображенная над головой человека (фигура 21), представляет собой топоробразное орудие, нарисованное в горизонтальном положении. Возможно, и этот рисунок связан с фигурой человека (21), метнувшего топор. Длина фигуры 8 см, толщина 1,1 см.

Фигура 24 примыкает к описываемой

группе. Находится справа от человеческой фигуры (21) на расстоянии 13 см и на том же уровне. Возможно, что этот рисунок надо трактовать как фигуру человека, большая часть которой осыпалась. Длина оставшейся части по горизонтали 14 см, по вертикали — 9 см, толщина от 0,6 до 1,5 см.

Выше идет группа фигур, составляющих с описанными (19, 20, 21, 22, 23) единую композицию.

Фигура 25 состоит из двух изображений: человека и какого-то сооружения. Человек находится в центре сооружения. Длина его 15 см. Длина головы и туловища 9 см, ног 6 см, ширина головы 3 см, толщина туловища 3 см, а ног и рук — от 0,8 до 1 см. Человек изображен стоя с раскинутыми руками и расставленными ногами. На голове человека какой-то убор с острым верхом, подобный головному убору фигуры 8. Ноги изображены одинаково с фигурами 11 и 21. Человеческая фигура окружена каким-то сложным сооружением подчетыреугольной продолговатой формы, левая сторона которого несколько скошена.

Это сооружение можно трактовать как «крепость», укрепленное убежище. Оно состоит из следующих частей:

1) из верхней линии (стены), идущей горизонтально с двумя квадратами по углам. Левая часть квадрата частично осыпалась. Длина линии 15 см, толщина 1—1,2 см. Ширина квадратов 4,5 см;

2) из двух вертикальных линий («стен»), идущих вниз от краев верхней линии. Длина их около 20 см, а толщина от 1 до 2 см. Левая линия несколько выгнута, внизу переходит в четвертую линию. На удлиненных боковых линиях имеются аналогичные «пристройки», как на верхней. На левой стороне она сохранилась, а на правой ее удалось проследить при последующем изучении — в виде отдельных линий и пятен;

3) из нижней линии, параллельной верхней, длиной 7 см и толщиной 1,5 см.

Между этой линией и правой вертикальной имеется пустое пространство около 1,5 см, изображающее как бы выход из укрепленного убежища.

Изображение описанного рисунка можно трактовать как укрепленное убежище — осажденную крепость, внутри которой отсиживаются люди, тем более что по бокам около «боковых ворот» или «башен» изображе-

ны осаждающие крепость люди. Но возможна и иная трактовка⁷.

Фигура 26 расположена вверху левой стороны сооружения. Изображает бегущего человека, нарисованного схематично. Ноги и руки фигуры написаны перпендикулярно туловищу. Длина фигуры 14 см. Размах рук 8 см, а ног 10 см. Толщина туловища, ног и рук от 1 до 1,3 см.

Фигура 27, подобная во всех деталях фигуре 26, изображена у противоположной линии сооружения. Представляет собой также фигуру бегущего человека. Длина 14 см. Размах рук 8 см, а ног 10 см. Толщина от 1,2 до 1,5 см.

Фигура 28 находится влево от фигуры 26, примыкая верхней частью к краю ноги изображения 26. Фигура представляет собой скопление каких-то перекрещивающихся линий, местами совершенно стертых. Вокруг перекрещивающихся линий много красных точек, возможно, самостоятельных изображений, а может быть, и остатков от стертых линий и фигур. Площадь этих линий — 15 × 13 см.

Фигура 29 расположена в 15 см влево от предыдущего рисунка. Напоминает мотыгу. Изображение состоит из двух линий: верхней, удлиненной, горизонтальной и небольшой вертикальной, спускающейся с левого конца верхней линии. Длина верхней 12 см, нижней 6 см, толщина 1—1,2 см.

Фигура 30 представляет собой сложный рисунок, расположенный над фигурой 8 и левее фигуры 29. Возможно, что фигура является соединением нескольких человеческих фигурок друг на друге. Верх без полукруга напоминает верх четвертой фигуры и фигур 26 и 27. Расшифровать всю фигуру очень трудно. Она по своей схематичности скорее относится к первой картине. Подобные изображения встречаются в Западной Европе и трактуются там как изображения человека. Общая длина 22 см. Толщина линий около 1 см.

Фигура 31 находится в 52 см от нижней части сооружения (фигура 25) вправо. Это изображение стоит как бы на отлете. Полуметровое пустое пространство отделяет его от основной картины. Оно состоит как бы из двух фигур: внизу фигуры человека, вверху — какого-то непонятного знака.

⁷ Может быть, здесь изображена сцена погребения убитого воина.

Нижняя часть фигуры является изображением человека, туловище и ноги которого осыпались, так как здесь заметны кругом следы осыпей и обивки. Оставшаяся часть представляет собой фигуру, подобную изображенным на фигурах 8 и 11, — в вертикальном положении. В правой, вытянутой руке — копье, а в левой — щит круглый. Левая рука согнута в локте и поднята с круглым щитом вверх. Манера изображения та же, что и у других однотипных рисунков. Следует отметить, что у всех трех фигур длина копий одинакова. Диаметр головы 3 см, ширина гуди 4 см.

Верхняя часть расположена в 1 см над щитом. Представляет собой фертообразную фигуру с отростком. Длина ее 19 см. Наибольшая ширина изображения 11 см. Толщина линий от 1 до 2 см.

Вероятно, фигура человека с фертообразным знаком над головой изображена отдельно с какой-то целью. Возможно, между ней и сооружением (фигура 25) не было пустого пространства, а оно было заполнено такими же фигурами, осыпавшимися при разрушении корки скалы. Описанной фигурой оканчивается II группа изображений. Далее картина, к сожалению, прерывается. По-видимому, она продолжалась, но осыпалась. Видны лишь красные пятна и точки.

Через 1,5 м на той же высоте нами были замечены остатки картины III.

Группа III. Здесь, через 1,5 м, опять прослеживается красновато-буроватая корка; на ней сохранилось несколько пятен и неясных линий. В публикуемом нами рисунке эта группа опущена.

Группа IV находится в 2 м правее предыдущей. Здесь также остались лишь остатки корки с красными пятнами и следами всего одной фигуры.

Фигура 32 представляет собой остаток круга, а возможно, и более сложной фигуры. Сохранившаяся часть имеет форму полукруга. Толщина линии полукруга 1—1,5 см, диаметр 10 см. Как и группа III, IV группа на нашем рисунке не нанесена.

Группа V начинается непосредственно за группой IV, в 0,5 м от нее. От этой картины сохранилось всего три фигуры. По-видимому, их было много, но они осыпались или стерлись от времени.

Фигура 33 дает изображение предмета, похожего на лестницу с шестью переклади-

нами. Длинные боковые линии в правом конце соединяются в виде полукруга. Длина всей фигуры 25 см, наибольшая ширина 7 см, толщина линий от 1 до 1,5 см.

Фигура 34 расположена ниже предыдущей на 9 см. В своей средней части она напоминает лестницу, поставленную в вертикальном положении. Изображение имеет две длинные вертикальные параллельные линии длиной 15 см; четыре короткие горизонтальные линии длиной 7 см; одна из линий (вторая сверху) выходит за пределы боковых линий, ее длина 10 см. С левой стороны к трем поперечным линиям подрисован полукруг с точкой в середине. Диаметр полукруга 5 см. Длина всей фигуры 17 см, ширина 8 см, а вместе с полукругом 14 см. Толщина линий 1—2 см. Низ фигуры осыпался.

Фигура 35 представляет собой круг с двумя перекрещивающимися линиями внутри его. Диаметр около 15 см. Толщина линий от 1 до 3 см. Изображением круга заканчиваются наскальные рисунки навеса Таш-Аир I. Возможно, что они тянулись и дальше, но восточный угол навеса разрушен взрывными работами.

Таким образом, от некогда большого фриза рисунков сохранились только три группы.

Мы подробно разобрали и описали каждую фигуру в отдельности, для того чтобы легче было понять всю картину в целом. В разобранных нами наскальных изображениях имеется несколько отдельных, по-видимому одновременных, групп рисунков, объединенных одним стилем, композицией и содержанием. Таких групп рисунков к нашему времени сохранилось три. Все они в свою очередь составляют единое целое и имеют одну направленность и цель. Прежде чем решать вопрос о датировке таш-аирских изображений, мы попытаемся установить содержание и назначение их.

Как указано выше, каждая группа отличается не только количеством фигур, но также и разным характером изображений, различающихся по начертанию, стилю, композиции и содержанию.

Группа I, от которой сохранилось только шесть рисунков (1—6), значительно отличается от группы II. Вполне возможно, что к ней следует отнести фигуры 28, 29, 30, так как по стилю они более подходят к группе I, чем к группе II. Расположение однотипных фигур в одном месте и в разных положениях

заставляет сделать вывод о какой-то соподчиненности. Без сравнительного материала трудно понять назначение этих фигур, а следовательно, и установить их время. На первый взгляд, эти фигуры напоминают родовые знаки, «тамги» или «тавро», подобные изображениям на камне из Кривого Рога⁸, знакам из керченских склепов⁹, рисункам на Ольвийском Льве¹⁰ и так называемым «загадочным знакам» Северного Причерноморья¹¹, но это только кажется при поверхностном сравнении. На самом же деле упомянутые знаки ничего общего не имеют с наскальными изображениями Таш-Аир I. Во-первых, все эти знаки вырезаны на камнях и скалах, а не нарисованы краской, как это имеет место в Таш-Аире I. Во-вторых, несмотря на некоторое сходство, они отличаются по начертанию от таш-аирских, и, наконец, их очень поздняя датировка вряд ли соответствует дате наскальных изображений Таш-Аир I. Возможно, таш-аирские рисунки группы I являются древнейшим прообразом «загадочных знаков» Северного Причерноморья.

Фигура 2 из Таш-Аир I несколько напоминает гальштатские изображения из Силезии, относимые Г. Швантесом к эпохе поздней бронзы (800—500 лет до н. э.)¹² и трактуемые им как свастика; но наше изображение вряд ли можно так интерпретировать.

По всей вероятности, все таш-аирские изображения этой картины в виде «ножниц» и фертообразных фигур следует рассматривать как стилизованные (схематические) рисунки людей. Подобные изображения встречаются в Западной Европе, особенно в Испании, Франции и Италии, и относятся исследователями к эпохам неолита, энеолита и бронзы. Они, так же как и таш-аирские, нарисованы на стенах пещер и навесов красной краской. Эти фигуры всеми исследователями рассматриваются как схематические

⁸ Э. И. Соломоник. О таврении скота в Северном Причерноморье. «История и археология Древнего Крыма». Киев, 1957, стр. 217, рис. 5.

⁹ М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. ИАК, т. LXXXIII, 1913.

¹⁰ В. В. Латышев. Загадочные Ольвийские надписи, т. XV, 1889.

¹¹ Е. М. Штаерман. О «загадочных знаках» Северного Причерноморья. ВДИ, 1950, № 1; И. И. Мещанинов. Загадочные знаки Причерноморья. ИГАИМК, 62, Л., 1933.

¹² Gustav Schwantes. Deutschland Urgeschichte. Stuttgart, 1952, S. 258, рис. 176.

изображения людей¹³. Г. Обермайер на основании изучения испанской наскальной живописи проследил эволюцию в изображении человеческих фигур от натуралистического искусства к геометрическому и тем самым убедительно показал, что рисунки, подобные таш-аирским, следует считать схематическим, упрощенным изображением людей¹⁴. Надо отметить, что в испанской наскальной живописи наряду с геометризованными фигурами людей есть и рисунки животных, изображенных более или менее реалистично. Отсюда невольно возникает вопрос, почему человек, так хорошо рисовавший животных, не мог делать реалистических изображений людей ни в скульптуре, ни в живописи, а изображал людей крайне примитивно и схематично? По всей вероятности, это можно объяснить только сложными магическими обрядами первобытного человека, который боялся изображать реальные фигуры людей из-за «колдовства».

Рассматривая группу I таш-аирских рисунков как схематические, упрощенные зарисовки людей, мы должны отметить некоторую динамичность изображений. Все они нарисованы в разных положениях и как бы в действии и, по-видимому, связаны один с другим. Но не исключена возможность и иной трактовки этих фигур.

Группа II изображений представляется ясной по содержанию. В ней наряду со схематическими, мало понятными изображениями, как, например, фигура 30, имеются фигуры людей и животных, отличающиеся от рисунков группы I. Эти фигуры людей приближаются к реалистической живописи.

Почти все 24 фигуры указанной группы, за исключением нескольких схематических фигур, объединены одним сюжетным содержанием. По-видимому, древний обитатель Качинской долины отобразил в этой картине какое-то событие военного характера, происшедшее в его жизни. Этот вывод подтверждается наличием в картине изображений вооруженных людей, безоружных и убитых. По начертанию и стилю можно выделить две враждебные друг другу группы

людей: 1) фигуры людей, вооруженных копьями и щитами (8, 11, 13, 20, 21, 25, 31), и 2) фигуры людей безоружных (7, 9, 10, 15, 26, 27). По начертанию и соотношению пропорций тела они различны. Вся группу II можно разбить на несколько подгрупп: 1) фигуры 7, 8, 9; 2) 10—11; 3) фигуры 12, 13, 14, 15, 16; 4) фигуры 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27; 5) фигуры 28, 29, 30 и 6) фигура 31.

Каждая подгруппа связана внутри определенным сюжетным содержанием и композицией, и в то же время все они составляют единую картину какого-то события.

Первые три подгруппы имеют по одной однотипной фигуре бегущего невооруженного человека. Первая подгруппа дает картину нападения людей, вооруженных копьями и щитами, вторая — поражения врагов.

Можно считать изображение человека в горизонтальном положении фигурой убитого врага, тем более что он лежит вниз лицом; третья подгруппа изображает бегство врага на лошади. Изображение змеи в третьей подгруппе надо, по-видимому, отнести к эмблеме безоружных людей. Змея может быть изображена здесь как покровительница указанной группы людей. Культ змеи был широко распространен в Крыму и в Причерноморье в эпоху бронзы и позднее, в киммерийское время. На сосудах крымской кизилкобинской культуры встречаются изображения змей¹⁵. Прослеживаются они и на территории Кавказа в эпоху бронзы и в более позднее время¹⁶. Есть изображения змеи и на сосуде срубной культуры из кургана близ с. Полянки, быв. Казанской губ.¹⁷ В петроглифах Карелии также встречаются изображения змей. Змеи имели культовое значение у многих народов древности.

Сложнее обстоит дело с трактовкой четвертой подгруппы. Нам представляется наиболее вероятным, что здесь изображена картина осады какого-то укрепленного сооружения. Внутри его и внизу изображены фигуры (20, 21, 25), относящиеся, по нашему мнению, к группе людей со щитами и копьями. Что касается двух боковых фигур (26, 27), то их надо присоединить к группе безоружных лю-

¹³ José Camp Aznar. Las artes y las pueblos de la España primitiva. Madrid, 1954, стр. 433—435, рис. 437—438, 449; Herbert Kühn. Die Felsbilder Euroras, стр. 113, рис. 83; стр. 120, рис. 96.

¹⁴ Г. Обермайер. Доисторический человек, стр. 505, рис. 259.

¹⁵ На обломке сосуда, хранящегося в Симферопольском музее, есть несколько изображений змей.

¹⁶ П. С. Уварова. Материалы по археологии Кавказа, т. VIII, М., 1900, стр. 18, 19, рис. 15, 16 и др.

¹⁷ А. А. Формозов. Материалы к изучению искусства эпохи бронзы юга СССР. СА, 1958, № 2, стр. 140, рис. 2.

дей, хотя по стилю они несколько и отличаются от фигур 7 и 10. Подобные изображения людей встречаются в испанской наскальной живописи, относимой к азильскому времени¹⁸ и ко времени энеолита¹⁹. Судя по расположению рук и ног, обе таш-аирские фигуры изображены бегущими.

С общей картиной битвы и осады увязывается и фигура 31, отнесенная нами к шестой подгруппе. Возможно, что здесь в отдалении изображен вождь, вооруженный копьем и круглым щитом, а фертообразная фигура над ним является особым родовым знаком вождя. Подобные фертообразные фигуры встречаются на менгирах культуры бронзового века во Франции в районе Сены — Уазы — Марны²⁰. Такие знаки трактуются как знаки вождей, а позднее появляются несколько иные знаки, в которых усматриваются имена вождей²¹. Что касается изображений пятой подгруппы второй картины (фигуры 28, 29, 30), то они стоят несколько особняком. По стилю и схематизации они не увязываются с общей картиной битвы, и, казалось бы, их нужно отнести к первой картине но, возможно, что это и не так. Трактовка фигуры 28 затруднена плохой сохранностью изображения. Судя по перекрещивающимся линиям и точкам вокруг них, можно предполагать, что здесь художник хотел изобразить какое-то хозяйственное помещение. Наскальные изображения в виде перекрещивающихся линий встречаются в Средней Азии²², в петроглифах Каменной Могилы²³, в Альпах²⁴, во Франции, Италии, Испании и других местах. Многие из них совсем не расшифрованы, а некоторые рассматриваются как загон для скота. Возможно, и таш-аирский рисунок надо понимать как хозяйственное сооружение.

Фигуру 29 и сходную с ней 23 можно рассматривать как изображения метательных топоровидных орудий. Изображения топоров

¹⁸ Moritz Hoernes. *Urgeschichte der Bildenden Künste in Europa*. 1925, стр. 684, рис. 2c и 3b.

¹⁹ José Comon Aznar. Указ. соч., стр. 430, рис. 427.

²⁰ Г. Чайлд. *У истоков европейской цивилизации*. М., 1952, стр. 409, рис. 141a.

²¹ И. И. Мещанинов. *Загадочные знаки Причерноморья*.

²² А. Рогинская. *Зараут-Сай*. Детгиз, 1950, стр. 18, рис. 13.

²³ О. Н. Бадер. *Древние изображения на потолках гротов в Приазовье*. МИА, 1941, стр. 132, рис. 7.

²⁴ Aliban-Voigt. *Vorgeschichtliche. Inschriften in den See-Alpen*. Журнал «Космос», 1914.

имеются на каменной стеле, хранящейся в Симферопольском музее. Стела, по-видимому, правильно датируется А. А. Формозовым катакомбным временем²⁵.

Правильная интерпретация фигуры 30 затрудняется сложностью изображения. Возможно, что это родовой знак воина со щитом и копьем, изображенного ниже, а возможно, что и схематизированная человеческая фигура. Подобные фигуры, сходные по начертанию и размерам, встречаются в наскальной живописи Франции²⁶ и Испании²⁷. Они трактуются как стилизованные изображения людей. Датируются эти рисунки временем энеолита.

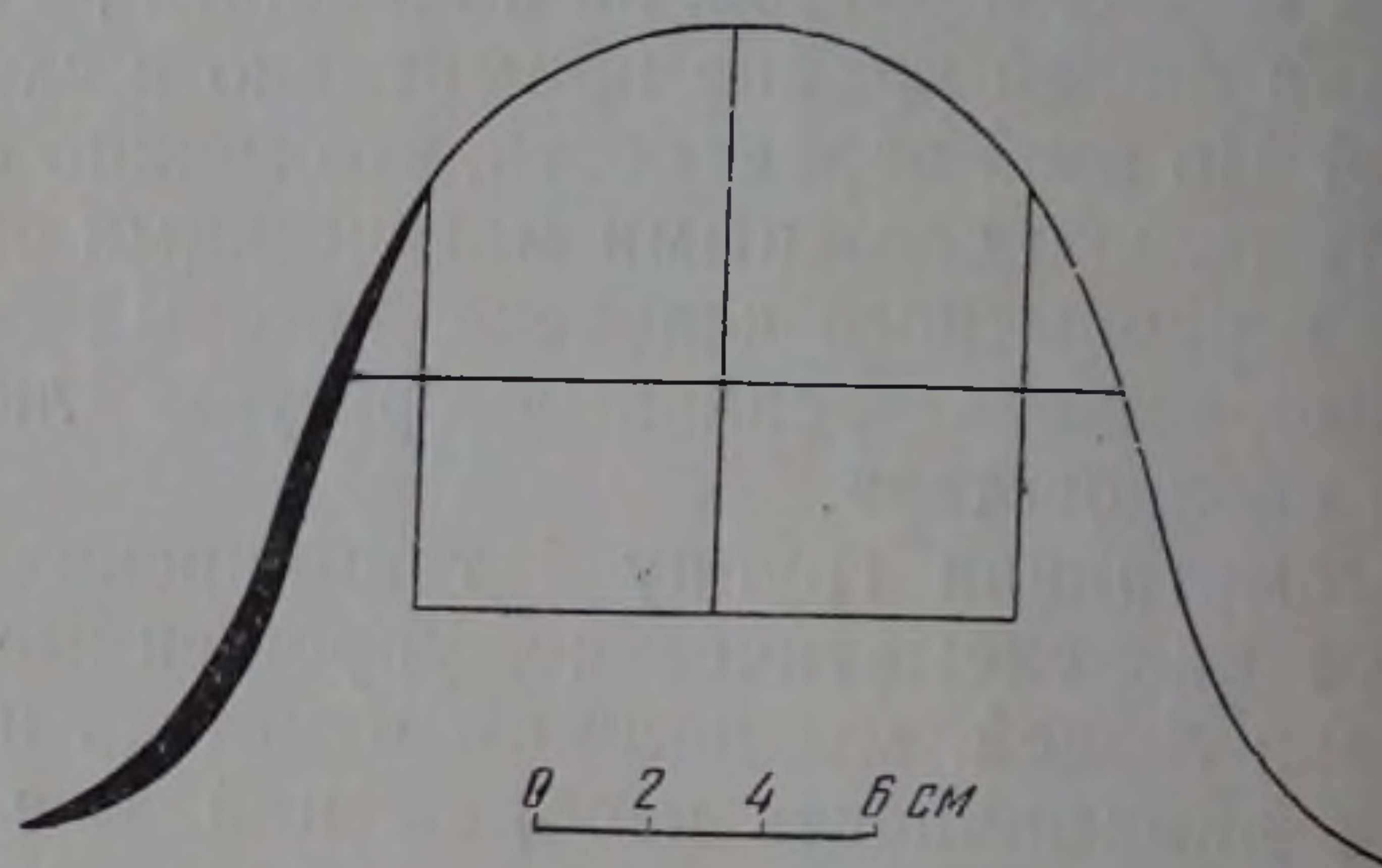

Рис. 16. «Черепохообразная» фигура на стене пещеры балки Кендере.

Перечисленными фигурами заканчивается группа II рисунков. К сожалению, III и почти вся IV группы рисунков погибли, сохранились лишь отдельные пятна и точки. Видимо, здесь продолжалось описание событий, изображенных на картине II.

Группу V и одну фигуру четвертой можно объединить в одну группу изображений (фигуры 32, 33, 34, 35). Расшифровку этих рисунков может дать только сравнительный материал.

В Крыму в двух местах встречены рисунки, напоминающие таш-аирские. Первый из них обнаружен нами в пещере балки Кендере под Бахчисараем. Здесь у входа в пещеру на скалистой стене вырезана черепохообразная фигура. Верхняя часть ее представляет дугую линию с загнутыми краями, а внутри ее вписан прямоугольник с двумя перекрещивающимися линиями (рис. 16). Общая дли-

²⁵ А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 138—139, рис. 1.

²⁶ José Comon Aznar. Указ. соч., стр. 480.

²⁷ Joan Christian Spanniet. *Manuel Garcia Saucher Bulletin de la Societe prehistorique française*. Avie, 1958, стр. 84, фиг. 6 и 7.

на рисунка — 25 см, высота — 15 см. Верхнюю дуговую линию можно, вероятно, считать изображением пещеры, а прямоугольник и линии внутри — загородкой для скота. Датировать этот рисунок трудно, так как в пещере не обнаружено культурных наслоений²⁸.

узкой части 0,6—0,8 см и широкой 0,5—0,9 см (рис. 17).

Рисунки прочерчены острым инструментом на двух широких сторонах и на одной узкой. На одной широкой стороне изображена сложная композиция, состоящая из трех резных фигур животных: самца, самки и детеныша.

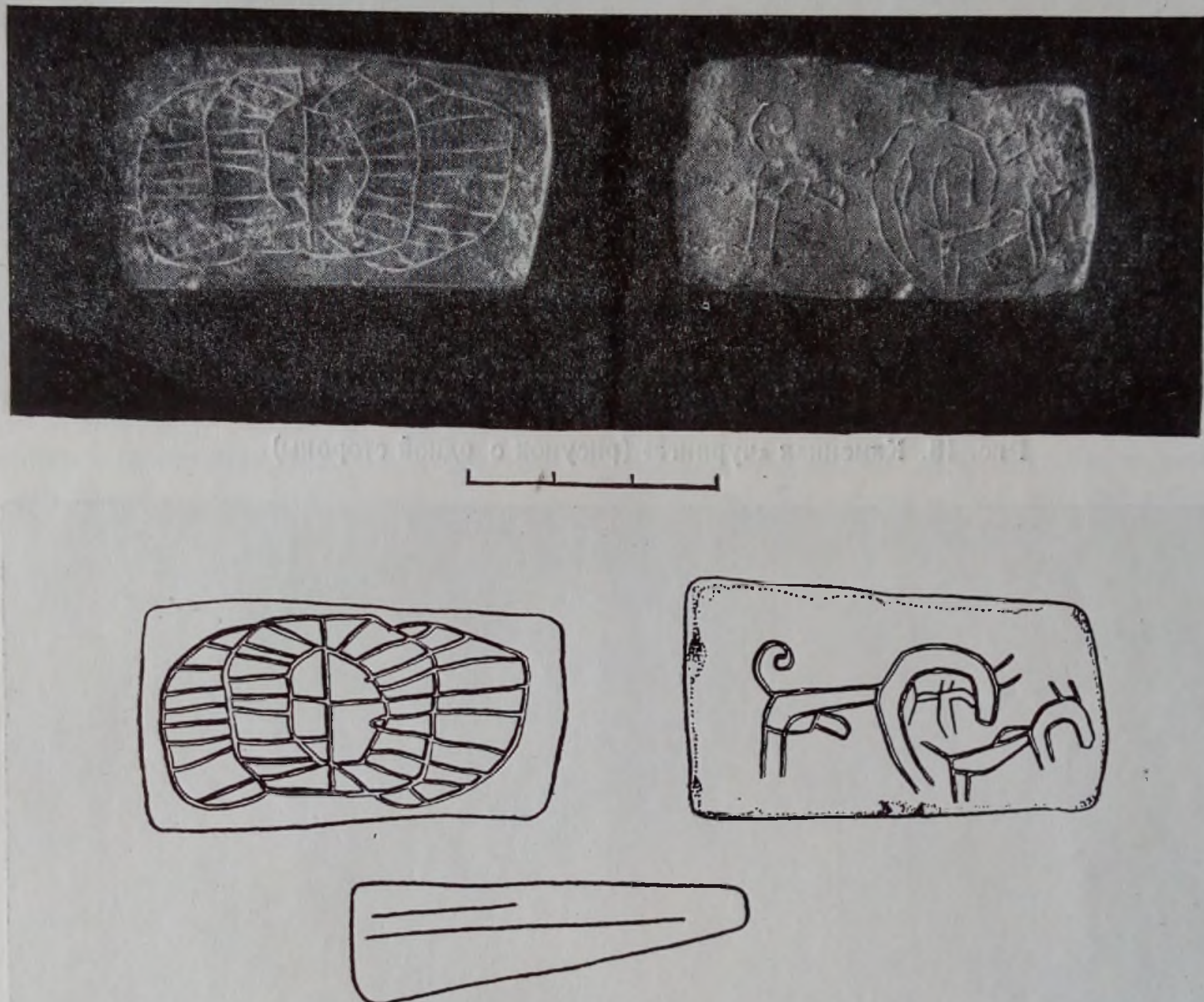

Рис. 17. Каменная «чуринага» (вид с обеих сторон).

Пожалуй, наибольший интерес для решения нашего вопроса имеет так называемая чуринага, найденная недалеко от навеса Таш-Аир²⁹. Она представляет собой небольшой тщательно отесанный плитчатый камень длиной 4,3 см, шириной 2,2—2,4 см и толщиной

По-видимому, этот рисунок представляет сцену оплодотворения и размножения животных, изображенную первобытным художником с магической целью (рис. 19).

На другой широкой стороне прочерчены два прямоугольника неправильной формы, вписанные один в другой, и в центре овальный круг с перекрещивающимися линиями. Оба прямоугольника прочерчены линиями (рис. 18). На боковых сторонах также видны прочерченные линии. Нам представляется, что здесь изображен загон для скота. Подобные загоны из перекрещивающихся линий и сексуальные сцены оплодотворения животных имеются, с нашей точки зрения, в

²⁸ В балке Кендере имеется несколько пещер. В одной из них обнаружен культурный слой кизилкобинского времени. В эти пещеры до сих пор загоняют скот в обеденное время.

²⁹ Эта чуринага была передана экспедиции Государственного Исторического музея в 1939 г. рабочим совхоза «Коминтерн». По его словам, он нашел ее в 1938 г. при копке ямы под Тепе-Кеременом близ дер. Кудрино (б. Шуры).

Рис. 18. Каменная «чуринга» (рисунок с одной стороны).

Рис. 19. Каменная «чуринга» (рисунок с обратной стороны).

изображениях Каменной Могилы³⁰. Вероятно, нашу чурингу, так же как и балин-кошскую³¹ и петроглифы Каменной Могилы, надо датировать одним временем — ямно-катакомбным.

³⁰ О. Н. Бадер. Древние изображения на потолках гротов в Приазовье. МИА, 2, 1941, стр. 132, рис. 7, стр. 134, рис. 11; его же. Петроглифы Кам'яної Могили. Палеоліт і Неоліт України. Київ. Інст. Арх. АН УРСР, 1941, стр. 320, рис. 2, стр. 322, рис. 1—2.

³¹ О. Н. Бадер. Древние изображения..., стр. 238, рис. 19.

Весьма возможно, что и таш-аирские изображения V группы (фигуры 33, 34) надо трактовать как загоны для скота. Совершенно однотипны фигурам 33 и 34 наскальные изображения Альп. Датируются они эпохой бронзы и трактуются их исследователями как загоны для скота, дворы, усадьбы и пр. Точки внутри и вообще точки между линиями рассматриваются как изображения скота³².

³² Aliaban-Voigt. Vorgeschichtliche Inschriften in den See-Alpen. Журнал «Космос», 1914.

Упомянутые выше рисунки Каменной Могилы в виде перекрещивающихся лестницеобразных фигур и ямок (точек) около них подтверждают эту точку зрения.

Возможна и другая трактовка таш-аирских фигур V группы — как лестниц (фигура 33), повозок (фигура 34) и колес (фигура 35). Кларк приводит рисунки из наскальных изображений Испании, датируемых временем халколита, в виде лестниц с двумя кругами по бокам и рассматривает их как повозки³³. Наскальные изображения повозок в виде лестниц с двумя кругами и перекрестиями были обнаружены в Азербайджане³⁴. Таш-аирскую фигуру 35 в виде круга с крестом внутри, по-видимому, можно считать изображением колеса или символом повозки, а возможно, что эта фигура относится к фигуре 33, и их вместе надо трактовать, как одно изображение — повозку. Обычно подобные фигуры относятся исследователями к так называемым солярным изображениям.

Изображения кругов с крестом внутри встречаются в орнаментике сосудов срубной культуры, в наскальной живописи Саймалы-Таш в Средней Азии³⁵, в Скандинавии³⁶ и других местах. Все они датируются эпохой бронзы, а в это время повозки были широко распространены и на нашем юге и в Западной Европе (А. И. Тереножкин).

Рассмотрев каждую группу в отдельности, мы можем сделать вывод, что таш-аирская наскальная живопись в целом представляет собой своеобразную пиктограмму — запись событий, происшедших в Качинской долине в глубокой древности. Здесь мы имеем как бы зачатки письменности, где при помощи рисунков и их сочетаний передается определенное содержание. Подобные пиктограммы, появившись в мезолите и развиваясь дальше, дают в эпоху бронзы и железа начало условной письменности.

Датировка наскальных изображений навеса Таш-Аир I, так же как и трактовка их, представляют собой трудную задачу, тем

³³ Г. Кларк. Доисторическая Европа. М., 1935, стр. 301, рис. 167.

³⁴ И. М. Джафарзаде. Наскальные изображения Кобыстана. «Тр. Института истории АН Азербайджанской ССР», Баку, 1958, стр. 48.

³⁵ А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалы-Таш. СЭ, 1952, № 2, стр. 63, рис. 13.

³⁶ В. И. Равдоникас. Элементы космических представлений в обрядах наскальных изображений. СА, т. IV, 1937, стр. 13, рис. 3.

более сложную, что вполне аналогичных памятников изобразительного искусства мы не имеем ни в Крыму, ни на Кавказе, ни во всем Причерноморье. Уникальность таш-аирской наскальной живописи и сочетание ее с определенными культурными наслоениями увеличивают ценность этого памятника.

Несмотря на отсутствие прямого сравнительного материала в Крыму, у нас все же имеются некоторые данные, позволяющие установить датировку наскальных изображений Таш-Аир I. Но прежде чем привести основания для такой датировки, мы должны установить, являются ли наскальные рисунки Таш-Аир I одновременными или разновременными.

Есть все основания полагать, что весь этот памятник изобразительного искусства относится к одному времени. Во-первых, все рисунки расположены на одной высоте над уровнем почвы и представляют собой единый фриз. Во-вторых, все рисунки без исключения написаны одной краской. В-третьих, среди изображений нет перекрывающих рисунков, замазанных мест и пр., что говорило бы о разновременности. В-четвертых, все изображения покрыты одинаковой коркой — «загаром». В-пятых, несмотря на разницу в стиле изображений человеческих фигур, техника их написания одинакова. Большинство рисунков выполнено силуэтно, а не контурно. Схематические изображения встречаются во всех группах наряду с реалистическими, и, вероятно, это не хронологическое, а стилистическое различие в изображении разных людей. По-видимому, первобытный художник применил здесь разный стиль, желая подчеркнуть племенную разность людей. Сюжетная связь всей живописи Таш-Аир I заставляет нас отнести ее к одному времени.

Современное состояние рисунков, их плохая сохранность уже указывают на большую древность. Буровато-красноватая корка, или так называемый «загар», которой покрыто место рисунков и сами рисунки, также подтверждают эту древность. Подобные «загары» наблюдаются в сибирской наскальной живописи только в тех местах, которые относятся к раннему времени (неолиту и бронзе), а на поздних памятниках его совсем нет или же он значительно слабее. Для решения вопроса о датировке таш-аирской живописи в нашем распоряжении прежде всего имеются культурные наслоения навеса и широкий

сравнительный материал. Стилистические особенности, степень схематизации и композиция рисунков также могут служить хронологическим показателем.

Весьма вероятно, что люди, оставившие живопись на стене навеса Таш-Аир I, жили здесь же в пещере. Да иначе и быть не могло, ведь для написания рисунков нужны были особые приспособления (лестницы и т. п.), так как они расположены довольно высоко.

В навесе Таш-Аир прослежено 10 разно-временных культурных горизонтов. К какому же из них могут относиться рисунки?

Верхние четыре слоя — современный, средневековый, тавро-скифский и кизил-кобинский — крайне незначительны по мощности отложений и количеству вещей. Люди этих эпох не жили постоянно в Таш-Аире I, а только временно останавливались здесь. Уже по одному этому они вряд ли могли оставить после себя такой большой фриз рисунков, каким является живопись Таш-Аир I. Нельзя согласиться с П. Н. Шульцем, отнесшим наши рисунки к эпохе железа³⁷. От эпохи железа в Крыму сохранились изображения скифо-сарматского времени, так называемые загадочные знаки Причерноморья³⁸, о которых говорилось выше, живопись в склепах Неаполя Скифского³⁹, живопись и знаки в керченских склепах⁴⁰. Рисунки из склепов Неаполя и Керчи отличны от таш-аирских и по содержанию и по форме исполнения. У скифов рисунки большей частью реалистичны, а в Таш-Аир I они схематичны и силуэтны. Животные и люди из склепов Неаполя⁴¹ и склепа Себазиастов в Керчи⁴² изображены не так примитивно, как в Таш-Аир I. Там по рисункам можно узнать, какие животные изо-

бражены, и люди одеты в костюмы. Этот сравнительный материал, наоборот, дает нам возможность отнести таш-аирскую живопись к значительно более древнему времени.

Очень важно, что в тавро-скифском слое были обнаружены известковые обломки стены навеса с остатками наскальной живописи, идентичной описываемым рисункам; следовательно, живопись древнее тавро-скифского слоя. Таким образом, к верхним культурным наслоениям мы не можем отнести таш-аирские рисунки. Люди, населявшие пещеру во времена, относящиеся к VII, VIII и IX слоям, также не могли оставить эту живопись, так как изображения лошади, щитов, битвы и прочее свидетельствуют о более позднем времени.

Остаются два культурных слоя — VI и V; обитатели одного из них и были авторами наскальной живописи Таш-Аир I, тем более что с этого времени появляется оседлость, а на юге отмечаются первые столкновения между отдельными племенами⁴³. Из названных двух слоев слой VI также придется исключить, так как в эпоху раннего неолита животноводство было еще недостаточно развитым, лошадь не была приручена, и, наконец, в предгорном Крыму жили родственные племена, а в степях Крыма еще не появились инородные воинственные пришельцы, так что столкновения, достойные записи, вряд ли имели место у людей, оставивших VI слой.

V слой по своей мощности и количеству находок превосходит все остальные. Люди жили здесь с IV по II тысячелетие. В этом слое нами были обнаружены кусочки такой же минеральной красной краски, какой исполнены рисунки, овальная плитка со следами красноватой краски на поверхности и окатанная галька, окрашенная в красный цвет. Нам представляется, что этот факт дает ключ к датировке таш-аирской живописи временем пятого слоя. Некоторые факты позволяют еще более уточнить эту датировку.

В верхнем горизонте V слоя (V b) появляется керамика ямно-катакомбного типа. Ее никак нельзя увязать с керамикой предыдущего горизонта. Находки обломков ямно-катакомбной посуды указывают на появление в степной и предгорной частях Крыма новых племен, с которыми, по-видимому, и происхо-

³⁷ П. Н. Шульц. Работы Тавро-Скифской экспедиции (1945—1946 гг.). «Памятники искусства». Бюллетень ГМИИ, М., 1947, вып. 2, стр. 29. П. Н. Шульц опубликовал часть открытых нами рисунков (рис. на стр. 30); некоторые из них неверно зарисованы, так как сохранность рисунков в 1946 г. уже была не та, что в 1935 г.

³⁸ И. И. Мещанинов. Загадочные знаки Причерноморья.

³⁹ В. П. Бабенчиков. Некрополь Неаполя Скифского. История и археология древнего Крыма. Киев, 1937, стр. 105—116.

⁴⁰ М. К. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. ИАК, 1913.

⁴¹ П. Н. Шульц. Указ. соч., стр. 27, рис. 8 и стр. 28, рис. 9.

⁴² М. К. Ростовцев. Указ. соч., табл. XCVIII и табл. XCIX.

⁴³ Находки убитых людей в могильниках Украины времени неолита.

дили столкновения у местных аборигенов. Недалеко от навеса Таш-Аир I, у выхода реки Качи из второй гряды гор, обнаружены курганы, относящиеся к первой половине II тысячелетия. Один курган был раскопан Е. В. Веймарном⁴⁴. В нем были обнаружены погребения людей в скорченной позе, костяки которых окрашены красной охрой. В центральном погребении вместе с костяком найдены вещи катакомбного времени. В стоянке Кая-Арасы, расположенной в нескольких километрах выше по Каче, найдены керамика катакомбного типа и круглые терочки такой же формы, как и в погребении из кургана у совхоза «Коминтерн». Эти вещи располагались над слоем с керамикой типа слоя *Va* Таш-Аир I. Таким образом, таш-аирские рисунки следует, по-видимому, отнести ко времени пятого слоя.

Необходимо отметить и находку в слое *Vb* раздробленного человеческого черепа, который, вероятно, был разбит в то время, так как некоторые его части сильно обожжены и найдены в кострище.

Данный факт, как и присутствие костей лошади в *V* слое и рисунок лошади на стене навеса, также подтверждает нашу датировку. Кроме того, *V* слой дал кости почти всех видов домашних животных. Развитое животноводство у населявших *V* слой людей также может служить косвенным доказательством нашей датировки наскальной живописи, так как изображенные в ней столкновения могли происходить из-за пастбищ.

Сравнительный материал некоторых крымских памятников и памятников других территорий подтверждает нашу точку зрения. Изображение двух человеческих фигурок на антропоморфной стеле, найденной у с. Казанки Бахчисарайского района, напоминает изображения человеческих фигур из стенной живописи Таш-Аир I. Указанная стела совершенно правильно датируется А. А. Щепинским эпохой бронзы — катакомбным временем⁴⁵. Другая каменная стела, хранящаяся

в Симферопольском областном музее, имеет изображение двух человеческих фигур. Одна из них напоминает таш-аирские фигуры «безоружных» людей. А. А. Формозов, по-видимому, правильно датирует ее ямно-катакомбным временем⁴⁶. Изображение круга с крестом внутри, выполненное красной краской, на стене каменного ящика из кургана ямно-катакомбного времени на р. Каче (недалеко от Таш-Аир I) также подтверждает нашу датировку⁴⁷. Подтверждением нашей даты могут служить и изображения круглых щитов у воинов (фигуры 8, 11, 32). Известно, что круглые бронзовые щиты уже бытовали в Ассирии-Вавилонии во II тысячелетии до н. э. Копье как военное оружие также появляется в энеолите и бронзе. Наконечники дротиков (копий) найдены нами в *V* слое Таш-Аир I. Прекрасный листовидный наконечник копья (табл. LII, рис. 4) был обнаружен нами в 200 м от Таш-Аир I. Он, по-видимому, относится к тому же времени. Таким образом, рисунки лошади, щитов, копий позволяют датировать таш-аирскую живопись временем энеолита — бронзы, не ранее и не позднее. Если рассматривать рисунки пятой группы как изображения загонов для скота или трактовать их как изображения повозок, то и в том и в другом случае они подтверждают нашу дату. В ямно-катакомбное время имелись все виды домашних животных, и племена ямной культуры в своих передвижениях уже пользовались повозками. Косвенным подтверждением нашей даты может служить и наличие геометрических рисунков, выполненных красной и черной красками на стенах «каменных гробниц» в ряде крымских курганов со скорченными и окрашенными костяками⁴⁸. Часть этих курганов опять-таки датируется эпохой бронзы.

Сравнительный материал из наскальных изображений, обнаруженных в СССР и Западной Европе, как уже указывалось, также

⁴⁶ А. А. Формозов. Материалы к изучению искусства эпохи бронзы юга СССР. СА, 1958, № 2, стр. 139, рис. 1.

⁴⁷ А. А. Щепинский. Курган Кеми-Оба в Крыму. Доклад на секции бронзы Пленума Института истории материальной культуры АН СССР в 1959 г.

⁴⁸ Н. И. Веселовский. ИТУАК, 14, 1891, стр. 95—97; Н. Ф. Романченко. ИТУАК, 11, 1891; его же. ИТУАК, 13, 1891, стр. 62—74; Н. И. Репников. Разведки 1907 г. ИАК, вып. 30, стр. 119—121; его же. Материалы к Археологической карте юго-западного Нагорья (Архив ЛОИИМК).

⁴⁴ Е. В. Веймарн. Отчет о раскопках кургана близ совхоза «Коминтерн» Бахчисарайского района. Архив Бахчисарайского отделения Крымского филиала Института археологии АН УССР; К. Ф. Соколова. Антропологические материалы кургана эпохи бронзы в Бахчисарайском районе. В сб. «История и археология Древнего Крыма», 1957, стр. 26—34.

⁴⁵ А. А. Щепинский. Новая антропоморфная стела эпохи бронзы в Крыму. СА, 1958, № 2, стр. 143—148.

подтверждает нашу датировку таш-аирских рисунков временем энеолита или ранней бронзы. На территории СССР найдено много разнообразных писаниц и наскальных изображений, выбитых, вырезанных и нарисованных красной краской. Они имеются на Кавказе, в Средней Азии, Сибири, Урале и Карелии, но, к сожалению, их датировка недостаточно разработана. Некоторые изображения человеческих фигур вишерского Писаного камня напоминают таш-аирские. Датируются они временем неолита и бронзы⁴⁹. В петроглифах Тувы есть изображения человеческих фигур, похожих на таш-аирские фигуры 7 и 10⁵⁰. С этими же рисун-

⁴⁹ В. Ф. Генинг. Наскальные изображения Писаного камня на р. Вишере. СА, XXI, 1954. Таблицы рисунков: группа VIII — рис. 140, группа IX — рис. 211.

⁵⁰ А. Д. Грач. Петроглифы Тувы. Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. XVII, 1957, стр. 422, рис. 1—3.

ками имеют сходство человеческие фигуры, нарисованные красной краской на стене Идрисовской пещеры в бассейне р. Белой⁵¹. Но дата этих рисунков окончательно не установлена.

Сравнительный материал из западноевропейской наскальной живописи, приведенный нами выше, подтверждает правильность нашей даты. В Италии, Испании, Франции, Швеции и других странах наскальные изображения эпохи энеолита почти всюду имеют в основном одинаковый стиль и манеру исполнения рисунков.

К настоящему времени на юге СССР открыто уже значительное количество памятников искусства, рисующих отдельные стороны жизни человека эпохи энеолита. Среди них таш-аирские рисунки выделяются своей тематикой и стилем.

⁵¹ О. Н. Бадер и В. А. Оборин. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958. стр. 30, рис. 7.

Глава VI

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЖИВОТНОВОДСТВА В КРЫМУ В ПОСЛЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

(по материалам пещерных стоянок Таш-Аур I
и Замиль-Коба II)

Проблема происхождения животноводства является одной из важных проблем в изучении истории развития первобытного общества, так как от ее решения зависит и правильное понимание социально-экономического уклада послепалеолитического человека.

По вопросу о происхождении животноводства написано большое количество трудов, но большинство их касается биологической стороны вопроса, что же касается исторической стороны, то она еще не достаточно выяснена и разработана. До сих пор остаются нерешенными такие важные вопросы: место и время происхождения домашних животных; причины приручения и одомашнения животных; значение начального животноводства и его формы; время возникновения животноводства как ведущей основы хозяйства первобытного человека и др.

Краеугольным камнем разбираемой нами проблемы является вопрос о месте и времени приручения и одомашнения животных. Относительно места происхождения домашних животных существуют разнообразные взгляды, но в основном их можно свести к двум противоположным мнениям:

1. Все главные виды домашних животных произошли в так называемых древних культурных центрах и оттуда распространились на остальные территории.

2. Домашние животные возникли в разных местах независимо одно от другого — там, где имелись соответствующие дикие формы

и определенные условия. Существуют и промежуточные мнения, примиряющие два первых.

Основываясь на том, что в так называемых древних культурных центрах домашние животные появляются раньше, чем в других местах, и что там имелись исходные дикие формы, существующие и сейчас, защитники первого мнения отрицают автохтонность происхождения домашних животных в других местах. Они считают, что последние распространились из древних культурных очагов разными путями: путем миграции населения, заимствования домашнего скота, заимствования навыков одомашнения и т. д. Долгое время считалось, что центром одомашнения растений и животных была Азия. Е. А. Богданов считал таким центром Среднюю Азию, откуда домашний скот проник в Иран, Индию, Месопотамию, Египет, Африку и уже потом в Европу — путем переселения людей¹. Н. Березин, отмечая неизученность начальных этапов в развитии животноводства, писал, что основными очагами одомашнения животных были страны Ближнего Востока, Средней и Южной Азии и Северной Африки². Г. Чайлд считал центрами

¹ Е. А. Богданов. Происхождение домашних животных. М., 1913, стр. 19.

² Н. Березин. Исчезнувшие домашние животные Египта, Палестины и Сирии. «Проблемы происхождения, эволюции и порообразования домашних животных», т. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1940, стр. 391.

одомашнения Африку и Азию, где, по его мнению, под рукой у человека были одновременно полезные виды диких растений и животных³.

Можно привести еще десятки высказываний приверженцев этого «восточного гипноза», как его справедливо назвала В. В. Гольмстен⁴. Безусловно, что все эти высказывания имеют под собою какую-то почву. Никто не станет отрицать значения культурных центров и их влияния на периферию, но нельзя ставить развитие последней в полную зависимость от этих культурных центров. Также нельзя из-за наличия в этих центрах диких форм животных вести одомашнение только оттуда, так как дикие сородичи имеются и в других местах. Открытия последних лет в области археологии и палеонтологии опровергают указанные выше взгляды. Л. Адамец поставил вопрос о самостоятельном происхождении древних европейских домашних животных из местных диких форм⁵. А. Браунер также высказался за самостоятельное первичное одомашнение некоторых видов в Европейской части СССР⁶. С. Н. Боголюбский намечает еще шире область происхождения домашних животных, считая основными центрами доместикации южную и центральную область Евразии и центральные и восточные области Африки⁷. И. Г. Пидопличко устанавливает местные центры одомашнения на Украине⁸.

Находки костей домашних животных в неолитических стоянках Украины, Подонья, Крыма и т. д. подтверждают самостоятельное происхождение домашних животных на территории Восточной Европы. По-види-

мому, помимо основных центров доместикации животных, существовали и местные, где имелись дикие предки домашних животных и соответствующие условия для одомашнения. Одомашнение животных происходило не в одной какой-либо местности и не есть дело какого-либо одного народа; разные народы, в разных местах земли и в разное время приручали и одомашнивали диких животных. Разный состав стада и различная последовательность в приручении отдельных животных у разных племен времени неолита и бронзы также свидетельствуют о правильности этого вывода. Только путем детального изучения отдельных культур можно установить местное происхождение домашних животных или же их заимствование в разных районах.

Что касается времени происхождения домашних животных, то по этому вопросу также нет единого мнения. Известно лишь одно: домашние животные прошли длительную эволюцию. Это позволяет нам отнести процесс первичного одомашнения к очень отдаленному времени. Вопрос о времени происхождения домашних животных запутала теория о «внезапности» появления домашнего скота, которой придерживались многие археологи и зоологи.

В. А. Городцов писал о том, что с наступлением металлического периода в Египте как бы внезапно появляются вполне развитые земледелие и скотоводство⁹. Е. А. Богданов отмечал внезапность появления домашнего скота в культуре Анау¹⁰. Г. Чайлд писал о наличии готового земледелия и скотоводства в поселениях неолитической (тасийской) культуры Египта¹¹. С. Н. Бибииков, рассматривая вопрос о скотоводстве трипольцев, также констатирует факт «внезапности» появления пяти или даже шести видов домашних животных в раннем Триполье¹². Появление домашнего скота «в готовом виде» отмечается и для андроновской культуры¹³, энеолитических культур Закавказья¹⁴ и т. д. Пред-

³ Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, стр. 58.

⁴ В. В. Гольмстен. К вопросу о древнем скотоводстве в СССР. «Труды лаборатории Института генетики АН СССР», вып. 1, Л., 1933, стр. 96—97.

⁵ Л. Адамец. Общая зоотехния. М., Госиздат, 1931, стр. 15—28.

⁶ А. Браунер. К вопросу об естественно-историческом и особенно остеологическом обследовании домашних животных СССР и сопредельных местностей. «Труды лаборатории Института генетики АН СССР», вып. 1, М., Госиздат, 1933, стр. 109—156.

⁷ С. Н. Боголюбский. О путях к овладению эволюцией домашних животных. «Проблемы происхождения, эволюции и пороодообразования домашних животных», т. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1940, стр. 24—26.

⁸ См. Т. С. Пассек. Четвертая научная конференция Института археологии АН УССР. КСИИМК, вып. XII, 1946, стр. 164.

⁹ В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1910, стр. 73.

¹⁰ Е. А. Богданов. Происхождение домашних животных, стр. 97.

¹¹ Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок, стр. 91.

¹² С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая. МИА, № 38, Л., 1953, стр. 191.

¹³ К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, 21, М., 1951, стр. 123.

¹⁴ Б. Б. Пиотровский. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. СА, XXIII, 1955.

ставление о таком «внезапном» появлении почти всех видов домашнего скота в конце неолита и начале энеолита дало повод к разной трактовке данного явления. Некоторые буржуазные ученые, базируясь на этом, пытались обосновать теорию об извечности домашних животных, тем более что после этого людям не удалось одомашнить новых животных. Многие палеозологи и археологи объясняют «внезапность» появления домашних животных заимствованием. Например, А. Я. Брюсов указывал, что скотоводство не могло возникнуть самостоятельно повсюду, где мы его находим в готовом виде. С. Н. Бибииков объясняет «внезапное» появление скотоводства у трипольцев заимствованием и, возможно, даже не самих животных, а навыков одомашнивания¹⁵. В. И. Громова считает трипольское скотоводство заимствованным из восточной части Средиземноморья¹⁶.

Но объяснение «внезапности» появления домашних животных только заимствованием нельзя считать правильным выходом из положения. Встав на эту точку зрения, мы не выйдем из заколдованного круга, так как не найдем исходной точки животноводства, ибо и в Египте, и в Палестине, и в Средней Азии, и в Средиземноморье, и в Европе оно также появляется «внезапно» и «в готовом виде».

По-видимому, надо искать иное объяснение «внезапности». Бесспорно одно, что дикие животные не могли сразу превратиться в домашних. Чтобы такой «скачок» произошел, животным надо было пройти через длительный процесс накопления новых черт. Морфологические изменения постепенно накапливались у животных, и на первых ступенях одомашнивания кости диких и одомашненных животных невозможно отличить. Затем появляются переходные формы, отмечаемые зоологами, и, наконец, животные приобретают все черты домашних. Поэтому «внезапность» надо рассматривать как своеобразный скачок после длительного процесса развития — к развитому животноводческому хозяйству, а относительно быстрые морфологические изменения отчасти можно объяснить существенными изменениями в содержании

¹⁵ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская, стр. 191.

¹⁶ В. И. Громова. Об ископаемых остатках козы и других домашних животных в СССР. «Проблемы происхождения, эволюции и пороодообразования домашних животных», т. I. Изд-во АН СССР. М.—Л., 1940, стр. 110—111.

скота после окончательного установления животноводства как одной из ведущих форм нового, производящего хозяйства.

На основании вышеизложенного, а также палеозоологических и этнографических данных мы должны признать существование длительного периода приручения, одомашнивания и начальных стадий животноводства. Находки за последние годы костей домашних животных в датских Кьёккенмеддингах¹⁷, в бескерамических слоях неолитических поселений Палестины¹⁸, в раннеолитических слоях Украины¹⁹, в мезолитических стоянках Африки²⁰, в мезолитических слоях крымских стоянок²¹, а также находки повозок при раскопках памятников ямной культуры, указывающих на раннее применение тягловой силы животных²², обнаружение мезолитических петроглифов с изображением домашних животных²³, бесспорное приручение собаки в конце палеолита и т. д.— все это требует отнесения начальных стадий животноводства к значительно более древним временам, нежели это предполагалось до сих пор.

Однако, считая бесспорным существование развитого животноводства на юге СССР в конце позднего неолита и энеолита (Триполье, ямная культура, энеолит Закавказья и пр.), большинство археологов все еще не решается признать более раннее происхождение животноводства, хотя среди отдельных специалистов и растет уверенность в этом.

Еще В. А. Городцов предполагал существование в неолите земледелия и скотовод-

¹⁷ В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. II. Л., 1947, стр. 11.

¹⁸ L'Antiquité Classique Bruxelles. Brussel, 1956, XXIV, fasc. 2.

¹⁹ В. М. Даниленко. Неолит Побужья и вопрос о сложении трипольской культуры. Доклад на сессии Института археологии Академии наук УССР в 1956 г.; А. Добровольський. Восьма Ігренська неолітична стоянка. «Археологічні пам'ятки», з. II. Київ, 1949, стр. 250.

²⁰ Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок, стр. 60.

²¹ Таш-Аир I, Шан-Коба, Мурзак-Коба, Фатьма-Коба, Замиль-Коба I, Замиль-Коба II, Алимковский навес и др.

²² О. І. Тереножкин. Курган Сторожова Могила. «Археологія», т. V, Київ, 1951, стр. 183. Остатки повозок и модели их найдены во многих местах: в Нижнем Поволжье, на Украине, в Бессарабии и Венгрии. Эти находки датируются III—II тысячелетиями до н. э. Они указывают на существование развитого скотоводства в энеолите.

²³ Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок, стр. 60.

ства, которые, по его мнению, не выходили за рамки первичной стадии развития²⁴. А. Я. Брюсов высказал предположение, что южные племена «на грани перехода от раннего к развитому неолиту, по всем вероятностям не позднее IV тысячелетия до н. э., перешли к земледелию и скотоводству»²⁵. Возникновение скотоводства, по его мнению, мы должны отнести на юге СССР к концу V тысячелетия до н. э. В. М. Даниленко на основании изучения неолита Украины пришел к выводу о существовании всех видов домашних животных в раннем неолите Побужья²⁶. С. Н. Боголюбский, соглашаясь с мнением об одомашнении некоторых животных в мезолите, писал о заметном развитии животноводства и земледелия в неолите²⁷. Г. Кларк считает поздний неолит уже временем развитого животноводства²⁸. Г. Чайлд, анализируя хозяйство неолитических поселений тасийской культуры в Египте (5000 лет до н. э.), считает необходимым отодвинуть начало земледелия и животноводства еще на целую стадию в глубь веков²⁹.

Нет никаких сомнений в том, что вопрос о времени возникновения животноводства нельзя решать в абстрактном плане, однозначно, его необходимо решать применительно к отдельным территориям и культурам, к отдельным племенам и народам, применительно к особенностям исторического развития общества в той или иной определенной местности. В частности, там, где животноводство известно «в готовом виде» — в неолите и энеолите, — его возникновение придется отнести ко времени мезолита, но в других местностях дело могло обстоять иначе.

Решение вопроса о времени одомашнения животных частично зависит и от выяснения причин, приведших к развитию животноводства. Чтобы правильно подойти к выяснению этих причин, необходимо оговорить разницу

между приручением животных и их одомашнением. Это не одно и то же. Приручение всегда предшествует одомашнению, но далеко не всегда за приручением может следовать одомашнение. Приручить можно всякое животное, а одомашнить не всякое. Из 2000 видов млекопитающих, известных в наше время, одомашнено всего 10—11 видов. Прирученные дикие животные не всегда плодятся в неволе, а домашние плодятся, и поэтому могут являться объектами специального разведения. Просто прирученные животные так и остаются только прирученными. Для полного приручения, т. е. одомашнения, требуются особые условия и побудительные причины. Многие так называемые этнографические народы, не имеющие домашних животных, имеют прирученных животных, которых держат для различных целей; но отсюда еще далеко до одомашнения. Домашние животные появляются только на определенной стадии развития человеческого общества и не все сразу и не в случайном порядке, а в таком, который носит следы целесообразности. Собака и свинья, как правило, у всех были первыми домашними животными. Приручение и одомашнение животных стало возможным только благодаря длительному знакомству человека с животными в процессе развития охотничьего хозяйства. Охотясь в течение тысячелетий на определенных животных, человек узнавал их привычки и повадки и, только накопив огромный опыт, передававшийся из поколения в поколение, он смог прийти к одомашнению животных.

Некоторые исследователи пытаются объяснить приручение и одомашнение животных не причинами, вытекающими из хозяйственной деятельности человека, а случайностями³⁰ и различными способами приручения: 1) приручением молодых особей, взятых на охоте ради забавы или из сострадания; 2) симбиозом — вынужденным сосуществованием человека и животных³¹; 3) прируче-

²⁴ В. А. Городцов. Бытовая археология, стр. 73.

²⁵ А. Я. Брюсов. Указ. соч., стр. 200.

²⁶ В. М. Даниленко. Указанный доклад.

²⁷ С. Н. Боголюбский. О путях к овладению эволюцией домашних животных. «Проблемы происхождения, эволюции и пороодообразования домашних животных», т. I, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1940, стр. 15.

²⁸ Г. Кларк. Доисторическая Европа, стр. 123—134.

²⁹ Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок, стр. 60.

³⁰ В. В. Гольмстен. К вопросу о древнем скотоводстве в СССР, стр. 87—88; Е. А. Богданов. Происхождение домашних животных, стр. 40.

³¹ Г. Чайлд объясняет появление животноводства в Африке изменением природных условий. По его мнению, уменьшение оазисов и отделение их из-за засухи пустынными полосами (после оледенения) привело к вынужденному сосуществованию рядом человека и животных. «Такое невольное и близкое сосуществование людей и животных и могло

нием тотемных, священных животных; 4) самоприручением стад, за которыми следовал человек, становясь постепенно их вожак, и самоприручением отдельных животных; 5) содержанием молодых особей в неволе как запасов «живого мяса» и т. д. и т. п.

Все эти способы, разумеется, могли иметь место, но ясно, что они вовсе не решают вопроса о причинах возникновения животноводства. Ни самоприручение, ни симбиоз и другие перечисленные выше способы не объяснят нам, почему только в конце палеолита начинается одомашнение животных. Нельзя считать объяснением и мнение В. В. Гольмстен о том, что «привязанность к удобствам постоянного жилища заставила людей искать способов сделать его еще более постоянным, вводить новые производства, в числе которых было не только земледелие, но и скотоводство»³². Мнение Г. Чайлда о приоритете, который надлежит отдать в этом вопросе природным условиям, страдает односторонностью³³. Прав М. О. Косвен³⁴, выводя приручение и одомашнение животных из хозяйственной деятельности человека, но нельзя отрицать и значения природных условий, стимулировавших переход к новым формам хозяйства.

После отступления ледника в климате Евразии произошли большие перемены, которые повлекли за собой изменения в распределении животных и растений. В конце плейстоцена и начале голоцена вымерли такие животные, как мамонт, сибирский носорог, гигантский олень и др., отошли на север животные холодного климата и сильно сузили свои ареалы такие животные, как дикая лошадь, осел, сайга и т. д.³⁵

Это не могло не отразиться на охотничьем хозяйстве человека. Мы видим, как в конце палеолита и в мезолите происходят крупные изменения и в хозяйстве и в социальном устройстве первобытного общества. Изменяют-

ся и способы охоты; изобретаются лук и стрелы, приручается собака и т. д.

В связи с хозяйственными сдвигами и ростом населения усложняются родовые отношения. Крупные коллективы палеолитических охотников на мамонта распадаются на мелкие, происходит расселение людей и освоение новых пространств. В так называемое азило-тарденуазское время в зоне распространения капсийской культуры наблюдается узкая специализация охоты и постепенный упадок ее значения в хозяйстве человека. В добывании пищи все большую роль приобретают содержание животных в неволе (одомашнение) как запасов «живого мяса», усложненное собирательство и рыболовство. Кризис охотничьего хозяйства создал необходимость изыскания новых источников пищи, что в дальнейшем привело человека к освоению новых форм хозяйства — мотыжного земледелия и животноводства. Нечего и говорить о том, что возникновение земледелия и животноводства явилось одной из самых важных вех в хозяйственном развитии человеческого общества. Ясно также, что их возникновение имело глубокие корни в предшествующем хозяйственном развитии человеческого общества и в его природном окружении. Мезолитическая эпоха является переходной эпохой от присваивающего хозяйства к производящему и от хищнического отношения к природе к активному воздействию на нее. На юге все это привело уже в раннем неолите к оседлости и господству новых форм хозяйства — земледелия и животноводства.

Скудость сведений о древнейшем животноводстве, недостаточность костных материалов из хорошо датированных культурных отложений, отсутствие публикаций о костных остатках по отдельным стоянкам, недостаточность палеозоологических определений и пр. затрудняют освещение проблемы животноводства в целом, но по отдельным районам и культурам уже накопилось достаточно материалов для важных выводов.

Как было показано выше, пещерная стоянка Таш-Аир I в Крыму дала десять последовательных культурных наслоений. Костные остатки из этой многослойной стоянки были изучены в 1940 г. и определены ныне покойным Н. А. Сугробовым. К сожалению, Н. А. Сугробов не успел окончить работу и дать исчерпывающую характеристику фауны Таш-Аир I, но он совершенно правильно поставил

явиться причиной, породившей между ними тот вид симбиоза, который подразумевался под понятием «одомашнение животных» (Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок, стр. 57—58).

³² В. В. Гольмстен. К вопросу о древнем скотоводстве в СССР, стр. 90.

³³ Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок, стр. 57.

³⁴ М. О. Косвен. Очерки истории первобытной культуры. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 72.

³⁵ И. Г. Пидопличко. История фауны степей. «Животный мир СССР», т. III. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 517.

вопрос о раннем приручении животных. На основе его определений и устных высказываний о характере костных остатков Таш-Аир I автором этой книги была написана и напечатана статья «К вопросу о происхождении животноводства в юго-западном Крыму в послепалеолитическое время»³⁶. Ввиду сложности и спорности проблемы костные остатки в 1959 г. были вновь пересмотрены и изучены Е. Л. Дмитриевой, на заключения которой мы и будем ссылаться в данной работе. При пересмотре костных остатков выяснилось, что в основном определения их, данные Н. А. Сугробовым, правильны. Некоторые расхождения в определении как характера, так и численности костных остатков нижних слоев частично следует отнести за счет длительности хранения костных остатков (19 лет) и некоторой неточности в первом определении. Что касается костных остатков верхних слоев, то здесь расхождение в цифрах следует отнести за счет длительности хранения. Но, несмотря на некоторые расхождения в цифрах, наша концепция о раннем происхождении животноводства, отстаи-

ваемая в названной статье, и в данной работе остается прежней, так как переопределение костных остатков не опровергло, а еще более укрепило нас в правильности выводов о раннем приручении и одомашнении животных. Костные остатки стоянки Таш-Аир I дают возможность судить об изменениях фауны юго-западного Крыма, начиная с конца палеолита и до современности. Изменения в качественном и количественном составе костных остатков, прослеженные в строгой стратиграфической последовательности, позволяют сделать некоторые выводы о времени приручения и одомашнения отдельных видов животных, а также об истории животноводства и его значении в хозяйстве первобытных обитателей Крыма.

Фауна стоянки Таш-Аир I состоит из степных и лесных видов диких млекопитающих, птиц и домашних животных. Таблица II³⁷ в статье Е. Л. Дмитриевой дает представление о видовом составе животных для всех культурных наслоений³⁸. Остановимся более подробно на характеристике костных остатков основных видов, каждого в отдельности.

СОБАКА — CANIS FAMILIARIS

Мы останавливаемся более подробно на характеристике находок костей этого животного потому, что собака была первым прирученным животным и, вероятно, имела очень важное значение в хозяйстве мезолитического человека.

В стоянке Таш-Аир I костные остатки собаки обнаружены в IV слое (поздняя бронза), и в IX слое (позднемадленское или раннеазильское время) найдены копролиты собаки. Кроме того, многие кости из кухонных остатков носят на себе следы зубов хищника, по-видимому собаки. Находки костей домашней собаки сделаны и в других стоянках Крыма, относимых к азило-тарденуазскому времени³⁹: Сюрень II⁴⁰, Шан-

Коба⁴¹, Мурзак-Коба⁴², Фатьма-Коба⁴³, Замиль-Коба I⁴⁴, Замиль-Коба II⁴⁵ и др. К. С. Мережковский упоминает о костях домашней собаки, обнаруженных им в стоянке Сюрень I⁴⁶, но за отсутствием более точных указаний сейчас трудно отнести эти находки к тому или иному слою пещеры.

³⁹ Термины «мадленский», «азильский» и «тарденуазский» употребляются нами повсюду как указатели времени.

⁴⁰ Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения крымского палеолита.

⁴¹ С. Н. Бибииков. Позднепалеолитические поселения в навесе Шан-Коба и Мурзак-Коба в Крыму. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 130.

⁴² С. Н. Бибииков. Грот Мурзак-Коба. Новая позднепалеолитическая стоянка в Крыму. СА, 5, 1940, стр. 174.

⁴³ М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы, стр. 117.

⁴⁴ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Замиль-Коба I, стр. 30.

⁴⁵ Статья Е. Л. Дмитриевой, табл. I.

⁴⁶ К. С. Мережковский. Отчет об антропологической поездке в Крым в 1880 г. «Известия имп. Русск. географического общества», вып. II, 1881 г. СПб.

³⁶ Д. А. Крайнов. К вопросу о происхождении животноводства в юго-западном Крыму в послепалеолитическое время. СА, 1957, № 2.

³⁷ Таблица составлена Е. Л. Дмитриевой на основании количества определяемых костей и минимального количества определяемых особей.

³⁸ Костные остатки Таш-Аир I имеют характер обычных кухонных остатков. 70% их неопределимы, что затрудняет полное восстановление фауны.

Во всяком случае приведенные факты позволяют заключить, что крымский первобытный человек уже в конце палеолита имел прирученную и одомашненную собаку. Этот вывод подтверждается находками костей домашней собаки в ряде позднепалеолитических стоянок СССР и Западной Европы. На стоянке Афонтова гора близ г. Красноярска было найдено два черепа и кости конечностей собаки⁴⁷; часть челюсти и копролиты собаки были обнаружены в Тимоновской палеолитической стоянке⁴⁸; в Бердыжской стоянке на Соже найдены кости, близкие костям домашней собаки⁴⁹; аналогичные находки сделаны и в ряде палеолитических стоянок Франции и Испании⁵⁰. В мезолитическую эпоху кости домашней собаки встречаются часто и у нас и в Западной Европе. Г. Кларк отмечает ряд местонахождений таких костей в Дании и Норвегии⁵¹. В неолите и позднее домашние собаки имеют еще более широкое распространение с ясной дифференциацией подвидов.

Большинство исследователей придерживается мнения, что предками домашней собаки были волк и шакал. Изучение костей собаки из палеолитических и мезолитических стоянок показывает их близость к волку⁵². Что касается древнейших собак Крыма, то, как показали исследования А. А. Бялыницкого-Бирули, их кости морфологически почти ничем не отличаются от костей волка и уступают им только по размеру, а собака из стоянки Сюрень II близка к северной лайке⁵³. В. А. Городцов сближает ее с видом *Canis*

*familiaris palustris*⁵⁴, что также говорит о ее волкообразности⁵⁵. Можно полагать, что древнейшая крымская собака имела своим предком волка. В Крыму волк прослеживается с мустьерского времени и известен в более поздних стоянках⁵⁶. Этот факт и сходство костных остатков древней крымской собаки с волком приводят нас к заключению о местной доместики собаки, а не заимствовании ее.

Почему же человек приручил первым волка, а не какое-либо другое животное, и «создал» домашнюю собаку раньше, чем создал других домашних животных, и каковы основные причины этого приручения? По этому вопросу в литературе существуют различные мнения. Они сводятся к следующим трем основным: что собака была приручена 1) как друг и сторож, 2) как источник пищи — «запас живого мяса» и 3) как необходимый помощник успешной охоты на диких животных.

Г. Кларк, защищая первое мнение, писал, что «собака... была приручена человеком и первоначально являлась его другом и сторожем; для охоты и охраны пасущегося скота собаку стали использовать сравнительно позднее»⁵⁷. Эта точка зрения, однако, не объясняет нам, почему же только в конце палеолита у человека появилась потребность в приручении собаки. Второе мнение⁵⁸ основано на том, что костные остатки собаки встречаются среди пищевых отходов, что часто они расколоты для добывания мозга и на некоторых костях имеются нарезки. Эта точка зрения также не представляется убедительной, во-первых, потому, что собачье мясо не было существенной частью питания первобытного человека, так как кости собак в ранних стоянках встречены буквально

⁴⁷ М. Павлова. Mammiferus pastertiaires trouvés sur le bords du Volga près de Seuquily. «Ежегодник Русского палеонтологического общества», т. IX, 1931; В. И. Громов. Геология и фауна палеолитической стоянки Афонтова гора. «Труды Комисс. по изучению четвертичного периода», т. I. Л., 1932, стр. 166.

⁴⁸ В. А. Городцов. К истории приручения собаки в пределах СССР, по данным археологии. «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1940, стр. 151.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же, стр. 152.

⁵¹ Г. Кларк. Доисторическая Европа, стр. 129.

⁵² В. И. Громов. Остатки древнейшего человека и современной ему фауны. «Жизнь Сибири», № 56, 1924.

⁵³ А. А. Бялыницкий-Бируля. Предварительное сообщение о хищниках (*Carnivora*) из четвертичных отложений Крыма. «Доклады АН СССР», 1930, стр. 139—140.

⁵⁴ В. А. Городцов. К истории приручения собаки..., стр. 153.

⁵⁵ Зоологами выяснено, что на ранних этапах распространялись два вида волкообразных собак: *Canis familiaris inostranzevi* и *Canis familiaris palustris*.

⁵⁶ Киик-Коба, Сюрень I, Сюрень II, Шан-Коба, Фатьма-Коба, Замиль-Коба I, Замиль-Коба II и др.

В. И. Громов. Остатки древнейшего человека..., стр. 232, табл. 11; Д. А. Крайнов. К вопросу о происхождении животноводства в юго-западном Крыму. СА, 1957, № 2.

⁵⁷ Г. Кларк. Доисторическая Европа, стр. 129.

⁵⁸ А. В. Арциховский. Основы археологии. М., 1954, стр. 47; Г. А. Бонч-Осмоловский. О нарезках на палеолитических костях. «Сообщения ГАИМК», 8, 1931, стр. 27; В. И. Равдоникас. История первобытного общества, ч. II, стр. 6.

единицами и с соответствующими остатками других животных ни в какое сравнение не идут; во-вторых, непонятно, почему человеку понадобилось приручать для пищи волка, а не более выгодное в мясном отношении животное, как, например, кабана, тем более что волка труднее приручить, чем кабана; в-третьих, волк не являлся промысловым животным, так как его кости редки в кухонных отбросах. Наконец, в ряде ранних стоянок⁵⁹ мы сталкиваемся с находками черепов и костей собак, не разбитых с целью добывания мозга. Все эти соображения не позволяют согласиться с защитниками указанного мнения. Собаки поедались палеолитическим, мезолитическим, неолитическим и более поздним человеком сравнительно редко⁶⁰. Известно, что собака шла в пищу и человека бронзового века, но мы ведь не утверждаем на этом основании, будто она существовала у него как запас «живого мяса».

Нельзя согласиться и с той мыслью, что основным условием приручения собаки и других животных явилось сравнительно обеспеченное существование людей азило-тарденуазского времени⁶¹. Если охота с луком и стрелами, собирательство и рыболовство привели к относительному изобилию пищи, то зачем тогда нужно было приручать собаку «как источник пищи и запас живого мяса»? Подобные взгляды не объясняют нам, почему не в мустьерскую эпоху и не в начале палеолита, а именно в конце его и в мезолите появляется домашняя собака.

Решение этого вопроса надо искать в хозяйственной деятельности позднепалеолитического человека и в окружавших его условиях. К концу палеолита в стоянках Крыма наблюдается значительное обеднение фауны⁶². По существу основными промысловыми животными теперь являются кабан, благородный олень и косуля. В этих новых условиях человеку приходилось перестраивать свое охотничье хозяйство, искать новые способы его ведения, иначе ему грозила голодная смерть, так как «никакого золотого века

позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой»⁶³. Не сравнительная обеспеченность жизни, как это полагает В. В. Гольмстен, толкала человека на изменение способов охоты и искание новых форм хозяйства, но, как раз напротив, материальная нужда и принудила человека к этому. Нам представляется, что в этих новых условиях и следует искать причины изобретения лука и стрел, приручения собаки, появления животноводства и других изменений в хозяйственной жизни мезолитического человека. Поэтому третье мнение, а именно, что собака появляется в конце палеолита как новый прогрессивный способ успешной охоты на диких животных, следует считать правильным. По-видимому, одомашнение собаки не было следствием изобретения лука и стрел, а наоборот, предшествовало ему, и возможно, что лук и стрелы явились следствием приручения собаки.

Свидетельством приручения собаки для охоты может служить рисунок на стенах убежища под скалой в Альпере (юго-восточная Испания), относящийся к концу плейстоцена или к началу голоцена⁶⁴. Он изображает сцену охоты человека с луком и стрелами на оленей, козлов, быков и пр., и рядом с этими животными, пораженными стрелами, изображена собака — помощник охотника. По-видимому, уже в палеолите собаки принимали участие в облавной охоте при гоне зверей⁶⁵, а в мезолите примитивное собаководство становится повсеместным. Уже одно это говорит о его хозяйственном значении.

В. В. Гольмстен, не соглашаясь с мнением о приручении собаки как охотничьего животного, считает, что первоначальное приручение собаки, как и многих других зверей, могло не преследовать и, вероятно, не преследовало никаких практических целей. Использование ее возникло как следствие приручения, и *случайное явление* (курсив наш — Д. К.) привело к целесообразной хозяйственной де-

⁵⁹ Афонтова гора, Ладожская стоянка, датские Кьёккенмеддинги и др.

⁶⁰ Возможно, в периоды систематических голодовок, или же употреблялись в пищу как священное животное в особых случаях.

⁶¹ В. В. Гольмстен. К вопросу о древнем скотоводстве в СССР, стр. 86.

⁶² В. И. Громов. Остатки древнейшего человека..., стр. 232, таблица 11.

⁶³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 5, 1946 г., стр. 95.

⁶⁴ Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок, стр. 54.

⁶⁵ Г. П. Сосновский. К истории скотоводства в Сибири. «Проблемы происхождения, эволюции и породообразования домашних животных», т. 1. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1940, стр. 136.

тельности⁶⁶. Если встать на эту точку зрения, то многие приобретения в развитии производительных сил первобытного общества надо признать «случайным явлением». К моменту приручения собаки человеку, безусловно, были известны ее охотничьи свойства. Человек встречал волка на охотничьей тропе с глубокой древности. С мустьерского времени он мог наблюдать за охотой волка на других животных, возможно, иной раз и отбивал у него загнанную дичь. Сначала это было случайным явлением, а потом человек, изучив прекрасные качества волка, как гончего животного, стал использовать эти качества в свою пользу. Человеку не надо было делать больших усилий в прививке волку охотничьих свойств, они были у волка еще до знакомства с ним человека. С другой стороны, волк мог бродить за людьми и подъедать остатки пищи; это привело человека и

волка к привычке держаться рядом. Этнографы приводят много примеров такого тесного общения человека с волком⁶⁷. Но одомашнение волка нельзя связывать только с самоприручением, т. е. нельзя считать, что «дикая собака снюхалась с человеком сама»⁶⁸. Собака почти всюду является самым древним домашним животным, и это явление не случайное, а закономерное. К одомашнению собаки человек пришел длительным путем. Приручение волка облегчалось его всеядностью и тем, что его щенят можно было легче добыть. Человек приручил волка и сделал из него послушное орудие своей воли; это было огромным шагом вперед на пути подчинения им природы. По-видимому, приручение собаки имело не меньшее значение для первобытного охотника, чем освоение лука со стрелами.

КАБАН, СВИНЬЯ — *SUS SCROFA FERUS*, *SUS SCROFA DOMESTICUS*, *SUS SCROFA L.*

С костными остатками дикого кабана и домашней свиньи мы встречаемся во всех наслоениях стоянки Таш-Аир I, за исключением средневекового и современного слоев (см. табл. 2 в статье Е. Л. Дмитриевой), но они не вполне одинаковы. Е. Л. Дмитриева при определении костных остатков выделила три группы: 1) *Sus scrofa ferus*, 2) *Sus scrofa domesticus* и 3) *Sus scrofa L.* (та же табл. 2). Все три группы встречаются во всех указанных слоях.

По количеству костных остатков свинья (дикая и домашняя) занимает первое место во всех слоях стоянок Таш-Аир I и Замиль-Коба II, за исключением двух верхних слоев. Этот факт свидетельствует о ее большом значении в хозяйстве крымского первобытного населения. Чрезвычайно знаменательным является появление остатков домашней свиньи уже в IX слое, относимом нами к концу мадленского времени или к раннему мезолиту. Судя по костным остаткам (та же табл. 2), домашняя свинья, появившись в конце мадленского времени, продолжает бытовать, увеличиваясь в количестве, на всем

протяжении мезолитической, неолитической и бронзовых эпох. Наибольшее количество костных остатков дикой и домашней свиньи падает на ранний и поздний неолит. Эта картина наблюдается и в Таш-Аир I и в Замиль-Коба II. Кабан и свинья исчезают в Крыму со времени средневековья, что, вероятно, объясняется обычаями, господствовавшими у татар Крымского государства, а возможно, и истреблением кабана в предыдущие эпохи. *Sus scrofa L.* выделена Е. Л. Дмитриевой в особую группу. Это остатки молодых особей возрастом от пяти недель до одного года. Их можно отнести как к домашним, так и к диким. Следует отметить, что как в Таш-Аир I, так и в Замиль-Коба II наблюдается общая тенденция постепенного измельчания костных остатков домашней свиньи, что, по-видимому, объясняется изменениями в ее содержании. Появление в раннем и позднем не-

⁶⁷ Около лагерей северо-американских индейцев часто можно наблюдать волков, бродящих вокруг поселений и питающихся отбросами. Сейчас волки бродят вокруг наших деревень, охотясь за «живностью».

⁶⁸ Н. Я. Марр. Одомашнение собаки. «Проблемы происхождения, эволюции и пороодообразования домашних животных», вып. I. «Труды лаборатории Института генетики АН СССР». Л., 1933, стр. 69.

⁶⁶ В. В. Гольмстен. К вопросу о древнем скотоводстве в СССР, стр. 87.

лите значительного количества костных остатков домашней свиньи указывает, вероятно, на особую отрасль хозяйства — свиноводство, но мы не можем признать это время началом приручения и одомашнения свиньи по следующим мотивам.

1. Домашняя свинья не могла появиться сразу в «готовом виде».

2. Приручению и особенно одомашнению необходимо должен был предшествовать значительный отрезок времени⁶⁹.

3. Костные остатки домашней свиньи, найденные в мезолитическом слое Таш-Аир I и Замиль-Коба II, указывают на более раннее время одомашнения.

4. Кости домашней свиньи в развитом неолите имеются и в соседних культурах: трипольской и других.

Относительно длительности приручения свиньи мнения специалистов расходятся. Действительно, опыты, произведенные над свиньей, показывают, что она быстро приручается и быстро дичает и благодаря своей пластичности быстро изменяется, реагируя на ухудшение или улучшение содержания. Однако эти аргументы не в состоянии опровергнуть представления о большой длительности периода приручения и одомашнения свиньи. Во-первых, нельзя терять из вида, что при начальном свиноводстве не было большой разницы в условиях существования свиньи в диком и одомашненном состоянии. Молодняк и супоросные матки, пойманные дикими, находясь в загонах, получали такое же содержание, как и в диком состоянии. Г. Кларк подчеркивает зависимость содержания животных в доисторическое время от природных условий⁷⁰. Во-вторых, не было резкого разграничения между домашними и дикими видами⁷¹, так как содержащиеся в неволе особи пополнялись дикими экземплярами. Поэтому на первых стадиях одомашнения и не наблюдается резкой разницы между дикими и одомашненными животными. Должны были пройти тысячелетия, чтобы

такая разница образовалась⁷². Приручить свинью человек мог сравнительно быстро, но для одомашнения ее требовалось длительное время. Только в процессе накопления опыта содержания прирученных диких особей в неволе первобытный человек осознал всю важность домашнего животноводства и сумел создать условия для его развития. Начало приручения свиньи, вероятно, надо отнести к концу палеолита или к раннеазильскому времени. За это предположение говорят следующие данные.

1. Уже в мустьерскую эпоху крымский первобытный человек охотился на дикого кабана, что подтверждается находками его костей в стоянках Киик-Коба и Сюрень I⁷³.

2. Начиная с конца палеолита костные остатки кабана становятся более многочисленными во всех крымских стоянках⁷⁴, а с эпохи мезолита кости кабана доминируют над костными остатками всех других видов животных, составляя более 50% к общему составу, что говорит о важном месте, которое занимало мясо дикой свиньи в пище первобытного человека.

3. Усиленная охота на кабана привела человека к близкому знакомству с его повадками и биологическими особенностями, что способствовало приручению.

4. Кризис охотничьего хозяйства в мезолите, вызванный ростом населения, дифференциацией охотничьего хозяйства, выросшими потребностями и резкими изменениями в природе, неизбежно должен был привести к новым формам хозяйства. В недрах охотничьего первобытного общества появляются первые опыты приручения животных, выросшие в дальнейшем в животноводство. Наличие костных остатков кабана в Крыму с мустьерского времени заставляет нас предполагать местное одомашнение крымской свиньи. В. И. Бибилова связывает появление домашней свиньи в неолитических стоянках Украины с приходом ее из Крыма, так как в ранних стоянках Украины (палеолит) костные остатки кабана почти не встречаются⁷⁵.

⁶⁹ В. И. Цалкин. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси. МИА, № 51, 1956, стр. 8: «От начала периода одомашнивания основных домашних животных нас отделяют многие тысячелетия. За это время домашние животные под влиянием человека и природных условий изменились».

⁷⁰ Г. Кларк. Доисторическая Европа, стр. 126.

⁷¹ Там же.

⁷² А. В. Арциховский. Основы археологии, стр. 47.

⁷³ В. И. Громов. Указ. соч., стр. 232, табл. 11.

⁷⁴ Шан-Коба, Мурзак-Коба, Фатьма-Коба, Замиль-Коба I, Замиль-Коба II, Таш-Аир I и др.

⁷⁵ В. И. Бибилова. Остатки дикого кабана и распространение их в палеолите. Доклад на Киевской археологической конференции Института археологии АН УССР в марте 1958 г.

Приручение и одомашнение кабана облегчалось следующими его особенностями:

1) всеядностью и неприхотливостью к пище⁷⁶; 2) большой плодовитостью (10—12 поросят); 3) быстрым выростанием молодняка; 4) легкостью приручения по сравнению с другими животными⁷⁷; 5) большой распространенностью дикого кабана в Крыму в азило-тарденуазское время⁷⁸. В. И. Громов и В. И. Громова впервые высказали предположение о приручении свиньи в мезолите, базируясь на преобладании среди костных остатков костей молодых особей⁷⁹. В 1941 г.

нами было высказано предположение о приручении и одомашнении свиньи и собаки в Крыму в мезолитическое время. С. Н. Бибииков⁸⁰, П. П. Ефименко⁸¹, М. В. Воеводский⁸², А. А. Формозов⁸³, А. Д. Столяр⁸⁴ и другие исследователи Крыма также сходятся во мнении о приручении свиньи и собаки в мезолитическую эпоху. Однако, считая фактом приручение и одомашнение собаки и свиньи в это время, названные исследователи не развивают этого вопроса и не придают ему должного значения как новому фактору в хозяйстве послепалеолитического человека.

МЕЛКИЙ РОГАТЫЙ СКОТ — OVIS-CAPRA, OVIS ARIES

По определению Е. Л. Дмитриевой, кости мелкого рогатого скота (*Ovis capra*) начинают встречаться в Таш-Аир I только со времени позднего неолита, а в Замиль-Коба II — с раннего неолита.

Что касается костных остатков домашней овцы (*Ovis aries*), то в Таш-Аир I они встречены со времени энеолита и ранней бронзы, а в Замиль-Коба II — с позднего неолита. В дальнейшем как в Таш-Аир I, так и в Замиль-Коба II костные остатки домашней овцы и мелкого рогатого скота наблюдаются во всех позднейших слоях, количество их увеличивается.

Что касается домашней козы (*Capra hircus* L.), то в Таш-Аир I она появляется только со времени средневековья.

Даже по этим небольшим данным мы можем констатировать факт появления мелкого рогатого скота со времени раннего неолита (Замиль-Коба II). Почти непрерывные находки в последующих слоях двух стоянок

костных остатков мелкого рогатого скота дают нам право высказать предположение о приручении и одомашнении овцы в раннем неолите или даже в позднем мезолите, тем более что в других стоянках Крыма овца встречена в азильском и тарденуазском слоях Замиль-Коба I⁸⁵ и в тарденуазском комплексе Шан-Коба⁸⁶. Находки костей мелкой овцы в тарденуазском слое Замиль-Коба I⁸⁷ подтверждают ее раннее появление в крымских стоянках. Находки в мезолитических поселениях Северной Африки костей

⁸⁰ С. Н. Бибииков. Позднепалеолитические поселения в навесе Шан-Коба и Мурзак-Коба в Крыму. (Тезисы диссертации). КСИИМК, вып. XII, М., 1946, стр. 130.

⁸¹ П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 599.

⁸² М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, вып. XXXI, М., 1950, стр. 114. М. В. Воеводский считал, что вопрос об одомашнении свиньи в мезолите Крыма представляет интерес, но не может быть разрешен при современном уровне знаний о мезолите.

⁸³ А. А. Формозов. Исследования стоянок каменного века в Крыму в 1952 г. КСИИМК, вып. 54, 1954, стр. 70.

⁸⁴ А. Д. Столяр. К вопросу об очаге одомашнения свиньи на юге Европейской части СССР в мезолитическое время. Доклад на сессии Института истории материальной культуры АН СССР в апреле 1956 г.

⁸⁵ Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Замиль-Коба I, стр. 24.

⁸⁶ М. В. Воеводский. Мезолитические культуры..., стр. 117.

⁸⁷ Кости домашней овцы, найденные на площадке перед пещерой Замиль-Коба I, определены Е. И. Белляевой. Однако они могли попасть в тарденуазские слои и из верхнего слоя — более позднего.

⁷⁶ Питается кабан растительной пищей и животной (желудями, каштанами, кореньями, грызунами, падалью, червями, насекомыми, отбросами и т. д.).

⁷⁷ Жители Марокко, где водятся дикие кабаны, одомашнивают их с большой легкостью и предпочитают держать «диких», а не домашних (Г. П. Адлерберг. К вопросу о происхождении домашних свиней. «Труды лаборатории Института генетики АН СССР», вып. 1, Л., 1933, стр. 186).

⁷⁸ Потепление климата после отступления ледника, распространение смешанных лесов, широкие долины рек с плавнями и камышами, — все это способствовало распространению кабана в Крыму.

⁷⁹ Вера Громова и В. И. Громов. Материалы по изучению палеолитической фауны Крыма, стр. 52—97.

овцы-козы, петроглифов с изображением прирученных баранов и изображение прирученного муфлона на шуммерийском сосуде IV тысячелетия до н. э.⁸⁸ еще раз свидетельствуют в пользу нашего вывода. В мезолитическом пещерном поселении около аула Чох в горной части Дагестана найдены кости домашней овцы⁸⁹.

Зоологами установлено, что овца является одним из древнейших одомашненных животных и, возможно, была приручена одновременно с кабаном. Как никакое другое животное, домашняя овца в процессе развития претерпела большие изменения. В силу этих глубоких изменений очень трудно отыскать среди современных диких пород ее прародителей. В Европе в настоящее время насчитывается несколько видов дикой овцы. Это *Ovis misimon* — Сардиния, Корсика, Сицилия, а в мезолите и Альпы⁹⁰, *Ovis vignei* —

распространение от Эльбруса до Тибра, *Ovis orientalis* (рыжий муфлон) — Кипр, Малая Азия, Иран и пр. Зоологи считают дикого муфлона предком европейской домашней овцы⁹¹. По сведениям Е. А. Богданова, муфлон легко приручается и дает плодовитое потомство⁹². В Крыму кости дикого барана встречаются редко, но с глубокой древности.

Находки костей дикого барана (муфлона) в мустьерской стоянке Киик-Коба и в тарденуазском слое Шан-Коба⁹³ позволяют сделать предположение о непрерывном существовании в Крыму дикого барана⁹⁴. В связи с этим мы можем только предполагать местное происхождение домашней овцы, но утверждать это пока трудно. Зоологи намекают разные ее первичные центры: Азию⁹⁵, восточное Средиземноморье и пр.⁹⁶ Но нам скорее важен не этот вопрос, а факт приручения и одомашнения овцы-козы в мезолите.

КРУПНЫЙ РОГАТЫЙ СКОТ — BOS TAURUS

В стоянке Таш-Аир I костные остатки крупного рогатого скота начинают встречаться со времени раннего неолита и в дальнейшем наблюдаются непрерывно, за исключением тавро-скифского времени⁹⁷. Следует отметить непрерывный рост количества костных остатков домашнего быка (*Bos taurus*) в последующих за ранним неолитом слоях. В стоянке Замиль-Коба II кости домашнего быка также встречаются со времени раннего неолита. Наряду с костями сравнительно мелких особей крупного рогатого скота в стоянке Таш-Аир I представлены (также со времени раннего неолита) и костные остатки крупных особей, вероятно дикого быка. По всей видимости, это тур, а не бизон, так как костные остатки его наблю-

даются и в последующих слоях вплоть до позднего средневековья. Уже только поэтому данные костные остатки не следует относить к бизону, прекратившему свое существование в Крыму в конце палеолита.

Наличие в двух стоянках костных остатков домашнего быка и непрерывное присутствие их в последующих слоях с тенденцией увеличения в количестве дают нам право утверждать о разведении крупного рогатого скота уже в раннем неолите. Мы можем предполагать его первичное приручение и одомашнение в позднем мезолите (тарденуазское время). Находки костей диких осо-

⁸⁸ Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок, стр. 59. Следует отметить, что Г. Чайлд очень осторожно датирует эти поселения мезолитическим временем, не исключая возможности некоторого повышения их даты.

⁸⁹ В. Г. Котович. Чохская стоянка — первый памятник каменного века в горном Дагестане. «Ученые записки», т. III, Махач-Кала, Дагестанский филиал АН СССР. Институт истории языка и литературы, 1957, стр. 157.

⁹⁰ Г. Кларк. Доисторическая Европа, стр. 131.

⁹¹ Е. А. Богданов. Происхождение домашних животных, стр. 219; А. А. Браунер. К вопросу об естественно-историческом обследовании домашних животных СССР; Г. Кларк. Доисторическая Европа, стр. 131.

⁹² Е. А. Богданов. Происхождение домашних животных, стр. 227.

⁹³ В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР, стр. 232, табл. 11.

⁹⁴ По-видимому, условия для его существования были, так как и сейчас в Крымском заповеднике живут дикие муфлоны.

⁹⁵ Е. А. Богданов. Происхождение домашних животных, стр. 216; Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок, стр. 60.

⁹⁶ В. И. Громова. Об ископаемых остатках козы..., стр. 110—111.

⁹⁷ Отсутствие костей домашнего быка в тавро-скифском слое объясняется, по-видимому, тем, что люди, оставившие культурные остатки этого слоя, не жили постоянно под навесом Таш-Аир I.

бей, по-видимому тура, свидетельствуют не о заимствовании скота, а о местном процессе доместикации.

Крупный бык встречается в крымских стоянках, начиная с мустьерского времени и кончая азильским. В тарденуазских слоях основных стоянок Крыма он уже не встречается⁹⁸, что может указывать или на его исчезновение как объекта охоты⁹⁹, или же на его приручение. Постоянное наличие его костей в Таш-Аир I с раннеэнеолитического времени подтверждает правильность последнего предположения. К сожалению, для Крыма не выяснен вид существовавшего здесь дикого быка (*Bos primigenius* или *Bison*), так как зоологами до сих пор не выяснены отличия костей скелета родов *Bison* и *Bos*¹⁰⁰. Возможно, что родоначальником крымского крупного рогатого скота был *Bos primigenius* (тур). О возможностях его одомашнения в Причерноморско-Азовских степях писал еще А. Браунер¹⁰¹.

В. И. Громова также считает тура единственным предком европейского крупного рогатого скота¹⁰².

Почти все исследователи отмечают большие размеры крупного рогатого скота в эпоху неолита и ранней бронзы. В Анау ранний домашний бык также был крупным и лишь в эпоху бронзы выродился в мелкую торфяниковую породу¹⁰³. В трипольской культуре встречаются две породы крупного рогатого скота: крупная, близкая по размерам к туру, и мелкая, близкая к торфяниковому или

северному скоту¹⁰⁴. Э. Р. Штерн считал остатки крупных костей быка, найденные в Петренах, родственными костям тура¹⁰⁵. Такая же картина наблюдается и в швейцарских свайных постройках, где есть и крупный (турообразный) и торфяниковый мелкий скот¹⁰⁶. И. Г. Пидопличко установил для Триполья местное одомашнение быка, которое происходило путем гибридизации бизона и тура¹⁰⁷. А. Добровольский нашел в 8-й Игринской стоянке кости двух пород рогатого скота, крупного и мелкого (*Bos primigenius* и *Bos brachyceros*), относящихся к IV тысячелетию до н. э.¹⁰⁸ Позднее у племен срубной культуры также отмечен крупный рогатый скот значительной величины. В Закавказье в энеолитических поселениях и курганах эпохи бронзы отмечаются громадные размеры крупного рогатого скота, относимого к одомашненному туру¹⁰⁹. Таким образом, наличие крупных видов рогатого скота в неолите и ранней бронзе указывает на приручение тура, водившегося и в Европе, и в Азии, и в Африке. Г. Кларк считает, что обе породы — и мелкая и крупная — произошли от тура, а уменьшение роста он объясняет условиями содержания¹¹⁰. Анализ костных остатков крупного рогатого скота из Таш-Аир I согласуется с общим представлением о приручении тура в Европе.

Здесь также имеются две породы (крупная и мелкая), как и в других местах. Наличие в шестых слоях Таш-Аир I и Замиль-Коба II костей домашней коровы заставляет нас отнести приручение крупного рогатого скота к тарденуазскому времени.

⁹⁸ Шан-Коба, Мурзан-Коба, Фатьма-Коба, Замиль-Коба I и др.

⁹⁹ Тур, по мнению А. Браунера, был первоначально степным животным, а потом человек загнал его в леса. Это мнение разделяется также И. А. Рубцовым и Б. С. Виноградовым. И. А. Рубцов и Б. С. Виноградов. Влияние человека на животный мир степной зоны. «Животный мир СССР», т. III, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 540—542. Вероятно, тур был загнан на Яйлу (в горные леса) человеком и стал редко встречаться в стоянках.

¹⁰⁰ В. И. Громова. Роль палеозоологии в деле изучения происхождения домашних животных, стр. 56.

¹⁰¹ А. А. Браунер. Указ. соч., стр. 128.

¹⁰² В. И. Громова. Об ископаемых остатках козы, стр. 104.

¹⁰³ Е. А. Богданов. Происхождение домашних животных, стр. 175.

¹⁰⁴ В. И. Громова. Материалы к познанию фауны трипольской культуры. «Ежегодник зоологического музея АН СССР», 1927, стр. 88—89.

¹⁰⁵ Э. Р. Штерн. Доисторическая греческая культура на юге России. «Труды XIII Археологического съезда», т. I, стр. 34.

¹⁰⁶ Г. Кларк. Доисторическая Европа, стр. 130.

¹⁰⁷ См. С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая, стр. 181.

¹⁰⁸ А. Добровольский. Восьма Ігринська неолітична стоянка, стр. 250.

¹⁰⁹ Б. Б. Пиотровский. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. СА, XXIII, стр. 7.

¹¹⁰ Г. Кларк. Доисторическая Европа, стр. 130.

ЛОШАДЬ — EQUUS CABALLUS

Костные остатки лошади появляются в Таш-Аир I и Замиль-Коба II со времени позднего неолита и наблюдаются почти непрерывно в последующих слоях, при этом кости лошади отличаются крупными размерами. Кроме того, рисунок лошади обнаружен нами в наскальной живописи навеса Таш-Аир I, относящейся ко времени энеолита и ранней бронзы. Эти факты заставляют поставить вопрос о раннем приручении и одомашнении лошади.

Зоологи отмечают невозможность установления различий между дикой лошадью и домашней по костным остаткам. Археологически также трудно судить о первоначальном приручении лошади. Поэтому на основании находок костных остатков лошади в Таш-Аир I, которые начинают встречаться с V слоя, мы можем высказать только гипотезу о возможности раннего ее приручения. Если предположить начальное приручение лошади в неолите, то небольшое количество костей лошади в стоянке Таш-Аир I может свидетельствовать об ее ограниченном использовании в хозяйстве древнего Горного Крыма — не для мяса, а для транспорта.

Дикая лошадь встречается в крымских стоянках с мустьерского времени и существует непрерывно в эпоху палеолита и мезолита¹¹¹. Наличие исходной дикой формы дает нам право предположить местное при-

ручение лошади. А. Браунер высказывал предположение о возможности одомашнения лошади в Причерноморье¹¹². По вопросу о времени приручения лошади имеются различные взгляды. Г. Кларк считает, что в Западной Европе она появляется в конце неолита, а широкое распространение получает в эпоху бронзы¹¹³. Е. А. Богданов предполагал, что лошадь приручалась неоднократно и даже в сравнительно недавнее время¹¹⁴. На нашей территории она встречается уже в раннетрипольской культуре¹¹⁵, в раннем Анау¹¹⁶, в Афанасьевской культуре¹¹⁷, Андроновской¹¹⁸, в могильниках Закавказья конца II тысячелетия¹¹⁹; у племен срубной культуры существовало уже развитое коневодство¹²⁰. Таким образом, для СССР наиболее раннее появление лошади отмечается только для Триполья и Анау. В. И. Громова считает нерешенным вопрос о существовании домашней лошади в неолите¹²¹. По-видимому, лошадь была приручена в разных местах в разное время и для разных целей, но, как правило, она появляется позже других домашних животных. Уже в эпоху бронзы у многих скотоводческих племен она служила средством передвижения. Описанные в данной работе костные остатки свидетельствуют о наличии домашней лошади уже в позднем неолите.

ОСЕЛ — EQUUS ASINUS

Среди костных остатков Таш-Аир I кости осла встречаются редко и в сравнительно небольшом количестве. В VII слое — одна кость дикого осла. Начиная со слоя Va, кости осла встречаются непрерывно¹²²; в IV слое (поздняя бронза) были обнаружены кости мула¹²³. Дикий осел обнаружен во многих крымских стоянках мустьерского, верхнепалеолитического и мезолитического времени¹²⁴. Первобытный обитатель Крыма охотился на него с глубокой древности, но при-

ручил, по-видимому, только с эпохи бронзы и, возможно, не из-за мяса, а в хозяйствен-

¹¹⁵ С. Н. Бибииков. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевецкая, стр. 191.

¹¹⁶ Е. А. Богданов. Указ. соч., стр. 331.

¹¹⁷ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху бронзы. МИА, 46, 1956, стр. 70—71.

¹¹⁸ К. В. Сальников. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки Челябинской области. МИА, 1, 1940, стр. 66.

¹¹⁹ Б. Б. Пиотровский. Указ соч., стр. 8.

¹²⁰ О. А. Гракова. Указ. соч., стр. 74.

¹²¹ В. И. Громова. Об ископаемых остатках козы..., стр. 101.

¹²² Следует отметить, что кости осла принадлежат к очень мелкому виду.

¹²³ По определению Н. А. Сугрובה.

¹²⁴ В. И. Громова. Палеонтологическое и археологическое обоснование...

¹¹¹ В. И. Громова. Палеонтологическое и археологическое обоснование...

¹¹² А. Браунер. К вопросу об естественно-историческом обследовании домашних животных СССР, стр. 112—114.

¹¹³ Г. Кларк. Указ. соч., стр. 128.

¹¹⁴ Е. А. Богданов. Указ. соч., стр. 313—346.

ных целях¹²⁵. Наличие мула в IV слое (1200—800 лет до н. э.) подтверждает приручение осла с эпохи бронзы. Наличие во II слое (раннее средневековье) большего количества особей уже указывает на его возросшее значение.

А. Браунер упоминает о разведении домашнего осла в Горном Крыму и в историче-

ское время¹²⁶. Появление домашнего осла в Крыму с эпохи бронзы не противоречит данным современной науки. А. Браунер приводит факты об изображениях домашних ослов за 3000 лет до н. э. в Вавилоне и за 2650 лет до н. э. в Египте¹²⁷. По сведениям Е. А. Богданова, греки знали мула еще за 1000 лет до н. э.¹²⁸

О НАЧАЛЬНЫХ ФОРМАХ ЖИВОТНОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Установив по костному материалу стоянки Таш-Аир I время возникновения всех основных видов домашних животных в Крыму, нам остается дать общую характеристику начальных стадий животноводства. Появление в мезолите почти всех видов домашних животных, за исключением лошади и осла, заставляет нас пересмотреть вопрос о хозяйстве мезолитического человека в Крыму. Выяснение значения ранних стадий животноводства представляет большую трудность, так как археологические данные очень скудны. Кроме того, не легко выделить из числа мезолитических кремневых орудий те из них, что имеют отношение к животноводству, не говоря уже о том, что сами костные остатки прирученных и одомашненных животных почти невозможно отличить от костей их диких сородичей, так как зоологи еще не выяснили едва уловимые признаки отличия в костях диких и одомашненных животных на ранних стадиях развития животноводства. Но, несмотря на всю сложность вопроса, есть некоторые данные, которые позволяют отнести возникновение животноводства к значительно более древнему времени, чем это предполагалось до сих пор. Выше мы уже говорили о том, что многие исследователи Крыма пришли к выводу о приручении собаки и свиньи в мезолите. Однако, отмечая этот факт и его большое значение, они обходят его при анализе хозяйства мезолитических обитателей юго-западного Крыма, не решаются пересмотреть сложившиеся представления о времени происхождения животноводства. Отводя главную роль в хозяйстве обитателей Крыма рассматриваемого времени охоте, рыболовству и собирательству, они тем самым по существу отрицают зна-

¹²⁵ В горных местностях ослы и мулы незаменимы в качестве вьючных животных, так как они выносливы и нетребовательны в пище.

чение примитивного животноводства, игравшего, с нашей точки зрения, большую роль. Для того чтобы подойти к решению этого вопроса, необходимо дать краткую характеристику тех условий, которые окружали мезолитического человека Крыма.

После отступления ледника климат Крыма стал постепенно изменяться в сторону потепления, и к тарденуазскому времени приблизился к современному. Соответственно с этим изменились флора и фауна Крыма¹²⁹. Горная часть Яйлы и склоны гор покрываются разнообразными породами смешанных лесов. Очень вероятно, что на Яйлах лес не был сплошным, а имел парковый характер с перемежающимися лугами. Во многих местах были небольшие озера и значительное количество источников. Широкие долины рек были покрыты зарослями камыша и лозняка, там водились кабаны и камышевый кот; в лесах и горах бродили благородные олени, дикие быки, косули, дикие бараны, рыси, в степях обитали сайга, дикая лошадь, дикий осел. В связи с изменениями в фауне должны были, естественно, измениться и методы охоты — приручается собака как охотничье-гончее животное, изобретаются лук и стрелы и, возможно, другие орудия охоты. Но, несмотря на интенсификацию охоты, она одна не могла прокормить возросшее население Горного Крыма; развиваются собирательство, в ряде мест рыболовство и другие способы добывания пищи. В этих условиях и появляются первые зачатки животноводства.

С. Н. Боголюбский, исходя из учета

¹²⁶ А. Браунер. К вопросу об естественно-историческом обследовании домашних животных СССР, стр. 126.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Е. А. Богданов. Происхождение домашних животных, стр. 354.

¹²⁹ В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование...

социально-экономического развития первобытного общества, пришел к совершенно правильному выводу, что «вероятнее всего, стимулом к развитию животноводства было возрастание населения и отсутствие достаточного воспроизведения дикого зверя для промысловой охоты, что и вызвало необходимость искусственного разведения животных»¹³⁰.

Действительно, мы видим, как в мезолите увеличивается число стоянок, что можно объяснить не только измельчением коллективов, но и общим ростом населения. Сокращение территории и объектов охоты привели к необходимости добывания мясной пищи путем содержания и разведения животных в неволе. В мезолите это еще не превратилось в производство. При ранних формах животноводства не было большого различия между дикими и домашними животными, так как, по-видимому, в их существовании не было больших перемен. На примитивной стадии животноводства животные не могли изменяться, так как они выращивались и убивались, не дав потомства, и затем шло новое пополнение молодыми особями, захваченными на охоте. Животные значительное время года сами добывали себе пищу, живя в особых загонах, как бы в естественных условиях, подобно тому как туземцы больших Андаманских островов и негритосы Малайского полуострова помещают пойманных на охоте молодых кабанов в загон внутри своих поселений и кормят их, пока те не вырастут, или как малайцы с Никобарских островов держат полуручных кабанов, выпуская их гулять по очереди¹³¹. Древние бритты, по свидетельству Страбона, огорожив обширное пространство поваленными деревьями, строили в нем хижины и размещали скот, хотя и не на долгое время¹³². Подобные же загон мог делать и человек из Таш-Аир I, перегородив устье балки или ущелья¹³³.

¹³⁰ С. Н. Боголюбский. О путях к овладению эволюцией домашних животных, стр. 16.

¹³¹ В. В. Гольмстен. К вопросу о древнем скотоводстве в СССР, стр. 90.

¹³² См. Г. Кларк. Доисторическая Европа, стр. 127.

¹³³ До сих пор в горах Кавказа, под Сочи, колхозники нередко отпускают свиней на волю и те бродят вокруг селения, питаются в лесу желудями, букowymi и грецкими орехами, каштанами, кореньями и т. д. Глубокой осенью их ловят. Бывают случаи ухода свиней с дикими кабанами и их одичание.

На первоначальной стадии примитивного животноводства, вернее на стадии содержания скота в неволе, состав стада был очень ограничен. Содержали главным образом молодняк свиней. Что касается крупного и мелкого рогатого скота, то, вероятно, только в тарденуазское время и началось его приручение. Кроме того, уже существовало собаководство. Свиней и собак было легче содержать благодаря их всеядности¹³⁴, а для мелкого и крупного рогатого скота приходилось создавать иные условия. Даже на этой ранней стадии примитивное животноводство (содержание полуручного скота) имело большое значение в хозяйстве охотника азило-тарденуазского времени, так как давало значительное количество мяса, шкур, кожи, шерсти, жира и кости для поделок. Вначале, выращивая в неволе молодых диких животных, человек мог не знать, что из этого получится в дальнейшем, но он, безусловно, знал пользу содержания животных, получая ее в виде «готового живого мяса». Молодых поросят было легче добыть, чем убить крупного кабана. Ловля молодняка и выкармливание его в неволе привело к одомашниванию животных. На ранней стадии животноводства разведение свиней имело большее значение, чем приручение других животных. Костные остатки кабана и свиньи преобладают над всеми другими костными остатками животных. Процентное соотношение по определенным костям и особям диких и одомашненных животных дает такую картину: IX слой (позднемадленское или раннеазильское время) — диких животных 10%, домашних 50%¹³⁵; VIII слой (азильское время) — диких 38%, одомашненных (?) 23,2%; VII слой (тарденуазское время) — диких 52,9%, одомашненных 24% (см. табл. 4 в статье Е. М. Дмитриевой). Кроме того, если принять во внимание, что значительное количество процентов костных остатков по указанным слоям (18%, 25%, 41%) трудно отнести к диким или домашним животным, то соотношение получается чрезвычайно

¹³⁴ Возможно, что моллюски раковин *Helix vulgaris*, в обилии находимых в крымских стоянках, шли в пищу не человеку, а свинье. Находки огромного количества раковин совпадают с находками костей свиньи (пропорциональное увеличение по слоям и исчезновение раковин с упадком свиноводства).

¹³⁵ Остальную часть костных остатков нельзя с уверенностью отнести к диким или домашним животным.

показательным. Цифры свидетельствуют о том, что примитивное животноводство становится важной отраслью хозяйства первобытного обитателя Крыма.

В условиях азило-тарденуазского времени в Крыму вырастает новая отрасль хозяйства — животноводство, удельный вес которого как поставщика «готового живого мяса» становится значительным; но охота и собирательство еще главенствуют. Примитивное животноводство получает свои ресурсы из охоты. В это время идет накопление опыта в технике содержания скота и количественное накопление стада, приведшие постепенно к качественному изменению животноводства в неолите.

Эпоха раннего неолита в Крыму характеризуется дальнейшим потеплением климата и, возможно, его увлажнением¹³⁶. В области выделки кремневых призматических пластинок неолитический человек ушел далеко вперед по сравнению с предыдущим периодом. Развивается оседлость, впервые появляются грубая остродонная керамика, в большем, по-видимому, количестве ножи и «серпы» с вкладышами и, возможно, примитивное земледелие. Процентное соотношение по определяемым костным остаткам диких и домашних животных несколько изменяется (та же табл. 4), но важным фактором является изменение видового состава стада домашних животных: появляется крупный рогатый скот и, вероятно, мелкий рогатый скот. Наличие среди домашнего скота уже достоверных четырех видов (свинья, собака, крупный и мелкий рогатый скот) дает нам право говорить об огромном сдвиге в развитии животноводства.

С появлением оседлости и качественным увеличением видового состава стада возникает и забота о содержании скота. Измельчение крупного рогатого скота, по сравнению с диким быком, в раннем неолите также свидетельствует о резких изменениях в содержании домашнего скота. Можно полагать, что с эпохи раннего неолита начинается заготовка кормов, о чем свидетельствует заметное увеличение вкладышей из разрубленных пластинок и прямоугольников, которыми оснащались костные и деревянные

основы ножей и «серпов», служивших для заготовки корма (ветвей, веников, коры деревьев и т. п.). Известно, что листья и ветви до половины прошлого века шли в корм скоту. Для прокормления коровы еще в средние века нужно было до 1000 веников по 1 кг весом¹³⁷. Известно также, что тур питался зимой ветвями кустарников и деревьев, корой и пр., и для его прокорма нужны были большие запасы. Возможно, уже в это время существовали выпасы животных¹³⁸. Можно считать, что время раннего неолита в Крыму является временем становления животноводства и примитивного земледелия, но они еще не являются ведущими формами хозяйства. Наряду с ними в качестве таких ведущих хозяйственных форм существуют охота, собирательство и рыболовство. Только с ростом значения крупного рогатого скота животноводство становится на твердую почву и превращается в важную отрасль хозяйства. Находки костей домашних быков в поселении у Каменной Могилы, на 8-й Игринской стоянке, в Васильевском мезолитическом могильнике, в неолитических могильниках Надпорожья и т. д. подтверждают наш вывод о существовании животноводства в раннем неолите Крыма и юга СССР.

Начиная со слоя Va (время развитого неолита, IV—III тысячелетия до н. э.) животноводство и мотыжное земледелие, по-видимому, становятся основой хозяйства, хотя процентное соотношение диких и домашних животных и не показывает количественного увеличения стада. Однако, если принять во внимание 38% (та же табл. 4) костных остатков, часть которых, безусловно, должна быть отнесена к домашним видам, то намечается и количественное увеличение стада. Кроме того, в составе стада происходят и некоторые качественные изменения. В слое Va мы уже имеем достоверную домашнюю овцу и, возможно, домашнюю лошадь¹³⁹.

¹³⁷ Г. Кларк. Доисторическая Европа, стр. 127.

¹³⁸ Об изменениях в содержании скота говорят частичные морфологические изменения в костях животных.

¹³⁹ Количество костей того или иного вида часто не соответствует истинному количеству съеденных и убитых животных. Поэтому подсчет особей крайне проблематичен. «Чем больше того или иного вида, тем дальше отступает от действительности результат подсчета особей (в сторону уменьшения)». (В. И. Цалкин. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси, стр. 122).

¹³⁶ Раковины *Helix vulgaris* распространяются в большем количестве, чем прежде, что указывает на некоторое увлажнение климата.

В видовом составе стада преобладают свиньи, что, очевидно, говорит о главенстве свиньи в животноводстве неолита; остальные виды одинаковы по количеству особей. Дальнейшее развитие оседлости, установившейся с раннего неолита, и все предыдущее развитие крымского первобытного человека привели его к установлению пастушеского животноводства, а также, разумеется, и мотыжного земледелия, без которого пастушеское животноводство не могло существовать.

Примитивное животноводство постепенно перерастает в развитое; присваивающее хозяйство уступает первенствующее место новому, производящему хозяйству. Животноводство и земледелие становятся на твердый путь дальнейшего развития. Образуется припоселковое стадо. В связи с его увеличением потребовалась и усиленная заготовка корма. Эту заготовку производили при помощи ножей-серпов с кремневыми вкладышами. Совпадение расцвета вкладышевой техники с развитием скотоводства и земледелия, конечно, не случайно. Вероятно, в развитом неолите уже существовал отгон скота на Яйлы в летние месяцы. Стоянки Яйлы в большинстве своем датируются этим и еще более поздним временем¹⁴⁰.

В эпоху энеолита и ранней бронзы (конец III и II тысячелетие до н. э.) животноводство продолжает совершенствоваться, на что указывают рост числа костных остатков домашних животных и изменение в соотношении видового состава стада. Наблюдается уменьшение роли свиньи. Основное значение имеет уже крупный рогатый скот. В курганных погребениях этого времени (ямно-катакомбного) в Крыму отмечены частые захоронения костей быка, а иногда целых туш, а также находки фигурок быка, свидетельствующие о его культе¹⁴¹. Культ быка уже

¹⁴⁰ Быстрое уничтожение лесов на Яйле зависело, по всей вероятности, от развития животноводства, особенно яйлажного, появляющегося позднее.

¹⁴¹ Культ быка существовал в Крыму, на Кавказе, Подонье и Приднепровье с энеолита. В Триполье и Усатове культ быка сочетался с культом богини плодородия. В Крыму культ быка появляется в ямно-катакомбный период и продолжает существовать у тавров в позднее время, а отголоски его прослежи-

явным образом указывает на большое значение крупного рогатого скота в хозяйстве человека. Бык в это время служил и тягловой силой (повозки в погребениях ямной культуры); возможно, появляется и молочное хозяйство. Костные остатки лошади отсутствуют в слое Vb, но соответствующие изображения в рисунках Таш-Аир I, датированных нами временем энеолита, свидетельствуют о существовании домашней лошади. Весьма вероятно, что с этого времени появляется и домашний осел, костные остатки которого встречаются в дальнейших наслоениях непрерывно. Наличие костей всех видов домашних животных в энеолите и ранней бронзе Крыма позволяет сделать заключение о ведущей роли животноводства в хозяйстве этого времени.

О дальнейшем развитии животноводства по одним только материалам из Таш-Аир I и Замиль-Коба II судить трудно, так как со времени кизил-кобинской культуры (1200—700 лет до н. э.) постоянное обитание первобытного человека в пещерах кончается, и если в них и встречаются небольшие культурные наслоения, оставленные пастухами, то по ним нельзя дать правильной оценки всей эпохи¹⁴². Однако, судя по костным остаткам раннего средневековья и соответствующим сравнительным данным, можно заключить, что в это время ведущая роль в животноводстве переходит к овцеводству.

В данной главе мы затронули только некоторые вопросы сложной проблемы происхождения животноводства. Находки костных остатков домашних животных в стоянках датских Кьёккенмеддингов, в ранних стоянках Украины и особенно в раскопках последних лет в Иерихоне убеждают нас в правильности и своевременности постановки вопроса о более раннем происхождении и развитии животноводства, чем это было принято думать.

вались у горных жителей Крыма до нашего времени. Эти отголоски, например, проявились в легендах о причинах землетрясения 1927 г.

¹⁴² Развитие животноводства в эту эпоху требует дальнейшего дополнительного исследования, и его подробная характеристика не входит в задачи нашей книги.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследованию пещерной стоянки Таш-Аир I, необходимо еще раз подчеркнуть, что она является сложным комплексным археологическим памятником, изучение которого позволило нам выявить здесь десять культурных наслоений, начиная с палеолита и кончая поздним средневековьем. Ни в какой другой стоянке Крыма такого количества последовательных наслоений не встречено. Поэтому стоянка Таш-Аир I, как мы показали, может служить эталоном и основой для построения периодизации послепалеолитических культур Крыма. При анализе условий залегания наслоений и вещественных материалов мы проследили и установили последовательный процесс развития форм кремневых орудий и техники их выделки от палеолита и кончая эпохой бронзы, а также выявили генетическую связь культурных наслоений. Для решения общих вопросов развития крымской первобытной культуры мы привлекли материалы другой, исследованной нами же, многослойной пещерной стоянки Замиль-Коба II и, кроме того, крымские одновременные стоянки и материалы из стоянок Надпорожья, Подонья и Нижнего Поволжья.

Все это и позволило нам предложить вниманию исследователей новую периодизацию послепалеолитических культур Крыма, в основу которой мы положили изменения форм и техники выделки орудий труда и изменения форм хозяйства.

Соглашаясь с рядом других исследователей об отнесении наслоений стоянки Сюрень I к различным этапам верхнего палеолита, мы установили связь верхнего слоя Сюрень I с ранними азильскими комплексами стоянок Таш-Аир I, Качинского навеса и грота Буран-Кая. Тем самым заполняется пробел, существовавший в изучении палео-

лита Крыма. Кроме того, из общей массы так называемых позднеатарденуазских стоянок нами была выделена раннеолитическая стадия и впервые охарактеризована поздняя стадия неолита, что опять-таки позволило заполнить большой пробел в периодизации послепалеолитических культур Крыма.

Начиная с позднего палеолита и кончая эпохой бронзы, мы проследили развитие и изменение форм орудий труда, техники их выделки, появление первых домашних животных и становление производящих форм хозяйства — животноводства и земледелия. В результате нашего обзора удалось наметить характерные черты каждой стадии.

В конце верхнего палеолита в Крыму наблюдается некоторое потепление климата, почти полное исчезновение арктических видов животных и широкое распространение таких животных, как благородный олень, кабан и косуля. Весь ход предыдущего развития и эти новые природные факторы не могли не оказать соответствующего влияния на жизнь и хозяйство первобытного обитателя Крыма. Наряду со старыми палеолитическими формами орудий труда развиваются новые.

Развитие этих новых форм свидетельствует о начавшемся процессе микролитизации орудий и совершенствовании техники выделки пластинок. Этот процесс особенно характерен для юга.

По-видимому, процесс микролитизации связан с намечающимися в это время изменениями в способах охоты. Основными промысловыми видами становятся кабан и благородный олень. Охота на этих животных требовала иных методов и иной техники. Отсюда же можно объяснить и развитие вкладышевой техники и появление домаш-

ней собаки. Небольшие кострища на стоянках этого времени, тонкость культурных наслоений и незначительное количество вещественных остатков свидетельствуют о малочисленности охотничьих коллективов.

Ранняя стадия мезолита (азильское время) знаменует собой новую переходную эпоху в истории развития первобытной культуры Крыма. Она начинается с распространения в Крыму стоянок азильского времени и кончается с появлением стоянок тарденуазского времени, что совпадает с окончательным отступлением ледника и установлением современной геологической эпохи.

В это время как в природе, так и в человеческом обществе происходят коренные изменения. Форма кремневых орудий и техника их выделки носят двойкий характер — палеолитический и неолитический. Все развитие кремневой индустрии этой стадии идет в сторону совершенствования выработки правильно огранных пластинок и орудий из них. Появляются первые микролитические формы сегментов и трапеций, являющихся датированными формами раннего мезолита. Впервые появляются лук и стрелы. Отмечается прогрессивное развитие всевозможных вкладышевых орудий и вкладышевой техники, дифференцируются орудия по обработке кости и дерева и совершенствуется техника отжима в изготовлении кремневых орудий.

Климат Крыма продолжал оставаться еще влажным и холодным. Флора близка к флоре верхнего слоя стоянки Сюрень I. Лесные животные — кабан, благородный олень и косуля получают более широкое распространение. Из четвертичных видов животных еще бытуют бизон, пещерный лев, северный олень, но они встречаются очень редко.

Крупные сдвиги произошли и в жизни раннемезолитического человека. Совершенствуются способы охоты на кабана, благородного оленя и косулю, на что указывает наличие лука и стрел и прирученной собаки. Особенно вырастает промысловое значение кабана, кости которого преобладают на стоянках. По-видимому, к этому же времени следует отнести и первые опыты в приручении кабана.

Наряду с этим развивается усложненное собирательство не только наземных моллюсков лесной улитки, но главным образом съедобных кореньев, злаков, плодов, орехов

и пр. В приморских и речных районах существует рыболовство.

В устройстве зимних пещерных жилищ наблюдается целесообразность в размещении. Небольшие коллективы людей вели бродячий образ жизни. В их социальном устройстве и духовной культуре также намечаются крупные сдвиги.

Следующая стадия позднего мезолита является непосредственным продолжением развития раннего мезолита. Ее нижняя граница совпадает с распространением в Крыму стоянок тарденуазского времени, а верхняя — с появлением раннеолитических стоянок.

Значительное увеличение количества мест поселений и зоны их распространения указывают на рост населения. По характеру вещественных остатков поздняя стадия уже существенно отличается от предыдущей. Палеолитические формы орудий почти исчезают. В кремневом инвентаре преобладают правильно огранные пластинки и всевозможные орудия из них. Высокое развитие получают всевозможные геометрические формы вкладышей. Микроиндустрия и вкладышевая техника прочно завоевывают ведущее место. Отмечается стандартизация форм орудий, особенно геометрических микролитов.

Руководящими формами кремневых изделий являются: небольшие равнобедренные трапеции, малые сегменты, переходящие в треугольники, конические нуклеусы и тонкие резцы на углах обломанных пластинок.

Климатические и природные условия этой стадии близки к современным. Распространяются широколиственные породы леса. Четвертичная фауна исчезает. В хозяйстве человека наблюдается прогрессирующее уменьшение значения охоты и рост усложненного собирательства. Наряду с домашними собакой и свиньей приручается, по-видимому, и крупный рогатый скот.

Одомашнивание животных и рост усложненного собирательства неизбежно должны были привести в следующую эпоху к возникновению новых форм хозяйства — животноводству и земледелию.

Раннеолитическая стадия, непосредственно вытекающая из предыдущей, выделена нами из массы так называемых позднетарденуазских стоянок с микролитическим инвентарем.

Основным критерием для выделения ста-

дии раннего неолита послужило не только появление первой керамики, но также и крупные изменения в составе орудий производства, в хозяйстве человека и устройстве жилищ.

Нижней границей раннего неолита мы считаем бескерамические позднеатарденуазские стоянки Крыма, а верхней — стоянки с нарезным орнаментом.

Эта стадия характеризуется дальнейшим совершенствованием выработки призматической пластинки и развитием микроиндустрии. Техника отжима пластинок от нуклеуса достигает высокой степени совершенства. Развивается отжимная струйчатая техника в нанесении ретуши. Появляются цилиндрические и правильные конические нуклеусы. Резко увеличивается количество всевозможных вкладышевых форм, а также количество различных резцов и скребков, указывающих на растущее производство обработки кости, дерева и кожи. Появляются первые орудия с двусторонней обработкой — топоровидные и сверленные каменные поделки. Впервые возникает гончарное дело — по выработке архаической толстостенной остродонной глиняной посуды. Эта керамика, а также высокая равнобедренная трапеция (прообраз трапеции со струганой спинкой), цилиндрические нуклеусы с двумя ударными площадками и роговые муфты и мотыги со сверлинами являются руководящими и датирующими формами раннего неолита Крыма.

Мощные кострища на стоянках этого времени, значительная толщина культурного слоя и резкое увеличение вещественных остатков свидетельствуют о росте первобытного коллектива и первоначальной оседлости. Охота перестает быть основой хозяйства. В это время происходит окончательное завершение одомашнивания свиньи, козы, овцы и крупного рогатого скота. Прimitивное животноводство играло в хозяйстве ранне-неолитического человека уже значительную роль. Появление оседлости способствовало развитию животноводства, основой которого было свиноводство. Наличие диких злаков в Крыму, находки мотыг из рогов косули и другие данные свидетельствуют о зачатках первоначального земледелия.

У некоторых ранне-неолитических коллективов, живших ближе к морю, большое значение приобретает рыболовство и, возможно, морской промысел.

Появление топорообразных орудий указывает на возросшую обработку дерева.

Все эти коренные сдвиги и характеризуют новую эпоху в развитии крымской первобытной культуры — эпоху неолита.

Поздний неолит Крыма охватывает период приблизительно от 4000 до 2500 лет до н. э. Поселения человека этого времени распространились по всей горной части Крыма и в степи. Сходство вещественных остатков крымских стоянок этого времени и неолитических стоянок Надпорожья, Приазовья, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа позволило нам высказать предположение или о широких культурных связях или об этническом родстве населения указанных территорий.

В развитии кремневой индустрии эта стадия характеризуется расцветом микролитической вкладышевой техники, усовершенствованием плоской и струйчатой отжимной ретуши, резким увеличением количества и качества выделки призматической пластинки, развитием всевозможных резцов, резчиков и микрорезцов на углах обломанных пластинок, разнообразием форм геометрических микролитов, появлением микроскребков, трапеций со струганой спинкой и сегментов с плоской ретушью по дуге. Указанные трапеции, микроскребки и сегменты с плоской ретушью по дуге, а также уплощенные и конические нуклеусы (близкие к карандашевидным) являются руководящими формами для этой стадии.

Отмечается расширение производства костяных орудий и поделок. Совершенствуется и керамическое производство. Сосуды остродонной формы становятся тоньше. В составе теста имеются примеси толченой раковины. Появляется разнообразная орнаментика в виде прочерченных линий, зубчатого штампа, ямок, бороздок, штрихов и пр.

Основой хозяйства становится животноводство, причем основное значение приобретают крупный рогатый скот и свинья. Охота, рыболовство и примитивное земледелие дополняют его. Возможно, в это время приручается и лошадь.

Совпадение расцвета микроиндустрии и вкладышевой техники с развитием животноводства и примитивного земледелия — явление не случайное. Массовое появление стоянок на Яйлах было, по-видимому, обусловлено развитием животноводства. Также

ростом населения и развитием животноводства следует объяснять появление стоянок и в степной части Крыма. Мощность культурных наслоений в стоянках этого времени и значительное увеличение вещественных остатков указывают на установление сравнительно прочной оседлости.

Наряду с животноводством в эпоху позднего неолита существовало и птицеводство. Об этом свидетельствуют находки костей домашней курицы в слое Va Таш-Аир I (см. статью Е. Л. Дмитриевой).

Энеолит и эпоха ранней бронзы Крыма охватывают период ямно-катакомбного времени (2500—1300 лет до н. э.).

В стоянках Крыма и на юго-востоке Европейской части СССР наблюдается сходство в вещественных памятниках и появившемся в это время курганном обряде захоронения, что свидетельствует об этническом родстве племен нашего юга.

Кремневая индустрия этого этапа характеризуется началом изживания микроиндустрии и развитием орудий с двусторонней обработкой путем отжимной и зубчатой техники. Струганая техника в нанесении ретуши достигает совершенства. Появляются крупные треугольные наконечники стрел-дротиков, кинжалы с двусторонней обработкой и первые металлические предметы ямно-катакомбного типа. Керамическое производство также совершенствуется. Появляются круглодонные и плоскодонные сосуды ручной лепки с ярко выраженной шейкой и разнообразным орнаментом. Наряду с прежними мотивами орнаментики получают развитие: елочка, шнур, ямки, узкие нарезки и пр.

Руководящими формами являются карандашевидные нуклеусы, наконечники стрел треугольной формы с прямым и выемчатым основанием и сосуды с елочным и шнуровым орнаментом. Основа хозяйства — животноводство и земледелие.

О дальнейшем развитии культур Юго-За-

падного Крыма мы можем судить по поселениям кизил-кобинской культуры, относящейся к эпохе поздней бронзы, по таврским поселениям и погребениям в каменных ящиках и по так называемым пещерным городам Крыма с окружавшими их поселениями.

В нашей работе мы описали и дали интерпретацию наскальным изображениям, открытым нами на стене навеса стоянки Таш-Аир I. Мы отнесли их к ямнокатакомбному времени.

Особое место мы уделили вопросу происхождения животноводства в Крыму. Проблема возникновения животноводства является сейчас одной из самых важных проблем в изучении истории первобытного общества, так как от правильного ее решения зависит и правильное понимание социально-экономического уклада и духовной культуры послепалеолитического человека.

До сих пор археологи и зоологи относили приручение и одомашнение животных к неолиту, а начало животноводства к энеолиту.

В данной работе на основе костных остатков из последовательных наслоений стоянок Таш-Аир I и Замиль-Коба II и на основе общепризнанного развития человеческого общества мы пришли к выводу о местном приручении почти всех видов домашних животных в период мезолита.

Появление в мезолите почти всех видов домашних животных, за исключением лошади и осла, было вызвано, по-видимому, предыдущим развитием человеческого общества и кризисом охотничьего хозяйства, начавшимся в конце палеолита.

Установление производящих видов хозяйства — животноводства и земледелия в раннем неолите мы считаем закономерным и вполне возможным. Многие поставленные нами вопросы требуют дальнейшей детальной разработки и дальнейших исследований в области изучения послепалеолитических культур Крыма.

ТАБЛИЦЫ НАХОДОК ИЗ ПЕЩЕРНОЙ СТОЯНКИ ТАШ-АИР I

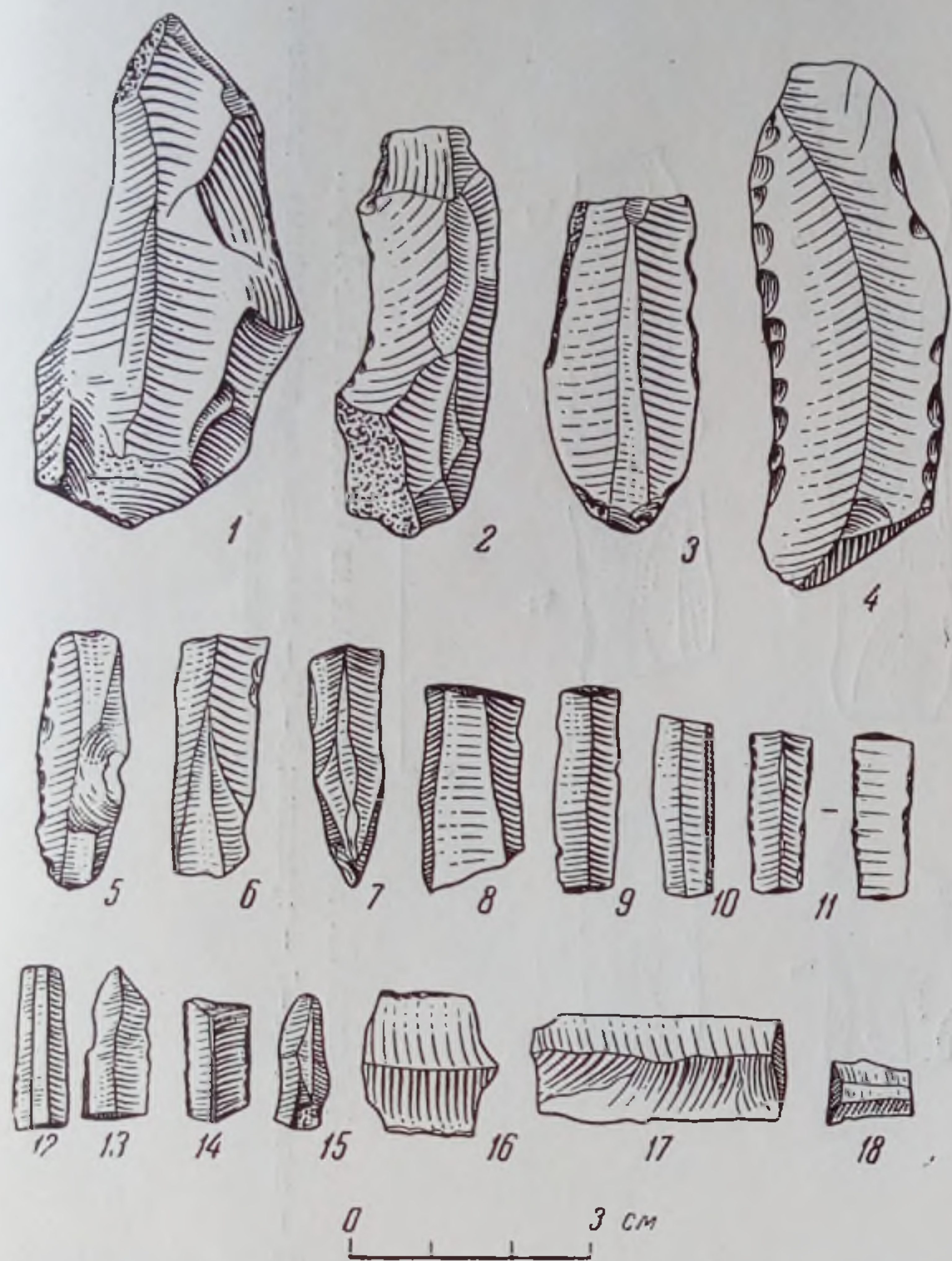

Таблица I. Кремневые орудия из IX слоя Таш-Аир I.
Пластинки и вкладыши.

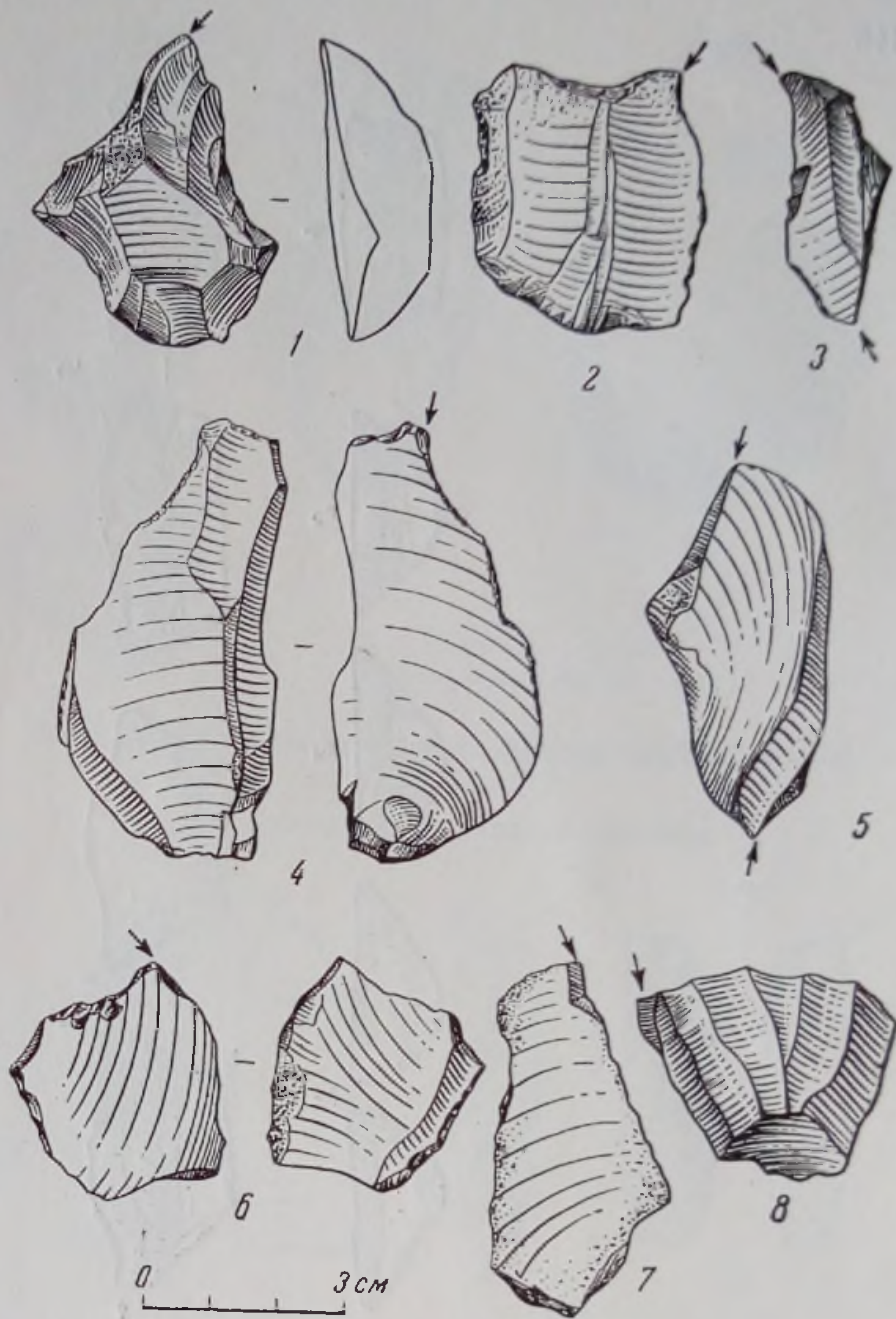

Таблица II. Кремневые орудия из IX слоя Таш-Аир I.
Резцы.

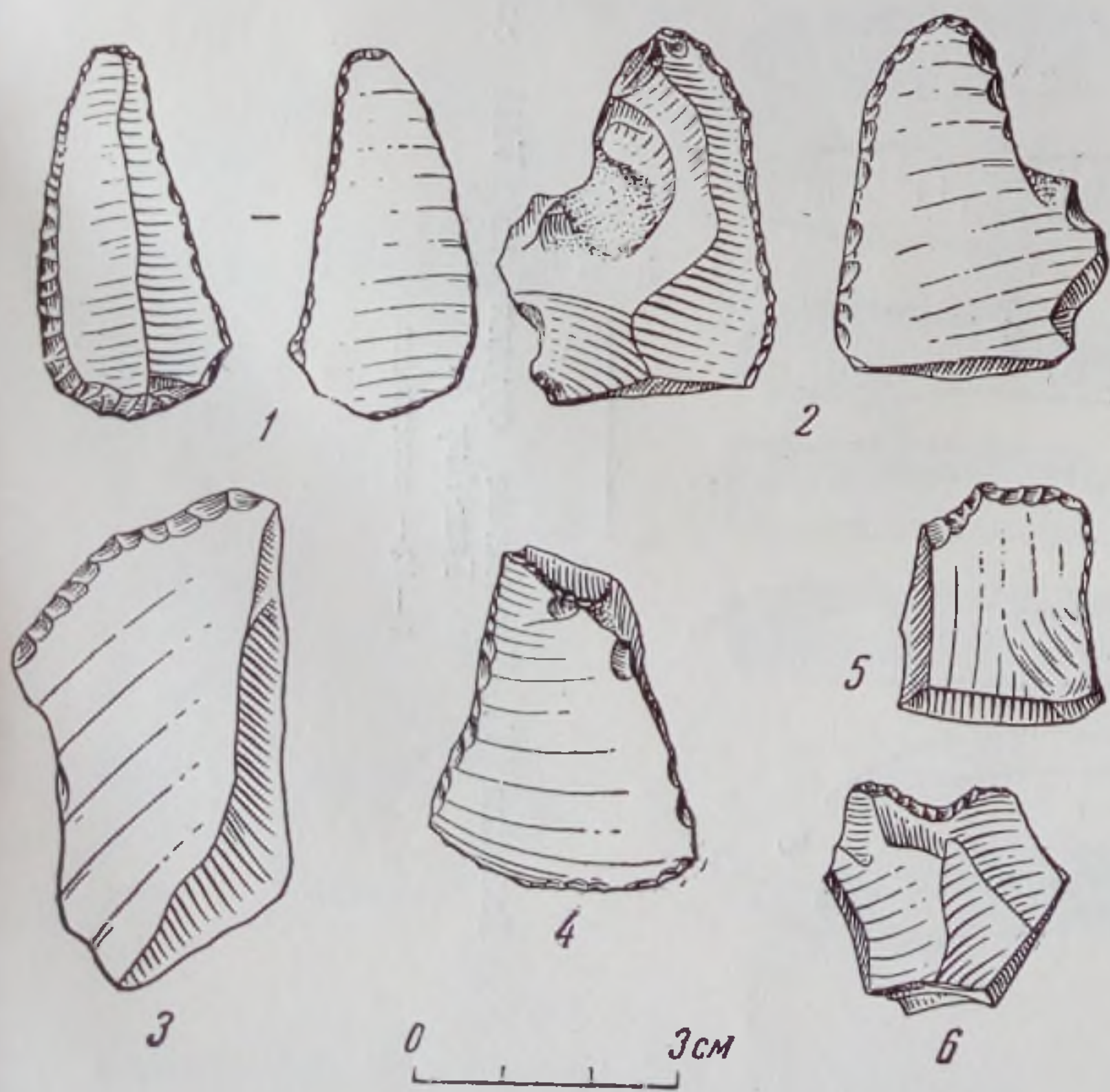

Таблица III. Кремневые орудия из IX слоя Таш-Аир I.
1-4 — резчики; 5 — скребок; 6 — скобель.

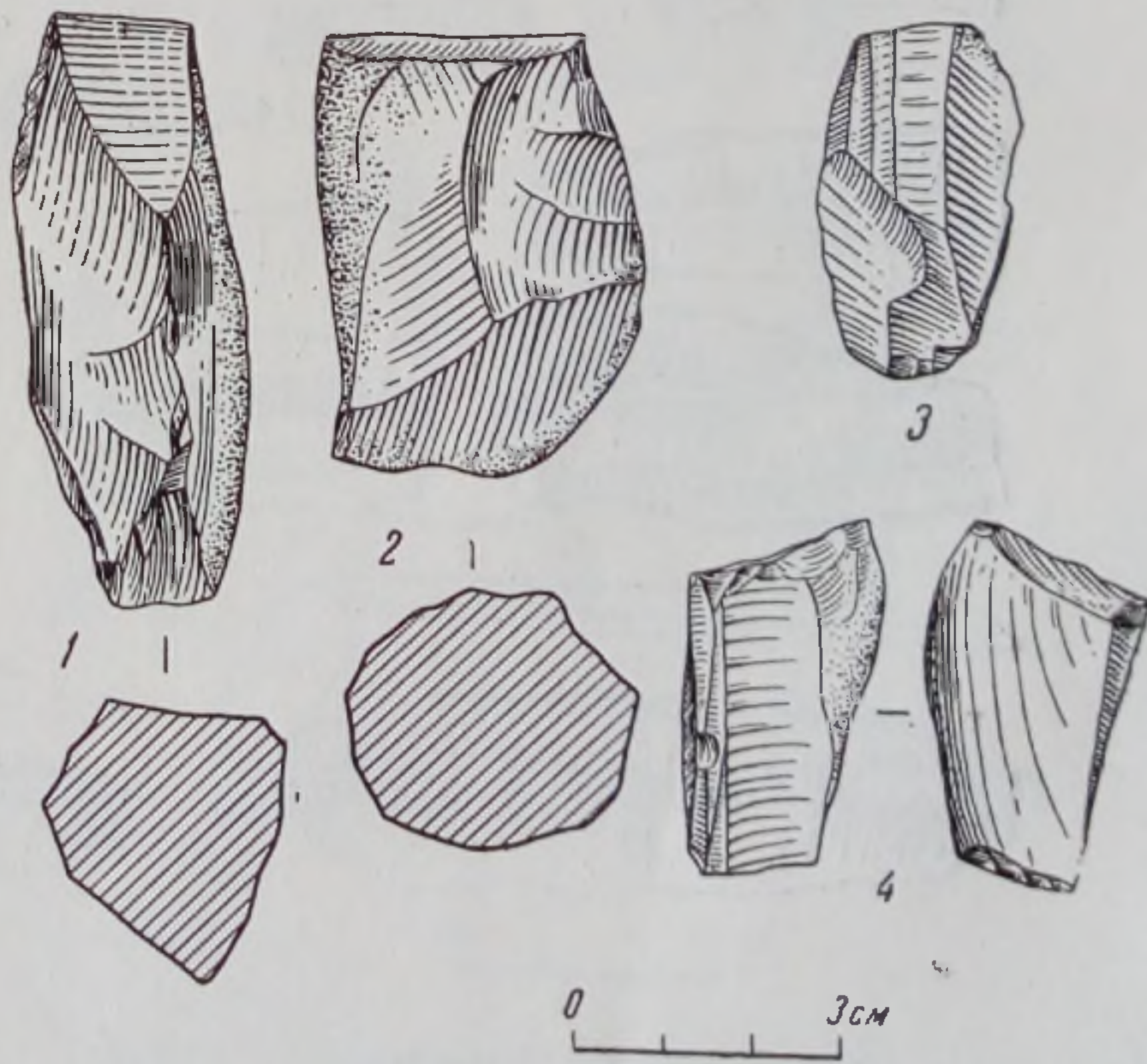

Таблица IV. Кремневые орудия из IX слоя Таш-Аир I.
1-4 — нуклеусы и нуклевидные орудия.

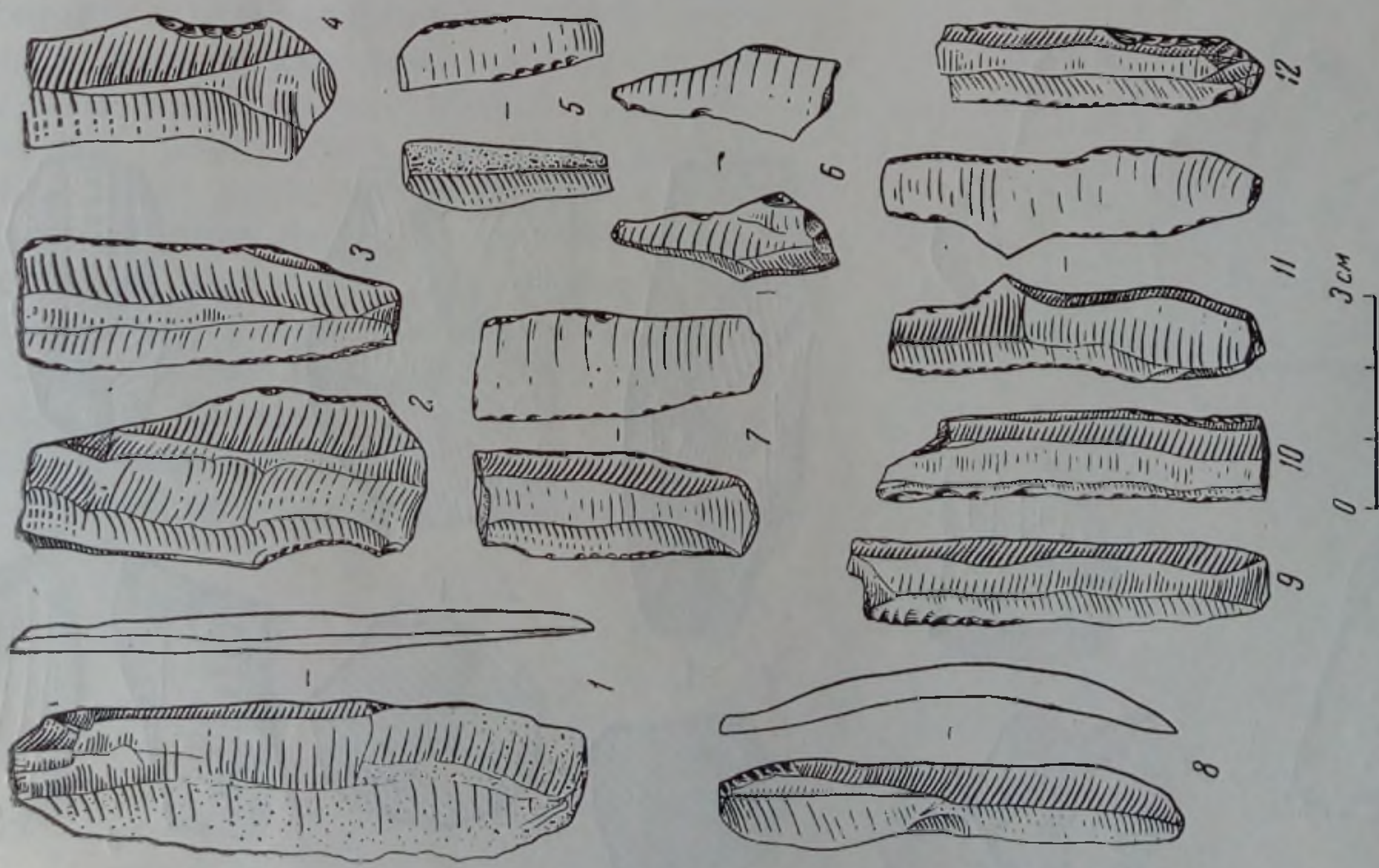

Таблица V. Кремневые орудия из VIII слоя Таш-Аир I.

1—12 — пластинки.

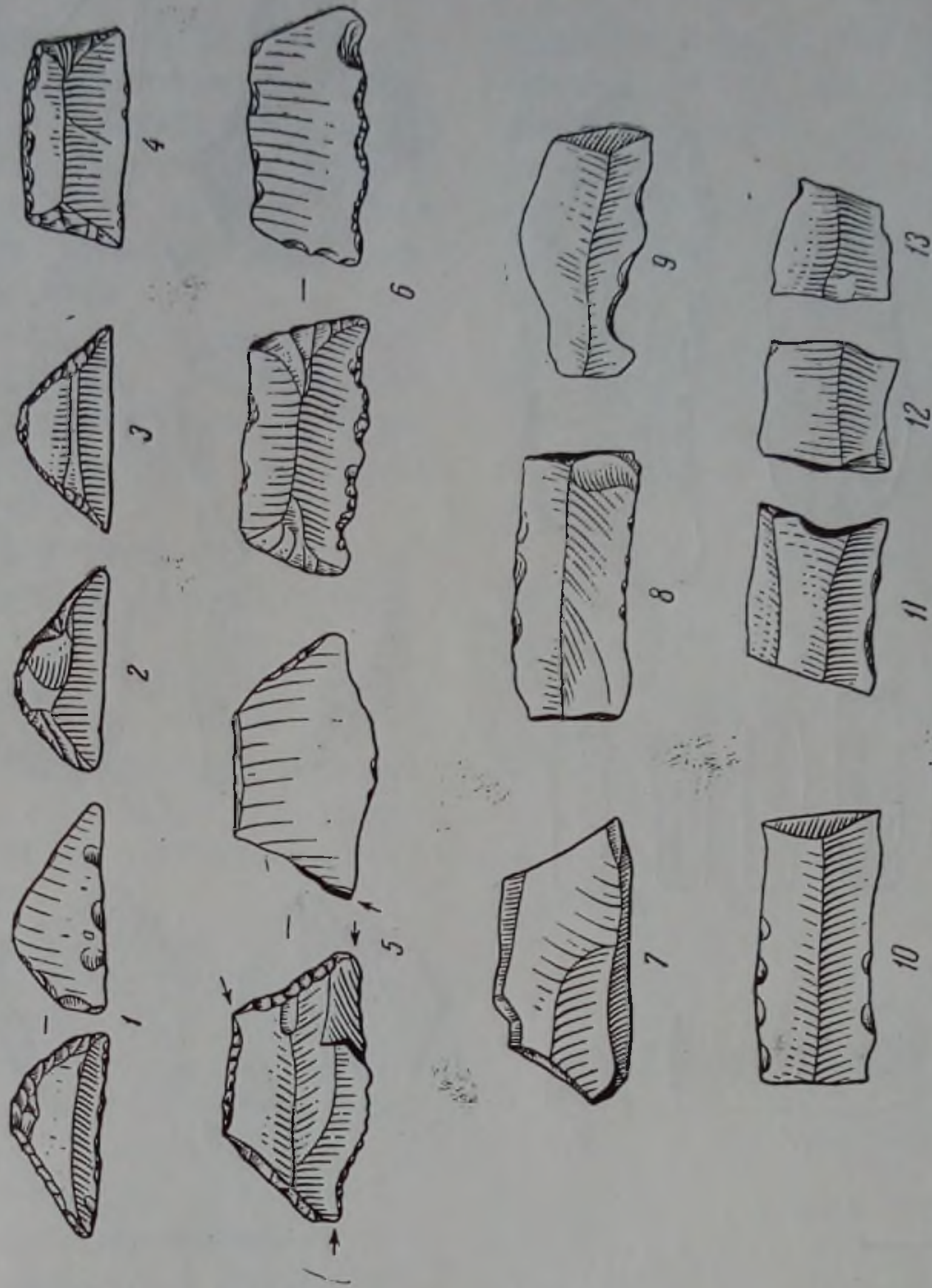

Таблица VI. Кремневые орудия из VIII слоя Таш-Аир I.

1—3 — сегменты; 4—7 — трапеции; 8—13 — вкладыши из разрубленных пластинок (прямоугольники).

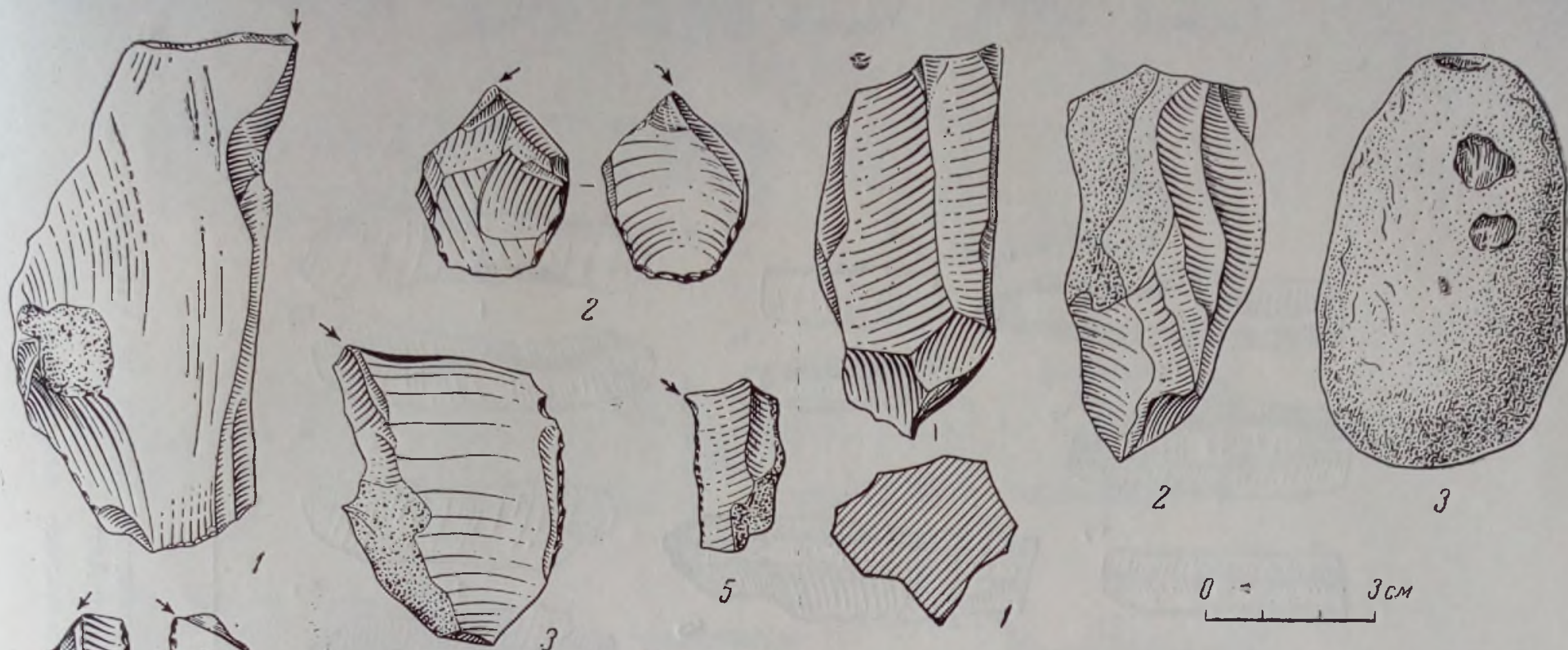

Таблица IX. Кремневые и каменные орудия из VIII слоя Таш-Аир I.

1-2 — нуклеусы; 3 — галька-отбойник.

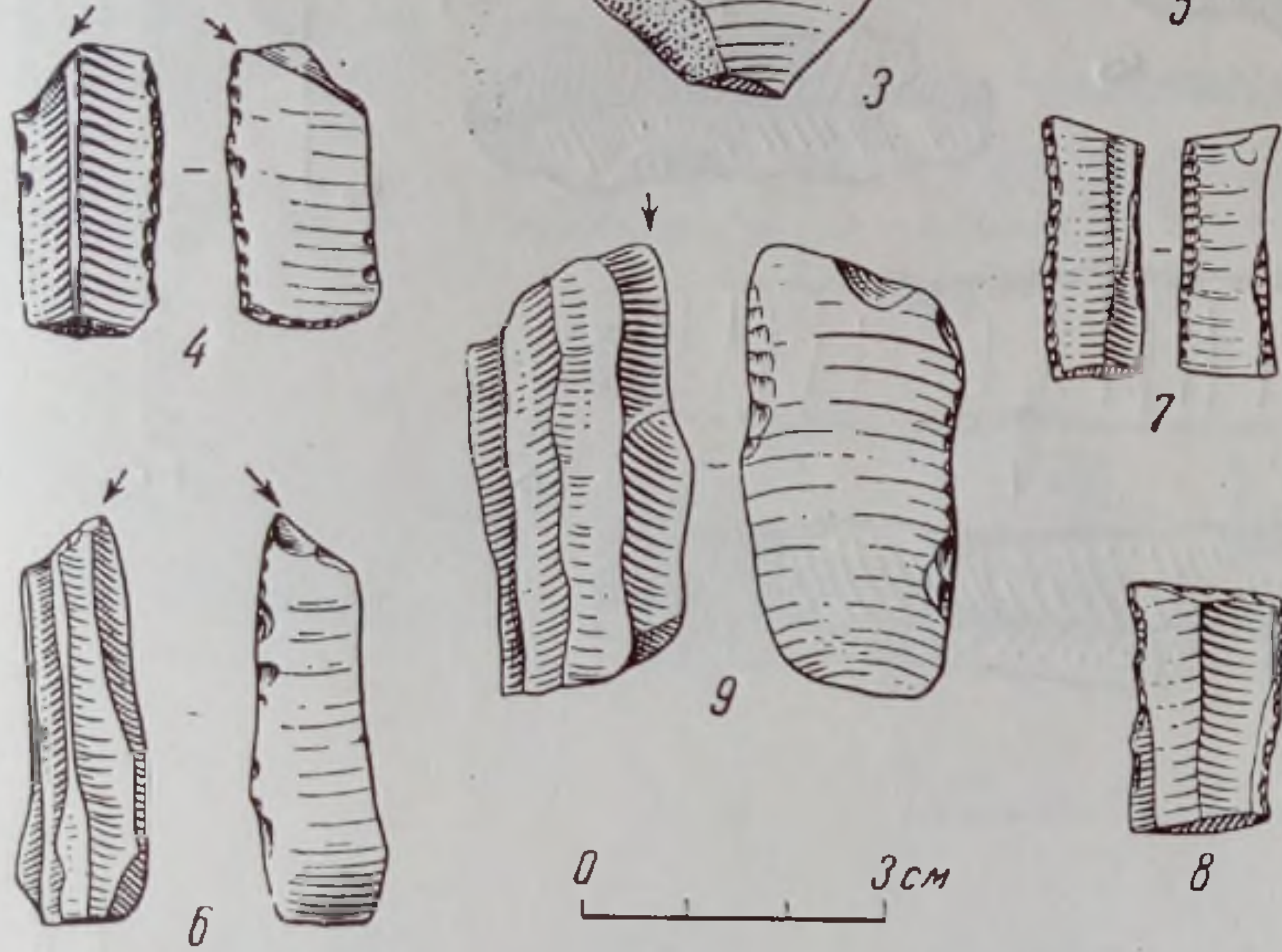

Таблица VII. Кремневые орудия из VIII слоя Таш-Аир I.

1-3 — резцы на отщепах; 4 — угловой резец на пластинке; 5 — микрорезец; 6-9 — резчики на углах обрубленных пластинок.

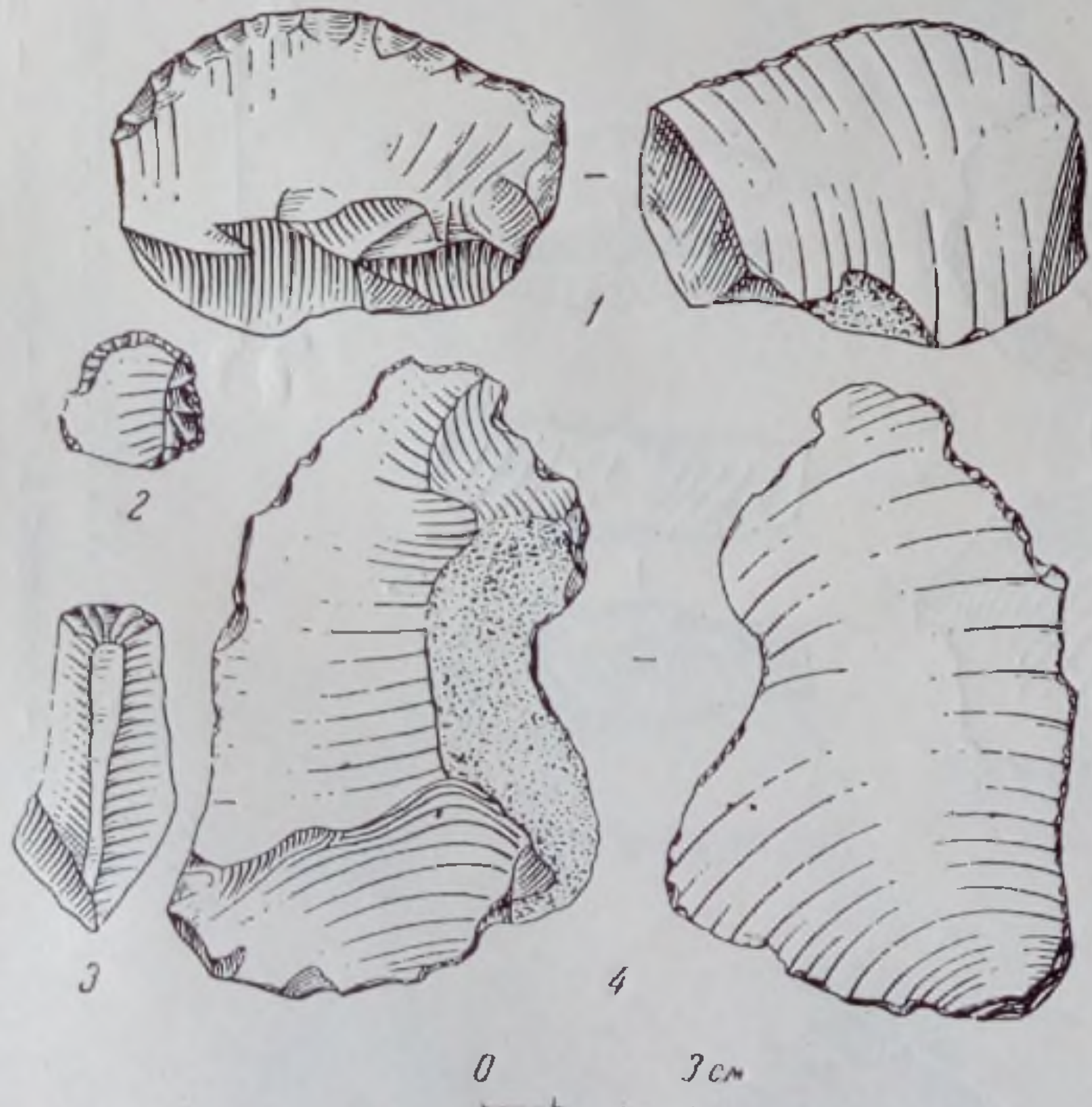

Таблица VIII. Кремневые орудия из VIII слоя Таш-Аир I.

1 — скребло; 2-3 — скребки; 4 — скобель.

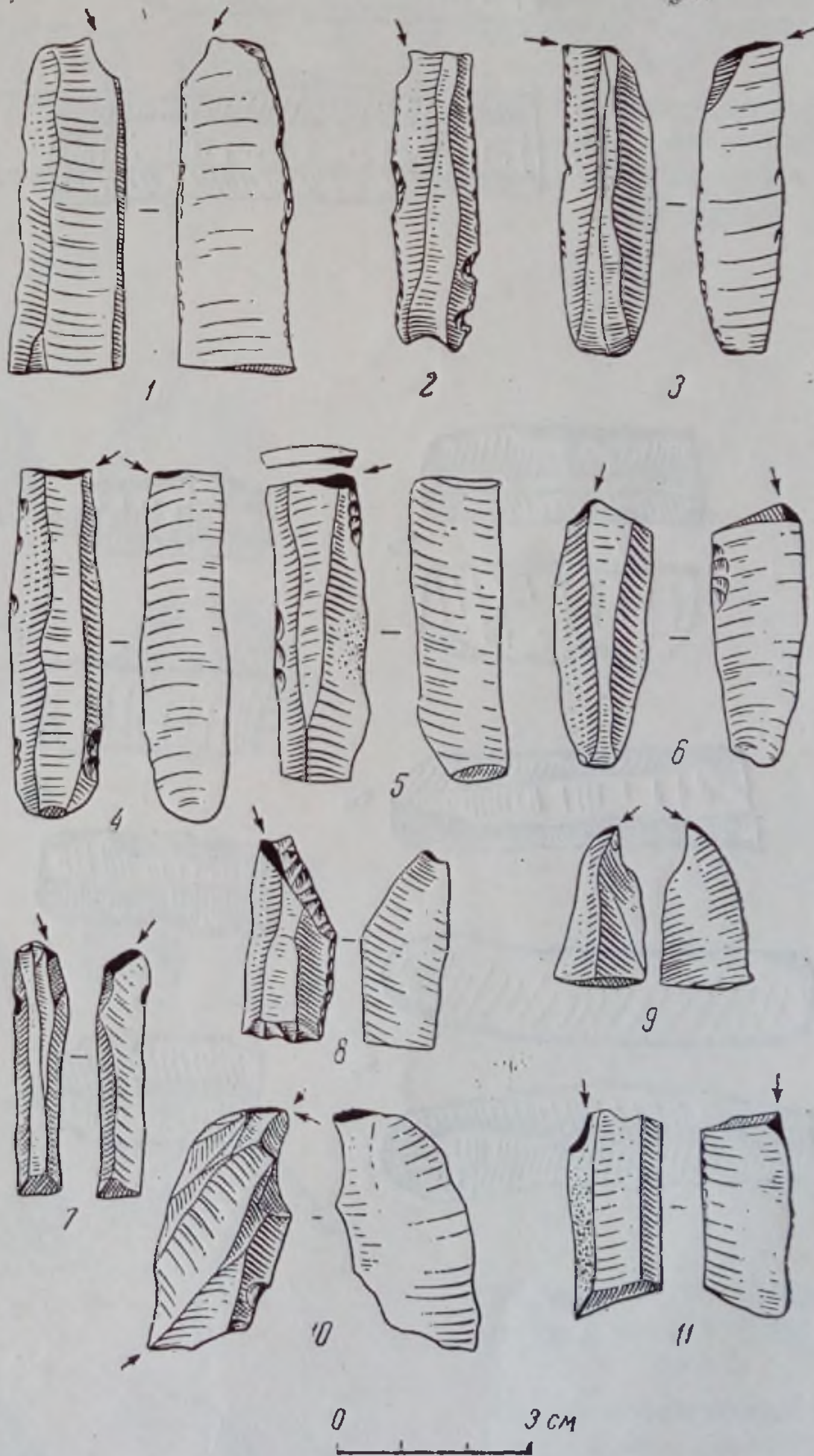

Таблица X. Кремневые орудия из VII слоя Таш-Аир I.

1-11 — резцы разнообразных форм.

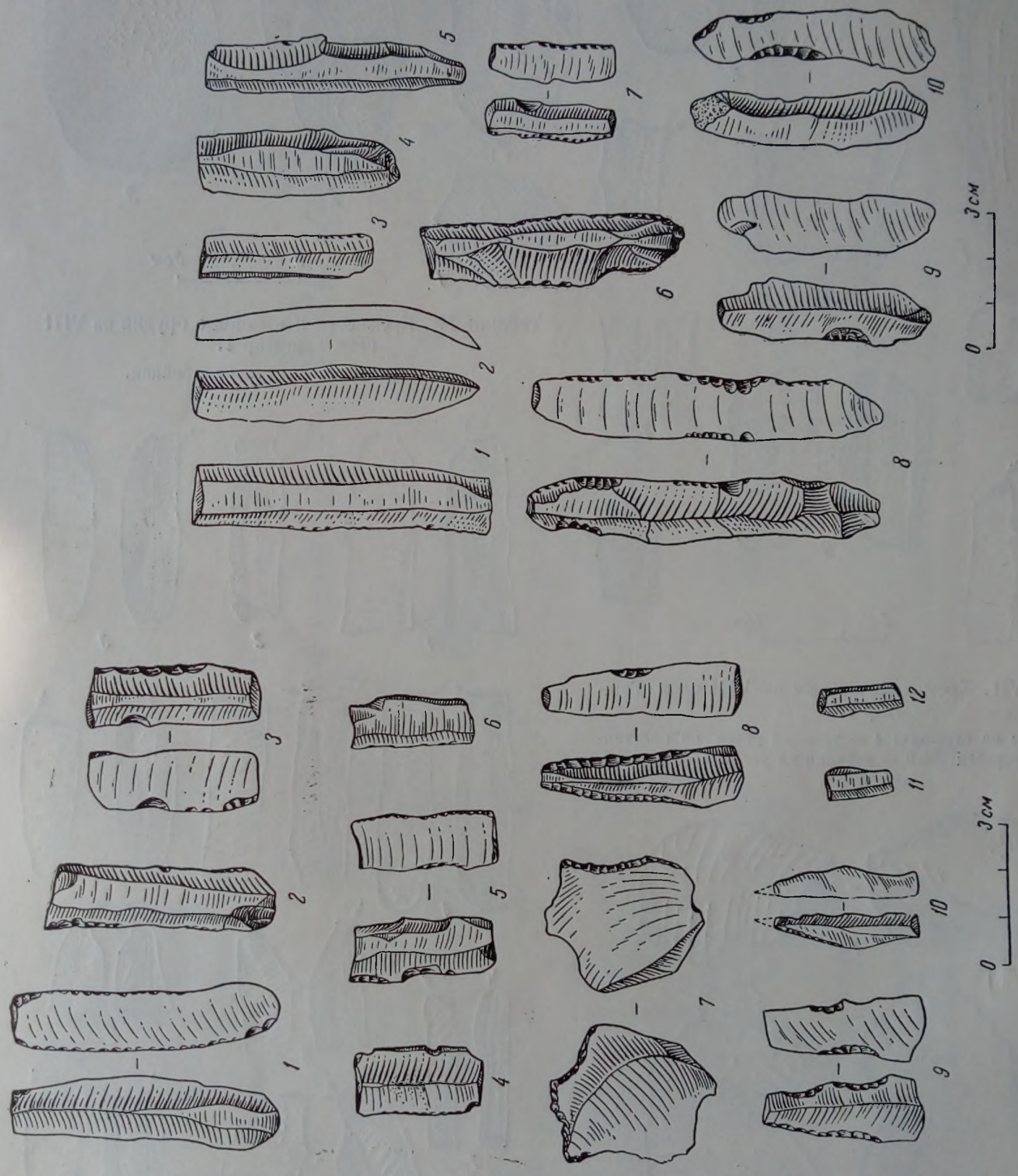

Таблица XII. Кремневые орудия из VII слоя Таш-Аир I.
1—10 — ножевидные пластинки

Таблица XI. Кремневые орудия из VII слоя Таш-Аир I.
1—7 — резчики; 8, 10 — проколки; 9 — пластинка с выемками; 11—12 — микропластинки.

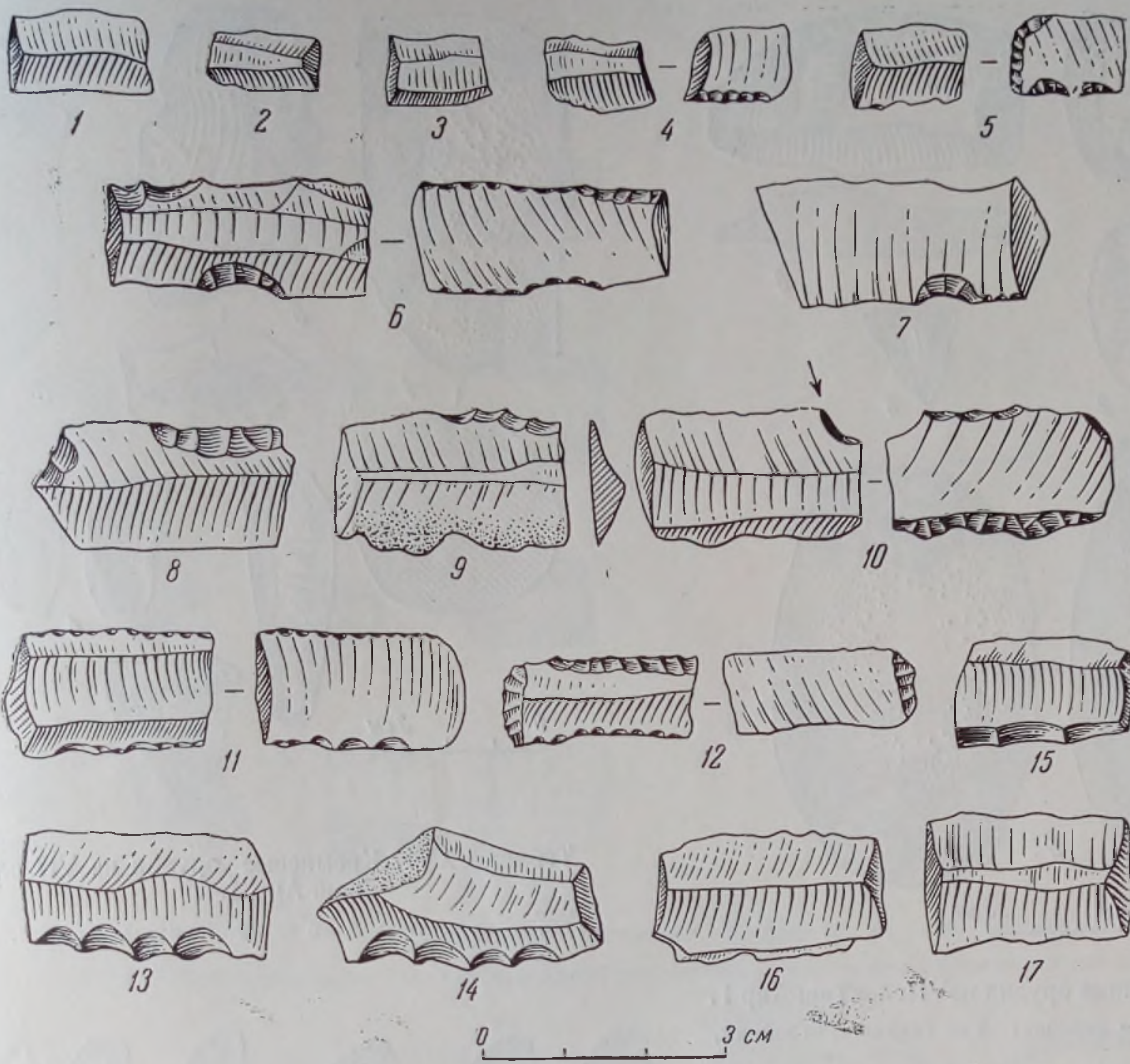

Таблица XIII. Кремневые орудия из VII слоя Таш-Аир I.

1—17 — вкладыши [из разрубленных пластинок] (прямоугольники [короткие и удлиненные]).

Таблица XIV. Кремневые орудия из VII слоя Таш-Аир I.

1—4 — миниатюрные трапеции; 5—8 — трапеции; 9 — миниатюрная высокая трапеция; 10 — трапеция с резцовым сколом по верхнему основанию; 11—12 — заготовки трапеций; 13—16 — сегменты.

1—10 — вожевидные пластинки

Таблица XI. Кремневые орудия из VII слоя Таш-Аир I.
1—7 — резчики; 8, 10 — проколки; 9 — пластинка с выемками;
11—12 — микропластинки.

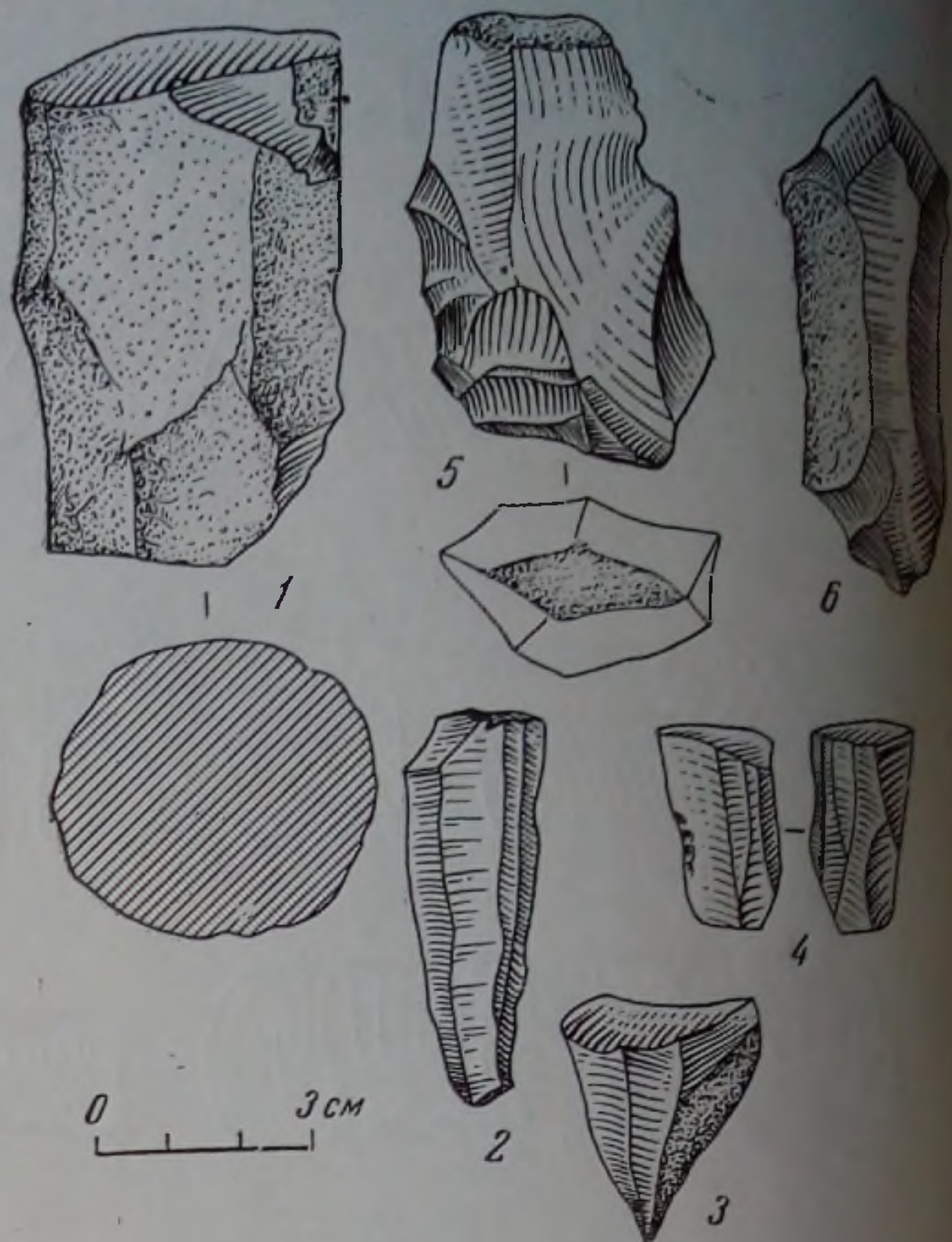
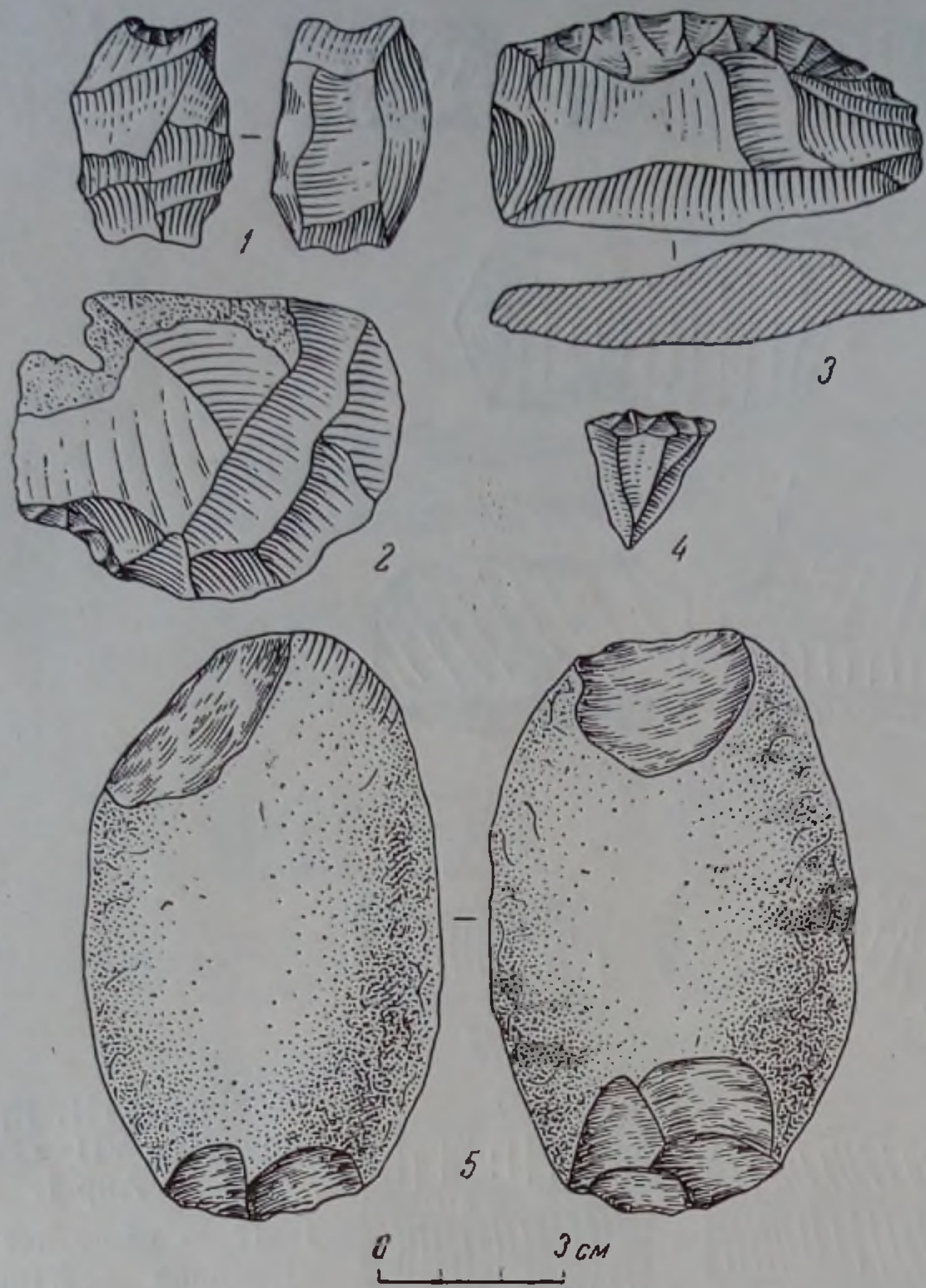

Таблица XVI. Кремневые орудия из VII слоя Таш-Аир I.

1—4 — нуклеусы; 5—6 — нуклеидные орудья.

Таблица XV. Кремневые и каменные орудия из VII слоя Таш-Аир I.
1—2 — скобели; 3 — скребло; 4 — скребок; 5 — галька — отбойник.

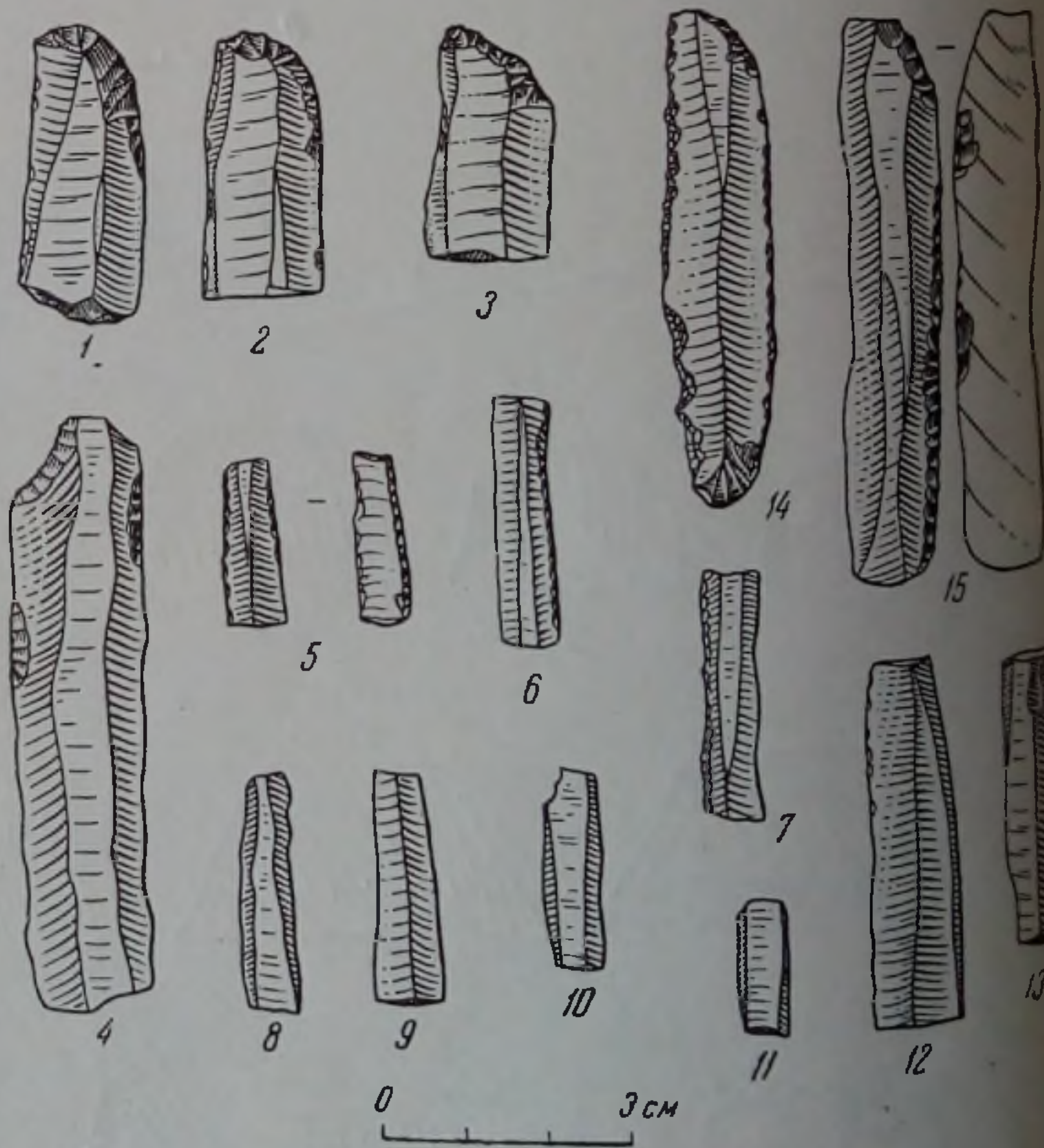
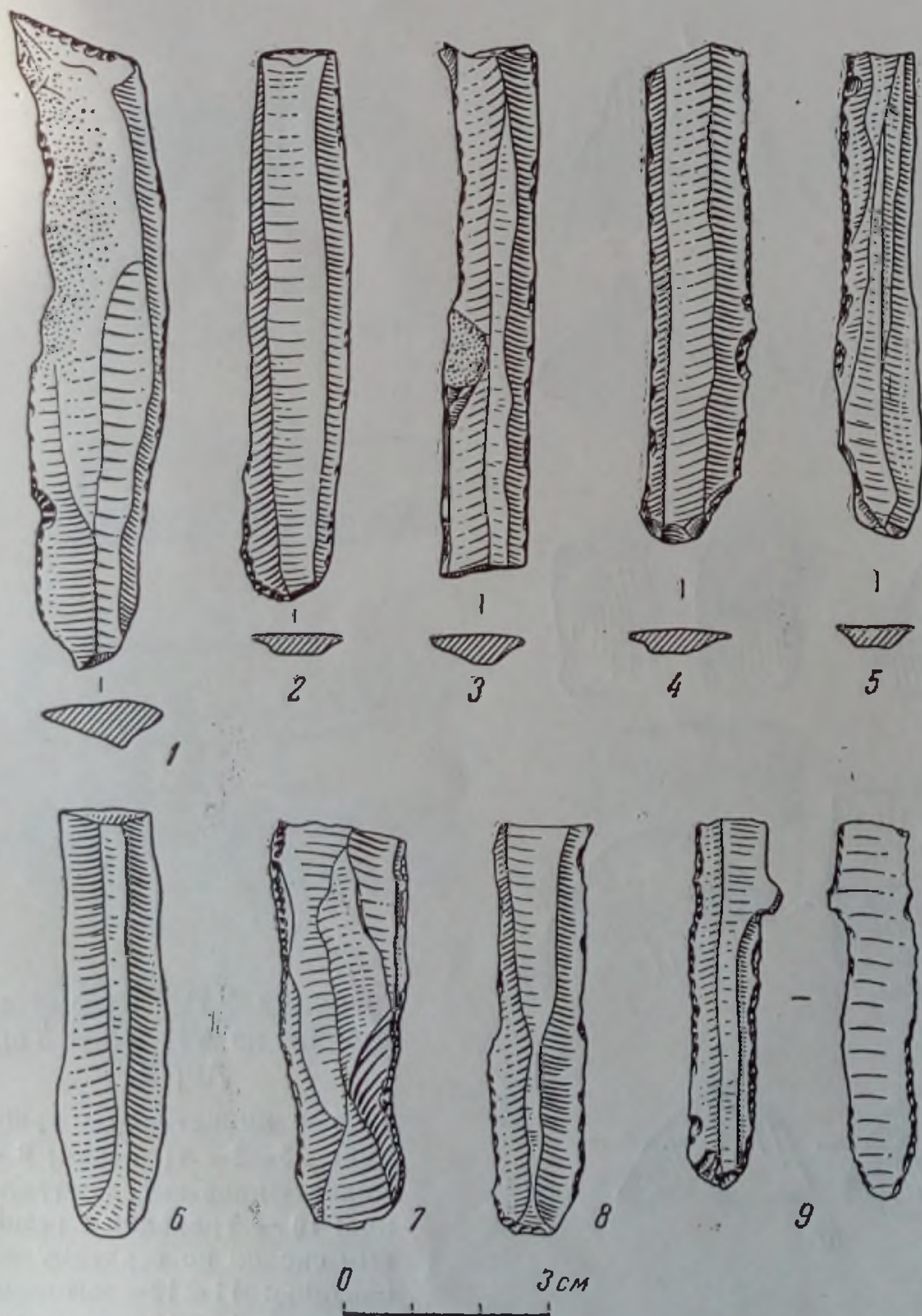

Таблица XVIII. Кремневые орудия из VI слоя Таш-Аир I.

1—3 — пластинки со скошенным краем; 4—11, 13 — микро-пластинки; 14 и 15 — пластинки с ретушью и выемками; 12 — пластинка-вкладыш.

Таблица XVII. Кремневые орудия из VI слоя Таш-Аир I.

1—9 — пластинки ножевидные.

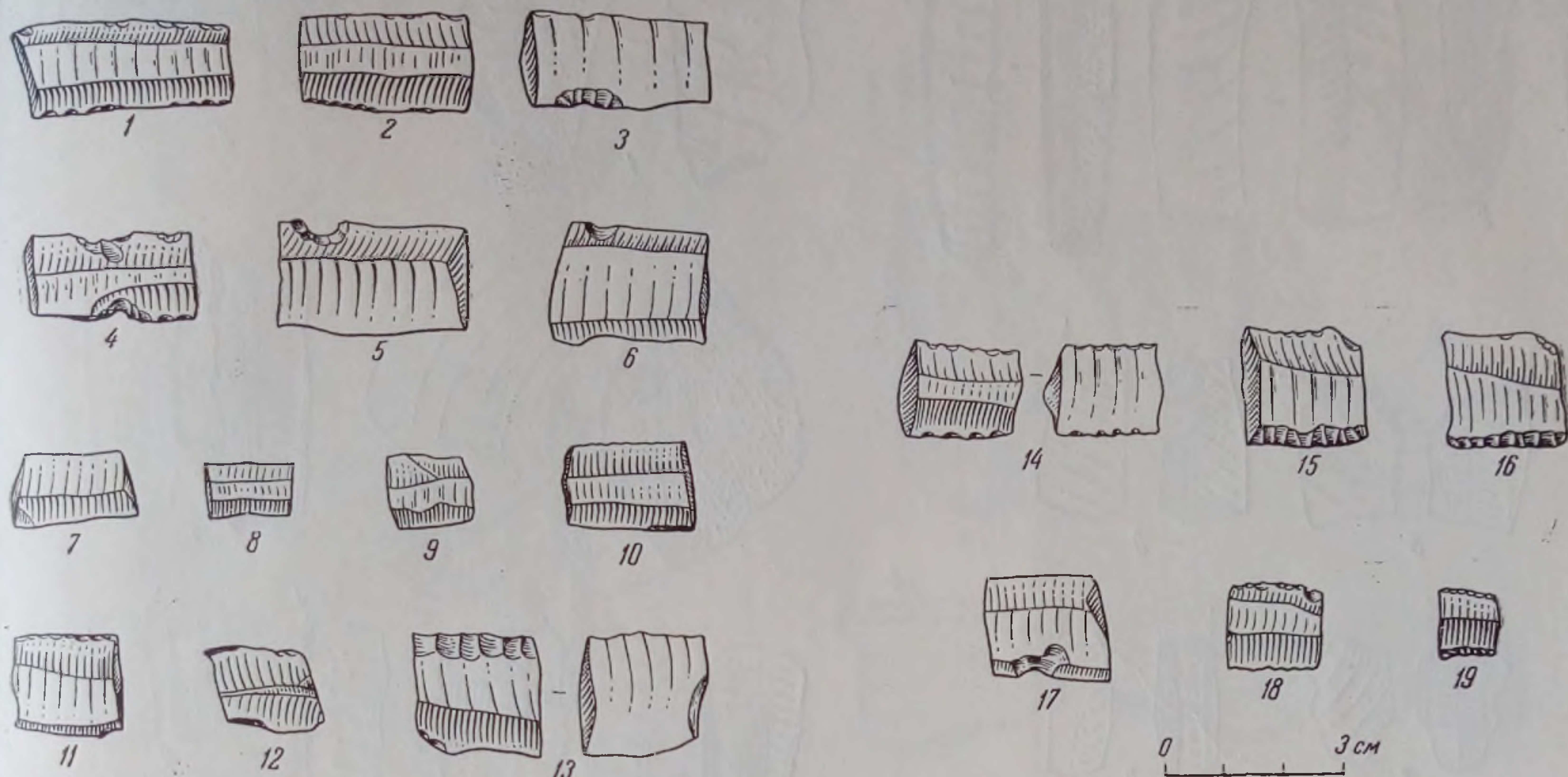

Таблица XIX Кремневые орудия из VI слоя Таш-Аир I.

1—5 — пластинки-вкладыши (удлиненные прямоугольники); 6—19 — пластинки-вкладыши (коротие прямоугольники).

Таблица XX. Кремневые орудия из VI слоя Таш-Аир I.

1—9 — трапеции; 10—11 — треугольники; 12—13 — сегментовидные вкладыши; 14—17 — заготовки трапеций.

Таблица XXI. Кремневые орудия из VI слоя Таш-Аир I.

1—11 — резцы и микрорезцы на углу пластинок.

Таблица XXII. Кремневые орудия из VI слоя Таш-Аир I.

1—3 — резцы на отщепках; 4—10 — резчики на углах пластинок; 11—12 — остря; 13 — обломок проколки

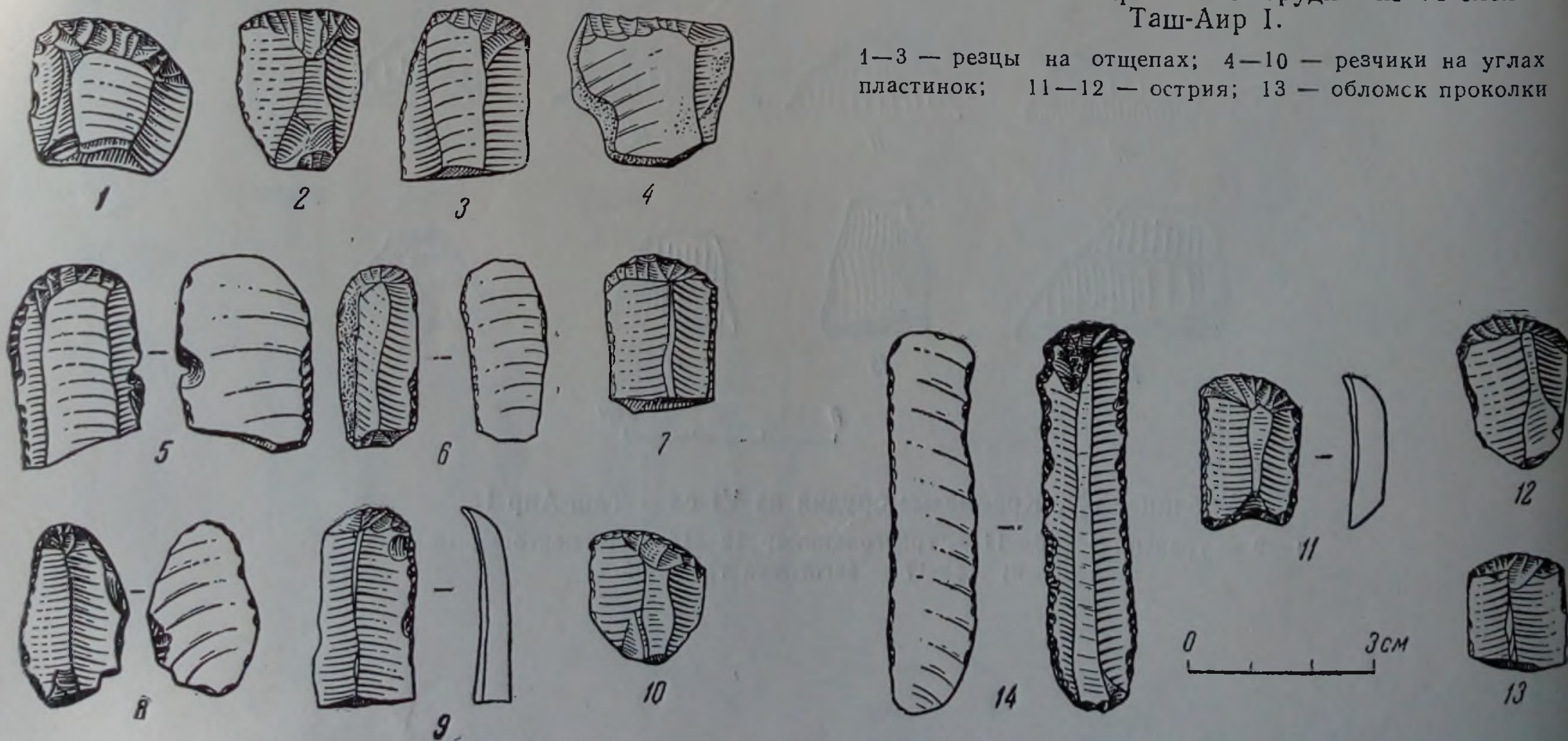

Таблица XXIII. Кремневые орудия из VI слоя Таш-Аир I.

1—14 — скребки на концах пластинок и отщепов.

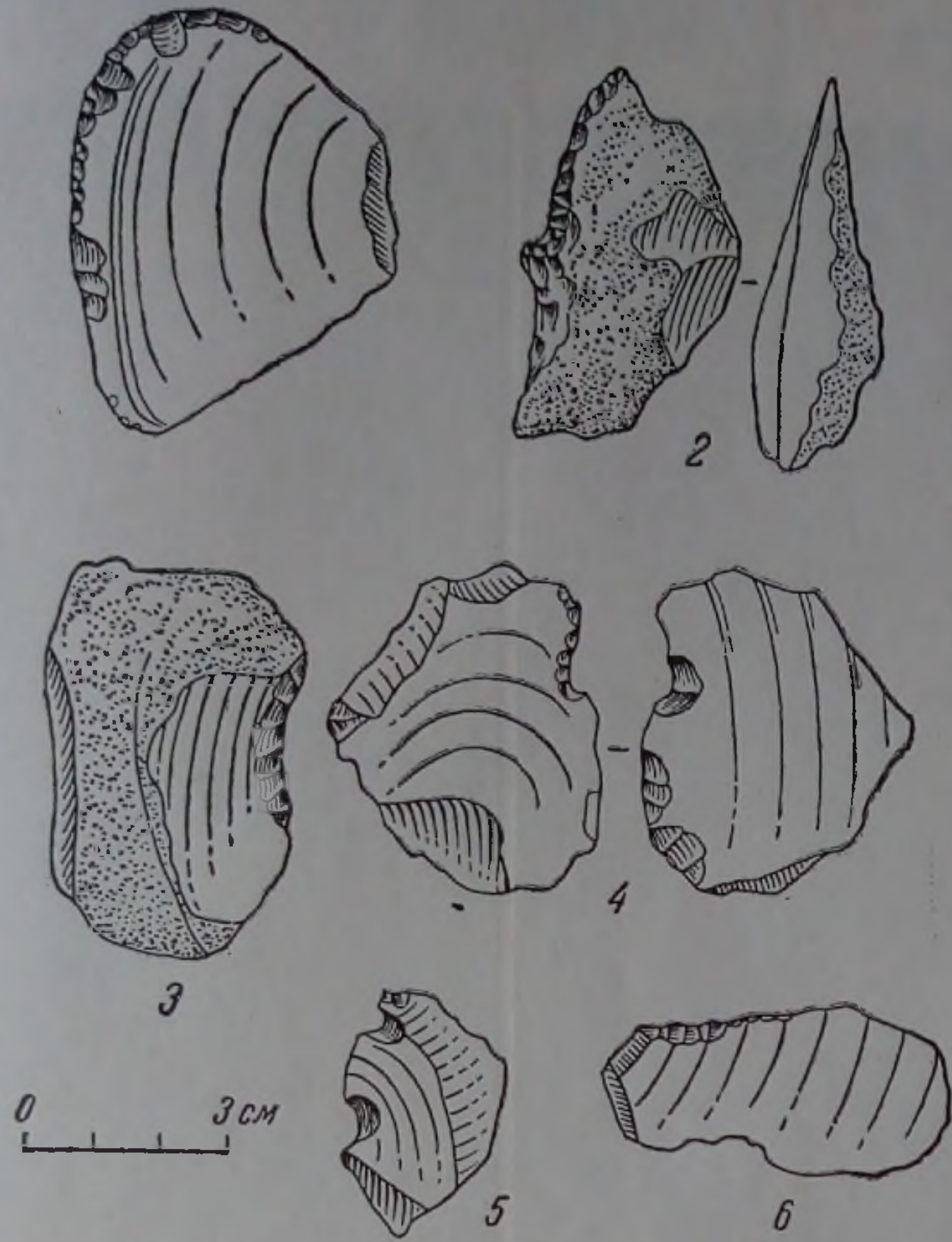

Таблица XXIV. Кремневые орудия из VI слоя Таш-Аир I.

1—2 — скребковидные орудия; 3—6 — скребели на отщепах и осколках.

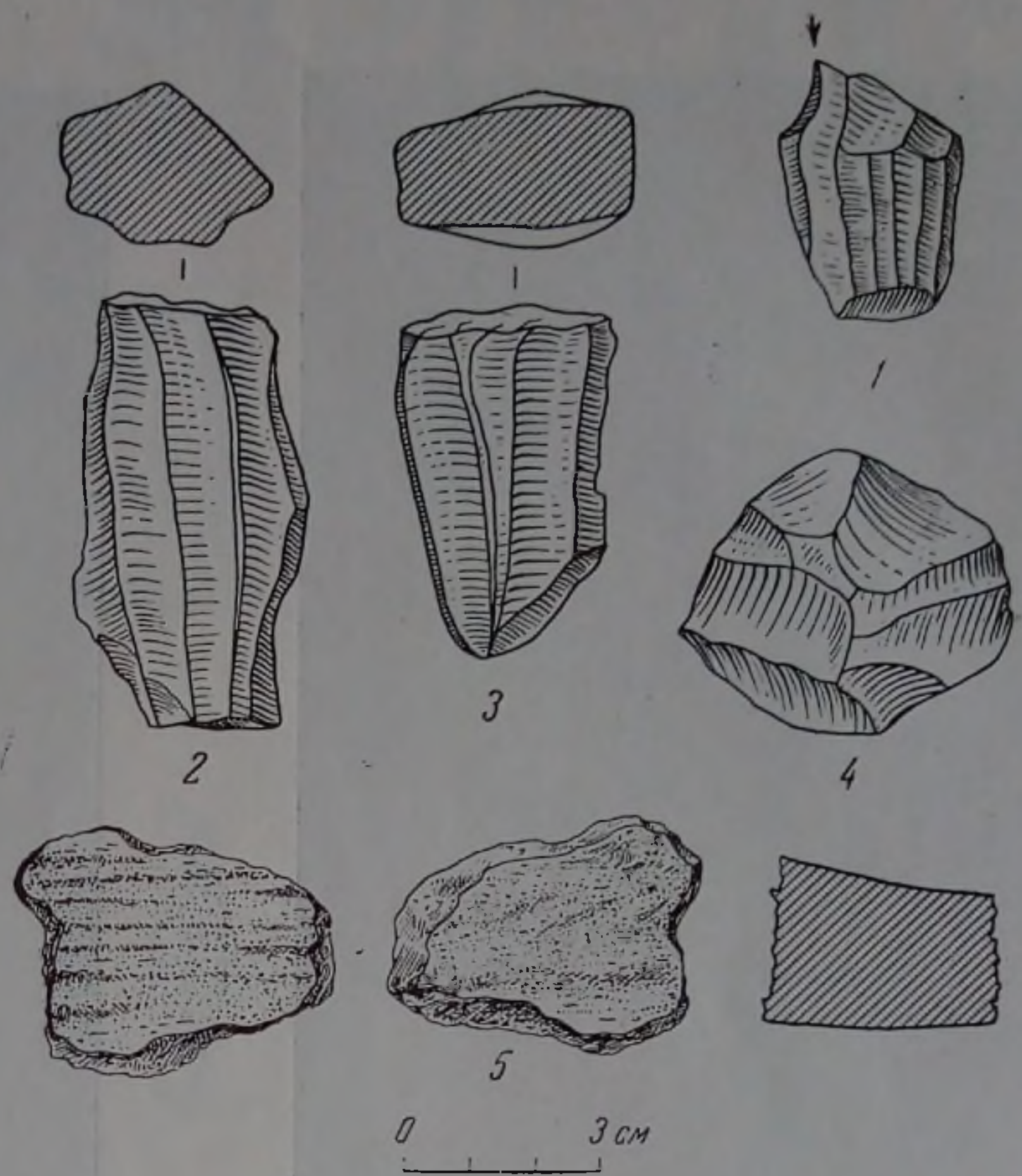

Таблица XXV. Предметы из VI слоя Таш-Аир I.

1 — резец нуклеидный; 2—4 — нуклеусы; 5 — обломок толстостенного глиняного сосуда.

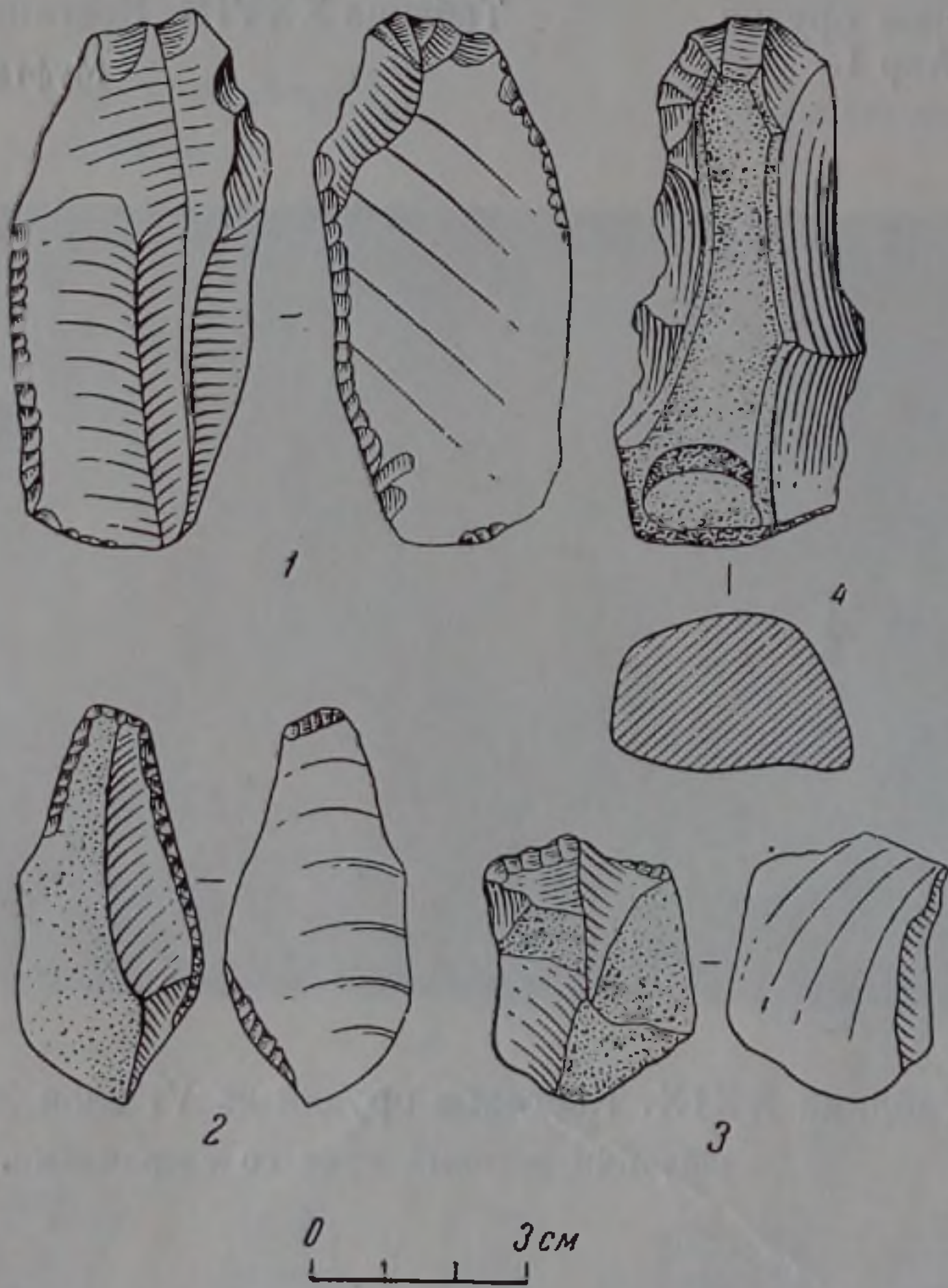

Таблица XXVI. Кремневые орудия VI слоя Таш-Аир

1 — ножи; 2—3 — резчики; 4 — скребковидное орудие.

Таблица XXVII. Костяные орудия
из VI слоя Таш-Аир I.
1 — костяное орудие; 2 — проколка-шило.

Таблица XXVIII. Костяные орудия из VI слоя Замиль-Коба II.
Муфта роговая — мотыга.

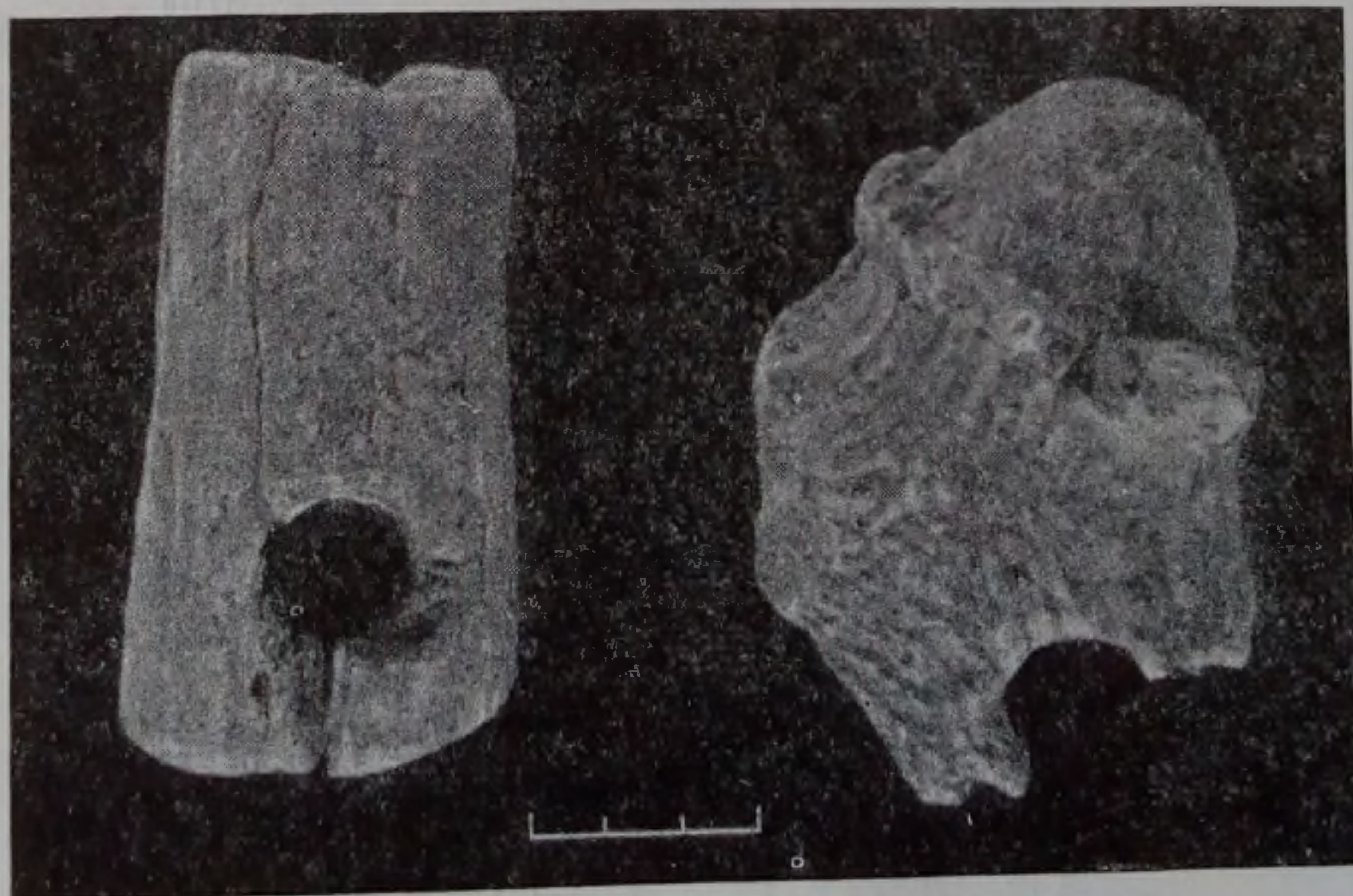

Таблица XXIX. Костяные орудия из VI слоя Замиль-Коба II.
Обломки роговых муфт со сверлинами.

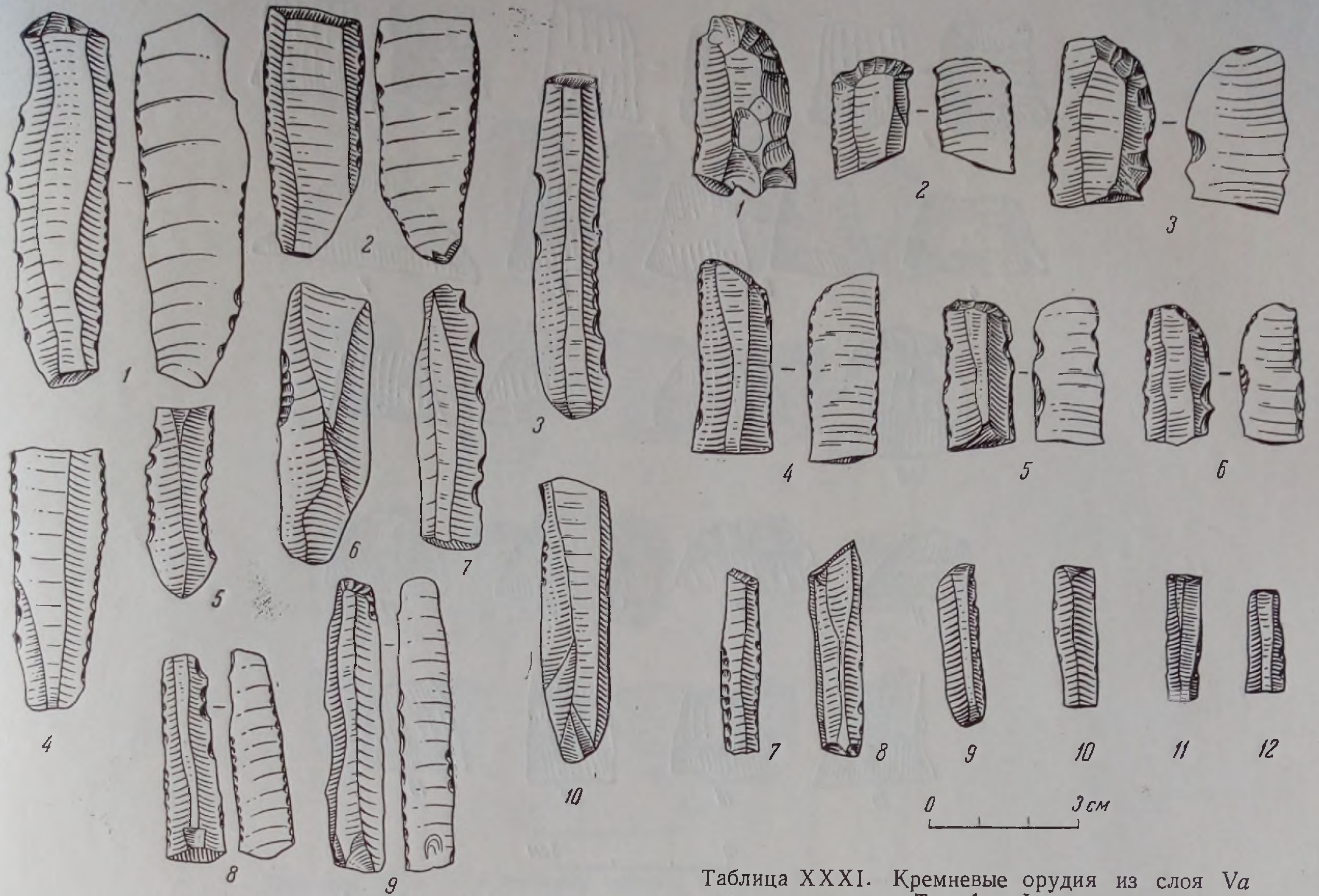

Таблица XXXI. Кремневые орудия из слоя Va Таш-Аир I.

1—6 — пластинки со скошенным ретушированным концом;
7—12 — микропластинки.

Таблица XXX. Кремневые орудия из слоя Va Таш-Аир I.

1—10 — пластинки с ретушью и выемками.

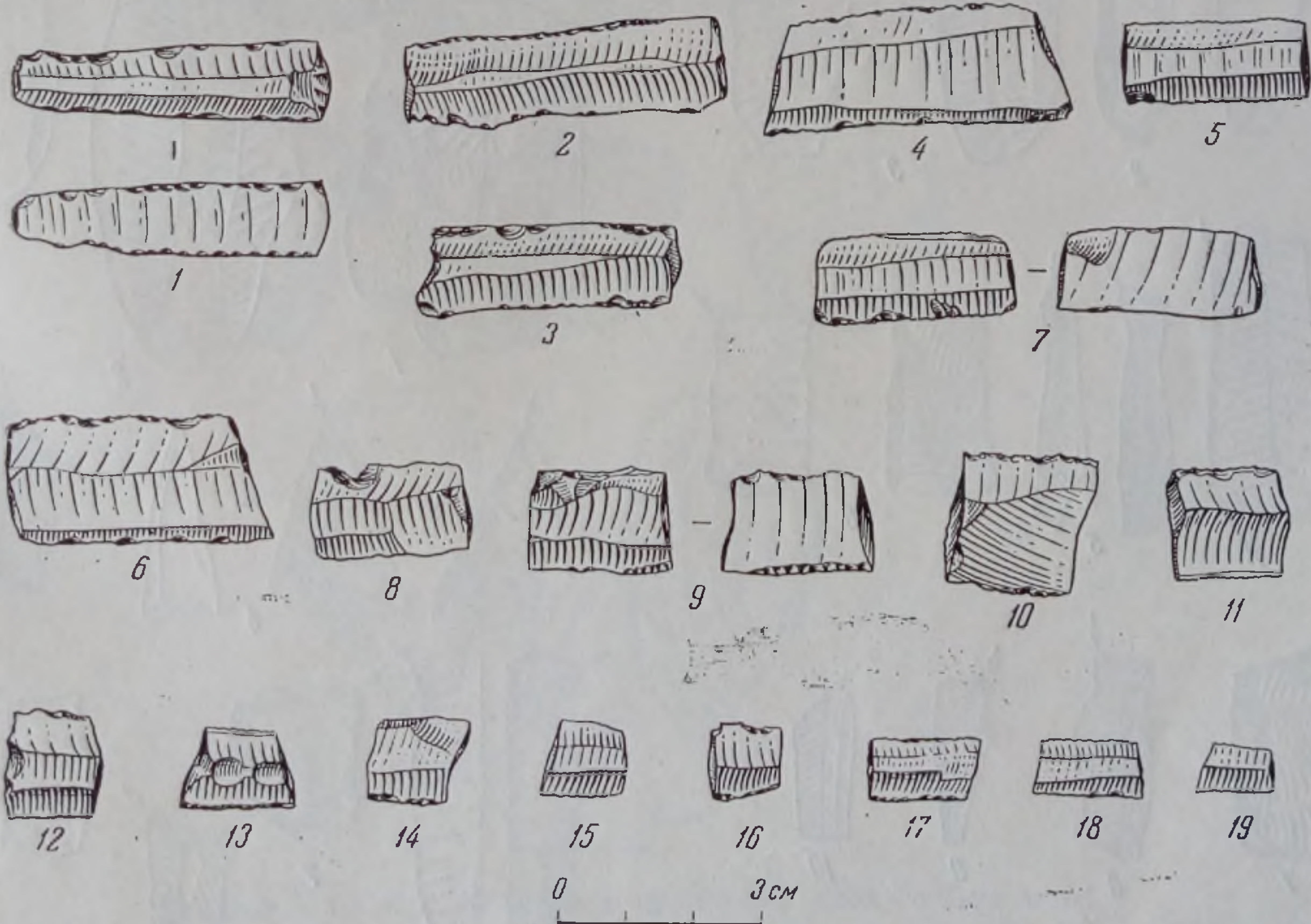

Таблица XXXII. Кремневые орудия из слоя Va Таш-Аир I.

1—7 — пластинки-вкладыши (удлиненные прямоугольники); 8—19 — пластинки-вкладыши (короткие прямоугольники).

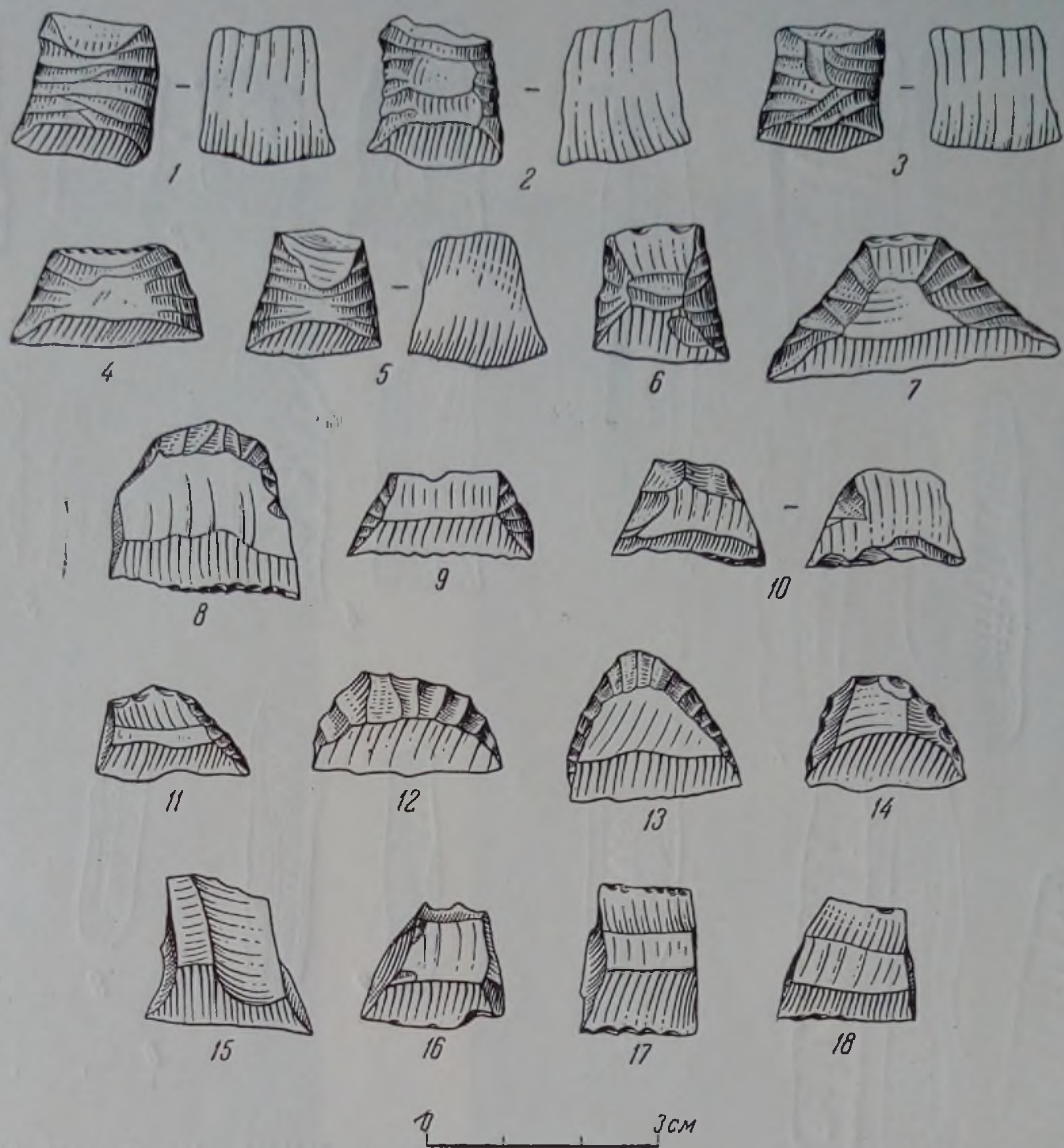

Таблица XXXIII. Кремневые орудия из слоя Va Таш-Аир I.

1—6 — трапеции со струганой спинкой; 8—11 — трапеции; 12 — сегмент с плоской регушью; 13—14 — треугольники; 15—18 — заготовки трапеций.

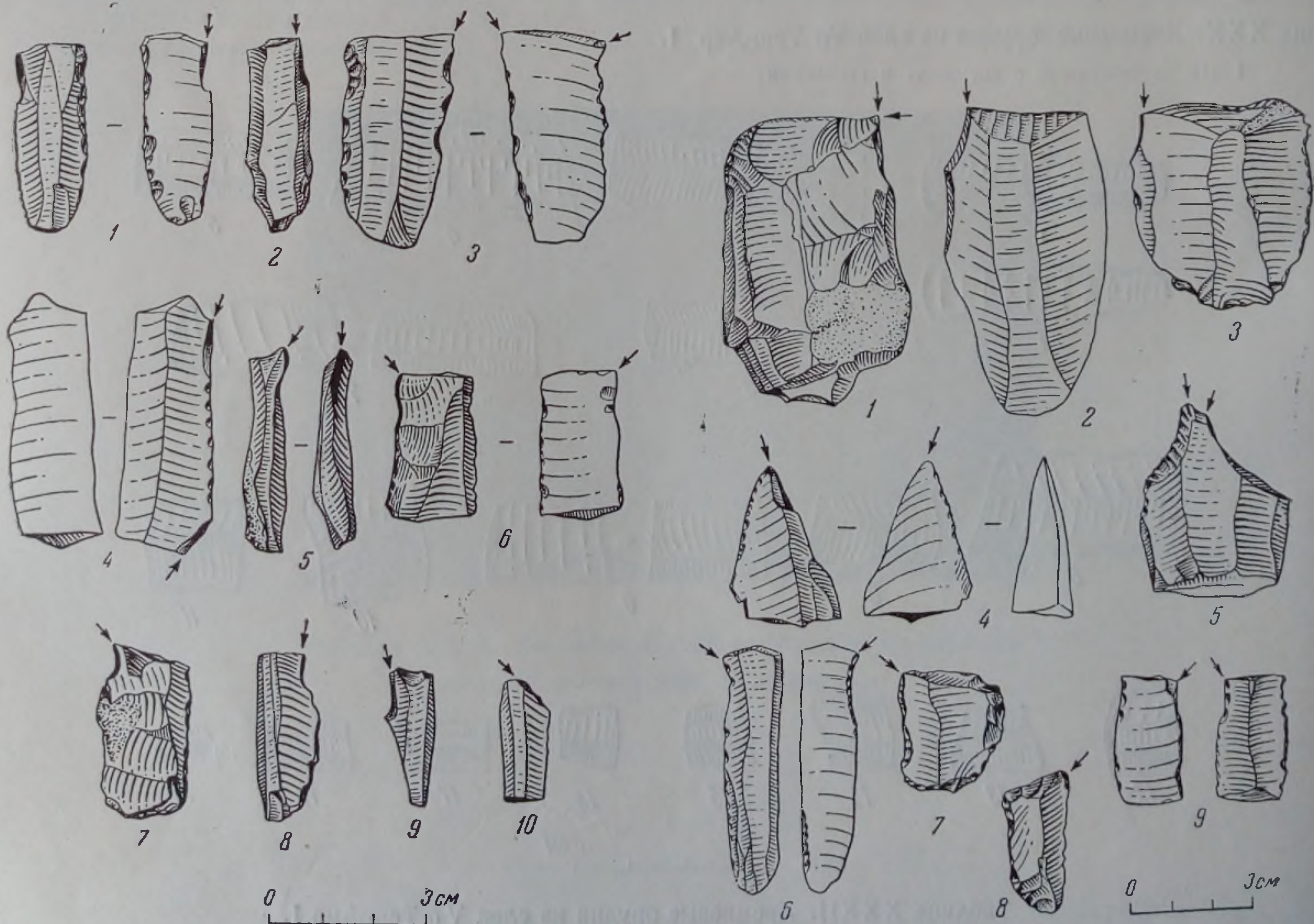

Таблица XXXIV. Кремневые орудия из слоя Va Таш-Аир I. 1—6 — резцы на углах обломанных пластинок; 7—10 — микрорезцы.

Таблица XXXV. Кремневые орудия из слоя Va Таш-Аир I. 1—5 — резцы; 6—9 — резчики.

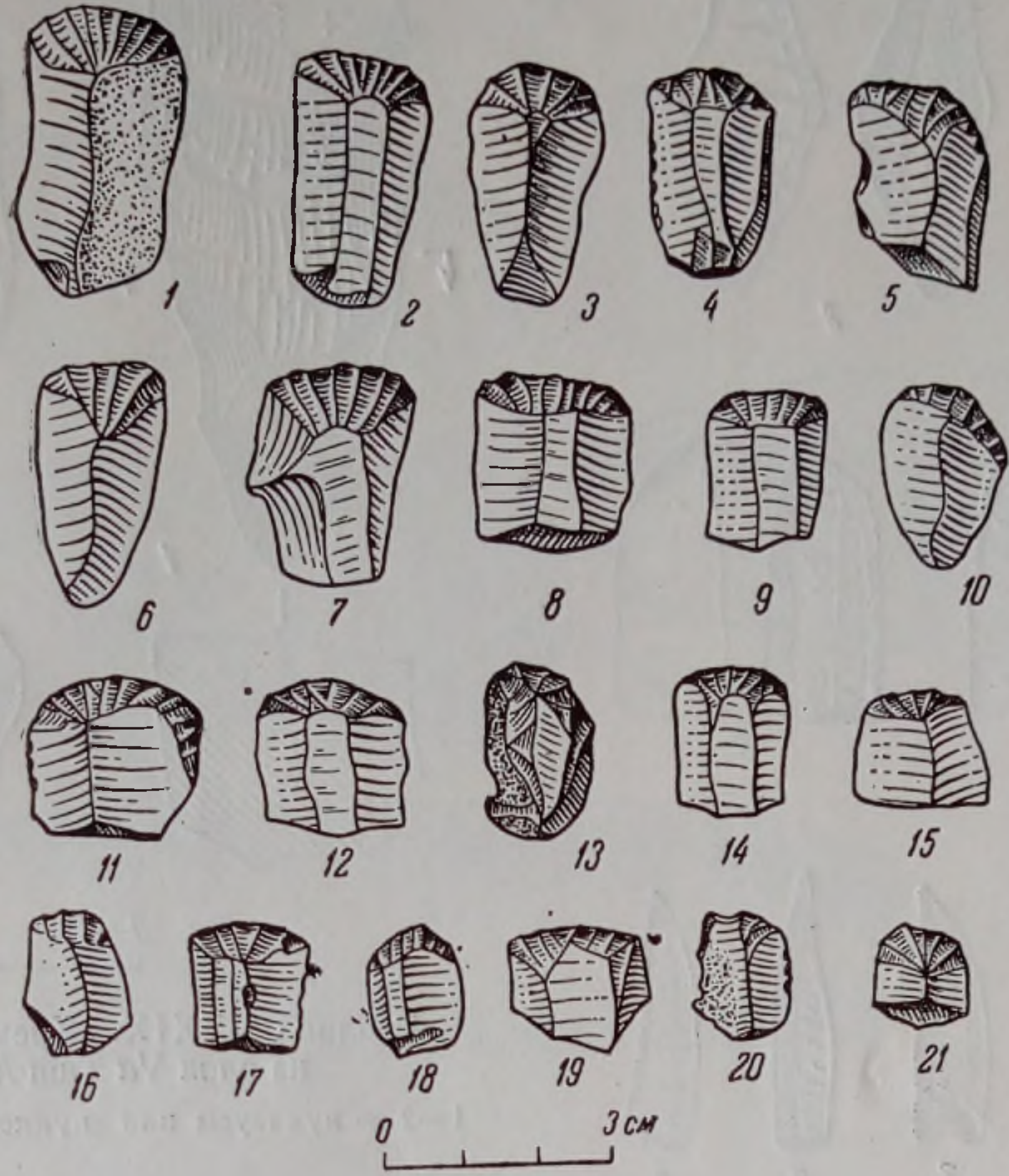

Таблица XXXVI. Кремневые орудия из слоя Va Таш-Аир I.
1—15 — скребки; 16—21 — микроскребки.

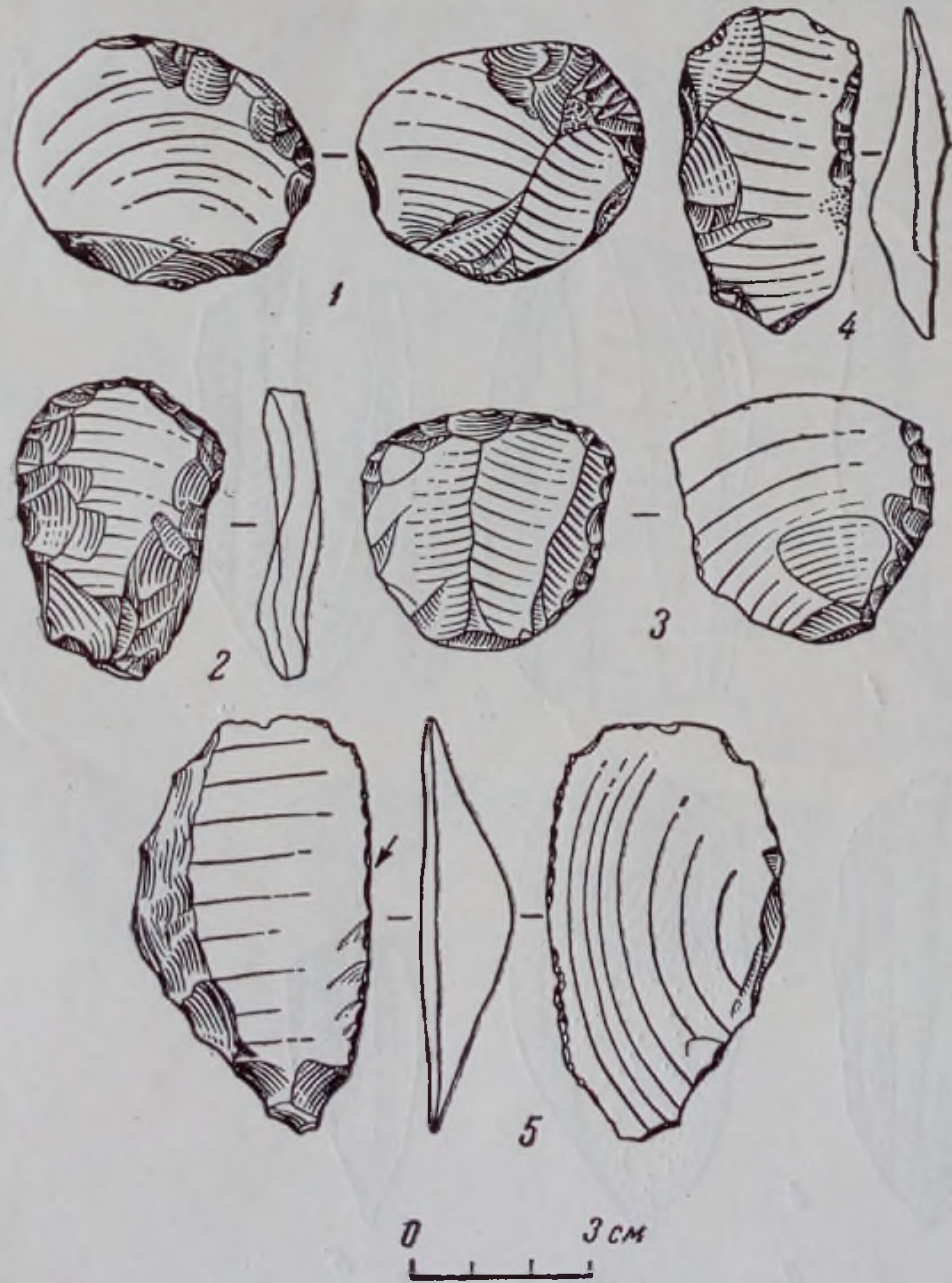

Таблица XXXVII. Кремневые орудия из слоя Va Таш-Аир I.
1—3 — скребки; 4—5 — ножи.

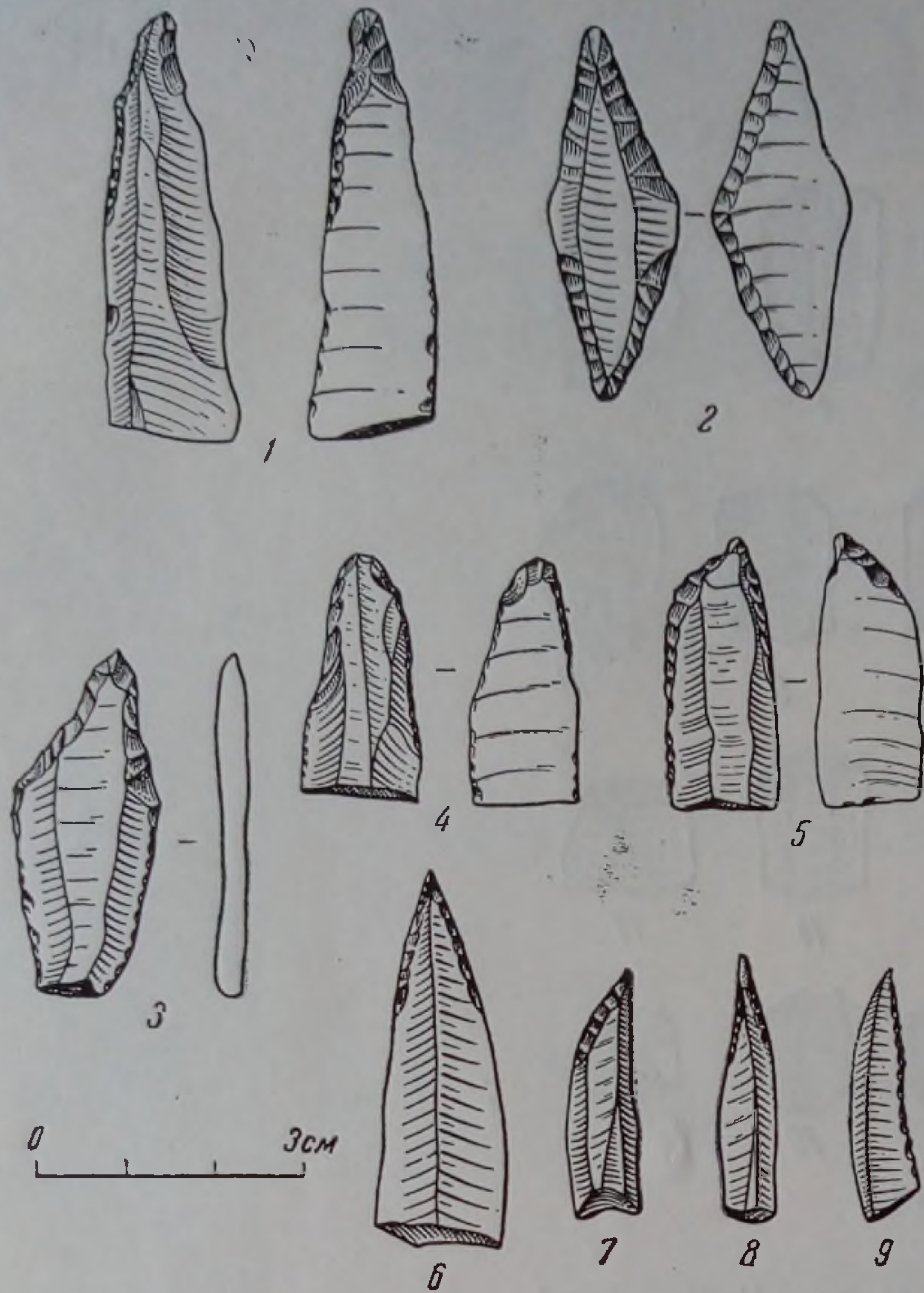

Таблица XXXVIII. Кремневые орудия из слоя Va Таш-Аир I.
1—6 — острья и проколки; 7—9 — микроострия.

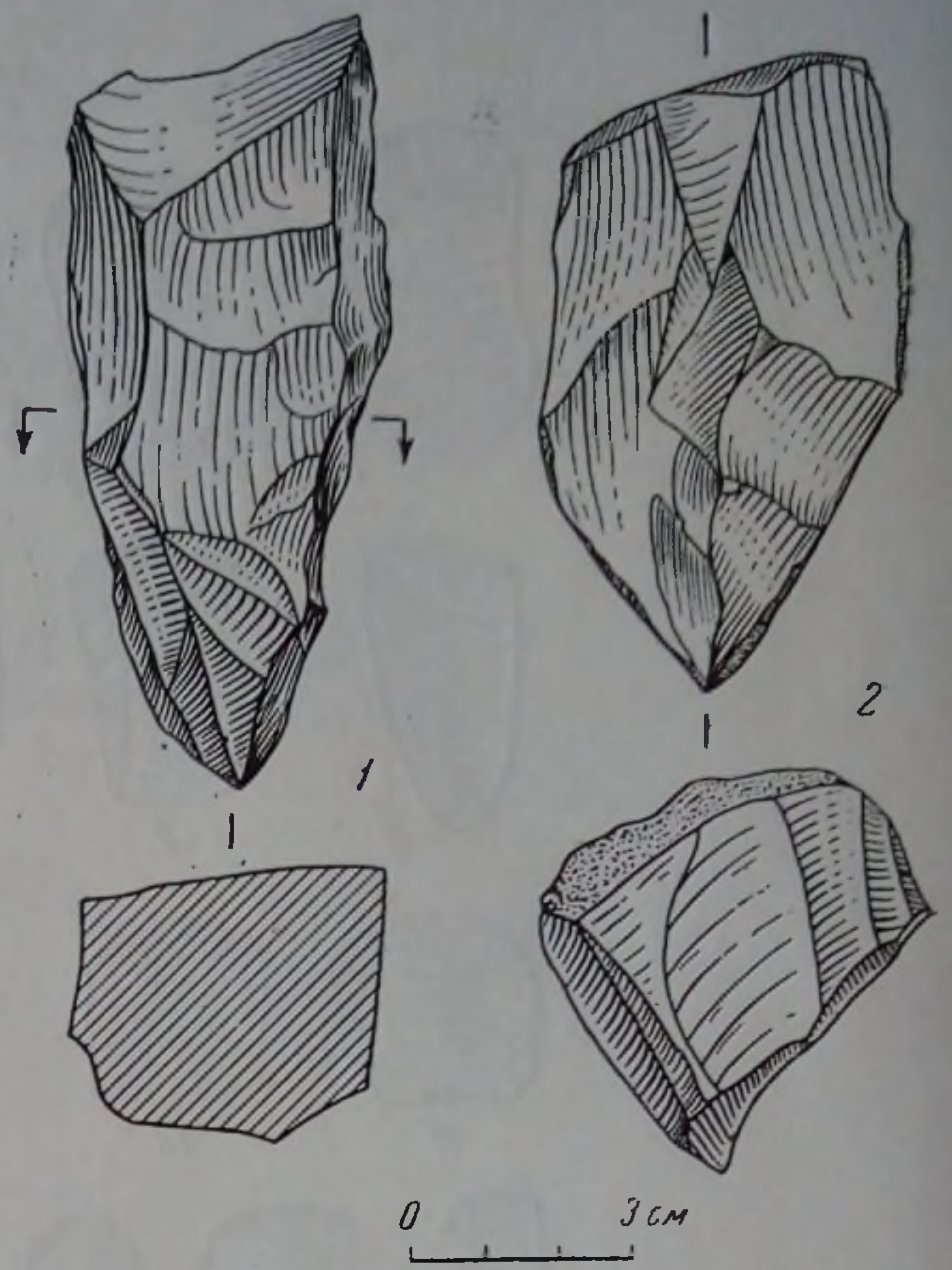

Таблица XXXIX. Кремневые орудия из слоя Va Таш-Аир I.
1—2 — нуклеусы или нуклевидные орудия.

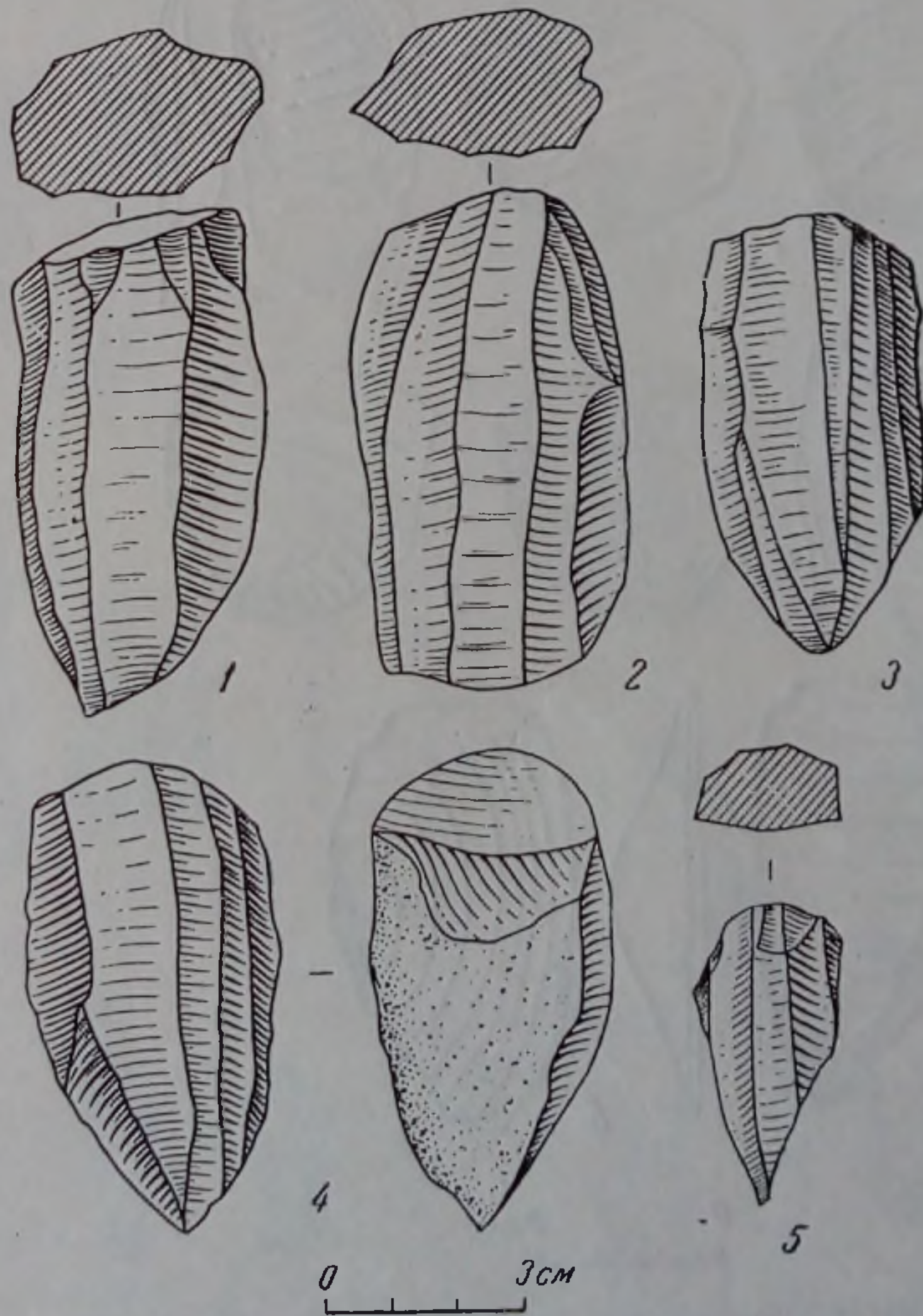

Таблица XXXIXa. Кремневые орудия из слоя Va Таш-Аир I.
1—5 — нуклеусы.

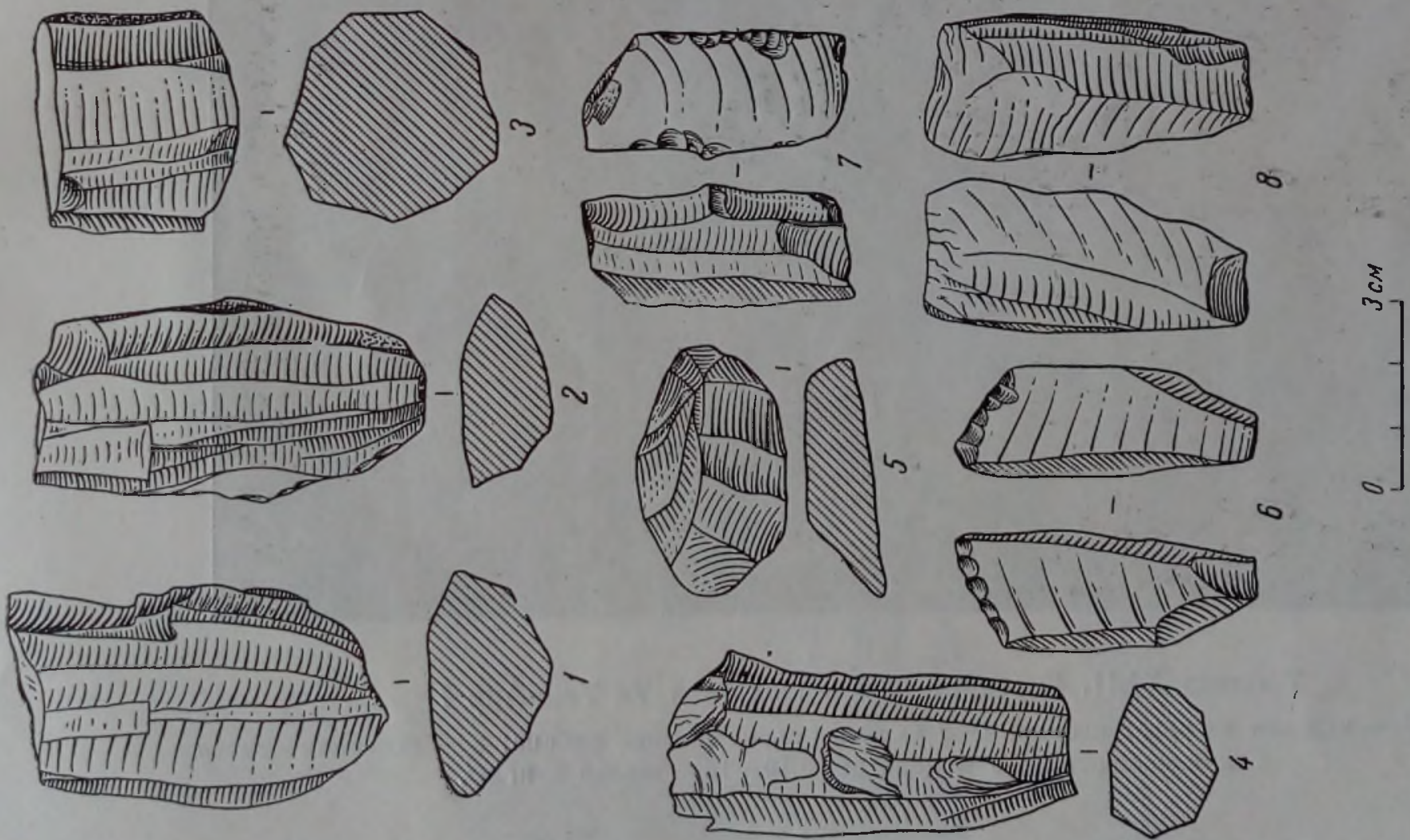

Таблица XL. Кремневые орудия из слоя Va, Таш-Аир I.

1—5 — нуклеусы; 6—8 — отжимники.

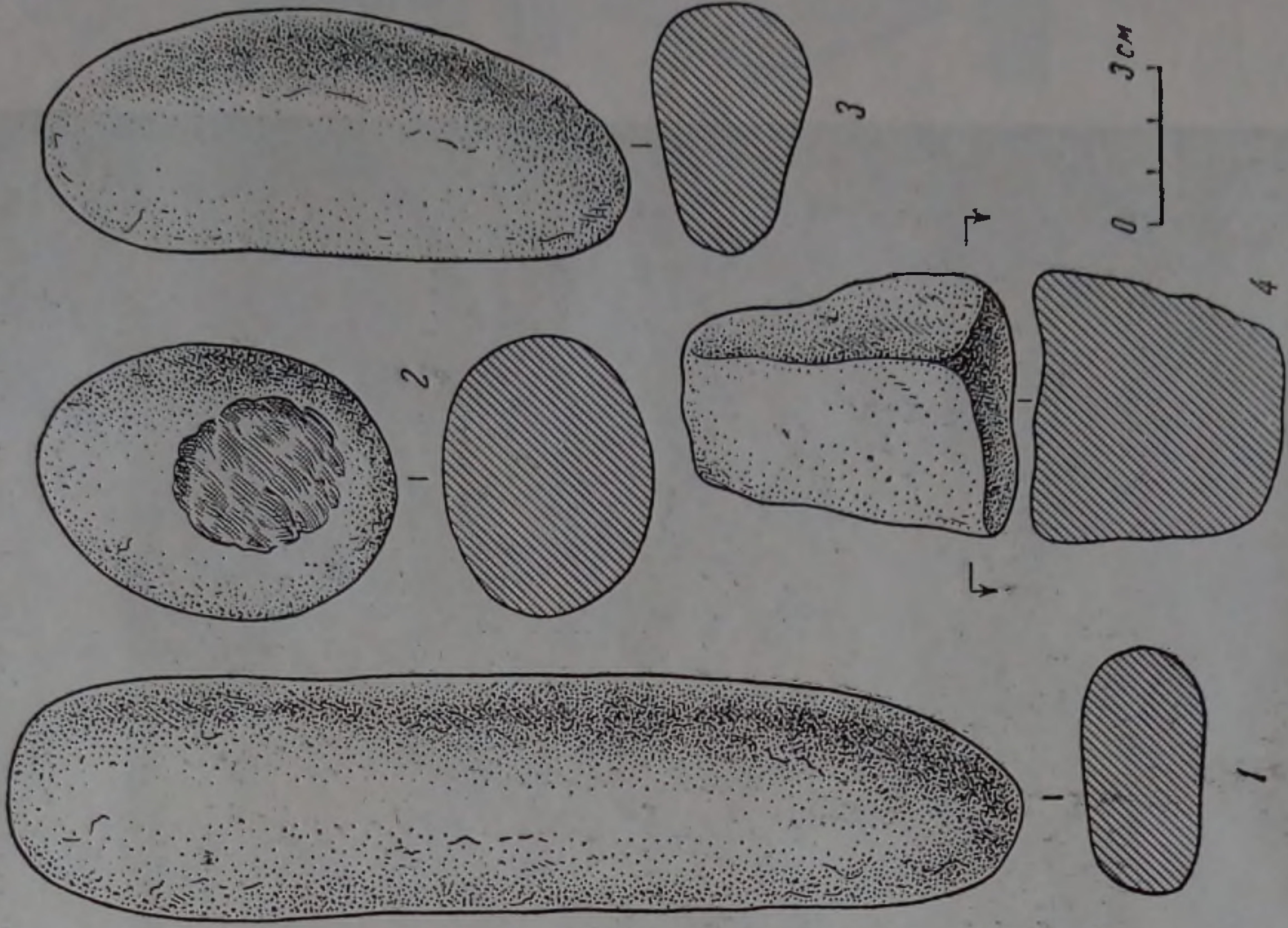

Таблица XLI. Каменные орудия из слоя Va, Таш-Аир I.

1, 3 — отбойники; 2—4 — терочники.

Таблица XLII. Костяные изделия из слоя Va Таш-Аир I.
 1, 2, 17 — изделия из рогов косули; 4—7 — поделки из клыков кабана; 8 — костяная основа для вкладышей; 9 — долотце; 3, 10—16 — шилья и иглы.

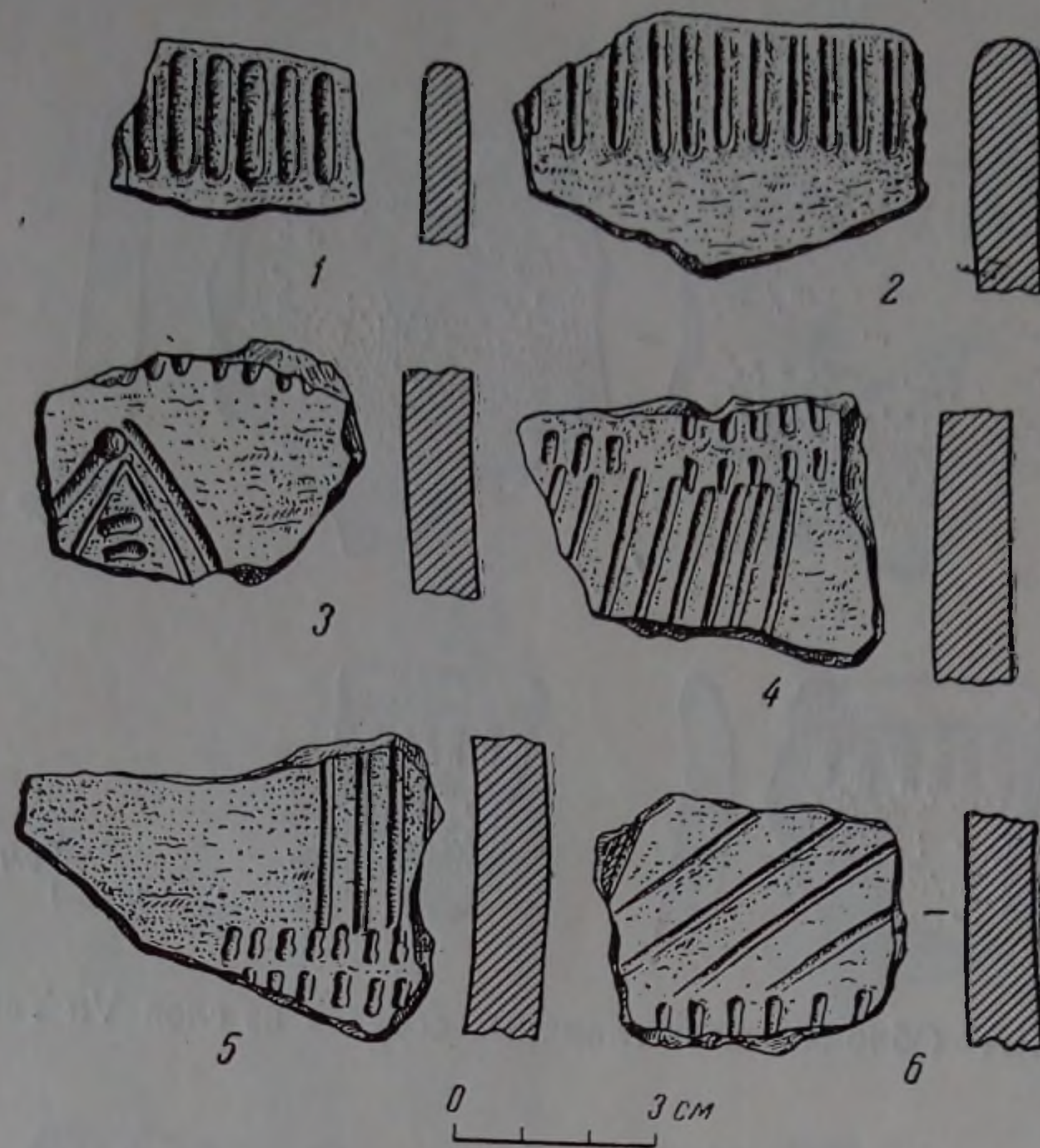

Таблица XLIII. Обломки глиняных сосудов из слоя Va Таш-Аир I.

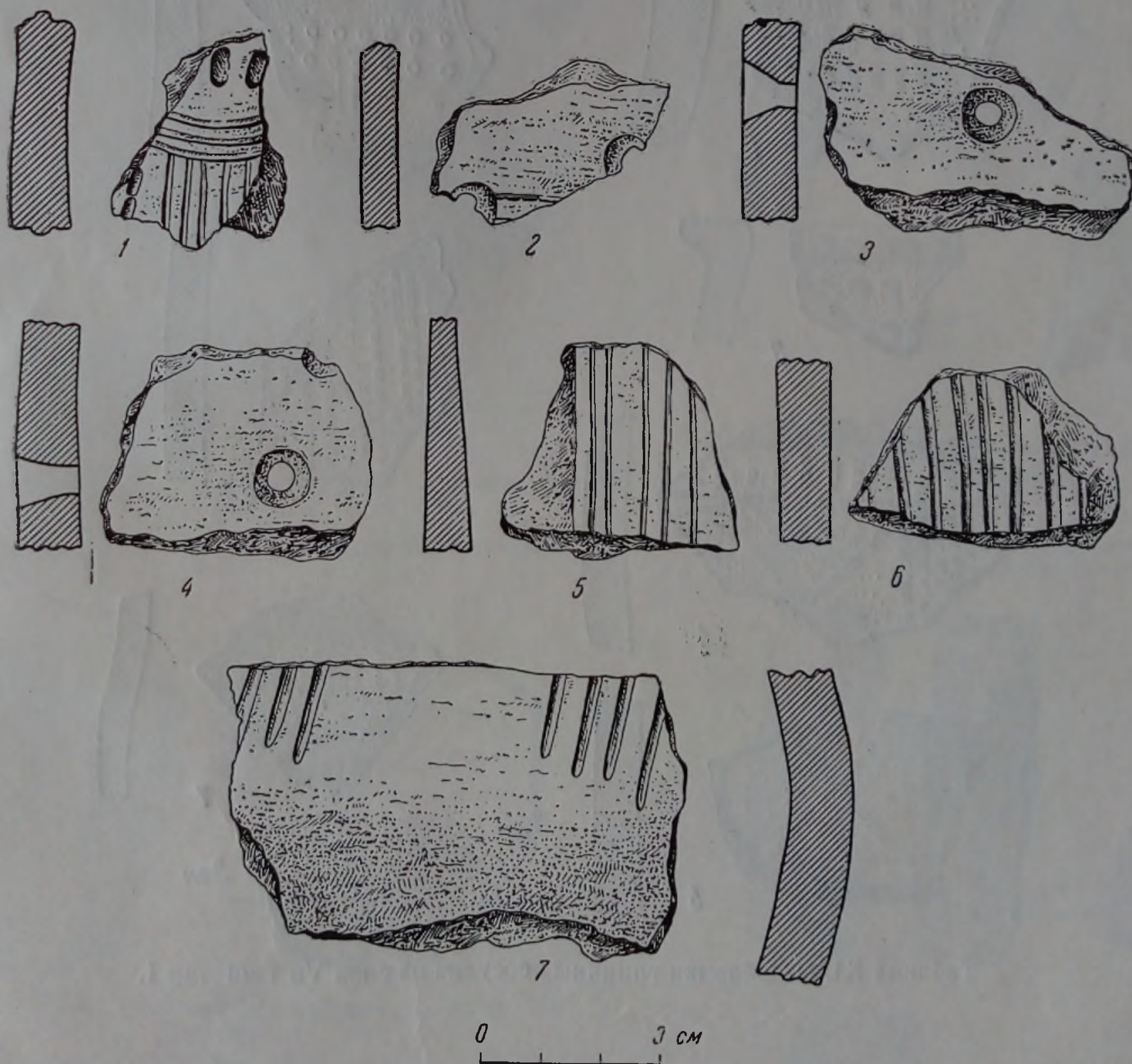

Таблица XLIV. Обломки глиняных сосудов из слоя Va Таш-Аир I.

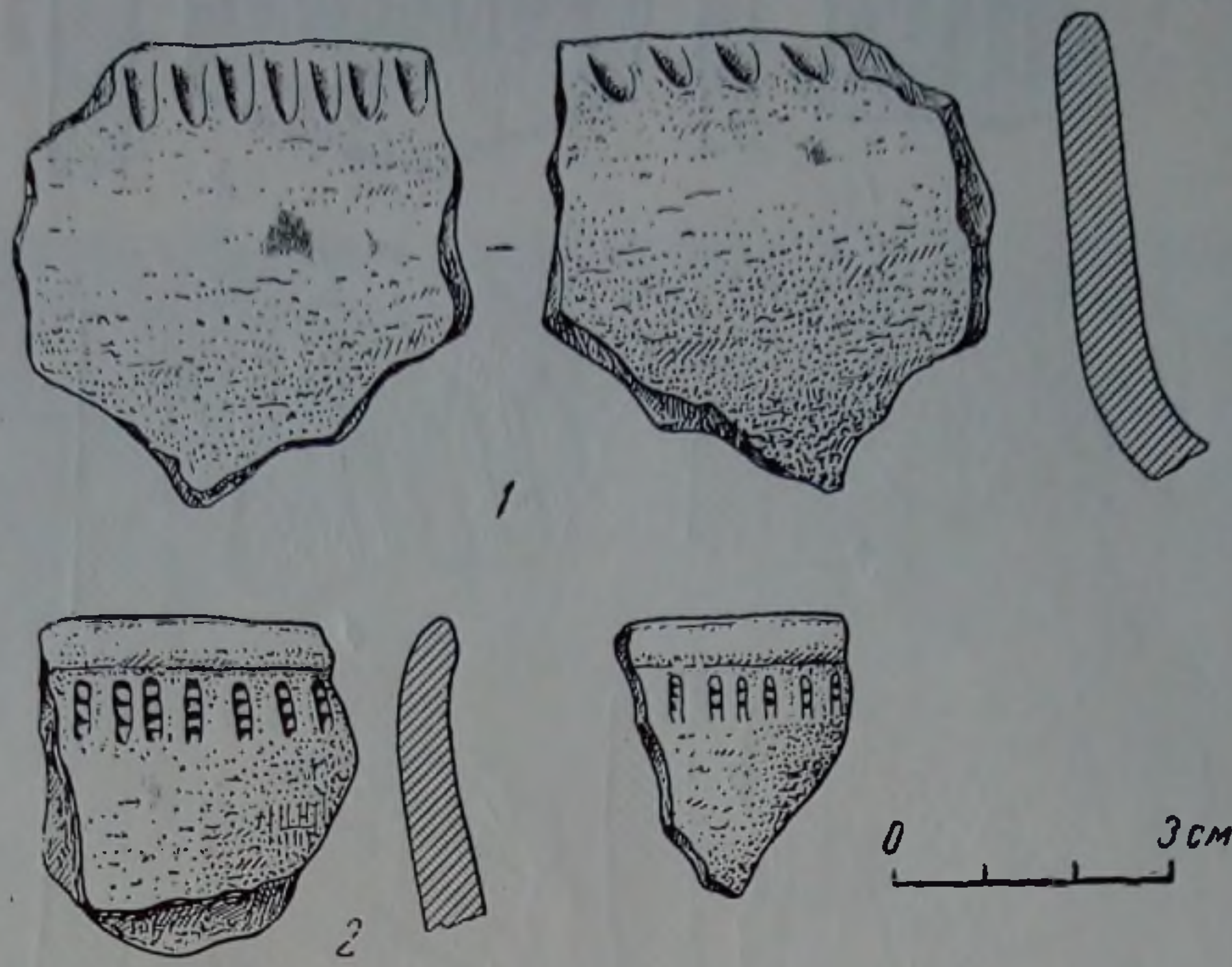

Таблица XLV. Обломки шеек глиняных сосудов из слоя Va Таш-Аир I.

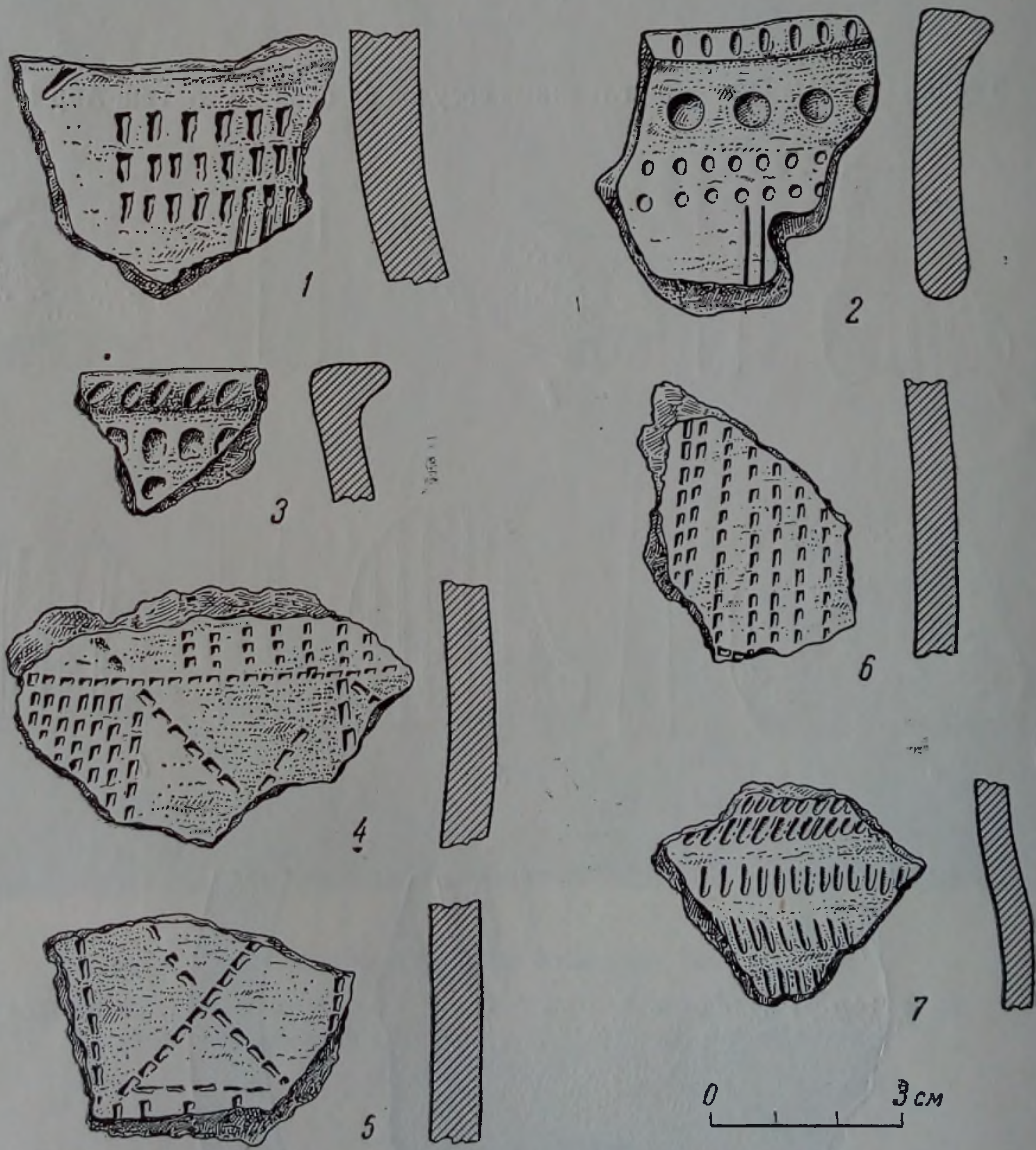

Таблица XLVI. Обломки глиняных сосудов из слоя Va Таш Аир I.

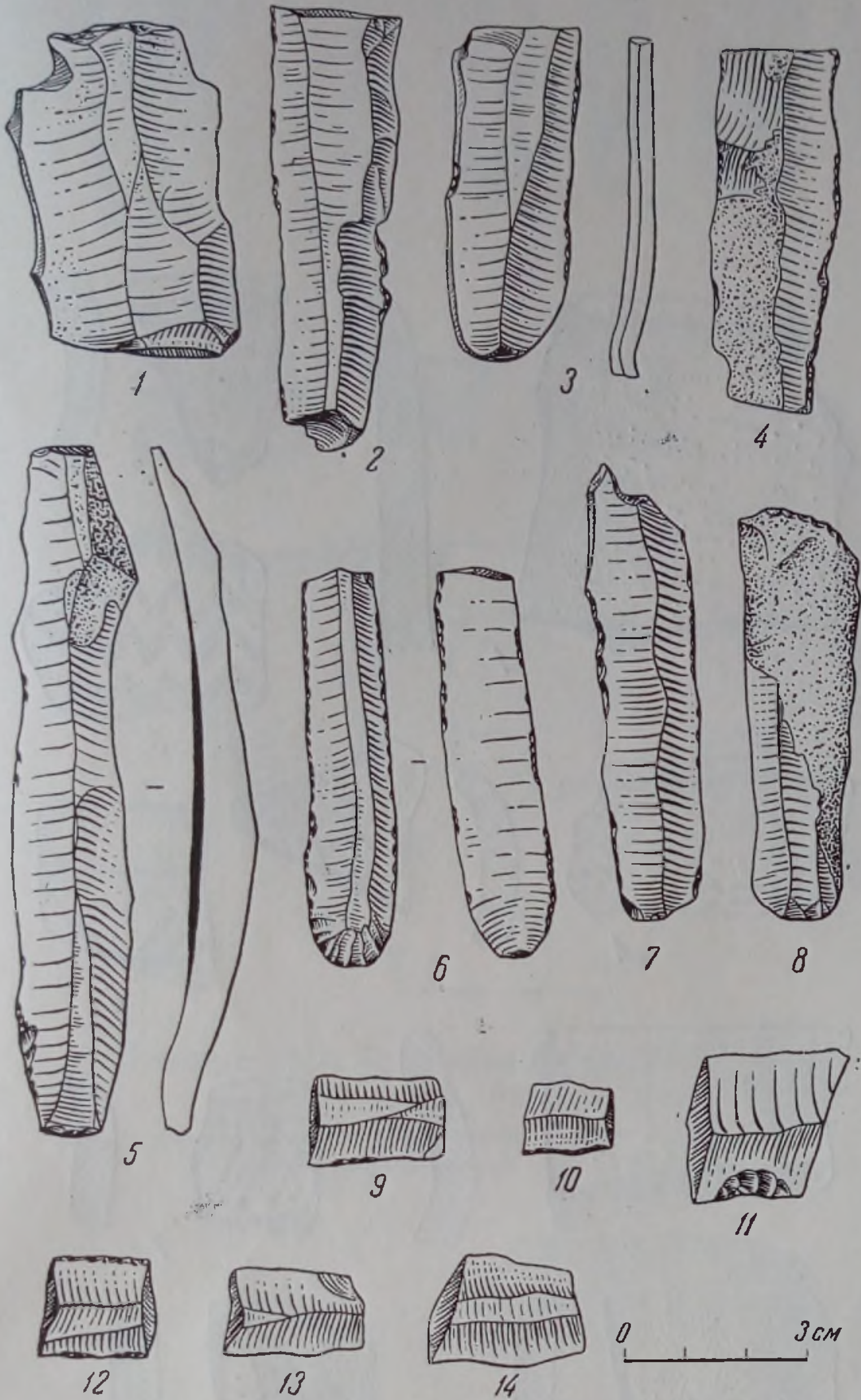

Таблица XLVII. Кремневые орудия из слоя Vb Таш-Аир I.
1—8 — пластинки; 9—14 — вкладыши (прямоугольники).

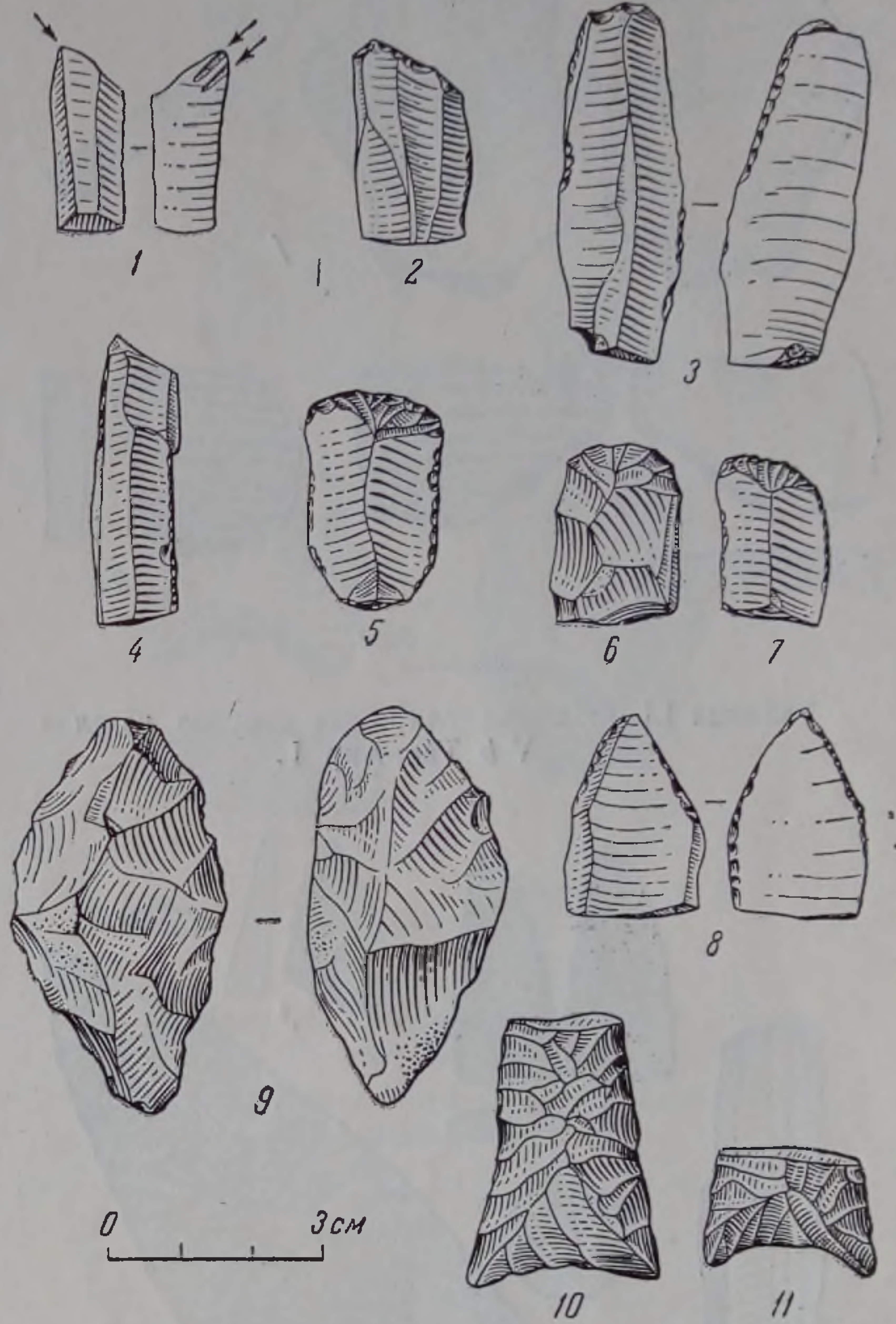

Таблица XLVIII. Кремневые орудия из слоя Vb Таш-Аир I.
1—резец; 2—4—резчики; 5—7 — скребки; 8 — наконечник стрелы (острие); 9 — рубильцеобразное орудие; 10—11 — обломки [наконечников стрел.

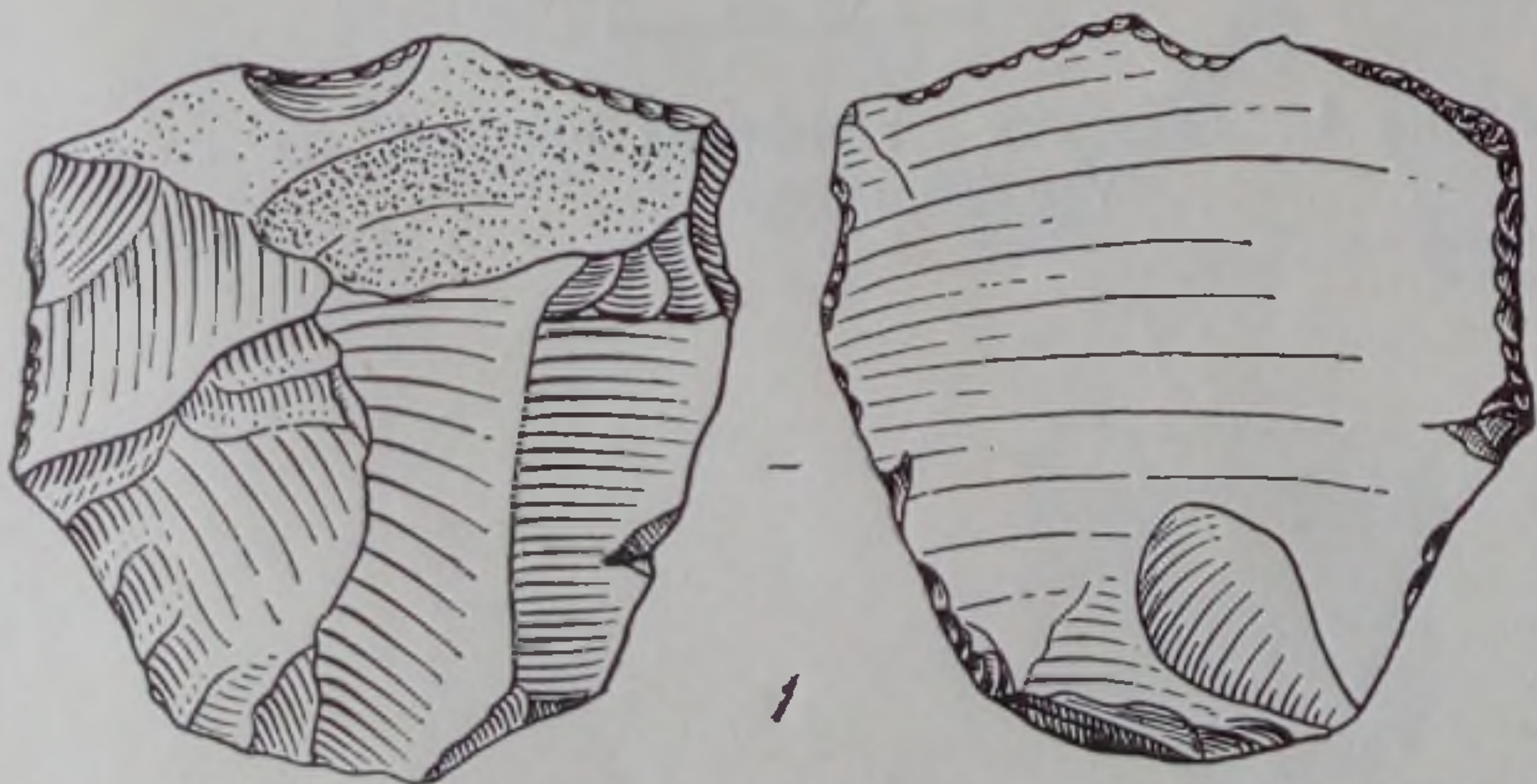
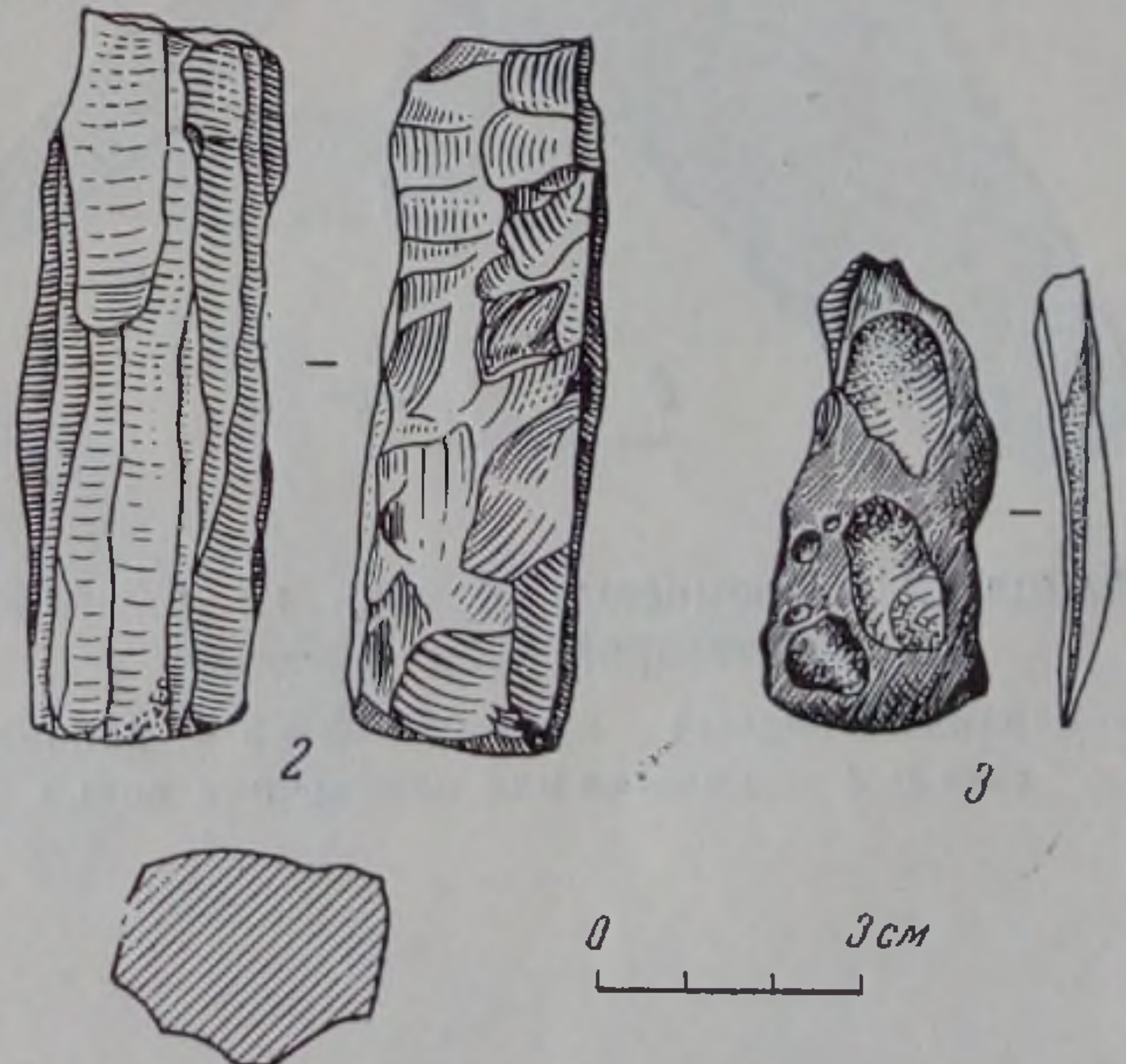

Таблица XLIX. Кремневые орудия из слоя Vb Таш-Аир I.
1 — скребло-скобель; 2 — нуклеус; 3 — топорovidный отщеп со следами заполировки.

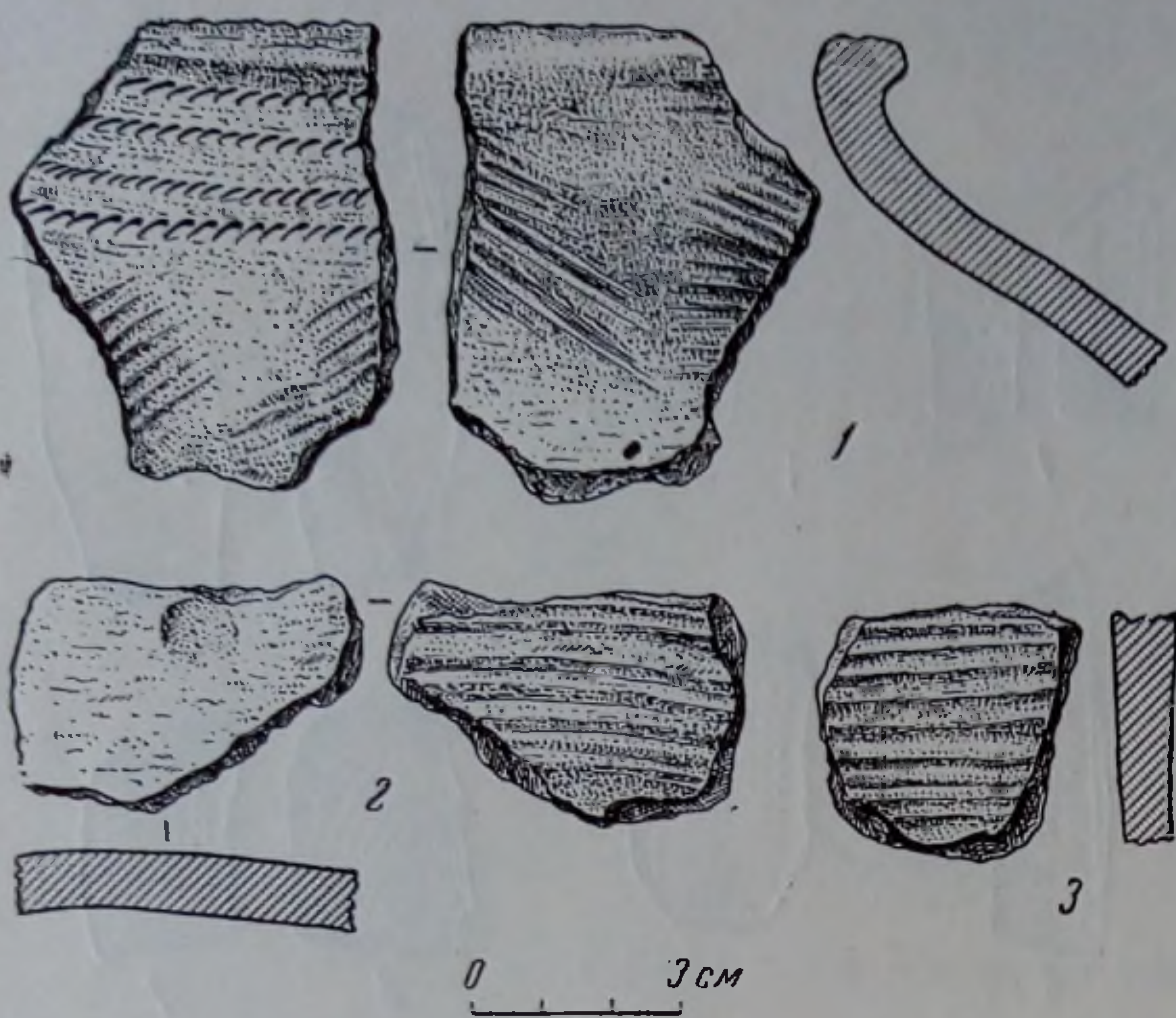

Таблица LI. Обломки глиняных сосудов из слоя V в Таш-Аир I.

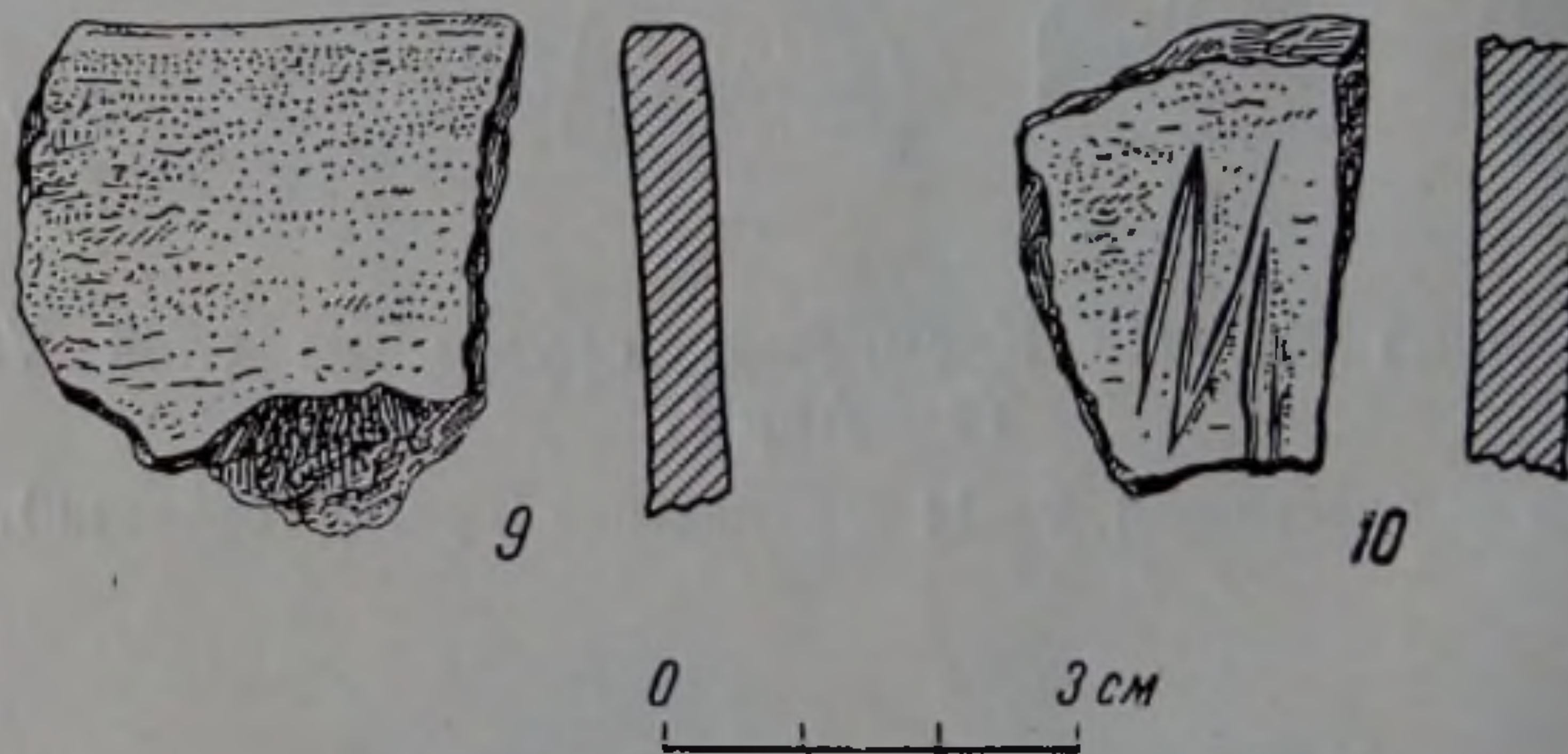
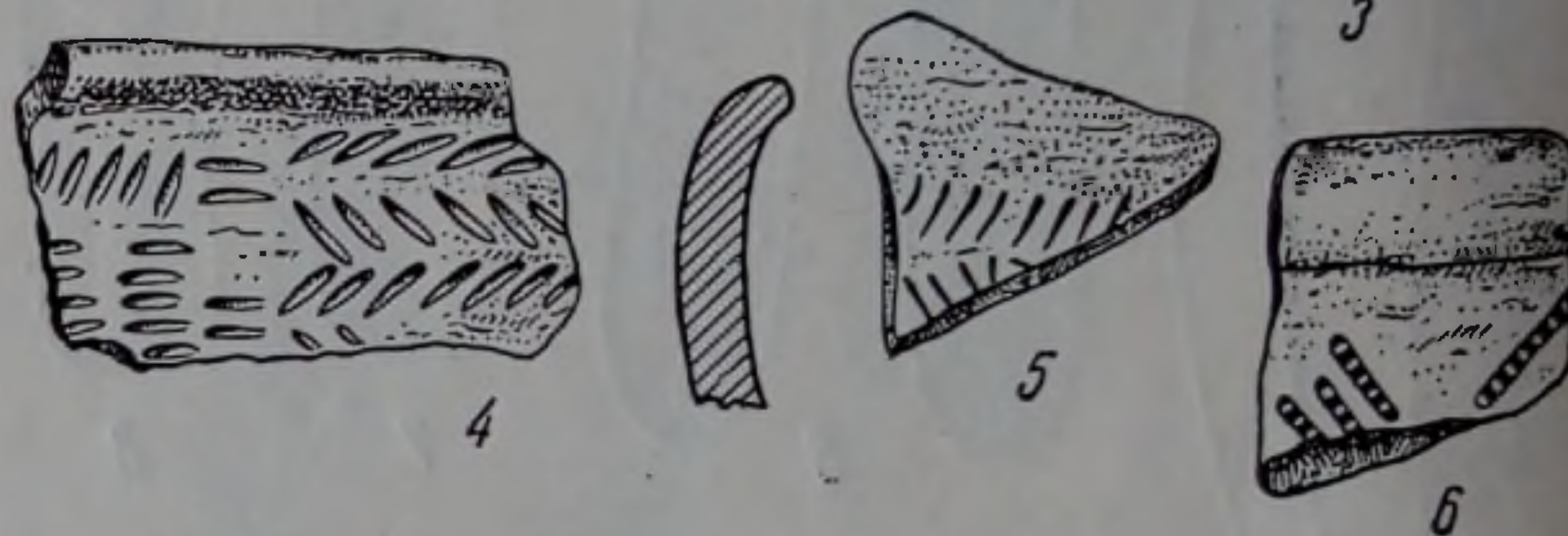
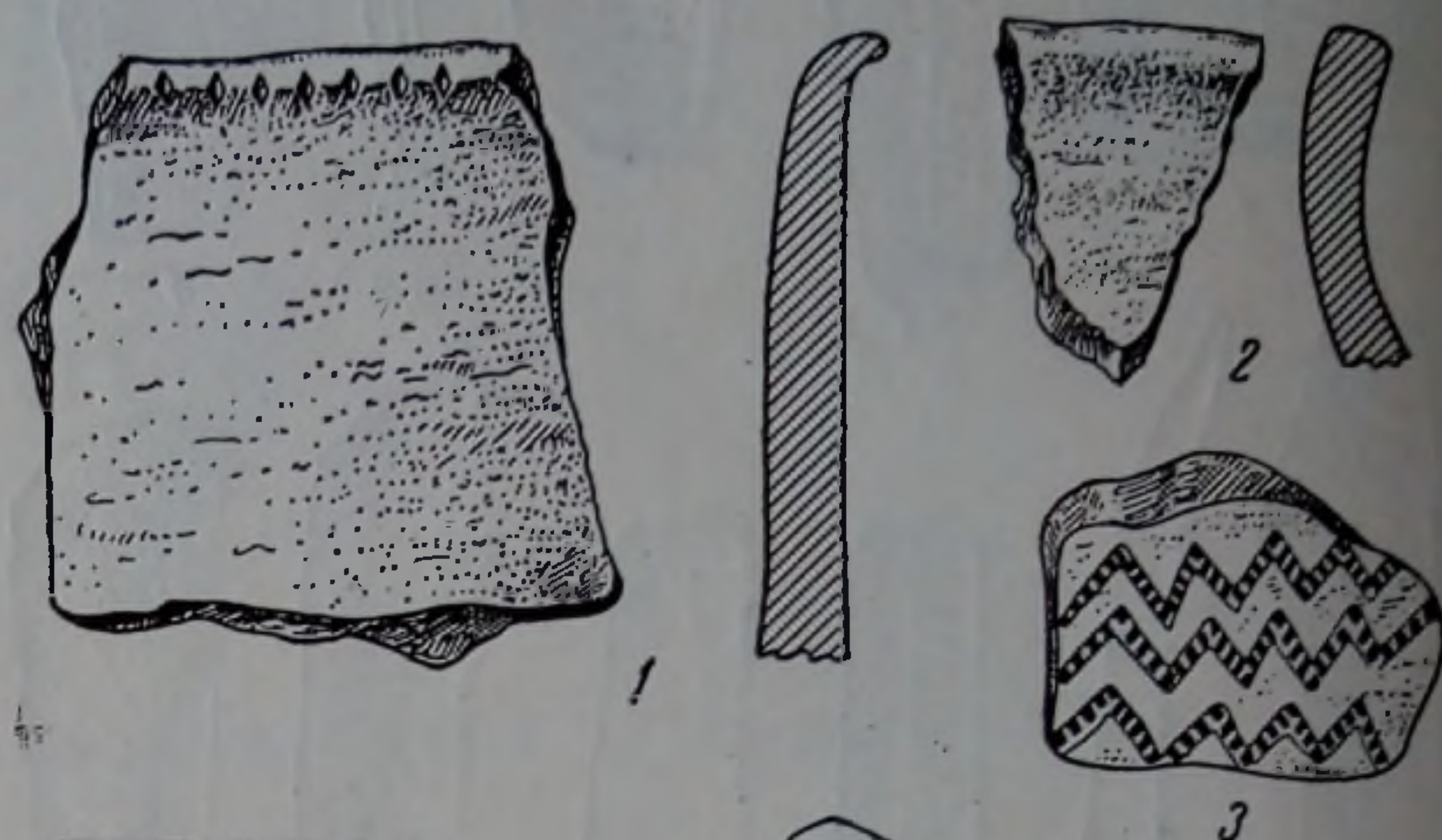

Таблица L. Обломки глиняных сосудов из слоя V в Таш-Аир I.

Таблица LII. Кремневые орудия из разных мест Бахчисарайского района.

1 — карандашевидный нуклеус; 2—3 — наконечники стрел; 4 — кинжал или наконечник копья.

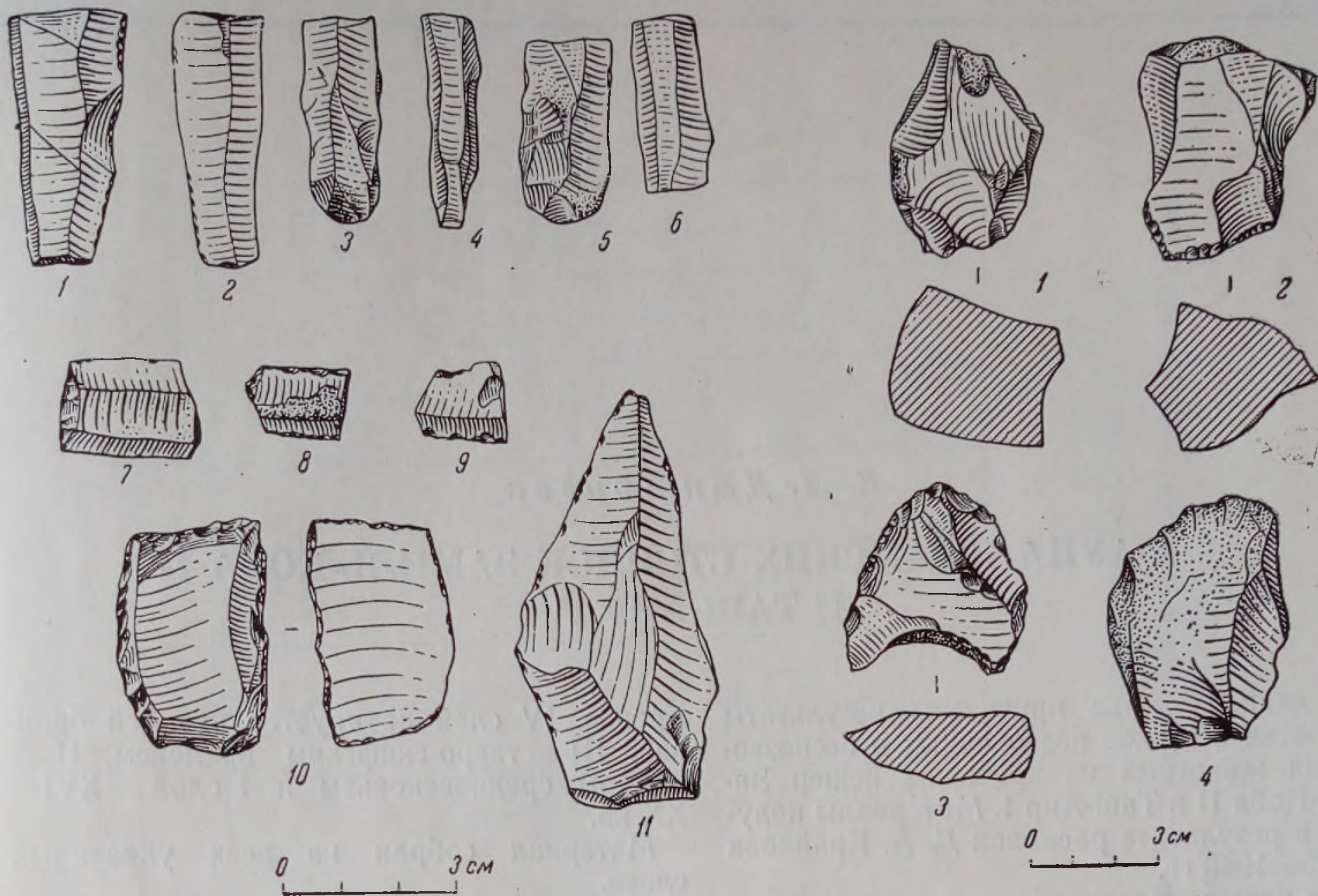

Таблица LIII. Кремневые орудия из IV слоя Таш-Аир I.

1 — резчик; 2—6 — пластинки; 7—9 — вкладыши; 10 — скребковидное орудие; 11 — отщеп.

Таблица LIV. Кремневые орудия из IV слоя Таш-Аир I.

1—2 — нуклеусы; 3—4 — скребковидные орудия.

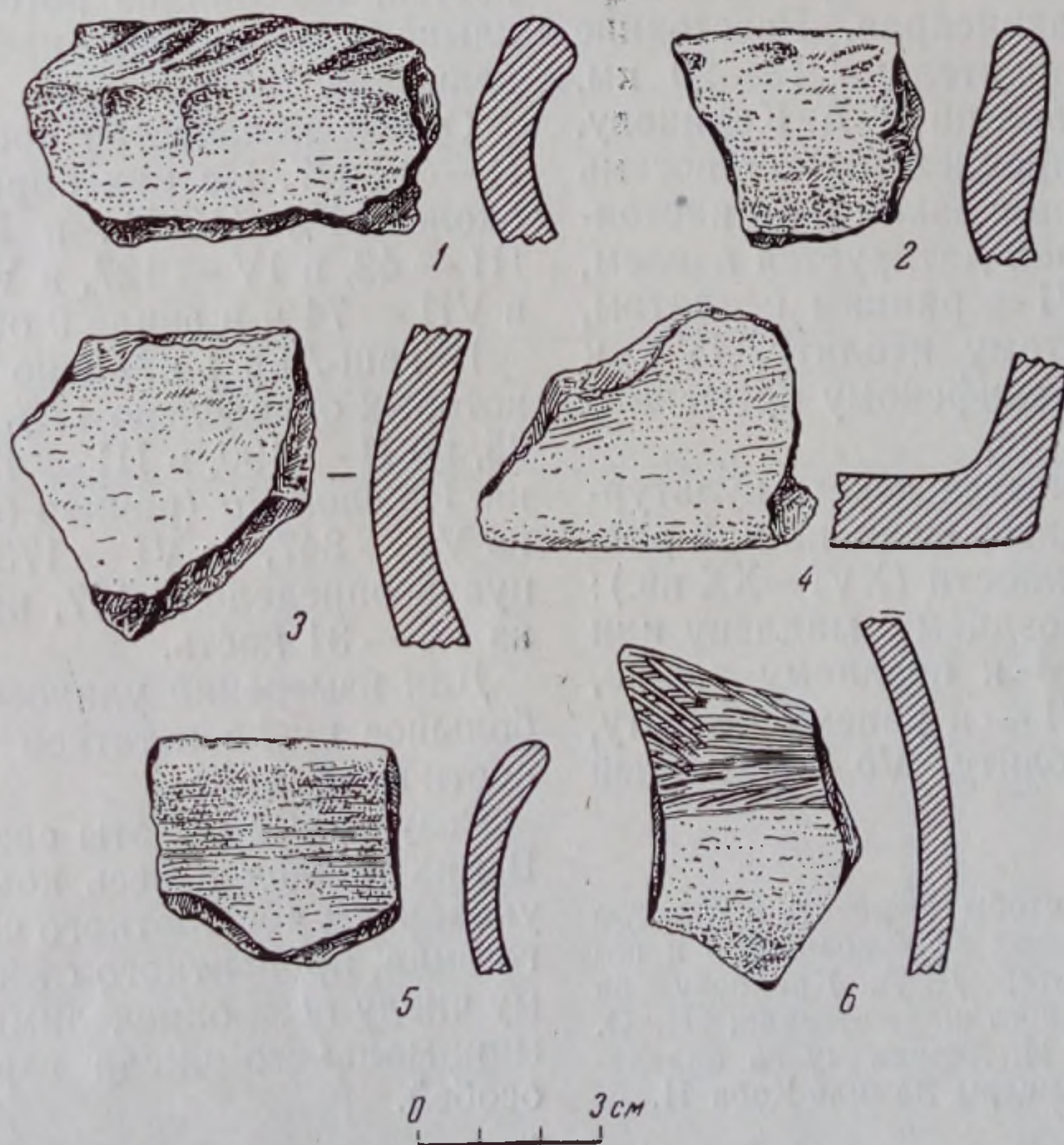

Таблица LV. Обломки глиняных сосудов из IV слоя Таш-Аир I.

Е. Л. Дмитриева

ФАУНА КРЫМСКИХ СТОЯНОК ЗАМИЛЬ-КОБА II И ТАШ-АИР I*

В данной статье приведены результаты обработки остатков позвоночных и беспозвоночных животных из крымских пещер Замиль-Коба II и Таш-Аир I. Материалы получены в результате раскопок Д. А. Крайнова в 1935—1940 гг.

Обе пещеры расположены в юго-западной части Горного Крыма (Бахчисарайский район): Замиль-Коба II — у деревни Залесное (б. Черкез-Кермен), примерно в 6 км от Севастопольской бухты и 14 км от Севастополя; Таш-Аир I — около совхоза «Коминтерн», в 6 км от Бахчисарая. Расстояние между ними — приблизительно 18—20 км. Датировка стоянок дана по Д. А. Крайнову.

В Замиль-Коба II прослеживаются восемь культурных горизонтов с азилия и до настоящего времени. VIII слой датируется азилом, VII — тарденуазом, VI — ранним неолитом, V — отнесен к развитому неолиту, IV — к бронзе, III — к тавро-скифскому времени и I—II слои к XVI—XX вв.

В Таш-Аир I различается десять культурных горизонтов с позднего мадлена или раннего азилия до современности (XVI—XX вв.): IX слой отнесен к позднему мадлену или раннему азилию, VIII — к позднему азилию, VII — к тарденуазу, VI — к раннему неолиту, Va — к развитому неолиту, Vb — к ранней

бронзе, IV слой датируется поздней бронзой, III — тавро-скифским временем, II — ранним средневековьем и I слой — XVI—XX вв.

Материал собран из всех указанных слоев.

Кости представляют собою кухонные остатки, мелко и крупно раздробленные во всех слоях. Часть из них обработана первобытным человеком и представляет собою орудия: шилья из обломков трубчатых костей, изделия из рогов оленя, косули, из клыков и фаланг кабана и позвонков дельфина.

Общее количество костей в Замиль-Коба II — 12 447. Из них определено всего лишь около 14% (1688): в I—II слоях — 27, в III — 42, в IV — 127, в V — 908, в VI — 501, в VII — 74 и в азиле 9 обломков.

В Таш-Аир I найдено 13 553 кости, среди которых определено 17% (2318); в I слое — 25, во II — 190, в III — 43, в IV — 502 остатка. Из слоя Vb (ранняя бронза) имеется 280, из Va — 847, из VI — 173 обломка, из тарденуаза определено 147, из VIII слоя — 80, а из IX — 31 кость.

Для измерений удалось использовать небольшое число остатков из-за фрагментарности материала.

Результаты работы сведены в табл. 1 и 2. В них приведен весь комплекс животных с указанием абсолютного числа костей каждого вида, процентного отношения его к общему числу всех определимых остатков в слое, минимального числа взрослых и молодых особей.

* Пользуюсь случаем, чтобы выразить глубокую благодарность В. И. Громовой за руководство и постоянную помощь в работе; Д. А. Крайнову за предоставленный для обработки материал; Н. О. Бурчаку-Абрамовичу и Л. И. Хозацкому за определение птиц и черепах из пещеры Замиль-Коба II.

Таблица 1

Соотношение костных остатков и особей разных животных по слоям (Замиль-Коба II)*

Название животных	Датировка слоев										средне-ковье-современность
	азиль	тарденуаз	ранний неолит	развитой неолит	бронза	тавро-скифы			тавро-скифы	средне-ковье-современность	
Домашний бык — <i>Bos taurus</i> L.	—	—	1/0,2	—	9/7	2/1	3/7	1/—	1/4	1/—	1/—
Домашняя овца — <i>Ovis aries</i> L.	—	—	—	8/0,8	1/1	1/—	2/5	1/—	4/15	1/1	1/1
Мелкий рогатый скот — <i>Ovis-Capra</i>	—	—	2/0,4	3/0,3	40/31	—	12/29	—	10/37	—	—
Обыкновенный олень — <i>Cervus elaphus</i> L.	—	8/11	27/5	27/3	6/5	1/—	2/5	1/—	2/7	1/—	1/—
Европейская косуля — <i>Capreolus capreolus</i> L.	1/11	4/5	80/16	150/17	13/10	1/—	8/7	1/1	4/15	1/—	1/—
Кабан — <i>Sus scrofa fergus</i>	2/22	9/12	60/12	120/13	10/8	2/—	7/—	1/—	—	—	—
Домашняя свинья — <i>Sus scrofa domestica</i>	—	—	7/1	12/1	5/4	3/—	3/—	1/—	—	—	—
<i>Sus scrofa</i> L. ** (точнее неопределимые)	5/55	51/69	287/57	508/56	34/27	—/3	—/11	—/1	2/7	—	—
Лошадь — <i>Equus caballus</i>	—	—	—	1/0,1	—	—	1/—	1/—	1/0,1	1/—	1/—
Осел — <i>Equus (Asinus) sp.</i>	—	—	—	—	—	—	—	—	3/11	—	—
Волк — <i>Canis lupus</i> L.	—	1/1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Домашняя собака — <i>Canis familiaris</i> L.	1?/11	—	3/1	2/0,2	5/4	1/—	1/1	1/—	1/4	1/—	1/—
Кошка — <i>Felis sp.</i>	—	—	—	1/0,1	—	—	1/—	—	—	—	—
Еж — <i>Erinaceus sp.</i>	—	—	1/0,2	1/0,1	—	—	1/—	—	—	—	—
Заяц — <i>Lepus sp.</i>	—	—	4/1	1/0,1	—	—	1/—	—	—	—	—
Китообразные — <i>Cetacea</i>	—	—	4/1	2/1/3	—	—	3/1	—	—	—	—
Дрофа — дудак — <i>Otis tarda</i> L.	—	1/1	4/1	7/0,7	—	—	4/1	—	—	—	—
Болотная черепаха — <i>Emys orbicularis</i> L.	—	—	8/2	7/0,7	2/2	1/—	—	—	—	—	—
	—	—	17/3	40/4	3/2	1/—	6/—	—	—	—	—
Количество определимых костей в слое	9	74	501	908	127	42	27				
Общее количество всех определимых костей	1688										

* Дробь левой колонки означает: абсолютное число костей данного животного / % костей данного животного от общего числа всех определенных костей в слое.
Дробь правой колонки означает: минимальное число особей взрослого животного / минимальное число особей молодого животного.
Проценты брались с приближением до 1.

** Все молодые особи отнесены к *Sus scrofa* L.

Обработка материала позволила выявить остатки, принадлежащие диким и домашним животным, соотношение которых послойно приведено в табл. 3 и 4 и на рис. 1 и 2. Сумма процентов домашних и диких особей в таблицах не составляет 100, поскольку не учтены остатки козы-барана¹, кости лоша-

дей и ослов², часть остатков свиньи и коровы, не отнесенных из-за фрагментарности ни к домашним, ни к диким животным,

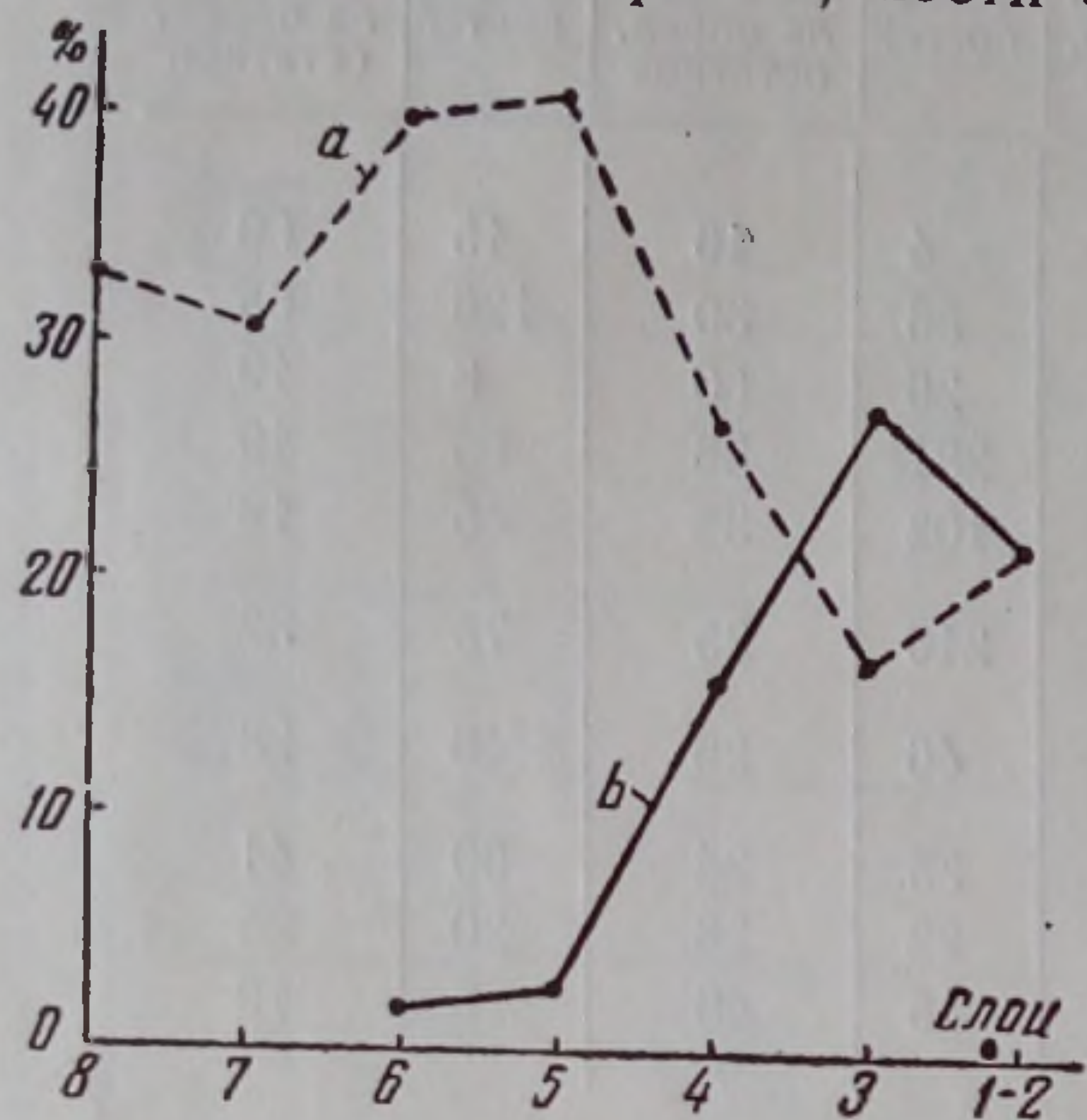

Рис. 1. Число костей диких и домашних животных в процентах от общего числа всех остатков в слое (Замиль-Коба II).

a — дикие животные; b — домашние животные.

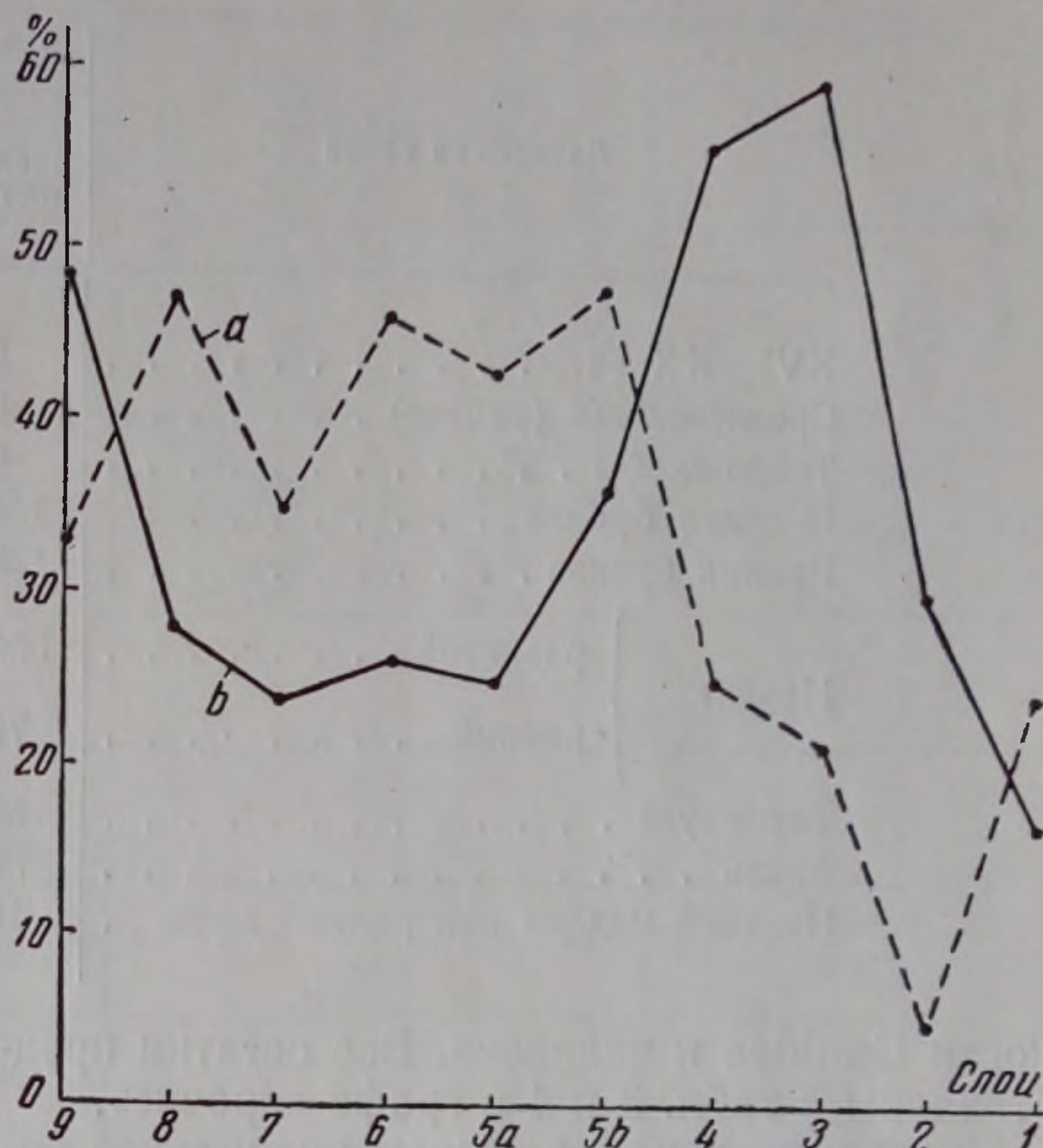

Рис. 2. Число костей диких и домашних животных в процентах от общего числа всех остатков в слое (Таш-Аир I).

a — дикие животные; b — домашние животные.

Таблица 3

Число костей диких и домашних животных стоянки Замиль-Коба II и процент их от общего числа определимых костей в слое

Датировка слоев	Дикие животные		Домашние животные		Прочие		
	число костей	% от общего числа определимых остатков	число костей	% от общего числа определимых остатков	число костей	% от общего числа определимых остатков	
Современность — средневековье	6	22	6	22	15	56	
Тавро-скифы	7	17	12	28	23	55	
Бронза	34	27	20	16	73	57	
Неолит	развитой	374	41	23	3	511	56
		ранний	201	40	11	2	289
Тарденуаз	23	31	—	—	51	69	
Азиль	3	33	1 (?)*	—	6	67	

* В этом слое из домашних животных имеется только одна кость *Canis familiaris* (?) L.

¹ Неизвестно, относятся ли остатки этих животных к диким или домашним формам.

² На современном уровне знаний невозможно решить, принадлежат ли остатки этих животных домашним лошадям и ослам или диким.

Таблица 4

Число костей диких и домашних животных стоянки Таш-Аир I и процент их от общего числа определимых костей в слое

Датировка слоев	Дикие животные		Домашние животные		Прочие		
	число костей	% от общего числа опред. остатков	число костей	% от общего числа опред. остатков	число костей	% от общего числа опред. остатков	
XVI—XX вв.	6	24	4	16	15	60	
Средневековье (раннее)	8	5	56	30	126	65	
Тавро-скифы	9	21	26	60	8	19	
Поздняя бронза	126	25	281	56	95	19	
Ранняя бронза	133	48	102	36	45	16	
Неолит	} развитой	356	43	216	25	75	32
Тарденуаз	52	35	35	24	60	41	
Азиль	38	47	22	28	20	25	
Поздний мадлен или ранний азиль .	10	33	15	48	6	19	

кости Canidae и человека. Все остатки представлены в табл. 3 и 4 в графе «прочие».

Предварительное, в общем правильное определение остатков из Таш-Аир I было сделано сотрудником Московского отделения Института истории материальной культуры Н. А. Сугробовым в 1940 г. Некоторые расхождения в подсчетах (особенно в слоях III,

IV, Vb) и определениях, вероятно, нужно отнести за счет длительного хранения коллекции (19 лет), так как не исключена возможность потери отдельных костей.

Имеющийся материал дает возможность сделать только предварительные выводы, требующие дополнительного подтверждения.

ЗАМИЛЬ-КОБА II

Обзор фауны

Фауна пещеры Замиль-Коба II состоит из 14 видов млекопитающих, 1 вида птиц, 1 вида черепах и нескольких видов рыб; кроме того, из каждого слоя найдено значительное количество моллюсков.

Sus scrofa — свинья
(дикая + домашняя)

Свинья, включая дикую и домашнюю, по числу остатков среди других животных стоянки занимает первое место во всех слоях, за исключением периодов средневековья и настоящего времени.

Из азилья имеется 7 костей *Sus*, из тарденуаза — 60, из раннего неолита — 354, развитого — 640; в слоях, относящихся по времени к бронзе, обнаружено 49 остатков, в

III слое — 15, а из средневековья и настоящего времени — 2.

Несмотря на кажущееся обилие материала, лишь немногие, более целые кости позволили взять некоторые промеры и соответственно выделить из общего числа остатков свиньи кости *Sus scrofa fergus* и остатки, которые, по-видимому, можно отнести к *Sus scrofa domesticus*³. Последние (домашняя свинья) приходится отметить с раннего неолита (табл. 5).

Что касается дикого кабана (*Sus scrofa fergus*), то он сохранялся в Крыму на протяжении палеолита (Бонч-Осмоловский, 1934; Векилова, 1957), мезолита, частично в

³ Кости домашних и диких свиней на настоящем уровне знаний различаются только по величине.

Размеры костей *Sus scrofa* (ferus + domesticus) (в мм) *

Промеры	Замиль-Коба II												В. И. Громова, 1948 **	
	тарденуаз		ранний неолит		развитой неолит		бронза		тавро-скифское время		Боршево 1, городище IX-X вв., вблизи г. Воронежа		Б. Гродненская губерня	Кавказ
	ferus		ferus		ferus		ferus		ferus		ferus		ferus	domesticus
	domesticus		domesticus		domesticus		domesticus		domesticus		domesticus		domesticus	современные дикие свиньи
Scapula														
Наименьшая ширина шейки	—	29,6	20,7; 22,4 26,0	—	—	—	—	21,5; 21,5	—	—	(16 экз.) 29—40	21—26	28,0	30,5
Малый поперечник суставной впадины перпендикулярно к большому	—	29,6	20,7; 22,4 24,3; 26,1	27,9 32,7	25,3 25,5	—	—	—	—	—	(9 экз.) 32—40	(5 экз.) 22—26	26,0	31,5
Radius														
Передне-задний поперечник верхнего конца	—	26,5	23,8	25,8	21,5	—	—	—	—	—	(11 экз.) 26—30	(11 экз.) 17—23	24,0	24,5
Tibia														
Ширина нижнего конца	35,0; 35,0 38,0	36,0	31,4	33,6 34,3	31,5	—	—	—	—	—	(14 экз.) 35—42,5	(10 экз.) 27—30	34,5	36,5
Astragalus														
Полная длина	—	(3 экз.) 45,0— 48,1	43,2	(5 экз.) 44,3—51	41,7 43,0 43,0	—	—	—	—	—	(20 экз.) 50—58	(2 экз.) 37; 42	47,5	49,0
Calcaneus														
Наибольшая ширина на уровне суставной поверхности для задней поверхности астрагала	—	33,0	—	—	(6 экз.) 22,0— 24,0	—	—	20,0 23,2 23,2	—	—	(15 экз.) 25—30	—	23,0	23,0

Промеры	Замиль-Коба II												В. И. Громова, 1948 **	
	тарденуаз		ранний неолит		развитой неолит		бронза		тавро-скифское время		Боршево I, городище IX-X вв., вблизи г. Воронеж		Волынь	Кавказ
	ferus	domesticus	ferus	domesticus	ferus	domesticus	ferus	domesticus	ferus	domesticus	ferus	domesticus	современные дикие свиньи	
Р ⁴ Длина	—	—	15,0 14,7 14,3	—	(6 экз.) 14,5— 16,5	12,7 13,6.	—	12,0	—	—	(5 экз.) 14—15	(10 экз.) 10—12,5	Волынь: 13,5; 14; 14,5	
М ¹ Длина	—	—	(5 экз.) 18,0— 19,2	14,6 16,2	(5 экз.) 18,3— 20,3	(8 экз.) 15,0— 17,7	18,3	—	—	—	(5 экз.) 18—23	13—17,5	15,5; 16,5;17,5	
М ³ Длина	—	—	(3 экз.) 35,0— 43,4	—	(6 экз.) 37,7— 43,6	—	—	27,0	—	—	(8 экз.) 40—48	(3 экз.) 28—33	41,0	37,0;41,0
Р ₂ Длина	—	—	14,6 14,7	—	12,6	9,9; 11,7—	—	—	—	—	(3 экз.) 13—14,5	(4 экз.) 11—11,5	14,5	12,0 12,5 13,0
М ₁ Ширина	—	—	12,5 13,0	—	(8 экз.) 12,5— 13,2	(5 экз.) 11,6— 12,0	—	12,0	—	—	(11 экз.) 13—16	10—11	12,0	12,5;13,0; 13,0
М ₂ Длина	24,2	23,8	22,6	22,6	(12 экз.) 23—26,2	22,4	—	—	23,6	19,4	(6 экз.) 25—29,5	(7 экз.) 19—21	24,5	22,5;23,0; 23,5
М ₃ Длина	—	(3 экз.) 43,7— 44,0	—	(3 экз.) 40—44	—	—	—	—	—	—	(4 экз.) 40—46	(9 экз.) 25—34	42	43,5; 44,0; 40,0

* Из азилы имеются обломки крупных костей, измерить которые нельзя. Поэтому графа „азиль“ не включена в таблицу.
** Промеры костей самцов и самок современных диких свиней приведены вместе.

неолите и вымер в относительно недавнее время (Громова и Громов, 1937; Бобринский, 1946; Даль, 1957). Этот процесс прослеживается и на материалах пещеры Замиль-Коба II.

По сравнению с мелким палеолитическим кабаном (Громова и Громов, 1937) дикая свинья из неолитического слоя пещеры несколько крупнее, хотя вообще она, видимо, отличается сравнительно небольшими размерами. Для иллюстрации приводим (табл. 6) сопоставление размеров таранных костей кабана из Замиль-Коба II и из палеолита, эпипалеолита и более молодых отложений Крыма (Громова и Громов, 1937).

Среди костей взрослых особей *Sus scrofa* L. были обнаружены остатки поросят дикой и домашней свиньи в возрасте от 3—4 недель (и моложе) и до одного года (больше всего пятимесячных)⁴: 5 костей в третьем слое (33% от общего количества определенных остатков всех взрослых диких и домашних свиней в слое), 15 — в четвертом (30%), 110 — в пятом (17%), 53 кости в раннем неолите (15%), 14 — в тарденуазе (23%) и в азиле — 2 обломка (28%).

ся сравнением их с костями современных европейской и сибирской косуль (табл. 7). Данные литературы также указывают на принадлежность крымских косуль именно к европейскому виду (Браунер, 1916; Даль, 1958). К. К. Флёрв (1952), считая вид *Capreolus* состоящим из нескольких подвигов — *C. capreolus capreolus*, *C. capreolus rugargus* и др., — упоминает Крым, как один из пунктов ареала обыкновенной косули *C. capreolus capreolus*.

Европейская косуля появляется в Крыму на границе азиля и тарденуазы и, видимо, замещает в качестве объекта охоты исчезнувшую к этому времени сайгу (Громова и Громов, 1937).

По количеству костей она занимает второе место среди остальных животных стоянки (табл. 1). Кости ее встречены во всех слоях, начиная с азиля; наибольшее число падает на развитой неолит. По-видимому, она являлась постоянным объектом охоты на протяжении всего рассматриваемого времени.

Промеры костей показали, что в мезолите *Capreolus* несколько крупнее современной европейской, в неолите — одинаковых разме-

Таблица 6

Промеры астрагалов свиней (в мм)

Промеры	К р ы м				
	Кош-Коба, палеолит	Шань-Коба, Фатьма-Коба, азиль-тарденуаз	Новые отложения	Замиль-Коба II	
				ранний неолит	развитой неолит
<i>Astragalus</i> Полная длина	38	40,5;42,5;46,5; 45;48;49;5	52,5	(4 экз.) 43,1;45; 48,1	(8 экз.) 41,7—51

Количество остатков поросят невелико. Возможно, что молодые особи являлись объектом охоты.

Capreolus capreolus L.— европейская косуля

Остатки косули, найденные в пещере Замиль-Коба II, вероятно, принадлежат к европейскому виду. Последнее подтверждает

ров с последней (табл. 7). Видимо, в течение этого времени происходил процесс изменения размеров животного в сторону его уменьшения. Факт измельчания косули к неолиту отмечен и в литературе (Громова и Громов, 1937; Voessneck, 1956).

Cervus elaphus L.— обыкновенный олень

Остатки оленя в Крыму часто встречаются в слоях, относящихся к палеолиту (Бонч-Осмоловский, 1934; Векилова, 1957) и более позднему времени (Громова и Громов, 1937).

⁴ Возраст поросят определялся по работе Корнев и Лесбр (1929).

Таблица 7

Размеры костей *Capreolus* (в мм)

Промеры	Замиль-Коба II					Современные козули (Громова и Громов, 1937)	
	азиль	тарденуаз	ранний неолит	развитой неолит	бронза	<i>C. capreolus</i>	<i>C. pygargus</i>
<i>Humerus</i> Ширина нижнего конца . . .	—	(1 экз.) 30(31?)	(5 экз.) 26,9— 30,4	(7 экз.) 26,0— 29,2	(1 экз.) 27,4	28,0	33,0
<i>Astragalus</i> Полная длина . .	—	—	(2 экз.) 30,0 30,5	(4 экз.) 29,0 30,9	(1 экз.) 28,2	30,0	32,0
<i>Calcaneus</i> Полная длина . .	(1 экз.) 66,4	—	—	—	—	57,0	67,0

Таблица 8

Размеры костей *Cervus elaphus* (в мм)

Промеры	Замиль-Коба II		Таш-Аир I		Современные крымские олени (Громова и Громов, 1937)
	ранний неолит	развитой неолит	бронза	развитой неолит	
<i>Humerus</i> Наибольшая ширина нижней суставной поверхности . . .	(1 экз.) 60,0	(1 экз.) 58,0	—	—	49; 53,0
<i>Tibia</i> Наибольшая ширина нижнего конца	(1 экз.) 59,0	—	—	55,5	46; 52,0
<i>Astragalus</i> Длина по наружному краю Ширина нижнего конца . .	(1 экз.) 56,0 —	(2 экз.) 55; 58,5 (2 экз.) 35,4; 35	(1 экз.) 53,0 34	— —	53,5; 58,5 34; 38

Раскопки пещеры Замиль-Коба II позволили установить наличие *Cervus elaphus* L. в небольшом количестве во всех слоях с тарденуаза до настоящего времени (табл. 1). Он занимает третье место среди остальных животных.

Малое число остатков говорит о его второстепенном значении для человека.

Олени раннего неолита несколько крупнее современных, в развитом неолите и бронзе не отличаются от рецентных форм (табл. 8). Видимо, и здесь происходил тот же процесс измельчания животного, который указан выше для козули.

Bos taurus L. —
домашний бык

В Крыму в палеолитическое время жил первобытный зубр, или тур (дикий бык) (Бируля, 1930; Громова и Громов, 1937). Бонч-Осмоловский (1934) указывал, что из грота Киик-Коба в нижнем слое А. А. Бялицкому-Бируле удалось определить среди остальных костей остатки *Bos* sp. (?).

Раскопки пещеры Замиль-Коба II не обнаружили костей *Bos* ни в азиле, ни в тарденуазе. Только в раннем неолите найден вто-

рой нижний премоляр (P₂) некрупного и, видимо, уже домашнего быка.

Если единичная находка P₂ в VI слое не является следствием погрешности сборов и если прав Д. А. Крайнов, предполагая, что одомашнение происходило на месте, то, вероятно, начало его нужно отнести к верхнему тарденуазу или несколько более позднему времени.

Кроме раннего неолита кости домашнего быка найдены в бронзе, в слоях, датированных тавро-скифским временем и средневековьем — современностью.

Количество остатков *Bos taurus* L. во всех слоях очень невелико (табл. 1), что позволяет предполагать его подсобную роль в хозяйстве.

Ovis aries L. и *Capra hircus* —
мелкий рогатый скот

В Крыму, в слоях, относящихся к палеолиту (Громова и Громов, 1937) и к раннему мезолитическому времени (Крайнов, 1938; Воеводский, 1950), были найдены остатки барана, вероятно, дикого.

В сборах Д. А. Крайнова кости мелкого рогатого скота не обнаружены ни в азили, ни в тарденуазе. Лишь два мелкие зуба *Ovis* или *Capra* (зубы этих родов неразличимы) найдены в раннем неолите. Из развитого неолита и бронзы — несколько костей *Ovis aries* L. (табл. 1), а из более поздних слоев — зубы *Ovis* или *Capra*, вероятно домашних (табл. 1).

Имеющийся незначительный материал не дает возможности говорить о времени появления домашнего барана и большей или меньшей вероятности его местной доместикации.

Кости коз среди остальных остатков не встречены.

Кроме вышперечисленных животных, в пещере найдены: а) лошадь — *Equus caballus* (нижнекоренной зуб, обломок резца, *caprale* II и III, *ph* I) и осел — *Equus asinus* sp. (резец, нижнекоренной зуб и *ph* III) в слоях, относящихся к развитому неолиту, тавро-скифскому времени и средневековью — современности.

Поскольку лошадь появляется позже других культурных животных (Voessneck, 1955—1956), постольку невозможно утверждать, что в развитом неолите она была уже до-

машней. Тем более нет оснований считать Крым местом ее доместикации;

б) волк (*Canis lupus* L.) — обломок очень крупной лопатки из тарденуаза;

в) собака (*Canis familiaris* L.) — кости конечностей и обломок верхней челюсти из всех слоев, начиная с азилия. Исключение — тарденуаз;

г) кошка (*Felis* sp.). Мелкая форма. Нижнекоренной зуб из развитого неолита;

д) еж — (*Frinaceus* sp.) из развитого и раннего неолита (обломки нижней челюсти);

е) заяц (*Lepus* sp.) из раннего и развитого неолита (обломки конечностей, зубы);

ж) китообразные (*Cetacea*) из слоев, относящихся к раннему, развитому неолиту и тавро-скифскому времени (обломки конечностей и часть нижней челюсти с зубами). По размерам остатки близки к костям дельфина;

з) дрофа-дудак⁵ (*Otis tarda* L.) — кости конечностей из тарденуаза, раннего и развитого неолита и бронзы;

и) болотная черепаха⁶ (*Emys orbicularis* L.) — остатки панциря в слоях, относящихся к раннему, развитому неолиту и бронзе;

к) рыбы (находки незначительны). По предварительному определению В. Н. Яковлева, это остатки судака, сома и щуки.

Одновременно с костями позвоночных раковинами обнаружены раковины по крайней мере трех видов моллюсков. По количеству остатков наибольшее внимание привлекает к себе *Helix* sp. (остальные не определены).

По мере приближения к развитому неолиту количество беспозвоночных увеличивается: в азили — 74 (14)⁷, в тарденуазе — 134 (93), в раннем неолите — 566 (749), в развитом неолите — 992 (1012). От развитого неолита и выше количество их опять снижается: в бронзе — 44 (6), в период тавро-скифов — 65 (5) и средневековья — настоящего времени — 10 (26) раковин. Больше всего остатков приходится на V слой (развитой неолит).

⁵ Определения Н. О. Бурчака-Абрамовича.

⁶ Определения Л. И. Хозацкого.

⁷ Основная цифра обозначает число раковин *Helix*; цифра в скобках — число раковин неопределенных моллюсков.

Д. А. Крайнов (устное сообщение) связывает этот факт с развитием свиноводства, так как он считает, что древний человек кормил свиней виноградной улиткой. Возможно, что неолитический человек и сам питался этим моллюском.

Итоги. Фауна стоянки Замиль-Коба II состоит в основном из диких животных, причем во всех культурных слоях преобладают свинья, косуля и олень. Лишь очень небольшой процент составляют домашние особи. Это дает возможность полагать, что охота (по данным Замиль-Коба II) являлась главным средством существования человека на протяжении почти всего рассматриваемого времени. Даже в неолите и бронзе остатки диких животных преобладают над домашними.

Материал раскопок Замиль-Коба II показал, что домашние свинья и корова появляются в период раннего неолита; домашняя овца отмечается с развитого неолита; собака (уверенно) — тоже с раннего неолита. О домашней козе, лошади и осле данных нет.

Вопрос о времени появления домашних животных давно привлекает к себе внимание (Адлерберг, 1933; Громова и Громов, 1937; Крайнов, 1938; Voessneck, 1955/56). Еще в 1940 г. С. Н. Бибиков писал о крымском мезолите как о периоде, в котором происходит ряд изменений в хозяйстве человека, связанных с изобретением лука и началом приручения животных, а С. Н. Боголюбский

(1940) указывал, что «первые следы растениеводства и животноводства концентрируются в позднем мезолите и раннем неолите; предполагается, что свинья легче и раньше других животных могла быть одомашнена, так как человеку не трудно было привлечь ее различной подкормкой». К сожалению, с уверенностью говорить о времени начального одомашнивания животных на основе только материалов Замиль-Коба II пока не приходится из-за отсутствия больших, ясно разграниченных серий однородных костей.

Наличие большого количества раковин моллюсков свидетельствует о значении собирательства и, наоборот, малое количество рыбных остатков — о слабом развитии рыболовства.

Дополнение. После окончания обработки материала из Замиль-Коба II Д. А. Крайновым была передана дополнительно часть материала из той же пещеры, общим количеством в 1800 обломков костей (определимые остатки составляли всего лишь 10%).

Из нового материала в табл. 1 пришлось внести фалангу лошади в рубрику: «средневековье — современность», так как в первоначальном материале в этих слоях *Equus caballus* отсутствовала. В остальном дополнительный материал не вносит никаких изменений в работу. Таблицы 1—8 и рис. 1—2 составлены на основании только первоначального материала.

ТАШ-АИР I

Фауна Таш-Аир I (табл. 2) представлена теми же видами, что и в Замиль-Коба II, за исключением водных животных, барсука и лисицы. Последние отсутствуют в Замиль-Коба II. Фауна насчитывает 14 видов млекопитающих и несколько видов птиц. Кроме того, имеется значительное количество костей человека и остатков моллюсков.

Sus scrofa — свинья
(дикая + домашняя)

Свинья, дикая и домашняя, по числу остатков во всех слоях, кроме раннего средневековья, как и в Замиль-Коба II, занимает первое место.

Из раннего азилия имеется 29 костей *Sus*, из позднего азилия — 46, тарденуаза — 111, раннего неолита — 98, развитого неолита — 592. В слое, датированном ранней бронзой, обнаружено 119 остатков, в поздней бронзе — 366, в III слое (тавро-скифы) — 40, из раннего средневековья — одна копытная фаланга. В I слое (XVI—XX вв.) кости свиньи не обнаружены.

Среди остатков взрослых особей найдены кости поросят в возрасте от нескольких недель до одного года: в III слое — 4 обломка (10% от общего числа костных остатков всех взрослых диких и домашних свиней в слое), в IV — 46 (12%), в слое V b — 12 (10%), в Va — 91 (15%), в VI — 16

Размеры костей *Sus scrofa* (*ferus*+*domesticus*) (в мм) *

Промеры	Т а ш - А и р I																
	поздний мадлен или ранний азиль		поздний азиль		тарденуаз		ранний неолит		развитой неолит		ранняя бронза		поздняя бронза		тавроскифы		
	domesticus		domesticus		ferus domesticus		ferus domesticus		ferus domesticus		ferus domesticus		ferus domesticus		ferus domesticus		
	domesticus	domesticus	ferus	domesticus	ferus	domesticus	ferus	domesticus	ferus	domesticus	ferus	domesticus	ferus	domesticus	ferus	domesticus	
Atlas																	
Наибольшая длина	—	—	95	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	91,7	—	—	—
Наибольшая ширина	—	—	51,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	50,0	—	—	—
Scapula																	
Наименьш. ширина шейки	—	—	(5 экз.) 28,5—31	(3 экз.) 21,3—27,8	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Малый попереч. сустав впадины (перпен. к большому)	—	—	(4 экз.) 28—30	(5 экз.) 24,6 26,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	27,3	—	21,0
Humerus																	
Наибольшая ширина нижнего конца	—	—	—	—	—	51,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Radius																	
Ширина верхнего конца	—	—	—	—	28,6	—	—	(3 экз.) 24,5—29,0	(5 экз.) 21,4—23,8	—	—	—	—	—	—	—	—
Передне-задний поперечник верхнего конца	—	—	—	—	17,2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Таблица 10

Размеры нижнекоренных зубов *Bos* (в мм)

Промеры	Т а ш а и р I												Украинская порода по Браунеру, 1919				
	ранний неолит		развитой неолит		ранняя бронза		поздняя бронза		раннее средневековье		XVI—XX вв.						
	primigenius	taurus	primigenius	taurus	primigenius	taurus	primigenius	taurus	primigenius	taurus	primigenius	taurus					
$M_{1,2}$																	
Длина . . .	30,0	22,0; 24,2; 27,0	31,6	24,5; 26,3; 29,0	33,0	25,0; 26,0; 29,0	—	25,0; 29,4	—	(5 экз.) 22,7—26,5	—	—	—	—	—	—	24; 27
Ширина . . .	0	14,0; 15,0; 15,0; 17,2	19,5; 1,0	13,7; 17,0; 16,3; 16,0	—	17,0; 17,4; 14,0	—	16,0; 16,0; 14,3	—	(5 экз.) 15,2—16,0	—	—	—	—	—	—	15; 16,5
M_3																	
Длина . . .	44,5	37,2	49,6	—	44,0; 45,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	39,0
Ширина . . .	20,0	15,5	18,7	—	20,0; 19,0; 17,4	—	—	16,5	14,5; 15,3	—	—	—	—	—	—	—	16,5
$P_{3,4}$																	
Длина . . .	—	—	23,5	—	22,0	—	—	24,0	—	—	—	—	—	—	—	—	20; 21,5
Ширина . . .	—	—	15,0	—	14,3	—	—	13,6	—	—	—	—	—	—	—	—	12,5; 14,5
$M_{1,2}$																	
Длина . . .	30,0	21,6; 26,3; 27,5	(4 экз.) 28—33,6	25,7	(11 экз.) 33,5—37,0	25,0; 27,0	22,4	27,9	22,4	(6 экз.) 28—31	22,9; 25,4	—	—	—	—	—	22; 29,5
Ширина . . .	25,0	22,2; 20,0	(4 экз.) 26,0—29,5	(3 экз.) 20—24,1	(9 экз.) 24—30	22,5	23,7	25,0	23,7	(5 экз.) 22,3—25,7	22,6; 23,0	—	—	—	—	—	21,5; 23
$P_{3,4}$																	
Длина . . .	—	—	23,8; 24,5	22,7	23,4	19,0; 19,4	18,0	—	—	—	17,0; 19,3; 20,0	—	—	—	—	—	17,5; 18,5
Ширина . . .	—	—	24,0; 20,5	24,0	24,5	21,0; 22,0	18,2	—	—	—	16,4; 20,5	—	—	—	—	—	14,5; 19
P_2																	
Длина . . .	—	—	—	—	—	17,0	—	—	—	—	17,8; 17,0	—	—	—	—	—	17
Ширина . . .	—	—	—	—	—	14,6	—	—	—	—	14,7; 12,0	—	—	—	—	—	13

Размеры верхнекоренных зубов *Bos* в (мм)

Размеры костей Bos (в мм)

Промеры	Таш-Аир I						Bos primigenius			Bos taurus			
	ранняя бронза		поздняя бронза	раннее средневековье		XVI—XX вв.	По Черкому, 1891		По Браунеру, 1919		primigenius		brachyceros
	развитой неолит	primigenius	primigenius	primigenius	taurus	taurus	—	—	—	Украинская по-ска по Браунеру, 1919	Свайные постройки в Швейцарии, по Риттмеру, 1919	Свайные постройки в Швейцарии, по Риттмеру, 1927	Трипольская культура, по Громовой, 1927
Humerus													
Наибольшая ширина нижнего конца	—	—	—	—	—	69	—	—	142	105	—	—	—
Ulna													
Наибольшая ширина сигмовидной вырезки	—	—	—	—	—	42	—	—	—	58	—	—	—
Tibia													
Наибольшая ширина нижнего конца	—	—	—	—	—	—	60,0	—	90	77	70	65	(5 экз.) 54,3—65,5
Передне-задний поперечник нижнего конца	—	—	—	—	—	—	40,5	—	—	60	—	—	(4 экз.) 40,5—53,5
Mtt													
Наибольшая ширина нижнего конца	—	—	—	—	—	—	—	—	—	77	—	—	—
Передне-задний поперечник нижнего конца	—	—	—	—	—	—	47,7	—	—	—	—	—	—
Ширина нижней суставной поверхности	—	—	—	—	—	—	43,0	—	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—	—	42,2	—	77,5	—	—	47—55	47,6; 50
Ph I													
Наибольшая длина наружной (относительно оси ноги) поверхности	—	—	53,5	75,7	—	—	—	—	—	65,5	67,5	(3 экз.) 56; 58; 58	(7 экз.) 54—71,5

Таблица 11 (продолжение)

Промеры	Таш-Аир I						Bos primigenius			Bos taurus		
	разви- той неолит	ранняя бронза		позд- няя бронза	раннее средневековье		XVI—XX вв.	Bos primigenius		primigenius	brachyceros	
		primi- genius	primi- genius		taurus	primi- genius		taurus	1888 По Rüttimeyer'у,		1891 По Черскому,	1919 По Браунеру,
Наибольшая ширина верхней сустав- ной поверхности	—	23,9	30,0	37,0	—	—	—	—	—	—	(3 экз.) 30; 30; 32	(5 экз.) 25,8—34,3
То же нижней	—	—	29,0	36,4	25,5	—	—	—	—	—	—	(6 экз.) 29,3—35,5
Ширина в середине диафиза	—	—	26,7	34,3	21,0	36—39	—	—	—	—	23—26	(4 экз.) 24,5—33,5
Р h II												
Наибольшая длина по наружной (относительно оси конечности) поверхности	49,0	51,0	40,0	—	34,5; 38,4; 39,0	—	—	41; 43	37; 42	—	38	(4 экз.) 42—45,3
Р h II												
Наибольшая ширина верхней сустав- ной поверхности	33,3	40,5	28,0	—	22,6; 28,0; 32,0	36—38	—	—	—	—	30	(5 экз.) 31—35
То же нижней	28,0	34,0	20,7	—	18; 24; 25	—	—	—	—	—	23	(5 экз.) 25—31
Р h III												
Ширина подошвенной пластинки в середине	—	27,4	—	—	23,7; 24	28—37	—	—	—	—	—	(3 экз.) 25—30,5
Ширина суставной поверхности	—	25,4	—	—	22,5; 23,0	28—31	—	—	—	—	—	(3 экз.) 24,7—30,4
Наибольшая высота	—	—	—	—	30,5; 32,6	49—60	—	50; 45	52,5; 47	—	—	(3 экз.) 34—41,5
Calcaneus												
Высота прос. lateralis externus у его основания	—	—	34,5	—	—	64—68	—	—	—	—	—	45,5; 51,3

Таблица 12

Размеры нижнего конца плечевой кости Ovis-Carpa (в мм)

Промеры	Ovis	Carpa	Громова, 1953 *			
			Ovis		Carpa	
			Дикие	O. aries	Дикие	C. hircus
1. Поперечник блока у медиального края . . .	18,7; 20,0	19,0; 18,0; 18,0	19 — 33	20—25,5	20—29	17,5—21
2. Ширина блока	27,4; 28,6	30,0; 30,0; 30,0	29,5—50	30—38	33—45	28,5—32,5
Индекс (1/2)	68; 70	63; 60; 60				

* Промеры даны для самок и самцов вместе.

Таблица 13

Размеры верхнекоренных зубов лошади и осла (в мм)

Промеры	Таш - Аир I				Громова, 1949		
	ранняя бронза	поздняя бронза	раннее средневековье		Equus sab. с верхнего плейстоцена до настоящего времени	Equus hidrun-tinus	Equus hemio-pus
	осел	осел	осел	лошадь			
p²							
Длина	—	—	31,2	36,3 ; 37,3	34—44	30,5—34	35—39
Ширина	—	—	19,7	25,0 ; 26,7	18,5—31,5	23,0—23,5	25—27
p^{3,4}							
Длина	—	—	(3 экз.) 23—25,3	—	25,2—34	25—26	26—30
Ширина	—	—	(3 экз.) 22,5—25,5	—	24,5—33	23—25	26—29
Длина протокона	—	—	(3 экз.) 7,5—9,8	—	10—18	6,5—11	9,8—24,5
M^{1,2}							
Длина	—	(4 экз.) 19,5—24	—	27,4	23—30,2	22—24	23—29
Ширина	—	(5 экз.) 21,5—25	—	25,2	24—52,2	20—25	25—27
Длина протокона	—	(4 экз.) 7,5—10	—	12,0	10,3—17	6,5—10	10,4—14
M³							
Длина	20,0	—	21,0	—	26—32	22—24	23,5—31,5
Ширина	19,7	—	19,0	—	21,5—25	20—22	22—24,5
Длина протокона	—	—	10,0	—	16—17,5	10—11	13—16

(16%), в VII — 26 (23%), в VIII — 9 (20%) и IX — 6 (21%). Количество остатков поросят невелико.

слою; в Замиль-Коба II подобная картина наблюдается с раннего неолита. Таким образом, по данным Таш-Аир I, наличие мел-

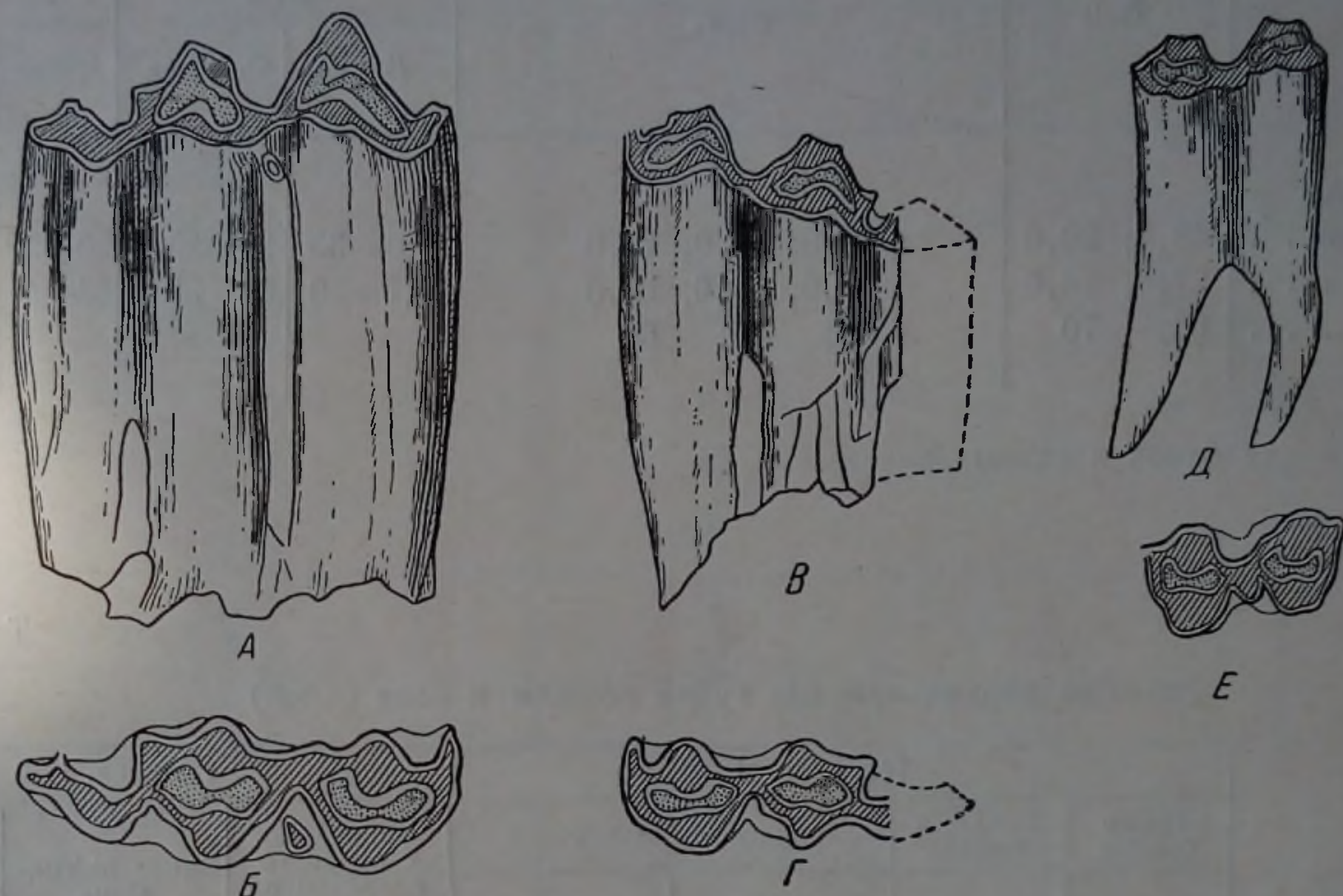

Рис. 3. Зубы тура (?) и домашнего быка из стоянки Таш-Аир I.

А, Б — M_3 тура (?) из развитого неолита; В, Г — M_3 домашнего быка из раннего неолита; Д, Е — M_2 домашнего быка из раннего неолита.

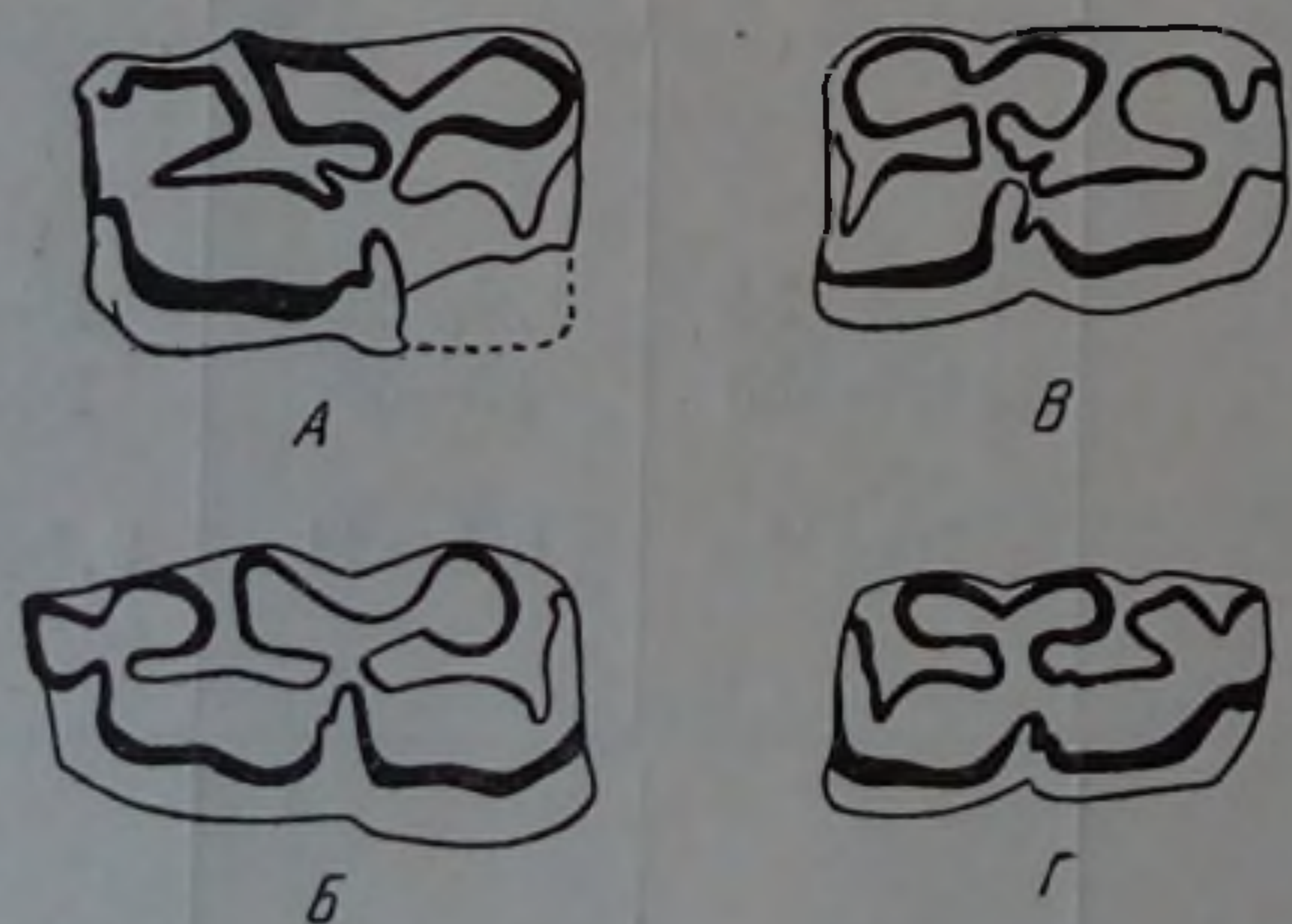

Рис. 4. Зубы лошади и осла из стоянки Таш-Аир I (раннее средневековье).

А — нижний предкоренной; Б — нижний коренной зубы лошади; В — нижний предкоренной; Г — нижний коренной зубы осла.

Изучение материала позволило выделить из общей массы костей свиньи остатки крупных (диких) и мелких (вероятно, домашних) особей (табл. 9). Это относится даже к IX

кой (домашней) свиньи можно отметить на протяжении всего рассматриваемого периода. Что касается времени ее первоначально-го появления, то об этом говорить довольно трудно из-за недостаточности материала в ранних слоях, хотя предполагать существование примитивного свиноводства в Таш-Аир I с мезолита, по-видимому, все-таки можно.

Capreolus capreolus — европейская косуля встречается в небольшом количестве во всех слоях, за исключением первого, а *Cervus elaphus* — обыкновенный олень — в слоях с азия до поздней бронзы (табл. 2). Оба эти животные представляли собою после свиньи основные объекты охоты.

По размерам они одинаковы с замилкобинскими, поэтому промеры их не приводятся.

Таблица 14

Размеры нижнекоренных зубов лошади и осла (в мм)

Промеры	Таш-Аир I					Громова, 1949		
	поздняя бронза		тавро-скифское время	раннее средневековье		Equus caballus с верхнего плейстоцена до настоящего времени	Equus hydruntinus	Equus hemionus
	осел	лошадь	осел	осел	лошадь			
P_2								
Длина	—	—	—	(3 экз.) 25—33	—	33,5—38,5	24—30	31—34
Ширина	—	—	—	(3 экз.) 13,7—16,7	—	13,5—20	13,5—15,5	16,5—18
$P_{3,4}$								
Длина	24,0; 25,0	—	—	(5 экз.) 22,3—26,5	(5 экз.) 25,7—29	26—33	23,5—26,5	22,5—30
Ширина	16,5; 14,8	—	—	(5 экз.) 15—16	(5 экз.) 12—16,3	17,5—22	14—17	15—20,5
$M_{1,2}$								
Длина	—	28,5; 27,0	20,7	(5 экз.) 21,5—27,8	24,6	23,5—31,5	21,5—25	21—26,5
Ширина	—	16,0; 16,7	14,0	(6 экз.) 11,4—14	16,4	14,3—21	13—16	13,7—17
M_3								
Длина	—	—	—	(4 экз.) 27—30	—	31,5—40,5	24,5—27,5	28—31
Ширина	—	—	—	(4 экз.) 12—13,6	—	13—18	11—12	13—15,5
Длина талонида .	—	—	—	(3 экз.) 6,2—11,4	—	7—11	7,6—85,3	5—8

Bos (*primigenius* + *taurus*) — бык (дикий + домашний)

Остатки быка обнаружены в слоях с раннего неолита и до настоящего времени (табл. 2). Как и для свиней, из них можно выделить две группы костей: крупные, видимо принадлежащие дикомутуру (?), и мелкие — остатки домашней коровы (см. промеры нижнекоренных зубов *Bos* и рис. 3).

Две формы *Bos*, крупная и мелкая, отмечались ранее из поздненеолитических слоев свайных построек в Швейцарии и трипольской культуры Украины (Громова, 1927).

Обе формы принадлежат *Bos taurus*.

Очень мелкая по размерам домашняя корова в Таш-Аир I и Замиль-Коба II появляется с раннего неолита, особенно отчетливо в Таш-Аир I, в силу большего количества остатков по сравнению с первой пещерой (табл. 1, 2).

Что касается крупной формы, то можно только предполагать, что это дикий тур. Кости последнего легко принять за кости зубра или крупного рогатого скота, и наоборот (отличия их друг от друга пока неизвестны). Но зубр в Крыму до сих пор не был известен, а остатки таш-аирского быка по разме-

Размеры костей лошади и осла (в мм)

Промеры	Таш-Аир I			Громова, 1949			
	тарденуаз	раннее средневековье		С верхнего плейстоцена до настоящего времени E. caballus	E. hemionus	E. asi- nus	E. hydrun- tinus
	осел	осел	лошадь				
R a d i u s							
Ширина верхнего конца . . .	—	—	83,4	71,5—95	66—73	50—65	—
Ширина верхней суставной по- верхности	—	—	77,5	66—87	63,5 ; 64,5	45	—
Поперечник верхнего конца . .	—	—	—	45—50	38 ; 38,7	—	36
„ верхн. суставн. по- верхн.	—	—	37,0	33—45	34,5 ; 34,7	—	—
„ нижн. сустав. по- верхн.	—	—	40,0	34—41	—	—	—
P h I							
Полная длина	—	64,0	80 ; 81	70—95	70—87	58—73	70—87
Ширина верхнего конца . . .	—	36,0	46,5 ; 52	50—66	35—49,8	35—40	34,5—43
Поперечник верхнего конца . .	—	27,0	35 ; 35	31—46	21—35	30	27
Ширина нижнего конца	—	31,3	46,0	41—55	30—42,3	30—35	28,5—37
Поперечник нижнего конца . .	—	17,4	23,5 ; 24	24—28	19—23	—	—
A s t r a g a l u s							
Длина	46,2	43,6 ; 44,7	—	52,5—68,5	50—57 *	48,5 *	48—54 *
Ширина	—	43,8 ; 44,3	—	50—79	43—53	43	45—50
Ширина суставного блока (пер- пендикулярно к оси)	36,0	35,0 ; 35,8	—	46—65,5	41 ; 42 ; 43	—	42

* Промеры длины и ширины астрагалов ослов и полуослов предоставлены мне из подготовленного к печати определителя млекопитающих В. И. Громовой, по пяточным и таранным костям, вып. 2.

рам крупнее костей даже серого украинского скота (см. промеры rh I и II из развитого неолита, ранней бронзы и раннего средневековья). В таком случае начало одомашнивания дикого быка следовало бы искать в раннем неолите или самом позднем мезолите.

Этот вывод предварителен, он требует дальнейшего подтверждения.

В Замиль-Коба II остатков крупного быка не обнаружено.

Ovis aries и Capra hircus — мелкий рогатый скот

Остатки домашнего барана в Таш-Аир I найдены в слоях ранней бронзы и от средневековья до настоящего времени. Три обломка плечевой кости, вероятно козла, тоже домашнего, определены только из раннего средневековья. Последние отличаются (по Громовой, 1935) более или менее плоским медиальным отделом блока в боковом на-

правлении (до перехвата), характерным для козла (у барана он выпукл), кроме того, умеренно развитым приподнятым лопастевидным выступом на заднем конце наружного края блока (у барана он выражен сильнее). Громова (1953) полагает, что отношение поперечника блока у медиального края к ширине блока, превышающее 67%, можно считать характерным для барана, отношение же ниже 62% — характерным для козла.

Этот индекс дает нам право выделить обломки Numerus'a козла (см. промеры табл. 12).

Кроме того, имеется еще один обломок зуба козла или барана, точнее неопределимого, из развитого неолита.

Материал по мелкому рогатому скоту, как и в Замиль-Коба II, слишком незначителен (табл. 2).

Из стоянки определены еще кости лошади *Equus caballus* из развитого неолита, поздней бронзы и раннего средневе-

ковья, а также мелкого осли — *E. (Asipus) sp.* из тарденуаза и в слоях от развитого неолита до раннего средневековья (табл. 2, 13—15 и рис. 4).

Решить, принадлежат ли эти остатки домашним или диким животным, на настоящем уровне знаний невозможно.

Сведения об остальных животных содержатся в списке фауны Таш-Аир I (табл. 2).

Так же как и в Замиль-Коба II, во всех слоях Таш-Аир I, за исключением I, II и III, отчасти IV, найдено большое количество раковин *Helix*. Больше всего их также приходится на развитый неолит, что говорит о большом значении собирательства.

Итоги. Фауна стоянки Таш-Аир I, как и пещеры Замиль-Коба II, представлена в

основном дикими формами. Во всех культурных слоях преобладает свинья, косуля и олень.

Домашние животные — свинья, корова, овца и коза — составляют в Таш-Аир I несколько больший процент, чем в первой стоянке.

Sus scrofa domesticus отмечается с раннего азиля, *Bos taurus* с раннего неолита, *Ovis aries* в ранней бронзе и раннем средневековье — до современности, *Capra hircus* только в раннем средневековье.

Собирательство так же, как и в Замиль-Коба II, играло большую роль. Что касается рыболовства, то для Таш-Аир I приходится отметить почти полное отсутствие остатков рыб, а также отсутствие костей черепах и дельфинов.

ВЫВОДЫ

На основании материалов раскопок обеих пещер можно предполагать, что: 1) примитивное свиноводство существовало в Крыму уже в мезолите — азили (?) — тарденуазе. Но в мезолите и, видимо, в неолите оно играло лишь подсобную роль по сравнению с охотой; 2) поскольку наряду с домашней свиньей в Крыму существовал дикий кабан, есть основания говорить о возможности его местного одомашнения; 3) о времени начала разведения крупного рогатого скота в Крыму говорить с уверенностью пока не приходится. Не исключено (при условии наличия тура), что *Bos primigenius* был одомашнен на месте в позднем мезолите или в самом раннем неолите.

Однако, поскольку крупный рогатый скот уже был известен в раннем неолите соседних южных стран (Боголюбский, 1959), возможно было также и его заимствование.

Дополнение. После сдачи данной статьи в печать был получен от М. А. Воиновского список определений видов птиц из пещеры Таш-Аир I.

Развитой неолит: *Coleus monedula* — галка, *Corvus corax* — ворон, *Coturnix coturnix* — перепел, *Otis tarcla* — дрофа, *Gallus domesticus* — домашняя курица, *Anas acuta* — шилохвость, *Tulica atra* — лысуха, *Columba livia* — сизый голубь, *Urupa crops* — обыкновенный угод, *Furdus viscivorus* — большой дрозд, *Accipiter gentilis* — ястреб-перепелятник. Из позднего азиля: *Pandion haliaëtus* — скопа.

ЛИТЕРАТУРА

- Адлерберг Г. Н. К вопросу о происхождении домашних свиней. Сб. «Проблемы происхожд. дом. жив.», I. М.—Л., Изд-во АН СССР, Тр. Лаборатории генетики, 1933.
- Бибиков С. Н. К вопросу о неолите в Крыму. КСИИМК, вып. IV. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1940.
- Бируля А. А. Предварительное сообщение о хищниках (Carnivora) из четвертичных отложений Крыма. ДАН СССР, № 6. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1930.
- Бобринский Н. А., Зенкевич Л. А., Бирштейн Я. А. География животных. М., Изд-во «Советская наука», 1946.
- Боголюбский С. Н. Происхождение и эволюция домашних животных. М., Сельхозгиз, 1940.
- Боголюбский С. Н. Происхождение и преобразование домашних животных. М., Изд-во «Молодая гвардия», 1945.
- Боголюбский С. Н. Происхождение и преобразование домашних животных. М., Изд-во «Советская наука», 1959.

- Бонч-Осмоловский Г. А. Итоги изучения крымского палеолита. Тр. II Междунар. конф. АИЧПЕ, вып. V, 1934.
- Браунер А. Заметка о крымском олене. Зап. Новор. Общ. Естеств., т. 23, вып. 2. Одесса, Типогр. А. Шульце. 1900.
- Браунер А. К какому виду принадлежат косули Южной России и Крыма. Зап. Симфер. об-ва. естествоиспытателей и любителей природы, т. V. Симферополь. Типогр. Таврич. губерн. земства. 1916.
- Браунер А. Заметки по зоогеографии Крыма. «Юбилейный сборник». Кр.—Кавк. Горн. Клуба. Одесса. Центр. типогр. Н. Лемберга. 1916.
- Браунер А. Материалы к познанию домашних животных России. О сером рогатом скоте. Зап. Общ. с. х. Южной России, т. 88—89, книга I. Одесса. Типогр. Ю. Р. Просвет. Об-ва, 1919.
- Векилова Е. А. Стоянка Сюрень I и ее место среди палеолитических местонахождений Крыма и ближайших территорий. Мат. и исслед. по археологии СССР. Палеолит и неолит. Т. 3, № 59. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1957.
- Воеводский М. В. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, вып. XXXI. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.
- Громова В. И. Материалы к познанию фауны Трипольской культуры. Ежегод. Зоол. музея АН СССР, т. XXVIII. Л., Изд-во АН СССР, 1927.
- Громова В. И. Остатки млекопитающих из раннеславянских городищ вблизи г. Воронежа. Мат. и исслед. по археологии СССР, № 8, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948.
- Громова В. И. История лошадей (рода Equus) в Старом свете. Тр. ПИН, т. XVII, вып. I, часть 1. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.
- Громова В. И. Osteологические отличия родов Capra (козлы) и Ovis (бараны). Тр. Ком. по изуч. четвертич. периода, т. X, вып. I. М., Изд-во АН СССР, 1953.
- Громова Вера и Громов В. И. Материалы к изучению палеолитической фауны Крыма в связи с некоторыми вопросами четвертичной стратиграфии. Тр. Сов. секции АИЧПЕ, вып. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1937.
- Даль С. К. История фауны позвоночных Крыма. «Животный мир СССР», т. 5. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958.
- Даль С. К. Систематический обзор животных Крыма. «Животный мир СССР», т. 5. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958.
- Корневен К. и Лесбр М. Распознавание возраста по зубам и другим производным кожи. М., Изд-во «Новая деревня». 1929.
- Крайнов Д. А. Пещерная стоянка Замиль-Коба № I. Тр. ГИМ, вып. VIII. М., 1938.
- Крайнов Д. А. К вопросу о происхождении животноводства в юго-западном Крыму в послепалеолитическое время. СА 2. М. Изд-во АН СССР. 1957.
- Флеров К. К. Млекопитающие, т. I, вып. 2. Фауна СССР, новая серия № 55. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952.
- Boessneck J. Zur Größe des mitteleuropäischen Rehes (*Capreolus capreolus* L.) in alluvial-vorgeschichtlicher und früher historischer Zeit. Zeitschr. Säugetierk., B. 21, 1956.
- Boessneck J. Zu den Tierknochen aus neolithischen Siedlungen Thessaliens. Bericht der Romisch-Germanischen Kommission, 36, 1955 (1956).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы.
ВДИ — Вестник древней истории.
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный Исторический музей.
ГМИИ — Государственный Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.
ЗОРСА — Записки Отделения русско-славянской археологии.
ИАК — Известия Археологической комиссии.
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры.
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН УССР.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
КФАН — Крымский филиал Академии наук.
ЛГУ — Ленинградский Государственный университет.
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры.
МАЭ — Музей антропологии и этнографии.
МИА — Материалы и исследования по археологии.
ПИН — Палеонтологический Институт АН СССР.
СА — Советская археология.
СЭ — Советская этнография.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
<i>Глава I.</i> Навес Таш-Аир I и его изучение	7
<i>Глава II.</i> Культурные остатки	18
Слой IX. Конец палеолита (позднемадленское или раннеазильское время)	18
Слой VIII. Мезолит — ранний этап (азильское время)	21
Слой VII. Мезолит — поздний этап (тарденуазское время)	25
Слой VI. Неолит — ранний этап (неолитическое время)	29
Слой V	35
Горизонт Va. Неолит — поздний этап	36
Горизонт Vb. Энеолит и ранняя бронза	46
Слой IV. Кизил-кобинское время	52
Слой III. Таврское время	54
Слой II. Средневековье	55
Слой I. Средневековье — современность	57
<i>Глава III.</i> К вопросу о периодизации послепалеолитических культур Крыма . .	61
<i>Глава IV.</i> Периодизация послепалеолитических культур Крыма	75
Конец верхнего палеолита (позднемадленское или раннеазильское время)	75
Мезолит — ранний этап (азильское время)	80
Мезолит — поздний этап (тарденуазское время)	85
Неолит — ранний этап (неолитическое время)	91
Неолит — поздний этап (предъямное время)	98
Энеолит и ранняя бронза (ямно-катакомбное время)	104
<i>Глава V.</i> Наскальные изображения на стене навеса Таш-Аир I	108
<i>Глава VI.</i> К вопросу о происхождении животноводства в Крыму в послепалеолитическое время (по материалам пещерных стоянок Таш-Аир I и Замиль-Коба II)	123
Коба II)	141
Закключение	145
Таблицы находок из пещерной стоянки Таш-Аир I	145
Е. Л. Дмитриева. Фауна крымских стоянок Замиль-Коба II и Таш-Аир I . .	166
Список сокращений	189

Дмитрий Александрович Крайнов
**Пещерная стоянка Таш-Аир I
как основа для периодизации
послепалеолитических культур Крыма.**

МИА № 91'

*Утверждено к печати Институтом
археологии АН СССР*

Редактор Издательства *Я. А. Мильнер.*
Технический редактор *Ю. В. Рылина.*

РИСО АН СССР № 77—91. Сдано в набор 4/I 1960 г.
Подписано к печати 19/IV 1960 г. Формат 84 × 108^{1/16}.
Печ. л. 12. Усл. печ. л. 19,68. Уч.-изд. л. 18,6.
Тираж 1500 экз. Т-03078. Изд. № 4366. Тип. зак. № 14.

Цена 13 р. 65 к.

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я тип. Издательства АН СССР.
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Табл.	Графа. Строка	Напечатано	Должно быть
170	—	лев. колон. 26 сн.	Все остатки	Все эти остатки
177	9	Scapula: Малый попереч.	24,6 26,0	24,6—26,0
178	9	Mt: Переднезадний поперечник	81,0	18,0
179	9	нижняя	M ₃	M ³
180	10	Ширина M _{1,2}	,0	24,0
180	10	развитой неолит Ширина M _{1,2}	19,5; 1,0	19,5; 19,0
185	14	Длина талонида M ₃	7,6—85,3	7,6—8,3
187	—	прав. колон. 30 св.	tarcla	tarda
187	—	прав. колон. 34 св.	Furdus	Turdus

Д. А. Крайнов. Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа для периодизации послепалеолитических культур Крыма.